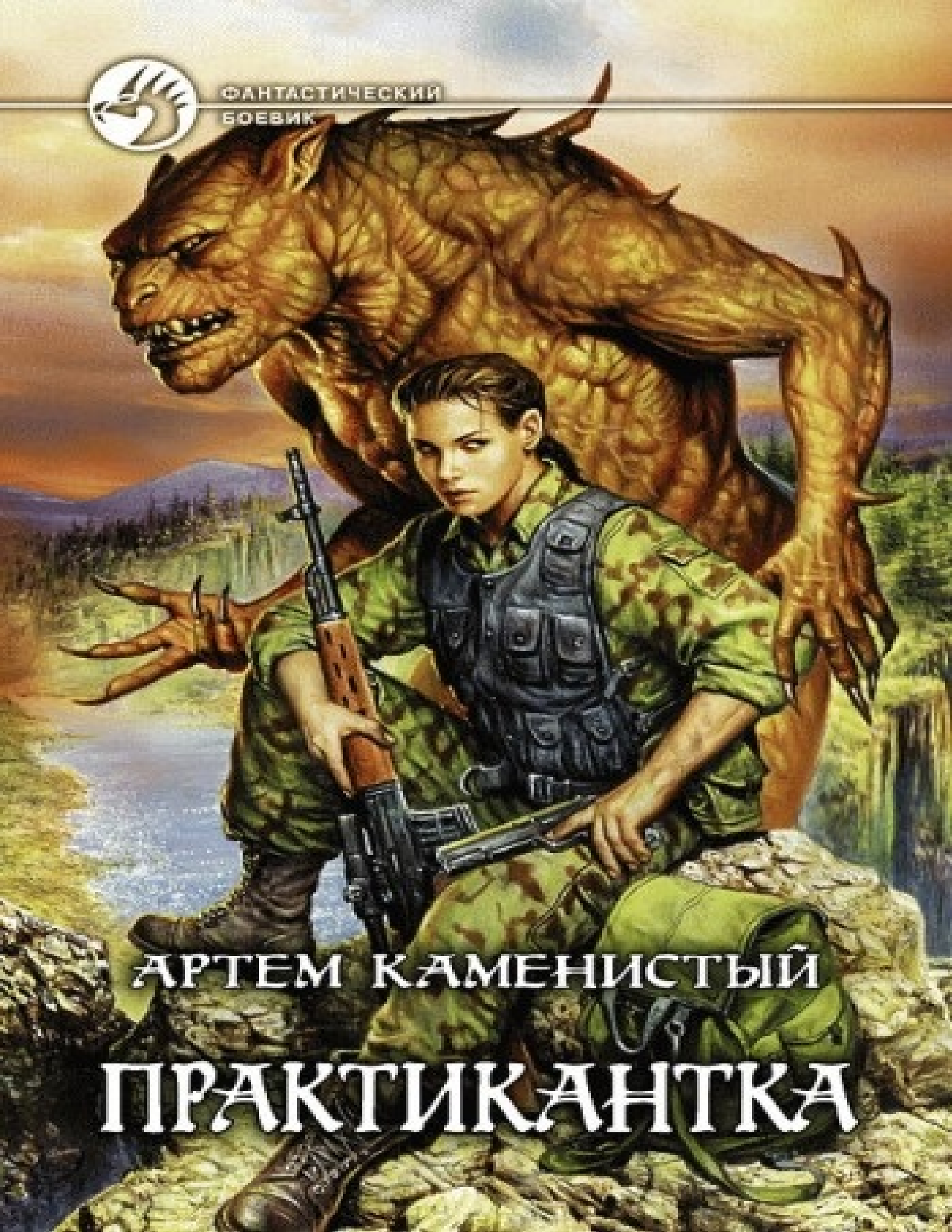
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК
АРТЕМ КАМЕНИСТЫЙ
ПРАКТИКАНТКА

Annotation

При «синей тревоге» не гибнут, но не в этот раз. Поисковая группа уничтожена, уцелела только юная практикантка, впервые покинувшая стены странного Монастыря. Чтобы выжить, ей надо всего лишь дождаться помощи. Но она, действуя по глупой бюрократической инструкции, начинает опасное преследование. Вокруг разворачивается битва: сверхмощные бомбы сметают деревни, гибнут самолеты, но все зря – победу это не приносит. Девушку начинают искать, ведь от нее зависит исход сражения. Все тщетно: против людей не только враги, главный противник – тайга.

- Артем Каменистый
  - Пролог
  - Часть первая
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
  - Часть вторая
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
  - Часть третья
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
- notes

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9

Артем Каменистый
Практикантка

Города Нимгер в Южной Якутии нет, всякое сходство с реальными людьми случайно. Приведенные координаты умышленно искажены, установить по ним путь практикантки невозможно.

Автор

…В случае невозможности связаться с руководством всеми изложенными выше способами необходимо немедленно свернуть все плановые работы и преследовать объект, стараясь не дать ему оторваться на большое расстояние. При этом не рекомендуется демонстрировать себя, сокращать дистанцию до минимальной или начинать активные действия. По ходу преследования необходимо принять все меры по информированию руководства о своем местонахождении и поведении объекта. Для этого рекомендуется…

Орден. Инструкция поиска

(ч. 4, п. 11, п.п. 7)

Пролог

– Привал! – громко скомандовал командир группы и поднял бинокль.

Трое плечистых парней немедленно облюбовали удобные камни, затянутые мягким лишайником. Положив на колени свое оружие, они с наслаждением вытянули натруженные ноги.

Поисковая группа находилась на северном склоне высокого гольца, довольно близко к его вершине. Далеко внизу остались густые заросли тонких лиственниц и сосен, непролазный бурелом кедрового стланика сменился отдельными кустиками, цепляющимися за глыбовую осыпь, тянущуюся до самого верха горы. Высота была довольно приличной, здесь до сих пор сохранились отдельные островки зернистого, тяжелого снега.

Четвертый член отряда, молоденькая девушка, присела, прислонила мощную винтовку к высохшему стволу стланика и принялась увлеченно выискивать среди вытаявших кустиков брусники гроздья прошлогодних, сладких ягод. Покосившись в ее сторону, командир недовольно поморщился, припал к окулярам, палец лег на регулятор резкости.

Мощные линзы хорошего бинокля приблизили сероватое пятно наледи, возле которой отряд провел ночь; взгляд скользнул дальше, в сторону далекого безобразного шрама, оставшегося на месте таежного ручья. Старатели уже давно отработали эту россыпь, изуродовав долину на несколько километров. Кроме старых следов золотодобычи и триангуляционного пункта на уплощенной вершине гольца, других заметных следов человеческой деятельности здесь не наблюдалось.

Маленький отряд поисковиков был заброшен сюда еще вчера утром. Самолет выбросил парашютистов над сырой марью, при этом двое ребят, пробив торфяную корку, здорово вывозились в болотной грязи и вымочили свою одежду. Но лучшей площадки в этих местах попросту не нашлось; от выхолощенного русла ручья пришлось бы идти гораздо дольше, а приземление на каменную осыпь чревато почти неизбежными переломами ног. После марш-броска выйдя в заданный район, оперативники прочесывали его вот уже на протяжении тридцати часов. Их не остановило и наступление темного времени суток. В этих высоких широтах в июне можно было различать крупный текст даже в полночь, а кроме того, у каждого был прибор ночного видения с запасом батарей. Максимум, что они могли себе позволить, – полуторачасовой привал неподалеку от наледи.

Однако поиск никаких результатов так и не принес. Отряд спугнул

одинокого изюбра, нашел несколько давних кострищ, засыпанный разведочный шурф и россыпь старых бутылок возле геодезического знака. В это пустынное место они шли с надеждой на более значительные находки– издалека здесь виднелся некий странный белесый предмет в окружении сверкающих блесток. Но при ближайшем рассмотрении он оказался обычным медвежьим черепом, надетым на ржавую перфораторную штангу, вбитую в отвалы старой геологической траншеи. При ее проходке взрывы засыпали всю округу крупными пластинами светлой слюды, она и давала такие странные отблески.

Командиру смертельно хотелось присесть рядом со своими ребятами, ходьба по этим проклятым камням вымотала его до дрожи в коленях. Но приходилось крепиться, не показывать вида. Иначе придется потерять часть самоуважения, ведь эта зеленая девушка, навязанная в группу незадолго до вылета, держалась с таким видом, будто находится на прогулке в городском парке. Проклятая практикантка вот уже больше суток легко прыгала по шатающимся камням; в душе каждый член отряда неистово надеялся, что она непременно сломает ногу и можно будет наконец-то отдохнуть по-настоящему. Но тщетно. Девчонка шагала как заведенная и даже на привалах не спешила присаживаться, вечно находила себе какое-нибудь глупейшее занятие. То разбирала свой карабин, проверяя, нет ли влаги или мусора в механизме, то просто бродила вокруг стоянки, пугая пушистых пищух и с явным восторгом изучая скудную северную флору. В общем, вела себя как простая беззаботная туристка на загородной прогулке.

Бойцы поначалу сыпали шутками и советовали угомониться, обещая в случае полной потери сил ее добить, согласно неписаным законам тайги. Но вскоре приуныли. Крепкие мужики теперь выглядели как выжатые тряпки, при каждой остановке они немедленно падали куда придется, вытягивая натруженные ноги. Крутой склон и шаткая осыпь быстро вымотают даже опытного ходока. Командир все еще держался, стыдно было показывать свою усталость перед девчонкой. Но силы его были уже на пределе, а она по-прежнему держалась как ни в чем не бывало; к ней даже грязь не липла – ее камуфляж был будто только что из-под утюга. Другую уже бы давно на руках тащили, а эта знай себе скачет козой и в ус не дует. Вон на бруснику набросилась, будто делать ей больше нечего.

Почувствовав близкое движение, он повернулся, хмуро уставился на подошедшую практикантку. Та, вешая карабин на плечо, вежливо поинтересовалась:

– Мы долго тут стоять будем?

– А что? – раздраженно спросил командир.

Чуть смутившись, девушка пояснила:

– Мне отойти надо. Ненадолго.

– Ничего, можешь прямо тут располагаться, – смог пошутить один из бойцов. – Только будь добра, встань по ветру: и мне виднее будет, и ароматы тайги не пострадают.

Практикантку не смутила столь грубая шутка, за последние сутки она наслышалась и не такого. Командир кивнул:

– Ладно! Только недолго! И карабин не бросай.

– Будет на что облокотиться, – не унимался остряк.

Девушка быстро направилась вниз по склону. Дождавшись, когда ее спина скроется среди кустов стланика, командир немедленно плюхнулся на давно облюбованный камень, потянулся всем телом, ощущая, как под его весом хрустит корявая корка высохшего лишайника.

– Что, Бидон, тяжелый день? – понимающе поинтересовался все тот же юморист.

– Ты-то хоть помолчи! – тяжело вздохнул командир. – И откуда она только взялась на наши бедные головы?!

– К гадалке не ходи – всю жизнь проторчала в Монастыре!

– Что там той жизни? Вряд ли ей больше двадцати.

– Я с этими монашками уже сталкивался. Они все там такие бешеные. Я бы тоже сбрендил, если б годами баб не видел. Долго нам еще здесь бродить?

– Правила забыл? – сурово произнес командир. – Так я их быстро напомню. Согласно инструкции, в случае пробоя второго порядка поисковые работы должны проводиться в течение сорока девяти часов после инцидента. Учитывая срок заброски, нам надо продолжать прочесывание еще восемь часов.

– Пристрелите меня, братцы! – взвыл остряк. – Да мы уже все вокруг осмотрели, нет тут ничего! Уходить надо!

– Нельзя, – командир покачал головой, – правила составляли грамотные люди. Хотим мы того или нет, надо продержаться еще треть суток.

– Но ведь тут все чисто!

– Точно так думали наши европейские коллеги около двадцати лет назад. – Тон командира был казенно сух. – Они свернули поиск за четыре часа до окончания срока. В результате произошла крупная авария на местной атомной электростанции.

– Да какие тут катастрофы! Геодезическая вышка развалится?

Старатели бульдозер пропьют? Давай быстро решай: или этой монашке ноги поломаем, чтоб больше не скакала, или выдавай нам стимы!

Ничего не ответив, командир потянулся к рюкзаку. Бойцы оживились, разбирая шприц-тюбики с мощным стимулятором. Эта химия могла поднять в бой даже мертвого, на ней можно продержаться около двадцати часов, если вовремя повторить прием. Потом следует неизбежная расплата – отлеживаться, приходя в себя, придется более суток, выпив при этом ведро воды. Но через восемь часов они спокойно спустятся вниз, вызовут по спутниковому телефону вертолет. К тому времени вопрос о его аренде в местном авиаотряде будет решен.

– Прячь. – Последний боец протянул аптечку на-зад.

– Практикантка перебьется! – уточнил повеселевший болтун. – У нее и так скипидара полная задница.

Командир уложил коробку в большой карман рюкзака, сделал себе укол прямо через штанину, отбросил выжатый тюбик. Проследив за его полетом, он внезапно насторожился. Слюдяной отвал, на который упал шприц, был какой-то странный, отличный от других куч вывороченной породы. Не задумываясь, оперативник встал, подошел поближе, склонился. Да, усталость взяла свое, поисковик потерял обычную бдительность – в прежнем, свежем состоянии командир не вел бы себя так беспечно.

Крупные пластины слюды лежали неправильно. Соседние кучи блестели гораздо сильнее, плоские кристаллы, приглаженные водой и ветром, лежали на боку, как рыбья чешуя. Этот отвал был совсем другим, его поверхность была явно нарушена, причем случилось это недавно. Командир наклонился еще ниже, разглядывая влажноватое углубление в сыпучей породе. Он вздрогнул, когда увидел, что оттуда на него пристально уставился желтоватый глаз. В следующий миг слюдяная куча взорвалась, выпуская стремительное тело.

Девушка лежала в густых зарослях стланика на маленькой проплешине, сплошь затянутой пушистым ковром ягеля. Она предусмотрительно постелила полиэтиленовый плащ, носимый в кармане разгрузочного жилета – теперь ее одежда не пострадает. Рядом стояли ненавистные высокие ботинки с комками носков, натруженные ступни приятно обдувало легким ветерком. Хотелось лежать так целую вечность, но нельзя: командир группы четко сказал – привал недолгий.

Она почти проклинала свою судьбу, ей все представлялось совсем не так. Нормальные выпускницы спокойно проводят свои два месяца практики в рабочих буднях европейских баз, где им всегда найдется

подходящая работа, и они не чувствуют себя неполноценными. А ей в первый же день пришлось столкнуться с «синей тревогой», лететь за тысячу километров, прыгать с самолета в болото. Нет, она вовсе не возражала против подобных приключений – вся проблема была в здешнем коллективе. Опергруппа состояла из крепких мужчин, сбитых в дружную команду. С самого начала они смотрели на нее весьма косо, практикантка никак не вписывалась в их ряды. Каких трудов ей стоило держаться с бодрым видом, не показывая, насколько выдохлась. Если бы они двигались еще минут десять, скорее всего, она бы не выдержала, выдала чем-нибудь свою усталость. Ей впервые стало радостно за свой слабый пол. Пользуясь правилами приличия, она могла на привалах уходить в кусты, где можно было не притворяться, отлеживаться на плаще пять – десять минут, массировать ноги, закусывая губы от боли и жалея себя. Потом надо поправить одежду, тщательно затянуть ботинки, свернуть пленку, спрятав в карман разгрузочного жилета, вернуться назад с беззаботным видом, глупо восхищаясь окрестными пейзажами и на голом упрямстве держась от искушения плюхнуться рядом с оперативниками.

Внезапно девушка насторожилась, она ощутила странную колючую судорогу, быстро проскользнувшую по телу, спина напряглась сама собой, выпрямляя позвоночник в струну. Осознать значение этих тревожных симптомов практикантка не успела – рядом оглушительно протрещала короткая пулеметная очередь, следом раздался истошный крик и все стихло.

Навыки, приобретенные в Монастыре, не выбьет никакая усталость. Девушка мгновенно поднялась, переворачиваясь на колени, еще в движении на миг закатила глаза, выходя в боевой режим. Рука обхватила цевье карабина, вторая мгновенно опустила предохранитель. Оружие было взведено заранее, но она, подчиняясь вбитой привычке, оттянула затвор. Из-под него выскочил спецпатрон, упал на землю, тревожно краснея своей странной маркировкой на светлом фоне ягеля. Автоматически запомнив, что обойма уменьшилась, девушка скользнула в кусты, возвращаясь к месту привала.

В босые ступни впивались ветки и острые грани камней, но она не обращала на это внимания. Два-три шага, мгновенная остановка, легкое изменение курса. Ствол карабина не останавливается, рыскает из стороны в сторону, выискивая малейшую угрозу. Все тихо, но так даже хуже: скрытая опасность страшнее явной. Густые заросли быстро закончились, девушка скользящим шагом продолжала двигаться наверх, нащупывая подошвами каждый камень. Ей очень не хотелось упасть рядом с местом, где так

страшно кричат и стреляют.

На месте привала все осталось почти по-прежнему – четверо крепких мужчин и пять темно-зеленых рюкзаков. Но даже издалека она сразу поняла – здесь все кончено. Командир лежал возле самой канавы, его голову скрывал слюдяной отвал, двое поисковиков изломанными куклами развалились возле своих камней, третий был чуть подальше в такой позе, будто его туда отбросило. Никто не шевелился.

Нервно поводя карабином, девушка направилась вверх по склону, огибая стоянку по крутой дуге, стараясь не пропустить взглядом ни одного уголка, где мог бы затаиться неизвестный враг. Внезапно она замерла, оружие дрогнуло, руки на миг ослабли. На снежном языке, выползающем из канавы, виднелся отчетливый след. С такого расстояния трудно разглядеть подробности, но было ясно – его не мог оставить никто из оперативников. Для этого необходимо хорошо разбежаться, прыгнуть примерно на четыре метра, оттолкнуться ногой от снежной подушки и улететь еще дальше – на дно рва. Поисковикам это было ни к чему. Противник все еще оставался там, по крайней мере практикантка на это надеялась.

Действовать нужно быстро: враг может уползти по дну канавы, а она тянется почти на сотню метров, дно практически не просматривается. Девушка рванула застежку вытянутого подсумка, горячую ладонь приятно остудил прохладный металл ребристой «лимонки». Усики чеки были согнуты в стороны, но она рванула кольцо с такой яростной силой, что даже этого не заметила, плавно разжала пальцы. Стальная скоба отлетела в сторону, жалобно звякнула на камнях; выждав одну секунду, практикантка ловко швырнула спецгранату в цель, быстро припала на колено, опасаясь пострадать от осколков.

Близкий взрыв довольно болезненно ударил по ушам, выбросил из канавы кубометр снега, перемешав его со слюдой. Где-то рядом басовито прогудел увесистый осколок, среди скальных останцев загуляло эхо. Вскочив, девушка бросилась вперед, непрерывно стреляя в облако дыма и пыли. В голове четко работал счетчик боеприпасов, она прекратила стрельбу в десяти метрах от канавы, одним слитным движением выщелкнула пустую обойму, вставила новую. Карабин взводить не пришлось: последний патрон оставался в стволе.

Встав над канавой, она не сдержала досадного вскрика. Здесь ее никто не ждал. След уходил дальше, в ту сторону, где противоположный конец выработки скрывался в зарослях стланика. Враг не стал продолжать схватку; перебив оперативников из засады, он немедленно ушел, не

связываясь с настороженной практиканткой. Что ему одна-единственная девушка при таких аппетитах? В этой дикой местности делать больше нечего: забрав четыре жизни, он выиграл себе несколько лишних часов существования. Убивая дальше, противник может дойти до густонаселенных мест или объектов повышенной опасности и тогда…

А ведь начиналось все довольно неплохо.

Часть первая
Сказочная тайга

Глава 1

– Ветрова Алина по вашему приказанию прибыла!

Девушка статуей застыла в дверях. Она с горечью поняла, что прибыла самой последней. Задержка произошла по вине приемщицы, но всякие оправдания здесь бессмысленны. Вытянувшись по стойке смирно, Лина немигающим взглядом уставилась поверх макушки Мюллера.

Никто не мог сказать, почему эта грозная женщина носит такую странную мужскую кличку, хотя нельзя не признать – прозвище ей здорово подходило. О настоятельнице вообще мало что было известно достоверно. Великой тайной являлось все: от возраста до имени. К ней всегда обращались обезличенно или, очень редко, по должности. Сколько Лина себя помнила, Мюллер всегда была неизменной: крупная мужеподобная женщина с короткой стрижкой, грубым голосом, в неизменном брючном костюме темно-синего цвета. Самая избитая сплетня, обыгрывая все эти факты, уверяла, что настоятельница является плохо замаскированным мужчиной, кое-кто заикался даже о гермафродитизме. Некоторые недалекие воспитанницы опускались до того, что пробовали строить глазки, что приводило к очень негативным последствиям.

Сама Лина иногда думала, что их грозная наставница – вообще не человек. Невозможно было поверить, что подобное существо могло зародиться и вырасти естественным путем. Ленка, регулярно посещающая своих родителей, часто пересказывала подругам содержание различных гражданских фильмов ужасов. Некоторые просто до боли напоминали настоящую биографию настоятельницы: рождение в секретной лаборатории, содержание в бронированной клетке, затем кровавый бунт против создателей. Правда, режиссеры никогда не отправляли своих монстров на пенсию – истязать детей в стенах специфического учебного заведения. Немудрено, вряд ли подобный конец сильно понравится нормальным зрителям.

Почувствовав на себе холодный взгляд, более подходящий тропической анаконде, чем человеку, Лина внутренне поежилась, с трудом сохранив при этом бесстрастное лицо. Сокрушенно покачав головой, Мюллер язвительно произнесла:

– Ветрова! Как приятно, что ты все-таки надумала посетить наш маленький девичник. Если я когда-нибудь надумаю умирать, то обязательно пошлю тебя за смертью. У меня будут весьма неплохие шансы получить

вечную жизнь!

Девушка усомнилась, что смерть настолько неосторожна, что рискнет приблизиться к настоятельнице, и поспешно отчеканила:

– Виновата! Обещаю, это больше не повторится!

– Если бы я верила вашим лживым обещаниям, здесь бы давно дымилась радиоактивная пустыня! Встать в строй!

– Есть!

Лина поспешно пристроилась рядом с двумя подругами, тихо радуясь, что благодаря своему невысокому росту ей не надо расталкивать их в стороны. Вытянувшись в струну, она замерла, сливаясь с окаменевшими старшими воспитанницами. Посверлив ее тяжелым взглядом, Мюллер, сложив руки за спиной, заявила:

– Раз уж вы все соизволили наконец явиться, то можно приступать к делу. Сразу огорчу плохим известием: наше руководство приняло окончательное решение. Оно посчитало, что вам больше нечего нежиться в стенах нашего курортного заведения. Что ж, лично я этому рада! Избавившись от трех никчемных дармоедок, мы сэкономим немало продовольствия. К моему великому удивлению, дегенераты, в силу чудовищного недоразумения командующие отделом распределения, не стали направлять вас сразу на панель, где вам самое место. Вместо того чтобы использовать шалав по прямому назначению и получить для Ордена хоть немного денег, они решили по-своему. Впрочем, может, это и верно, с такими отвратительными рожами, как у вас, придется в поте лица вкалывать круглые сутки, чтобы заработать на буханку черного хлеба. Не так ли?

– Так точно!!! – хором выкрикнули девушки.

– Рада, что вы со мной согласны! Ну что же, целых два месяца вы проведете вне стен вашего любимого заведения, работая в различных филиалах Ордена. Если наши руководящие дегенераты останутся довольны результатами, то ваша жизнь несколько изменится. Вы получите постоянное назначение и больше не будете меня раздражать своей беспросветной тупостью. Если кто-то из вас собирается провалить практику и еще один год осквернять своей вонючей тушей стены моего почтенного заведения– милости прошу! Но хочу сразу предупредить – ваша жизнь наполнится крайне неприятными моментами, а так как ставить на довольствие я вас больше не буду, то придется питаться тем, что кто-то уже съел до вас. Есть желающие остаться?

– Никак нет!!!

– Врете! – убежденно заявила Мюллер. – Я вас, шалав, насквозь вижу!

Ну да ладно, надеюсь, что хоть эхо моих слов сохранится в ваших пустых головах. Очень не советую опозориться, я обещаю: вас встретят здесь не очень приятно. Подробности опускаю, но клянусь, такого кошмара вы не увидите ни в одном из этих дурацких фильмов ужасов. Запомнили?

– Так точно!!!

– Очень сомневаюсь. Такие дуры, как вы, каждое утро в паспорт заглядывают, чтобы не забыть свою фамилию. Впрочем, неважно. Итак, Меркулова Виктория?

– Я!

– Балтийский регион. Стокгольм. Степанова Елена?

– Я!

– Центрально-Российский. Екатеринбург. Ветрова Алина?

– Я!

– Восточно-Российский. Хабаровск. Все поняли?

– Так точно!!!

– Ну что же, будем надеяться! Не буду вас поздравлять, мне до сих пор не верится, что вы можете понимать членораздельную речь, так что нечего напрасно переводить слова. Немедленно отправляйтесь в канцелярию, там вам выдадут направления, документы, деньги и билеты. До полудня соберите все свои жалкие лохмотья, вас начнут развозить по начальным точкам маршрутов. И не забудьте захватить с собой линейки, чтобы по окончании практики вы могли сравнить друг у друга общий метраж встреченных вами членов. Понятно?

– Так точно!!!

– Ну, это вы точно поняли хорошо и наверняка запомните, даже не сомневаюсь. Марш отсюда! Ветрова, а тебя я попрошу остаться.

«Семнадцать мгновений весны» здесь крутили каждый год. Ленка не выдержала, еле заметно улыбнулась. Реакция была мгновенной:

– Степанова!!!

– Я! – перепуганно выкрикнула девушка.

– Не подскажешь ли нам причину твоего бурного веселья? Кто знает, может, мы посмеемся вместе?

– Виновата!

– Ну, раз виновата, то будем наказывать! Времени до полудня еще вполне достаточно, почистишь все унитазы в учебном блоке.

Глядя на вытянувшееся лицо воспитанницы, Мюллер ехидно поинтересовалась:

– Чем-то недовольна?

– Никак нет!

– Вот как? А мне почему-то показалось наоборот! Ты наверняка хотела успеть сделать прическу на интимном месте и выбрить задницу, а я помешала твоим наполеоновским планам! Но ничего не поделаешь – приказ есть приказ, тебе придется его выполнять. Кстати, если я замечу на унитазе хоть маленькое пятнышко, то вытру его твоей пустой головой, все равно она больше ни на что не годится. Более того, с получившейся прической и своей волосатой, небритой задницей ты отправишься покорять большой мир. Все поняла?

– Так точно!

– Марш отсюда!

Сказать, что Вика с Леной вышли быстро, это не сказать ничего – они попросту испарились. Лина лихорадочно перебирала в голове все события последних дней. Она была совершенно уверена, что Мюллер собирается устроить ей жестокий разнос, но не знала, за что именно. Самое страшное из прегрешений произошло два дня назад. В читалку учебного корпуса одна из младших тайком пронесла привезенный из отпуска женский эротический журнал. Он поспешно пошел по рукам; Лине удалось увидеть несколько неправдоподобных, каких-то искусственных парней с минимумом одежды или даже вовсе без нее. Но тут вошла инструктор, погнала всех старших на практические занятия. Некоторые из более удачливых девушек уверяли, что на последних страницах можно было хорошо рассмотреть член.

Под рентгеновским взглядом Мюллера Лина почувствовала, что еще немного – и начнет дымиться. Она приготовилась к любой каре, но первые слова настоятельницы едва не выбили ее из равновесия:

– Не передумала?

– Что? – не поняла девушка.

– Как я и говорила, – снисходительно констатировала Мюллер, – вы все беспросветные дуры! Ты хоть смутно помнишь о своем идиотском заявлении?

– Так точно! Оно даже ночью стоит у меня перед глазами!

– Перед глазами у тебя стоит тот вонючий член, который ты так и не увидела в читальном зале. Понравился журнальчик?

– Не могу знать! – выкрикнула Лина.

Девушка отчетливо поняла, что пропала окончательно, и пожалела, что до сих пор не похоронена. Ее удивляло только то, что она стоит здесь совершенно одна, ведь в позорном просмотре участвовало довольно много воспитанниц. Но, как бы там ни было, признаваться ни в чем нельзя, иначе пострадают другие подруги. Перед глазами выросла вереница чудовищно

грязных унитазов, уходящая в бесконечность. Она поняла, что ее практика накрылась медным тазом. Но Мюллер все продолжала удивлять. Заложив руки за спину, она принялась мерить кабинет от стены к стене:

– По своим психофизическим параметрам ты не соответствуешь требованиям, предъявляемым к составу оперативных групп. Твой рост на семь сантиметров ниже минимально рекомендованного, масса тела тоже невелика, тебя задавит любой рослый противник одной голой силой. Черты характера и вовсе не подарок: ослиное упрямство, ненормальная склонность к обсуждению приказов, эмоциональная неустойчивость, низкая коммуникабельность. Это не те качества, что ценятся среди людей, чья жизнь может зависеть от твоих действий.

Лина слушала настоятельницу молча, не дрогнув ни одним мускулом. Но мысленно она не умолкала ни на мгновение, ее губы еле заметно шевелились, дерзко противореча всем высказываниям Мюллера: «Да, я невысокая, но зато очень хорошо прыгаю, достану любого дядю. Легкая, но благодаря этому могу очень быстро передвигаться. Меня не страшит любой противник, ведь мои удары подобны сверкающим молниям. Я упряма, но с блеском выполню любой приказ. Я спокойнее скалы – я сама как скала. А коммуникабельность – откуда ей взяться? С одиннадцати лет я не покидаю стен этого жуткого Монастыря, где не вижу никого, кроме нескольких женщин, других воспитанниц и единственного мужчины – старого привратника Матвея».

Резко повернувшись, Мюллер поинтересовалась:

– Ты хотела что-то сказать?

– Никак нет!

– Хотела! Только боишься до недержания мочи! Вот что я тебе хочу сказать: как сенс ты тоже абсолютно ничего не стоишь, но в Южно-Российском регионе есть неплохая вакансия для полных бездарей. Тебе там найдется довольно неплохое местечко – солнце, фрукты, горячие парни. Будешь дежурить на подхвате во время облегченных вахт. Такой шалаве, как ты, – полная благодать. Ну как?

Судорожно сглотнув, Лина покачала головой, не глядя на Мюллера:

– Не могу согласиться! Прошу вас, позвольте мне пройти выпускную практику в любом оперативном отделе!

– Значит так? – угрожающе пророкотала настоятельница. – Ну что же, можешь радоваться – твоя взяла! В силу чудовищного недоразумения ты считаешься лучшей ученицей старшего курса, со всеми вытекающими последствиями. Твоя привилегия – выбор условий практики. Если еще не передумала, то, согласно заявлению, направишься в оперативный центр

города Хабаровска, тебя включат в состав поисковой группы быстрого реагирования. Там частенько случаются ложные тревоги, ты вволю попутешествуешь по непролазным дебрям, цепляя на свою тощую задницу энцефалитных клещей. Может, с оказией даже попадешь в Заполярье. Это далековато, но там частенько не хватает сотрудников, вот и привлекают из соседних филиалов. Летом там очень хорошо – целых два дня в году. По окончании теплой поры в туалет надо прихватывать пилу, иначе не избежать неприятностей. Учти, на твоем месте любая уже давно бы до зеркального блеска вылизала мои ботинки, слезно уговаривая отправить в Южно-Российский регион. Даю последний шанс, ну?

– Хабаровск, – твердо ответила Лина.

– Перечишь? – прошипела настоятельница.

Девушка отчетливо поняла – она сейчас очень близка к тому, что отправится помогать наказанной Ленке. Но даже явственное видение шеренги унитазов не заставило ее изменить своему давно обдуманному выбору:

– Никак нет! Просто прошу вас удовлетворить мое заявление!

– Поисковики тебя удовлетворять будут, разложив прямо на оленьем пастбище вместе с твоим безграмотным заявлением! Не пояснишь ли своей любимой настоятельнице, чего тебя понесло именно к ним? Или предполагаешь, что у оперативных работников самые длинные члены?

– Никак нет! Я считаю, что с моим низким уровнем восприятия совершенно нечего делать в центрах обнаружения и аналитических группах. Штабная и координирующая служба не привлекает. Для сотрудников кризисных центров и бойцов спецотрядов мне не хватает физических данных. Я просто не сумею управиться с их тяжелым вооружением. В боевые дружины на практику не берут. Поэтому, на мой взгляд, для меня остается только оперативная или техническая работа. Но к последней меня вряд ли допустят – это прерогатива мужчин.

– А с чего ты вдруг решила, что на оперативной работе нужны такие полные кретинки? – ухмыльнувшись, поинтересовалась Мюллер.

– Я смею надеяться!

– Ну так вот что я тебе скажу про оперативную работу! – От голоса настоятельницы задрожали вековые стены. – Первым делом тебя там обязательно трахнут. Вторым делом – снова трахнут. Тебе придется стараться вовсю, обслуживая коллектив горячих мужчин в течение целых двух месяцев. Ты для них будешь просто подарком судьбы, скрасившим скучные будни. Поняла?

– Так точно! – выкрикнула Лина и сжала губы.

– Что-то не нравится?

– Никак нет!

– Конечно, что тут может не понравиться! Все наши проститутки, и ты первая, только и мечтают о такой практике, так что тебе невероятно повезло. Рада?

– Так точно!

– Я в этом и не сомневалась! Но вот что хочу тебе по-дружески посоветовать. Как только окажешься снаружи, немедленно беги в ближайшую больницу и проси, чтобы тебя как можно быстрее стерилизовали. Если ты припрешься сюда после практики беременной, я своими руками немедленно сделаю тебе аборт без всяких инструментов и наркоза. Понятно?

– Так точно!

– Нет, – угрожающе прошипела настоятельница, – ты меня так и не поняла. Посмотри сюда!

Перед лицом Лины замерла огромная ладонь, габаритами и формой напоминающая помятую штыковую лопату. Бугрились гипертрофированные костяшки указательного и среднего пальцев, ребро ладони было покрыто окостеневшей, мозолистой кожей. Девушка внезапно вспомнила ночные страшилки о том, как Мюллер рубила руками головы плохо успевающим воспитанницам. Сейчас они уже не казались ей смешными, она автоматически сжала свои слабые кулаки. С начала обучения Лина хорошо понимала, что вряд ли сможет когда-нибудь дробить каменные стены, и не стала развивать технику разрушения твердых предметов, для чего требовалось сурово закалять руки в ущерб ловкости пальцев. По сравнению с кулаком настоятельницы ее собственный выглядел просто младенческим.

– Рассмотрела? – спросила Мюллер.

– Так точно!

– Запомни: вот этими руками, без инструментов и наркоза! Вон отсюда!

Сказать, что выпускница выскочила из кабинета быстро, – значит не сказать ничего. Закрыв за собой дверь, она едва не упала от противной слабости в коленках. Столь долгое общение с Мюллером могло свалить с ног молодого индийского слона. По коридору промчались три ученицы из младшей группы, сочувственно покосились в ее сторону. Тряхнув головой, девушка снялась с места, упругим, легким бегом направляясь в сторону канцелярии. Возле входа ее дожидались Вика и Ленка. Завидев в их руках большие конверты, она издалека воскликнула:

– Вы уже все?

– Там дел всего на одну минуту, – ответила Вика. – Как ты?

– В одной секунде от инфаркта, – вздохнула Лина.

– Чего она тебя оставляла? – нетерпеливо спросила Ленка.

– А, так! Усиленная клизма. Тебе не повезло гораздо больше.

– Ладно, я побежала. Надо еще успеть отдраить эти проклятые унитазы.

Ленка исчезла, а Вика поинтересовалась:

– Ну как?

– Опергруппа. Мюллер хотела загнать на юг, но я не отказалась от своего заявления.

– Дурная! Да туда половина наших мечтает попасть! Тем более на лето! Хоть бы море увидела!

– Нет. Это не для меня. А в местной опергруппе вакансий никогда нет, ты же сама понимаешь, туда очередь на век вперед.

– Значит, Хабаровск?

– Да. Прививки от энцефалита сделаны, так что меня здесь больше ничего не держит.

– Ладно, я побегу, а то кому-нибудь на глаза попадемся и будем дружно Ленке помогать.

Встав на пороге канцелярии, Лина бодро отрапортовала:

– Ветрова Алина! Прибыла для получения сопроводительного пакета на выпускную практику!

Рината Павловна медленно подняла голову. Эта седеющая крупная женщина отличалась редким для Монастыря благодушием, она была одной из немногих сотрудниц, повадками и обликом не напоминающей сторожевых овчарок, выращенных на человеческом мясе. Воспитанницы между собой нежно величали ее Буренкой. Приветливо кивнув выпускнице, она ласково произнесла:

– Присядь, Алина.

Видя замешательство девушки, Рината Павловна покачала головой:

– Малышка, тебе надо привыкать. Там, снаружи, никто ведь не поймет, если ты станешь вскакивать по стойке смирно от любого громкого слова.

Девушка нерешительно присела на край стула. Она действительно чувствовала себя не слишком удобно, расслабляясь в присутствии штатного сотрудника Монастыря. Буренка тем временем встала, ушла за стеллаж, заставленный пухлыми папками и боксами с компьютерными дисками, позвенела посудой, вернулась с маленьким подносом, поставила его на стол. Подвинув чашку в сторону Лины, она ласково произнесла:

– Выпей чаю, тебе надо хоть немного успокоиться после беседы с настоятельницей.

– Я спокойна! – чуть ли не выкрикнула девушка.

Укоризненно покачав головой, Рината Павловна произнесла:

– Неужели ты думаешь, что так легко обманешь Буренку?

Лина, услышав кличку, смутилась, а женщина, улыбнувшись, продолжила:

– У тебя руки немного дрожат, да и присела ты с явным облегчением. После беседы с нашей строгой настоятельницей у многих отказывают ноги, причем не только у воспитанниц. Пей чай и обязательно попробуй печенье. Оно не из магазина – домашнее, мне сестра вчера прислала. Такого ты еще не ела, гарантирую.

Лина послушно поднесла чашку к зубам, неловко звякнула зубами о край.

– Крепко тебе досталось, – посочувствовала Рината Павловна. – Что она хотела? Требовала забрать заявление?

– Так точно!

– Алина! Успокойся немедленно! Забудь про свой казарменный лексикон. В этом кабинете тебя никто не тронет, честное слово. Расслабься, считай, что перед тобой сидит одна из подружек. Ты же не обращаешься к ним по правилам учебного устава?

– Никак нет! То есть… – Лина смутилась. – Извините, мне трудно говорить с вами как с обычным человеком.

– Понимаю. От подобных привычек очень нелегко отказываться. Ты, наверное, боишься, что в большом мире тебе придется нелегко?

– Да. Я в Монастыре с одиннадцати лет.

– Знаю. А до этого с трехлетнего возраста воспитывалась на Алтайской базе, что немногим лучше. Не так ли?

– Так точ… То есть да.

Широко улыбнувшись, Рината Павловна мягко произнесла:

– Не бойся, все будет хорошо. Мир сложен и прост одновременно, человек такое неприхотливое создание, что быстро привыкает ко всему. Тебе до смерти надоел наш Монастырь, но и большой мир представляется чем-то опасным, совершенно неизвестным. Ведь так?

– Да. Вы правы. Восемь лет я не удалялась от Монастыря дальше главного полигона. Здесь нет телевидения и радио, вся информация о внешнем мире идет от немногих урезанных газет и рассказов подруг, изредка посещающих свою родню. Иногда мне кажется, что, кроме этих зданий, стрельбищ и учебного полигона, здесь больше ничего нет.

– Не переживай, – тем же мягким тоном произнесла Рината Павловна. – Еще до вечера ты убедишься, что это не так. И не бойся большого мира, это он должен тебя бояться.

– Почему? – изумилась девушка.

– Милая моя, посуди сама. Когда тебя восемь лет назад привезли в Монастырь, ты, после Алтайской базы, уже выделялась на фоне остальных учениц своей великолепной физической подготовкой и молниеносной реакцией. Здесь, под руководством наших опытных наставниц, из тебя сотворили то, что в современных фильмах называют машиной смерти.

– Я такой фразы не слышала.

– Немудрено. Вам попросту не показывают такие фильмы. Наша уважаемая настоятельница считает своей главной задачей оградить вас от разлагающего воздействия современной загнивающей культуры. Но мы немного отвлеклись от главной темы. Сейчас, после восьми лет сурового обучения, ты можешь не бояться практически ничего. В большом мире много различных опасностей, но тебе не стоит их слишком опасаться. Наши технологии обучения очень древние и совершенствуются с каждым годом. Если бы подобными методиками обладала какая-нибудь страна, ее руководство могло всерьез рассчитывать на мировое господство. Так что не бойся, в крайней ситуации ты всегда сможешь воспользоваться боевыми навыками, мало кто в большом мире сумеет с тобой сравниться.

– Но я применяла их только в обычных учебных схватках!

– Не переживай. Наше обучение бесследно снимает с воспитанниц множество обычных моральных запретов. В случае необходимости ты убьешь, даже не задумываясь и без всякого сожаления. Ты ешь, ешь, печенье очень хорошее.

Чуть помолчав, Рината Павловна как-то нерешительно произнесла:

– Послушай, Алина, а может, тебе и правда лучше остаться в каком-либо региональном центре на более спокойной, приятной работе? Нет, не дергайся так возмущенно, я просто рассуждаю вслух. Ты ведь не просто молодая девушка – у тебя совсем нет навыков практической работы. Не делай такие страшные глаза – это действительно так. Да, я прекрасно знаю, что ты можешь перепрыгнуть через двухметровую стену, с закрытыми глазами разобрать станковый гранатомет и легко справишься с управлением современного боевого геликоптера, если вдруг в этом возникнет насущная необходимость. Но пойми, с этими агрессивными способностями ты – простая боевая машина. Да, вряд ли с тобой сможет сравниться хоть кто-то из будущих коллег. Большинство оперативников прошли укороченные, простые курсы и не слишком рьяно поддерживают

свою физическую форму. Полных выпускниц Монастыря очень немного, мы не воспитываем кого попало, вас тщательно отбирают с детских лет, большинство отсеивается в ходе обучения. Но у них есть свое преимущество – опыт и знания, которые невозможно получить теоретическим путем. Учти, физическая подготовка для оперативников вовсе не главное. В случае, если ситуация действительно потребует жестких мер, они сразу вызывают мобильную группу поддержки. Подоспевший спецотряд может легко превратить в лунную поверхность несколько гектаров, вот для этого им и нужна большая физическая сила. Но тебя туда никогда не примут, сама понимаешь: не та комплекция, ты попросту не удержишь тяжелый «Тайфун». Прости, но с твоим телосложением прямая дорога в балерины.

– А Нельма?

– Ты видела эту женщину, ставшую легендой еще при жизни?

– Нет, конечно!

– В ней было под два метра роста, центнер мускулистого тела. При таких габаритах она, не снимая брони, пробегала стометровку менее чем за одиннадцать секунд. Ребром ладони легко перебивала стопку кирпичей, без труда могла порвать толстую книгу. Я могу долго перечислять ее невероятные достижения, но, думаю, общую идею ты уловила.

– Да.

– В оперативной группе ты можешь прийтись не ко двору. Там свой, довольно сплоченный коллектив, они прекрасно знают достоинства и недостатки друг друга. Если повезет, ты до конца практики будешь просто готовить им кофе. В худшем случае можешь стать серьезной помехой их работе, достаточно взглянуть на себя в зеркало повнимательнее. Более того, все они неплохие психологи и быстро вычислят, где ты проходила свою подготовку. Отношение к нашему заведению довольно неоднозначное, ты не поверишь, сколько в Ордене циркулирует нелепых слухов о воспитанницах. Мало кто считает вас нормальными людьми, так что готовься к весьма специфическому отношению.

– А при чем здесь зеркало?

– Алина, ты довольно красивая девушка, а работать придется в классическом мужском коллективе. С твоей неопытностью и полным незнанием жизни могут возникнуть весьма серьезные проблемы. Я думаю, это почти неизбежно.

– Зачем тогда нас держат здесь как в концлагере? Как мы можем подготовиться к нормальной жизни?

– Ответов тут несколько. Во-первых, выйдя из этих суровых стен, вы

будете обладать чистым, незамутненным сознанием, что наряду со специальной подготовкой зачастую дает весьма неплохие результаты. По-другому этого не добиться, поверь, экспериментов было множество, но лучше Монастыря еще никто ничего не создал. Во-вторых, на время выпускной практики девушек размещают в региональных центрах. Там к ним уже давно привыкли, пристраивают в смешанные коллективы аналитиков или сенсов, есть специальные сотрудницы, помогающие им в разных житейских вопросах. В общем, все неплохо отлажено. Но тебе придется отправиться в рядовую опергруппу, где придется рассчитывать только на себя. Понимаешь?

– Да.

– Но вряд ли себе представляешь, чего это будет стоить. Ты не ищешь легких путей. Почему именно опергруппа?

– Я твердо считаю, что только в ее составе могу реализовать свои способности.

– Может, и так, – согласилась Рината Павловна. – Однако всем хорошо известно: роль оперативников в жизни Ордена весьма скромна. Боевые ситуации в их работе скорее исключение, чем правило. В основном нудные рутинные проверки. Ты наверняка мечтаешь о большем. Я ведь отлично вижу твою целеустремленность.

– Каждый мечтает о большем.

– Хочешь стать членом боевой дружины?

Лина сама не заметила, как заговорила помимо воли:

– Да. И я не вижу ничего плохого в таком желании.

– Ты видела фотографии в фойе. Очень многие из этих девушек были оттуда. Почти все они погибли, так и не дожив до зрелых лет.

– Я не боюсь смерти!

– Глупышка, да ты просто еще не знаешь жизни. Твои шансы попасть в боевую дружину пренебрежительно малы. Такими, как ты, там полы по вечерам подметают.

– Это моя жизнь и моя мечта! – чуть не выкрикнула Лина. – Почему все вокруг хотят мне помешать?!

– Ну что ты, не волнуйся так сильно, – успокаивающе протянула Рината Павловна. – Не надо так переживать. Просто мне страшно, что с тобой будет, когда сама поймешь – мечта недостижима. Такой удар ты воспримешь очень тяжело.

– Переживу!

– Ну что же, – вздохнула женщина. – Это действительно твоя жизнь.

Выдвинув ящик стола, она достала плотный коричневый конверт,

принялась отдавать последние инструкции:

– Здесь документы. По ним ты, Ветрова Алина Игоревна, – сотрудница федерального бюро охраны атомных объектов мирного назначения. Возраст двадцать один год – ты не намного младше. Таким образом, мы почти ничего не меняли в реальных данных. Паспорт, водительские права, пропуск, удостоверение, разрешение на ношение оружия. Вот.

Рината Павловна выложила рядом с пакетом зарядное устройство к телефону и кобуру с пистолетом.

– Патроны вполне обычные, стандартные, но оружием старайся не светить, в большом мире это не принято. Чем меньше ты привлекаешь к себе внимания, тем лучше. Авиабилет до Хабаровска, в аэропорт тебя привезут на машине, она уже заказана. Немного наличных денег, кредитная карточка – пользуйся ею свободно, только «мерседес» покупать не стоит. Мобильный телефон. Оплачивать разговоры не надо, это не твоя забота. На цифру «1» завязан диспетчер Восточно-Российского региона, «2» – дежурный по Монастырю, в памяти много и других полезных номеров, но, чтобы их увидеть, введи свой персональный код. Как приедешь, можешь позвонить по номеру, завязанному на цифру «0»: это руководитель филиала – Панарин Игорь Владимирович. Все, можешь быть свободна, – почти сухо произнесла Рината Павловна и добавила: – Рекомендую принять перед дорогой душ, кто знает, когда им можно будет воспользоваться в следующий раз.

– Я могу идти?

– Да. И помни: даже в наших стенах никому нельзя верить, а за ними – тем более. Рассчитывай только на себя.

Выйдя из канцелярии, Лина энергично потерла виски. В течение беседы у нее возникло стойкое давящее ощущение. Она подозревала, что милейшая Буренка ее попросту наглым образом пыталась прозондировать и что-то внушить. Но девушка была начеку, она и без ее советов не отличалась излишней доверчивостью. Легкой трусцой забежав в фойе, она резко затормозила: в дверях на улицу стояла Кобра. Рослая инструкторша не видела девушку, она смотрела на улицу, где мимо здания пробегала спаренная колонна младших учениц. Все были жестоко одеты в душный зимний камуфляж, на плечах расхлябанно болтались большие армейские автоматы. Задняя пара, наказанная за какие-либо незначительные проступки, пыхтела изо всех сил, стараясь не отставать. Они тащили ящик с патронами.

Проскочить незамеченной было невозможно, а показываться инструкторше на глаза – чревато: у Лины до сих пор побаливала голень с

их прошлой встречи. Кобра с удовольствием старалась завести со старшими воспитанницами задушевный разговор, чтобы в самый неожиданный момент нанести коварный удар. Она называла этот мерзкий садизм мероприятиями по сохранению бдительности. Иногда эта гестаповка приказывала какой-нибудь соплюхе из младших сунуть в чей-нибудь бок жало шокера или сотворить другую подобную пакость. После ее мероприятий некоторые едва не оставались заиками и вздрагивали от собственной тени. Лина осторожно нащупала пистолетную рукоять, не видную под форменной курткой. Усмехнувшись, она подумала, что если пристрелит инструкторшу, то станет местной легендой. Возможно, ей даже ничего за это не будет. Кобру недолюбливали, и всегда можно сослаться на то, что она сама спровоцировала выстрел. Этому охотно поверят многие.

Как бы почувствовав, что дело пахнет керосином, Кобра упругим шагом последовала вслед за ушедшей группой. Лина, облегченно вздохнув, немедленно бросилась к жилому корпусу. Надо было успеть сдать постельное белье, помыться, собрать вещи. К полудню необходимо все закончить, времени осталось не так уж много.

Рината Павловна, коротко постучав, зашла в кабинет настоятельницы. Та, подняв голову от бумаг, откинулась на спинку стула, вытащила из-под столешницы пачку сигарет, ловким щелчком выбила парочку. Одну протянула начальнице канцелярии, вторую поднесла к настольной зажигалке. Обе женщины с удовольствием затянулись. Выпустив первый глоток дыма, настоятельница поинтересовалась:

– Ну и?

– Глуха и слепа.

– Плохо уговариваешь, Буренка. Теряешь форму: твое печенье еще декабристов помнит, девчонка наверняка все зубы переломала.

– Не нравится – устрой сюда штатного психолога, пусть старается.

– Нельзя.

– А что такого? Немного понатаскаем, зарплату предложим – как у министра нефтяной промышленности.

– У нас она сама быстренько с катушек съедет, даже недели не протянет.

– Тогда не лезь к моему печенью, Мюллер!

Затушив недобитую сигарету, настоятельница заявила:

– Готовь документы на отчисление Ветлугиной.

– А ее-то за что?

– Потенциальная лесбиянка.

– Да у нас только Матвей не потенциальная лесбиянка! Что ты хотела от воспитанниц – их половое созревание проходит в этих стенах, среди подружек и сотрудниц. Бедняжек может возбудить один вид мумии фараона!

– Это их проблемы. Вся энергия должна идти на подготовку, если у кого-то гормоны прут не в ту сторону – ей здесь не место. У нас все-таки Монастырь, а не вертеп. Нечего позорить тех, чьи фото и портреты висят у нас в фойе.

– Ну ты даешь, – усмехнулась Рината. – Скоро начнешь выражаться не хуже нашей Каркуши.

– Кто б мычал! – усмехнулась настоятельница. – Ладно, вернемся к нашим баранам. Как тебе общее впечатление?

– Сыровата!

– Что ты хотела? Девятнадцать лет. Детство в заднице гуляет. Меня больше интересует эмоциональная сфера, а именно – не сбрендит ли она вконец?

– Практически все наши выпускницы эмоционально неустойчивы в большей или меньшей степени. Процент самоубийств и случаев немотивированной агрессии просто невероятен. Мы с детских лет калечим их души, но, одновременно, не даем загрубеть окончательно. Результаты налицо.

– Ты можешь предложить другую методику обучения? Наши малютки готовы зубами грызть танковую броню, если это потребуется для выполнения приказа. На Гавайях бывшая воспитанница недавно всмятку отметелила четырех доблестных морских пехотинцев, как грудных младенцев!

– Да знаю! Эти герои, кстати, на нее заявление в полицию написали. Не постыдились.

– А что ты хотела – Америка! Правовое государство. Круче наших малышек нет никого, если, конечно, не считать монастырских мальчиков. Но их готовят аналогично, с тем же отсевом. Так ты говоришь, сыровата?

– Да. И думаю, работа в опергруппе ей не очень пойдет на пользу.

– Но и не помешает. Пусть посмотрит на жизнь без всяких нянек – сама напросилась, мы не виноваты.

– Не боишься? Жизнь со всеми доступными соблазнами! Это же простая девчонка – вдруг пустится во все тяжкие. Эмоциональная неустойчивость, сама понимаешь.

– Мы не сможем ее водить всю жизнь за ручку. Хочет научиться плавать – пожалуйста. Бросим в воду, пусть выкарабкивается, как знает.

– Может, оно и верно. Опасные моменты у оперативников бывают очень нечасто. Так что вряд ли ее жизни будет что-то угрожать.

– Согласна. Не хотелось бы глупо потерять эту многообещающую воспитанницу во время прохождения обычной выпускной практики.

– Ясное дело. Ну так как там, по поводу Ветлугиной?

– Отчисляем! Без всяких разговоров и объяснений. К чему придраться – всегда найдется, о настоящей причине даже не заикаемся.

– Ей пятнадцать, она уже неплохо подготовлена.

– На Алтайскую базу. Там доучат, без дела не останется, а при тамошних парнях о своих фантазиях позабудет.

– Будем надеяться.

Дверь открылась без стука, на пороге пустой казармы выросла младшая воспитанница:

– Старшая учащаяся Ветрова! За вами пришла машина!

– Брысь отсюда, зародыш! – цыкнула Вика.

Младшую сдуло в один миг, подруги обнялись, прощаясь. Им никто не мешал, все здешние воспитанницы были сейчас на занятиях.

– Ничего, будем перезваниваться, – сказала Лина.

– Эх! Жаль, что мы с тобой не вместе!

– Ты же знаешь, так не положено.

– Все равно! Вместе мы сила! Давай! И не забудь телефоны, мой и Ленкин.

– Давай! Думаю, тебя тоже скоро увезут.

Время уже приближалось к двум часам дня. Лену забрали сразу после полудня; выпускниц всегда вывозили поодиночке, рассчитывая доставить к поезду или самолету, чтобы они не шатались без дела. Лина вышла во двор, чувствуя себя довольно странно. Впервые она шла через плац простым шагом. По дворовой территории Монастыря и широким коридорам учебного и административного зданий разрешалось передвигаться только легким бегом. Бесцельное стояние или несколько обычных шагов карались довольно строго. Но сейчас ее плечо оттягивала огромная спортивная сумка, на спине болтался маленький рюкзак. Ее никто не станет заставлять бегать с такой ношей.

Дойдя до середины плаца, она едва не застонала в голос. Наперерез спешила Каркуша. Спастись было совершенно невозможно, Лина поспешно напустила на себя дебильно-возвышенный вид. Воспитательница Инга Николаевна имела огромную страсть к произнесению идиотских патетический речей. Она была настолько тупой,

что даже не подозревала о своей тупости. Ее терпели за мастерское обращение с младшими воспитанницами, многие девочки в возрасте от десяти до двенадцати лет слушали ее, разинув рты, но к тринадцати неминуемо обгоняли свою воспитательницу в интеллекте, она становилась им неинтересной. Те, кто продолжал прислушиваться, безжалостно отчислялись. Полные дуры в Монастыре не приветствовались.

– Алиночка, что же ты ко мне не зашла на прощание!

– Виновата! Не хватило времени!

– Ты могла не собирать вещи, но зайти ко мне просто обязана!

– Виновата! Исправлюсь!

– Ладно. Я все-таки тебе кое-что на прощание скажу. Слушай меня внимательно, столь важных слов тебе еще никто не говорил! Поняла?

– Так точно!

– Знай, перед тобой сейчас откроются двери большого мира. Ты не должна там забывать о нашем Монастыре и его правилах. Помни: ты являешься носительницей его чести, не посрами ее неблаговидными поступками. Не забывай о тех, чьи фото и портреты вывешены в административном здании. Поклянись, что приложишь все силы для того, чтобы твое изображение появилось среди них!

Приняв самый глупый вид, Лина выкрикнула:

– Клянусь приложить все силы, чтобы погибнуть при прохождении практики!

– Ты что несешь? – охнула Каркуша. – Что значит погибнуть?

– Но, Инга Николаевна, – вид Лины был сама невинность, – ведь, чтобы попасть на стену фойе, надо сначала погибнуть при выполнении долга или как минимум умереть своей смертью, получив до этого множество высших наград. За два месяца я просто не успею этого добиться, придется погибать геройской смертью при выполнении приказа!

Воспитательница растерянно захлопала глазами: этот момент она совершенно упустила из виду. Инструкторы, собирающиеся на плацу для послеобеденного разбора групп, стали ехидно посмеиваться. Инга Николаевна, поняв, что надо быстро закругляться, поспешно заявила:

– Ладно, Ветрова, можешь идти. Не забудь мои слова!

– Так точно! Буду стараться!!!

Инструкторы откровенно рассмеялись, воспитательница покраснела, как переспевший помидор. Лина направилась к парадным воротам – там, у калитки, уже нетерпеливо переминался Матвей.

Это была еще одна интригующая местная легенда – единственный мужчина, работающий в Монастыре. Возраст его был неизвестен, но по

виду он вполне годился в прадедушки библейским старцам. Вместо ног у него были скрипучие зловещие протезы, на руках в сумме набиралось всего семь пальцев, голова была совершенно лысой и сплошь покрытой ужасными шрамами, ушей не было, а левый глаз скрывала черная повязка. По всеобщему мнению учениц, члена у него тоже не было, причем скорее всего с самого рождения. Никто и никогда не смог поймать на себе его заинтересованный взгляд. Про него ходило много разных слухов – от смешных до очень страшных. Лине особенно нравилась избитая сплетня о том, что он – бывший любовник настоятельницы. Та обгрызла его собственными зубами, как поступают самки пауков «черная вдова» со своими бедными дружками после спаривания, но до конца не доела и, пожалев, оставила на легкой работе – следить за парадным входом.

Покачав своей бугристой головой, Матвей угрюмо буркнул:

– Сколько тебя можно ждать? Я едва последние протезы не стоптал.

– Да я не виновата! Разве от нее можно отделаться!

– Ладно, проходи.

Привратник открыл металлическую калитку, грубо покрашенную мерзкой зеленой краской. Сердце девушки предательски дрогнуло, она ступила вперед. Остановилась, оглянулась. На нее смотрели с плаца все инструкторы, а за их спинами возвращалась группа со стрельбища. У них больше не было ящика с патронами, все воспитанницы были страшно грязные, явно не один раз штурмовали Таити – так в простонародье именовалось неимоверно вонючее тренировочное болото. По слухам, туда ежегодно сваливали несколько тонн навоза и дерьма. На этой почве у многих развивалась нешуточная фобия: девочки боялись нечаянно хлебнуть этой мерзкой жижи и подцепить многометровых паразитов.

– Тебе чего, пинка не хватает? – поинтересовался Матвей.

– Прощай, – коротко ответила Лина и направилась к машине.

Водитель поспешно вышел, открыл багажник. Рассмотрев, что это довольно красивый молодой парень, не старше двадцати пяти лет, Лина несколько удивилась. Но и только. Она испытала эмоций не больше, чем при виде древнего Матвея. Бросив сумку в багажник, девушка открыла дверь, села на переднее сиденье. Водитель вернулся, занял свое место, посмотрел веселым, нагловатым взглядом:

– Ну что, красавица, едем или как?

– Поехали, – кивнула Лина.

Но едва водитель завел машину, в боковом окне выросла физиономия настоятельницы. Глядя на девушку своим знаменитым взглядом голодной анаконды, Мюллер покачала растопыренной ладонью, сделала зловещее

движение, имитируя проталкивание столбообразной руки в тесное место, в конце совершила жутковатое хватательное движение и резко вытянула лапу наружу. Погрозив пальцем, она отчетливо произнесла:

– Помни! Без инструментов и наркоза!

– Поехали! – чуть не выкрикнула девушка.

Машина тронулась, оставив настоятельницу позади. Лина судорожно вздохнула, только сейчас поняв, что последние мгновения совершенно не дышала.

– Чего это она? – нервно поинтересовался водитель.

Лина осторожно посмотрела в зеркало заднего вида. Увидев, что ворота Монастыря скрылись из виду, девушка мгновенно успокоилась, небрежно ответила:

– Это наша уборщица. Она дурочка с рождения, еще в утробе матери менингитом переболела, та ее в роддоме бросила.

– А что это за странный жест рукой? Меня аж передернуло.

– Это у нее клептомания. Хотела у меня что-нибудь стырить, но не успела. Вот и показывает пантомиму, как это можно было сделать.

– Выгнать ее надо, – убежденно заявил водитель. – У меня от нее до сих пор мороз по коже. Такой взгляд только в зоопарке увидишь!

– Ничего. Работник из нее довольно хороший. Видел бы ты, как здорово она чистит унитазы.

– Меня Русланом звать, а тебя?

– Жаклин, – не моргнув глазом, ответила Лина.

– Неплохое имя!

– Это в честь моей героической прабабушки, – похвасталась практикантка. – Она француженка. В годы войны участвовала в Сопротивлении, заражала фашистов сифилисом. Видел бы ты, сколько у нее боевых наград – полк гитлеровцев из строя вывела!

Водитель замолк, потрясенно переваривая полученную информацию. Девушка расслабленно откинулась на спинку сидения, она только сейчас окончательно поняла, что действительно вырвалась за стены Монастыря и Мюллер со своими абортирующими жестами осталась далеко позади. Машина шла очень быстро, увеличивая разрыв с каждой секундой.

Свобода! Лине казалось, что здесь даже трава зеленее и небо ярче, ей захотелось рассмеяться и продолжать сыпать на водителя разные глупости. Мимо промелькнул явно нетрезвый мужчина, стоя на обочине, он, пошатываясь, мочился в придорожную канаву. Но даже это зрелище девушку ничуть не смутило. Она явственно чувствовала, как с нее осыпается шелуха строгих наставлений, в кокон которых ее заключали

последние восемь лет.

– Первый раз от вас пассажирку везу, – сообщил Руслан. Видя, что девушка не реагирует, он поинтересовался – А этот калека, что на входе… Почему он такой недовольный? Даже близко меня не подпустил.

Лина не могла ответить правду, ведь, заглянув в калитку, водитель мог случайно увидеть зрелище, не слишком соответствующее вывеске у ворот – «Христианский женский центр благородного воспитания». Но молчать тоже не стала:

– Прости его, он сегодня в очень плохом настроении. Я уезжаю, вот и грустит. Мы с ним давние любовники.

Водитель поперхнулся, недоверчиво покосился на безмятежную девушку:

– Врешь! Ему же лет двести, да и калека!

– А деваться-то некуда! Он у нас единственный мужчина. Половина наших девчонок с ним спят, очередь расписана на месяц вперед.

Руслан понял, что его разыгрывают, покачал головой:

– Я чуть было не поверил! – Помолчав, он добавил: – Да, не зря ребята на нашей фирме говорят, что таких пассажирок больше нигде нет. Один даже рассказывал, что пока свою вез, она ему несколько раз отдалась. Он еле доехал, два отгула потом брал – отлеживался.

Парень с намеком покосился на Лину. Та весьма недоверчиво хмыкнула, отрицательно покачала голо-вой:

– Даже не мечтай!

– А жаль! Было бы что рассказать ребятам.

Девушка насторожилась. Она быстро сложила воедино все факты, немедленно заподозрила, что данная фирма находится под плотной опекой Ордена. Вряд ли, конечно, под задним сиденьем прячется Мюллер в ожидании момента, когда непутевая практикантка надумает отдаваться первому встречному. Но не исключено, что здесь есть спрятанные микрофоны и камеры. Можно их поискать, но вот стоит ли? Пожалуй, нет, пусть смотрят на свою воспитанницу и гордятся ее достойным поведением.

Лина замолчала, игнорируя дальнейшие вопросы Руслана или отвечая коротко, односложно. Тот, поняв, что разговор не получается, вскоре умолк. Девушка неотрывно смотрела в окно. Мимо пролетали другие машины, красочные огромные плакаты и аккуратные заправочные станции. Сбоку исчезали поселки и городки; дорога была длинной, она обещала занять не менее трех часов, но однообразное мелькание быстро наскучило. Лина по-прежнему не могла себя представить в этом большом мире. Ее стал страшить тот момент, когда машина оставит ее возле аэропорта. Руслан

внезапно показался ей самым родным и близким человеком, она с трудом удержалась, чтобы не сказать ему какие-нибудь глупые теплые слова. Положив затылок на подголовник, она приказала себе заснуть, иначе за оставшиеся часы истерзает себе все нервы.

Заскучавший водитель потянулся к магнитоле, но, увидев, что девушка отдыхает, отдернул руку. Кивнув сам себе, он стал вести машину мягче, стараясь объезжать все неровности.

Глава 2

Лина пробудилась от легкого толчка в плечо. Еще не открыв глаза, она мгновенно проанализировала все доступные ощущения, отчетливо вспомнила, где находится. Руслан даже вздрогнул, когда увидел ее чистый, спокойный взгляд. Невозможно было поверить, что эта свежая, бодрая девушка только что крепко спала.

– Приехали? – спросила она.

– Да.

– Ну пойдем.

Они дружно вышли из машины. Водитель открыл багажник, достал большую спортивную сумку. Тем временем Лина нацепила рюкзачок, быстро пригнулась, посмотрев на себя в боковое зеркальце. Недовольно поморщилась: отросшие ниже лопаток волосы растрепались; она пожалела, что не сделала себе короткую стрижку. Но ничего, это можно будет быстро исправить. В Хабаровске есть парикмахерские, сбудется ее мечта – она выберет из них самую лучшую, выбросит из головы тетю Клаву. Добродушная женщина стригла всех воспитанниц практически на один манер. Делала она это довольно аккуратно и очень быстро, но нет для девушек худшего наказания, чем видеть всех своих подруг в такой же одежде и с аналогичными прическами.

Водитель стоял позади, с немалым удовольствием разглядывая грациозно изогнувшуюся стройную фигурку. Он пожалел, что эта девушка носит брюки. Руслан был весьма неравнодушным к женским ножкам и явно видел, что они у нее должны быть очень симпатичными. Плавным, гибким движением распрямив стан, красотка повернулась, протянула руку за вещами.

Забрав сумку, Лина кивнула:

– Пока!

– Удачно долететь! – пожелал Руслан и сел за руль.

Немного отъехав, он вытащил телефон, придавил единицу, удержал пару мгновений. После двух гудков трубку сняли, уверенный, спокойный голос произнес:

– Да?

– Говорит Харон. Посылка доставлена в аэропорт, происшествий нет.

– Обстановка?

– Вначале короткое возбуждение, потом сильный упадок. Почти всю

дорогу спала.

– Понятно. Возвращайтесь.

– Есть!

Лина пристальным взглядом проводила отъехавшую машину. Порвалась последняя ниточка, связывающая ее с Монастырем. Она теперь осталась совершенно одна. Ей необходимо преодолеть тысячи километров, чтобы увидеть представителей Ордена, но эти люди будут совершенно чужими, они немногим отличаются от тех, кто сейчас суетился вокруг. Глядя на этот муравейник, Лина почувствовала себя инопланетянкой, высаженной из грозного звездолета с малопонятной миссией. Все было настолько чуждым, что даже не верилось в реальность происходящего. Казалось, вокруг разворачивается неестественный спектакль, где ей уготована роль единственного зрителя. С трудом отделавшись от странного наваждения, девушка решительно направилась к большим стеклянным дверям.

За ними она на миг замерла, несколько удивившись происходящему. Впереди проход перекрывал барьер; чтобы через него пройти, необходимо было миновать пункт контроля. Люди укладывали вещи на дорожку рентгеновского аппарата и направлялись к прямоугольной арке металлоискателя. Лина знала о подобных мерах безопасности, но думала, что проверке подвергаются только перед залом ожидания. Впрочем, скользнув взглядом, она увидела подобные пункты досмотра за стойками регистрации. Выходило, что контроль был двойным. Очевидно, это были новые меры, направленные на борьбу с терроризмом. Посмотрев на уставшую женщину, тупо всматривающуюся в монитор, девушка покачала головой. С ее точки зрения, опытному преступнику стало полегче. Расслабившиеся сотрудники надеялись друг на друга и не сильно усердствовали. Мужчина, упрямо звенящий при всех проходах, был небрежно обыскан ручным детектором – тот среагировал на туфли. Проверять их не стали, решив, что виноваты металлические супинаторы.

Лине не составило бы особого труда спокойно миновать оба кордона, но она помнила наставления Буренки и не стала рисковать. Опасность попасться невелика, но шум в этом случае поднимется невероятный. Подойдя к сотруднику, просматривающему металлические предметы, выкладываемые пассажирами на стол, она протянула удостоверение с вложенным разрешением на ношение оружия. Просмотрев бумаги, он хмыкнул:

– Радиации не боишься?

– Я не представляю, как без нее можно жить, – спокойно ответила Лина.

– Давай сюда, – заявил мужчина, требовательно протягивая руку.

Девушка вытащила пистолет, положила на ладонь. С уважением оглядев многозарядное творение итальянских оружейников, он строго заявил:

– Сумку на рентген. Порядок для всех одинаков.

Лина миновала арку, ничего больше не вынимая. Карманы практикантки были совершенно пусты, у нее даже металлических монет не было. Дождавшись, когда ее фамилию внесут в какой-то список, она забрала пистолет.

– Смотри, – предупредил ее тот же сотрудник, – в самолет с ним нельзя!

Понимающе кивнув, девушка поспешно спрятала оружие в поясную кобуру, повесила сумку на плечо. Огляделась, посмотрела на часы – времени до окончания регистрации еще хватало. Непроизвольно поправив волосы, она поняла, что должна сейчас сделать, и направилась в сторону многочисленных красочных киосков.

Пройдя мимо стеллажа журналов, Лина еле сдержалась, чтобы не остановиться с нелепо отвисшей челюстью. Да за один взгляд на эту витрину большинство воспитанниц согласилось бы остаться на целую неделю без сладкого. Удержавшись от немалого искушения, она не стала здесь задерживаться, остановилась у киоска с мороженым, на миг растерялась от изобилия, но быстро напустила на себя небрежный вид, царственно указала пальцем на самую яркую упаковку. Посмотрев на протянутую купюру, продавщица спросила:

– Мельче нет?

Лина отрицательно покачала головой. Недовольно поморщившись, женщина отсчитала сдачу. Аккуратно спрятав полученные деньги, девушка пошла дальше, внимательно изучая ассортимент киосков. Искомое обнаружилось довольно быстро. Купив несколько резинок для волос, она покрутила головой, изучая указатели. Заметив нужный, уверенно пошла в указанном направлении.

Мороженое оказалось совершенно невкусным. Приторно-сладкое, с тягучим, липким наполнителем. Противный, какой-то синтетический привкус. Оно ничуть не напоминало тот белый восхитительный пломбир, что делали в монастырской столовой по праздникам и воскресеньям. С трудом проглотив противный комок, Лина разочарованно посмотрела на яркую упаковку и без сожаления отправила едва тронутую порцию в урну.

По-новому взглянув на восхитительный калейдоскоп множества удивительных, красочных товаров, она почувствовала немалую обиду. Этот мир легко смог ее обмануть простой яркой бумажкой. Она подавила инстинктивный порыв вернуться к торговой точке и сказать продавщице что-нибудь обидное. Здесь не монастырская столовая, женщина ни в чем не виновата, она продает то, что сделано совершенно другими людьми.

На входе в туалет пришлось опять заплатить. Лине стало довольно весело от мысли, что в таких случаях делают люди, у которых нет денег. Посмотрев на унитаз, она поморщилась. Здесь явно не хватало провинившихся воспитанниц, некому было по несколько раз в день наводить зеркальную чистоту. Заглянув в другую кабинку, она не заметила существенных различий и поняла: придется довольствоваться тем, что есть – большой мир оказался местом довольно грязным.

Дойдя до умывальника, Лина критически осмотрела свое изображение в большом зеркале. Осторожно потрогала уголок глаза. Синяк, полученный в жестком спарринге с инструктором, прошел бесследно, но ей казалось, что до сих пор сохраняется небольшая припухлость. Достав расческу, она быстро причесала волосы, собрала их, перехватила купленной резинкой. С удивлением уставилась в зеркало – результат ее попросту ошеломил. Девушка, смотрящая на нее, была удивительной и загадочной. Лина не могла себе представить, что эта незнакомка умеет стрелять из пулемета и прыгать с парашютом со сверхмалых высот. Вид у нее стал такой несерьезный, что она едва не вернула прическу на место. Но, поняв, что теперь ее облик не соответствует строгим стандартам Монастыря, победно усмехнулась, встряхнула своим новым конским хвостом и направилась к выходу.

В душе играла веселая мелодия, Лина едва сдерживалась, чтобы не улыбаться во весь рот. Сожаление вызывало лишь то, что ее не видят сейчас другие выпускницы. Нет, ни за что она не пойдет в парикмахерскую стричься накоротко, прическа просто великолепна, разве что стоит немного подровнять волосы. А кроме того, ее одним движением можно быстро вернуть к уставному образцу, если в этом возникнет надобность.

Остановившись перед очередным киоском, она внимательно изучила разложенные товары, указала пальцем:

– Дайте мне, пожалуйста, эти часы.

Продавец без всяких комментариев протянул облюбованную вещь, но, глядя, как девушка примеряет стальной браслет, предупредил:

– Это мужская модель.

– Ну и что? Они же не боятся ударов и водонепроницаемые. Мне такие

как раз и нужны.

– Возьмите лучше эти. Цена практически такая же, все аналогично, а размер гораздо меньше.

– Нет! Мне вполне подходят эти. У них большой удобный циферблат.

Лина не стала пояснять, что с такими часами легко ориентироваться по солнцу или луне, определяя стороны света. Она сильно подозревала, что обычным людям такие навыки ни к чему, вряд ли это пригодится в городских условиях.

Как-то противно улыбнувшись, продавец покачал головой:

– Парням не нравится, когда девушки носят такие большие часы.

– Мне мнение мужчин ни к чему, – спокойно заявила Лина и хладнокровно пояснила: – Я ведь лесбиянка.

Оплата товара прошла в полном молчании. Направляясь на регистрацию, Лина не сдержала улыбки. Теперь ей будет что положить на стол перед аркой металлоискателя.

Молодая женщина у стойки проверила билет и паспорт. На контроле при виде пистолета нахмурились. Подошел сотрудник службы безопасности, увел Лину в маленькую комнатушку. Там она заполнила специальный формуляр, ей выдали расписку, по которой она получит оружие назад после посадки в Хабаровске. Она так и не поняла, зачем монастырскому руководству нужно было создавать ей такие сложности. Пистолет спокойно могли выдать и на месте, а кроме того, было непонятно, зачем вообще его с собой таскать.

Сумку Лина сдала в багаж, она была тяжелой и крупногабаритной. Перед этим ее пришлось обернуть в пленку, чем занимался специальный работник с хитроумным аппаратом. Но рюкзачок остался, его она отдавать не стала. Поднявшись в зал ожидания, Лина немедленно попробовала вызвать Ленку. Но женский голос заявил, что абонент недоступен. Неизвестно, каким транспортом двигалась подруга, возможно, телефон ей пришлось выключить или там не было сети сотовой связи. Звонить Вике она побоялась: та могла все еще находиться на территории Монастыря. Безуспешно попробовав набор номера еще несколько раз, Лина увидела, что началась посадка на ее рейс.

Выждав, когда очередь уменьшилась, девушка встала в хвост, получила свой посадочный талон. Посмотрев на номер места, она увидела букву «С». Это ее вполне устраивало кресло будет с левой стороны, у прохода, и, судя по цифре, довольно близко к хвосту. Навыки, вдолбленные в Монастыре на уровне инстинктов, требовали во всех жизненных ситуациях стремиться к максимальной безопасности и свободе маневра.

Лину обрадовало, что сейчас ей не пришлось прилагать для этого никаких усилий. По статистике, в хвосте гораздо больше шансов выжить при катастрофе, а для того, чтобы выбраться в салон, не потребуется протискиваться мимо других пассажиров.

Практикантка никогда еще не летала на пассажирских самолетах, но знала о них гораздо больше, чем все пассажиры рейса вместе взятые. Вряд ли они догадывались об уязвимых точках этих машин и полных технических характеристиках. На главном полигоне располагалось несколько разлохмаченных корпусов и действующий тренажер, на котором воспитанницы отрабатывали штурм захваченного авиалайнера или, наоборот, играли роль террористов. При этом возле головы Лины однажды разорвалась светошумовая граната. Если бы не закрытый шлем, она бы наверняка оглохла и ослепла на всю оставшуюся жизнь. Но все равно в лазарет ее доставили без сознания; пришлось валяться там три дня, а потом получать страшный разнос от Мюллера. Настоятельница разбушевалась так, что Лина с огромным трудом удержалась от полной срамоты и не пополнила собою позорные ряды тех воспитанниц, что со страху обмочились в жутком кабинете. После этого она твердо запомнила, что лучше перегрызть себе горло, чем получить в ходе тренировки серьезную травму.

Автобус привез пассажиров к трапу, здесь вышла очередная заминка – проверяли посадочные талоны. Пассажиры суетливо сгрудились внизу, стараясь первыми проникнуть в самолет. Лина не торопилась, терпеливо ждала, когда схлынет это человеческое стадо. Она нисколечко не верила, что лайнер улетит без нее. Но большинство людей не сомневалось в коварстве пилотов, иначе трудно было объяснить, зачем они так неистово рвутся вверх, мешая друг другу. Даже младшие воспитанницы в сравнении с этими пассажирами выказывали больше интеллекта и терпения. Девушка поняла, что свобода и многообразие большого мира почему-то не способствуют развитию ума и уверенности в себе.

Выждав, когда трап освободится, она протянула свой талон взъерошенной женщине, спокойно поднялась наверх. Стюардесса бегло взглянула на бумажку с оторванным корешком, торопливо указала в сторону хвоста:

– Идите. Можете занимать любое свободное место, их много.

Несмотря на некомплект пассажиров, в салоне было довольно душно и стоял запах не слишком чистого человеческого тела, перебиваемый крепким коктейлем различных парфюмерных средств. Лина едва не задохнулась, пока дошла до хвоста. Положив рюкзачок под кресло, она

заняла свое место. На двух других располагались молодые парни, смотревшие на нее с явным одобрением. Проигнорировав их изучающие взгляды, Лина расслабленно откинулась на мягкую спинку. От духоты и мерзкого запаха ее начало подташнивать, она не понимала, почему остальные пассажиры ведут себя как ни в чем не бывало. В туалете аэропорта было еще хуже, но там с этим можно было смириться. Здесь же придется пролететь несколько часов, нельзя будет сбежать отсюда ни на минуту. Лина поняла: люди большого мира плохо различают запахи.

В спинке переднего кресла она увидела специальный карман с глянцевым журналом. Незаметно покосившись по сторонам, убедилась, что многие пассажиры листают его совершенно свободно – значит, это не запрещено. Приняв небрежный вид, она извлекла журнал из гнезда, принялась лениво перелистывать. Изображений различных мужчин хватало, но ничего эротического в них не было. Почти на каждой странице приводилось множество коротких сообщений, информирующих о достоинствах различных товаров, а из развернутой статьи в самом начале Лина поняла, что летит самолетом самой лучшей авиакомпании страны. Она даже поежилась, представив, какая вонь может свирепствовать на лайнерах других компаний. Что ни говори, хоть в чем-то ей повезло.

Сосед по ряду, выделяющийся яркой цветастой рубашкой, искоса бросал на нее заинтересованные взгляды. От него не отставал второй парень, сидящий возле иллюминатора. Лина, как практически все женщины, почти не сомневалась в своей привлекательности. Сегодня она не раз замечала на себе внимательные мужские взгляды, что только подтвердило ее мнение. Ей казалось, что с измененной прической она стала и вовсе неотразимой, так что поведение соседей ничуть ее не удивило.

Цветастый парень наконец не выдержал, достал какую-то светлую прямоугольную упаковку, вытряхнул белые маленькие подушечки, ловко закинул в рот. Чуть повернулся, протянул руку.

– Хочешь? – с веселой искоркой в глазах поинтересовался он.

Лина непонимающе нахмурилась. Она понятия не имела, что ей сейчас предлагают, но помнила строгие наставления: молодежь большого мира склонна к употреблению наркотиков и вредных для здоровья веществ. Однажды, в рамках курса технологии проведения допросов, ее жестоко накачали сывороткой правды. Ощущения были, мягко говоря, не слишком приятные, она до сих пор вздрагивала при воспоминании о тех событиях. Повторения не хотелось. Заподозрив что-то неладное, сосед пояснил:

– Это для зубной эмали очень полезно.

Он оскалился во весь рот, демонстрируя двойной ряд неестественно

белоснежных зубов. Тренированное зрение практикантки позволило заметить, что спереди они покрыты пластинками из постороннего вещества, именно оно и обладало таким ненатуральным блеском. Лина вспомнила многочисленные рассказы о том, что люди большого мира часто страдают от заболеваний полости рта. Парень тем временем жизнерадостно пояснил:

– У меня в день больше пачки уходит. Видишь, какой результат? Бери!

– Нет, спасибо, – вежливо отказалась Лина.

Завязалась беседа. Девушка отвечала почти односложно, она мало что понимала из слов молодого соседа. Того звали Олег, а парня возле иллюминатора – Дима. Они работали вместе и летели в Хабаровск по каким-то производственным делам. Лина так и не смогла понять, чем же они все-таки занимаются, половина его слов была ей попросту непонятна, к тому же многие из них имели иностранное происхождение. Девушка всячески изворачивалась, стараясь говорить как можно меньше, она справедливо опасалась, что соседи быстро постигнут ее отличие от нормальных людей, а ей не хотелось вызывать их недоумение.

К счастью, началась предвзлетная суета с застегиванием ремней безопасности и выслушиванием различной полетной информации. Самолет направился к взлетной полосе. Он долго колесил по рулежным дорожкам, затем немного постоял и, сделав солидный разбег, оторвался от земли. До этого Лина летала только на вертолетах и небольших винтовых самолетах. Сейчас ощущение было совершенно другое. Огромная машина двигалась очень плавно, без резких рывков или толчков. Толстая обшивка хорошо скрадывала гул от огромных двигателей, так что оглушающего рева не было. Лайнер медленно завалился на крыло, лег на нужный курс, принялся быстро набирать высоту. В салоне стало гораздо прохладнее и резко уменьшилась вонь. Видя, что сосед скоро возобновит нежелательный разговор, Лина немного опустила спинку кресла, подняла голову, закрыла глаза. Вести любезную беседу в течение нескольких часов у нее явно не получится. Она попросту не знает очень многих элементарных вещей, известных каждому обитателю большого мира; не на каждый вопрос можно ответить односложно или промолчать, придется давать какие-то пояснения, а уверенности, что все получится как надо, у нее не было.

Олег повернулся к дремлющей девушке, рассмотрел ее повнимательнее. Нельзя не признать, что она очень привлекательная, но ему доводилось видеть и не таких. Парень чувствовал: с ней что-то не так. Поведение странновато: красотка даже не представилась, но у каждого свой характер, двух одинаковых людей не бывает, кто знает, что у нее в голове.

Нет, дело все же во внешности– она чем-то неуловимо отличается от обычных девушек. Приглядевшись, он заметил едва различимую полоску небольшого шрама над бровью, еще одна светлая звездочка виднелась под ухом. Но залечено все было так тщательно, что заметить следы ран было невероятно трудно. Олег почему-то подумал, что через год-другой от них не останется и следа.

От созерцания его отвлек резкий хлопок по плечу. Обернувшись к соседу, он недовольно спросил:

– Чего тебе?

– Хватит так пялиться, – весело заявил Дима, – ты скоро дырку в ней просверлишь!

Погрозив другу кулаком, Олег откинулся на спинку кресла и только тут наконец понял, что его удивило во внешности необычной соседки – у нее на лице не было даже следов косметики.

В десантном отсеке было довольно тесно и сильно воняло нефтепродуктами. Шестнадцать воспитанниц сидели у стен, прислонившись надетыми парашютными мешками к вибрирующей обшивке. Между колен, упершись прикладами в пол, покачивались армейские автоматы. Вертолет резко дернулся, проваливаясь в воздушную яму, с надрывом взревели двигатели, машина плавно выровнялась. Девушки дружно подняли головы, глядя на замигавшую сигнальную лампочку, начали подниматься, изготавливаясь к десантированию.

Инструктор открыла дверь, по отсеку загулял яростный ветер. Лина подняла руку, нащупала круговой переключатель, повернула его до легкого щелчка. Прибор ночного видения заработал совершенно бесшумно. Девушка знала, что на полный прогрев электроники уйдет около двадцати секунд. Маска оставалась задранной кверху, но достаточно одного короткого движения, чтобы окуляры опустились на глаза, расцвечивая ночной мир в призрачно-зеленые тона.

Встав в очередь, Лина развернулась к выходу. Прыжок предстоял очень непростой: высота менее двухсот метров, темная ночь, низкая облачность, иногда срывается мелкий, холодный дождь. Что их ждет внизу – неизвестно. Инструктор ни за что не скажет, а на главном монастырском полигоне есть все виды ландшафтов, кроме, пожалуй, высоких гор и ледников. Можно запросто угодить в густой лес или озеро, при этом надо постараться не сломать ногу и сохранить оружие, чтобы к рассвету добраться до назначенной точки и отстреляться по своим мишеням. Оправдания здесь не принимаются: если ты утопила автомат или

покалечила конечности – это твои проблемы. Зачет принимается только по результатам стрельбы. Кто не сдаст – усиленная клизмотерапия от инструктора, потом прогулка на ковер к Мюллеру.

Воспитанницы одна за другой исчезали в ночи, дошла очередь Лины. Встав в дверях, девушка отточенным движением рыцаря, опускающего забрало шлема, сбросила на глаза маску ноктовизора, на миг напряглась. С такой высоты долететь до земли в свободном падении можно за каких-нибудь пять секунд. Запасного парашюта не было: им просто не успеешь воспользоваться. Малейший сбой– и все. Даже падение в глубокое озеро не поможет: слишком велика высота, даже если выживешь, то от страшного удара потеряешь сознание и неминуемо захлебнешься.

Пригнувшись, Лина прыгнула вперед и чуть не закричала. Какая-то незримая сила цепко ухватила ее за живот, упрямо потянула назад, в полумрак салона. Дернувшись еще раз, она вдруг почувствовала, что плечо легонько трясет чья-то рука, а все вокруг наливается ярким светом.

Ошеломленно оглядевшись, Лина поняла, что это был всего лишь сон. Она по-прежнему находилась в пассажирском лайнере. Живот ее перехватывал ремень безопасности, она не успела его расстегнуть, так как уснула до полного набора высоты. Он-то и мешал ей при прыжке из вертолета. На нее встревоженно смотрели Олег и светловолосая молодая стюардесса. Благодарно кивнув, Лина произнесла:

– Спасибо, что разбудили! Мне плохой сон приснился.

– Вам чего-нибудь принести? – предложила стюардесса.

– Нет, спасибо, – улыбнулась практикантка, – со мной все будет в порядке, не волнуйтесь.

Стюардесса пошла дальше, а Олег покачал головой:

– Ну ты и спишь – танком не разбудишь! Сейчас уже обед начнут разносить. Больше нас так не пугай.

– Постараюсь.

– Что же ты ночами делаешь, если так крепко умудрилась заснуть в самолете? – усмехнулся парень.

Лина могла бы многое рассказать про жестокий распорядок дня в Монастыре, но вряд ли он ей поверит. На сон там уделялось ровно столько времени, чтобы днем не падать в обморок. Добравшись до коек, воспитанницы обычно валились как убитые; если через минуту кто-нибудь все еще бодрствовал, то это считалось серьезным психическим нарушением. Они привыкали засыпать везде, в любых условиях, хоть в работающей бетономешалке, и просыпаться мгновенно, без всякого раскачивания. Некоторые могли ненадолго задремать прямо на ходу, но это

были настоящие профессионалки. Все, что получалось у Лины, это поспать пять – десять минут в читалке, с умным видом склонившись над книгой. Иногда этих мгновений вполне хватало, чтобы не потерять сознание на вечерней тренировке.

Не ответив парню, она поспешно достала рюкзачок, рассмотрела себя в маленькое зеркало, осталась недовольна: прическа здорово пострадала. Расчесываться в салоне не слишком удобно, Лина уже было надумала идти в туалет, как вдруг заметила нечто странное. В зеркальце отразилось, как в заднем ряду плечистый светловолосый мужчина загадочно кивнул, глядя в начало салона. Чернявый крепыш, повернувшийся в своем кресле, на миг прикрыл в ответ глаза. Лине стало интересно, почему эти люди, явно хорошо знакомые друг с другом, сидят в разных местах. Не опуская зеркальце, она внимательно изучила заднего, быстро поняла, что его волосы крашеные, причем сделано это совсем недавно. Более того, мысленно пролистав альбом, где были собраны национальные черты многих этносов, девушка поняла, что этот человек, по-видимому, родом с Северного Кавказа, причем старается скрыть этот факт.

От дальнейшего рассмотрения странного пассажира девушку отвлек Олег. Он всерьез принялся забрасывать ее разными вопросами, и, судя по его реакции, некоторые ответы вызывали у парня недоумение. Тем временем светловолосый мужчина быстро прошел в передний салон. За ним туда же отправился чернявый. Лина чуть не прокляла Олега: тот никак не давал ей сосредоточиться и спокойно обдумать ненормальное поведение двух мужчин. Как отделаться от этого назойливого парня без лишнего шума, она совершенно не представляла.

Один из пассажиров, сидящий впереди, нажал кнопку вызова стюардессы. Потом еще раз, но безуспешно. Откуда-то со стороны переднего салона послышался слабый хлопок, потом еще три подряд. Девушка насторожилась: эти звуки очень напоминали выстрелы из малокалиберного оружия. Проанализировав все имеющиеся факты, Лина отчетливо поняла, что зря села в этот лайнер. Сомнительно, что полет будет продолжаться по расписанию, она неизбежно опоздает и создаст о себе негативное впечатление в первый же день практики.

Занавеска дернулась, показалась та же стюардесса. Странным, звенящим голосом, фальшиво улыбаясь, она объявила:

– Уважаемые пассажиры! Просим прощения за задержку с обедом, он немного переносится по техническим причинам.

Лина склонилась в проход и требовательно взмахнула рукой. Неуверенно оглянувшись, стюардесса пошла вперед, на ходу быстро

отвечая любопытным пассажирам.

– Вы что-то хотели? – спросила она, склонившись над Алиной.

– В чем дело? – требовательно поинтересовалась девушка. – Что происходит в самолете?

– Ничего страшного, – голос стюардессы был довольно неубедителен, – все хорошо, просто…

– Рассказывайте, – перебила ее Лина. – Я сотрудница службы безопасности атомной промышленности. Быстро и коротко объясните: что здесь происходит?

Недоверчиво посмотрев на юную девушку, стюардесса все же произнесла:

– Самолет захвачен.

– Сколько их?

– Было трое, но один сейчас лежит без сознания, его успел ударить Жора, он боксер.

– Что с пилотами?

В глазах стюардессы выступили слезы:

– Мне кажется, там все убиты. У них ножи и пистолеты, они… они… – В голосе проскользнули рыдающие нотки.

– Успокойтесь немедленно! – требовательно заявила Лина. – Вы не должны выказывать свою слабость перед пассажирами. Как вас зовут?

– Т-татьяна.

– Вот и хорошо, а меня можете звать Лина. Скажите, Татьяна, как по-вашему, что им здесь надо?

– Не знаю. Они, похоже, не могут самостоятельно управлять самолетом, а экипажа больше нет.

– Лайнер сейчас на автопилоте?

– Наверное. Ведь за штурвалом никого нет.

– Где они расположились?

– Перед кабиной. Пытаются привести в чувство третьего.

– Вот что, Татьяна, если мы их сейчас не остановим, то самолет выработает все горючее и рухнет с высоты десять километров. Ты это понимаешь?

– Д-да. Они наверняка этого и добиваются.

– Остался на борту еще кто-нибудь, кто может управлять самолетом?

– Нет. Все были у кабины. Обед. Из экипажа осталась только Света, но она рыдает за шторой.

Повернувшись к перепуганному Олегу, Лина строго предупредила:

– Не вздумай паниковать! Другие пассажиры не должны знать о том,

что здесь происходит.

Встав, девушка тихо приказала стюардессе:

– Иди в передний салон, но к угонщикам близко не подходи. Я пойду следом, но старайся не оглядываться.

– Что ты собралась делать?

– Не бойся, сейчас мы вернем самолет.

Стюардесса пошла вперед, как загипнотизированная. Рассудком она прекрасно понимала, что девчонка не сможет победить двух крепких, тренированных мужчин. Но ее голос был столь убедителен, что Татьяна послушалась, как марионетка.

Лина шла за стюардессой. Она медленно приводила в порядок свои мысли, добиваясь полной гармонии тела и духа перед быстротечной схваткой. По-хорошему, не стоило бы так спешить, однако практикантка опасалась, что террористы наглухо закроются в кабине либо выведут из строя оборудование самолета. В последнем случае гибель будет неизбежной, никакая тренировка не поможет выжить после пикирования с десятикилометровой высоты. В кухонном блоке горько рыдала вторая стюардесса, Лина даже не взглянула в ее сторону. Искать оружие здесь тоже бесполезно: никто не держит в пассажирских самолетах стальные ножи или топоры.

В переднем салоне пассажиры сидели перепуганными статуями. Немудрено, ведь захват самолета происходил на их глазах. Татьяна прошла до конца, замерла неподалеку от лежащего угонщика. Тот развалился вдоль прохода, раскинув руки в стороны. Чернявый крепыш яростно брызгал на него водой из пластиковой бутылки, второй стоял рядом, с пистолетом в руке. Взглянув на стюардессу, он прошипел:

– Что тебе здесь надо?

Больше угонщик сказать ничего не успел. Татьяна так никогда и не поняла, что именно произошло в этот момент, ее зрение оказалось бессильным, не смогло уследить за молниеносной воспитанницей Монастыря. Только что все было тихо и спокойно, Лина оставалась далеко позади. Но в какой-то миг странная девчонка неожиданно оказалась перед стюардессой, та не только не заметила, что ее обогнали, но вообще не увидела движения. Стюардессе показалось, что она явилась свидетельницей фантастического явления, именуемого нуль-транспортировка.

Появившись перед стоящим угонщиком, Лина коротко, без замаха щелкнула его ладонью по самому кончику носа. Несерьезный с виду удар был на удивление болезненный и ошеломляющий, но террорист даже не

успел это осознать – вторая рука выстрелила вперед, вбивая полусогнутые пальцы в кадык; возвращаясь назад, она ребром ладони прошлась по запястью, выбив пистолет. Махнув ногой, девушка вбила каблук в висок чернявого крепыша, даже не возвращаясь в стойку, ударила коленом в пах первого противника и окончательно его добила сдвоенным хлопком ребер ладоней в основание шеи.

Отступив на пружинисто согнутых ногах, Лина мгновенно оценила результаты атаки, осталась ими весьма довольна, немедленно расслабилась. Все было кончено, причем настолько быстро, что первый угонщик еще не достиг пола – продолжал падать. Повернувшись к перепуганной стюардессе, она спокойно и четко произнесла:

– Там, в хвостовом салоне, сидит офицер с летными погонами. Приведи этого человека сюда, да поскорее, и свяжи с его помощью этих агрессоров. Скотч у вас в самолете есть?

– Д-д-да!

– Отлично, вот им и свяжете. Поспешите, через несколько минут они могут очнуться.

Нагнувшись, Лина подняла пистолет, удивленно покачала головой. Такого оружия ей держать в руках еще не доводилось. Он был целиком сделан из пластика и стекла, переламывался, как дробовик, и имел два тонких ствола. Спрятав его за поясом, девушка шагнула в кабину.

Здесь делать было уже нечего, угонщики постарались на славу. Пол был залит кровью, вокруг лежали тела членов экипажа. Окинув картину разгрома опытным взглядом, Лина заметила одного выжившего летчика. Пилот был без сознания, на его виске наливалась чудовищная гематома. Потрогав ее пальцем, девушка нахмурилась: кости черепа вогнуло в опасном проломе. Подняв мужчине веки, она обнаружила, что зрачки имеют разный размер. Этот человек не сможет сегодня сесть за штурвал, ему необходима срочная медицинская помощь.

Лина вернулась назад, к месту схватки. Офицер с помощью Татьяны пеленал уже второго угонщика. Присев рядом, девушка поинтересовалась:

– Вы сможете управлять этим самолетом?

– Нет, – четко ответил он. – Не смотрите на мои погоны – я офицер батальона аэродромного обслуживания.

Рядом выросла вторая стюардесса.

– И-извините, – все еще всхлипывая произнесла она. – Чем я могу вам помочь?

– Не знаю. – Лина покачала головой. – А где же ваш коллега-мужчина?

– В кабине, – вздохнула Татьяна.

Чуть подумав, Лина начала раздавать приказы:

– Значит, так. Света, немедленно вытри слезы и пройдись по самолету. Разузнай, нет ли среди пассажиров людей, знакомых с летным делом. Татьяна, возьми тряпку и направляйся в кабину. Вы, офицер, идите с ней. Окажите медицинскую помощь раненому пилоту и уложите всех убитых в одно место. Вытрите кресла, они нам понадобятся. Здесь я сама разберусь, без вас.

Безжалостно спеленав третьего пленника – крашеного блондина, она ожесточенно потрепала ему уши, хлестнула по щеке и нажала на чувствительную точку под затылком. Тот застонал, медленно раскрыл мутные глаза, скривил болезненную гримасу. Не дав ему времени на раскачку, Лина вновь хлестнула по щеке и громко потребовала:

– Быстро отвечай: умеешь управлять самолетом?!

– Н-нет, – простонал он. – Толик умеет, он наш пилот.

– Какой Толик?

– Ему в самом начале кулаком досталось.

Понимающе кивнув, Лина вновь вырубила «блондина», двинув ему локтем по нижней челюсти, и повернулась к Толику. Здесь ей делать было уже нечего: неизвестный Жора постарался на славу. Сокрушенную переносицу вдавило в голову, острые осколки кости пробили лобные доли мозга. Угонщик уже хрипел в агонии. Подошла Света. Взглянув в требовательные глаза Лины, она сокрушенно покачала головой:

– Есть один авиамоделист.

– Мне кажется, в этой ситуации он нам не очень подходит.

– Это понятно, но других специалистов нет. Там пассажиры очень волнуются.

– Неудивительно. Попробуй их как-нибудь успокоить. Для нас самое главное, чтобы они не начали носиться по всему салону.

– Хорошо.

Вернувшись в кабину, Лина увидела, что стюардесса с офицером времени зря не теряли. Нельзя сказать, что здесь все было как обычно, но по крайней мере трупы под ногами уже не валялись.

– Где сидит пилот? – спросила Лина у Татьяны.

– Он не один.

– Я понимаю. Где главное место?

– Вот.

Заняв указанное кресло, Лина растерянно уставилась на великое множество различных индикаторов и органов управления. О большей части она имела довольно смутное представление, а назначение некоторых

вообще было полной загадкой. Стюардесса, накрепко уверовав в огромные способности странной пассажирки, с надеждой спросила:

– Ты умеешь управлять лайнером?

– Еще не знаю, – задумчиво ответила Лина.

После таких слов все дальнейшие вопросы отпали сами собой. Не обращая внимания на испуганную стюардессу и мрачного офицера, девушка продолжала изучать приборную панель. Она умела управлять вертолетом, немало часов налетала на самолетах малой авиации. Но про управление большими лайнерами знала только теоретически и по нескольким занятиям на тренажере. Лина хорошо понимала, что, взяв управление на себя, может быстро погубить эту огромную машину. Даже если у нее все получится, самолет надо будет еще правильно посадить, найдя подходящий аэродром. Она сомневалась, что сложнейший автопилот будет в этом деле надежным помощником: девушка заметила несколько тревожных показателей. Две пули пробили приборную панель, и скорее всего для навигационной системы это не прошло бесследно. Автомат выведет самолет куда угодно, но только не на полосу.

С радиоаппаратурой Лина разобралась довольно быстро. Подобная техника всегда конструируется по одним и тем же принципам, достаточно их изучить на нескольких примерах и можно будет не теряться при встрече незнакомого агрегата. Надев наушники, девушка зажала переключатель гарнитуры, громко спросила:

– Говорит рейс Д7-161. У нас на борту чрезвычайная ситуация. Кто слышит, ответьте?!

Наушники ожили почти мгновенно:

– Дежурный диспетчер Дальневосточного центра. Почему не отвечали на запросы?

– Попытка захвата. Экипаж уничтожен, угонщики задержаны, в данный момент самолет идет на неисправном автопилоте.

– Вы стюардесса?

– Нет, простая пассажирка. Имею навыки управления самолетами малой авиации, в том числе и двухмоторными. Лучших специалистов у нас на борту нет. Выживший пилот находится без сознания, у него опасная черепно-мозговая травма. Подозреваю, что аппаратура спутниковой навигации функционирует с нарушениями из-за механического повреждения, отладить ее работу не могу.

– Оставайтесь на связи.

Повернувшись назад, Лина произнесла:

– Идите в салон. Там надо помочь Свете. Выберите из пассажиров тех,

кто покрепче и поспокойнее, нельзя допустить паники. Если все дружно начнут метаться по самолету, автопилот может не справиться с изменениями центра тяжести.

Офицер и стюардесса ушли. Лина очень сомневалась, что перепуганные пассажиры смогут перевернуть лайнер, но на всякий случай надо предусмотреть все.

– Сто шестьдесят первый, – ожила рация.

– На связи.

– Как вас зовут?

– Ветрова Алина.

– Алина, самолет действительно сильно уклоняется к северу, при нормально работающем автопилоте это невозможно. У вас горючего примерно на полтора часа полета. Согласно расписанию, через восемь минут вы должны начать снижение, причем делать это придется вручную, на автоматику надежды нет, характер повреждения неизвестен, хотя, по-видимому, они небольшие. Как поняли?

– Хорошо, попробую. Но учтите, мне нужно постоянное ведение с земли, без точного непрерывного контроля я никогда не достигну аэродрома.

– Мы передадим вас хабаровским диспетчерам, они выведут самолет на полосу. Вы сможете отключить автопилот?

– Да.

– Алина, запомните краткую информацию. Все маневры выполняйте очень плавно, без нагрузки на управление. Если удержать машину не удастся и самолет войдет в штопор, с силой выжимайте штурвал от себя; при стабилизации, не маневрируя, перейдите в горизонтальный полет. В случае неудачного выхода на полосу не пытайтесь скорректировать курс в последний момент, лучше уйдите на второй заход горючего у вас хватит. Шасси выпустите заранее – управление сразу ухудшится, но у вас будет при этом резерв высоты. При наличии свободных мест рекомендуем разместить большую часть пассажиров в хвосте: это самое безопасное место при неудачной посадке.

– Хорошо, подождите немного, я ненадолго выйду: необходимо все передать стюардессам.

Покинув кабину, Лина направилась в передний салон. По проходу ходил плечистый мужчина, Света стояла возле занавески. Хлопнув стюардессу по плечу, девушка сказала:

– Надо занять все хвостовые места, и пусть пассажиры хорошо пристегнутся. Я сейчас начну снижение, будет весело.

Испуганно кивнув, стюардесса поспешила в задний салон. Лина вернулась в кабину, пристегнулась покрепче. Ей было одновременно страшновато и отчаянно весело. Она чувствовала немалое возбуждение от одной мысли, что эта огромная машина сейчас перейдет под ее полный контроль. Тщательно проверив большинство важнейших показателей, она убедилась, что, скорее всего, все в порядке: красных индикаторов или других тревожных сигналов видно не было.

В кабину вошел офицер:

– Все! Пассажиры готовы.

– Хорошо, поскорее присядьте и пристегнитесь, я сейчас начну.

Офицер вышел, Лина нажала переключатель:

– Я сто шестьдесят первый. Ответьте!

– Говорит диспетчерский пост аэропорта Хабаровск. Вас также слушает кризисный центр. В случае необходимости для получения технических советов обращайтесь непосредственно к нему. Вы готовы начать снижение?

– Да. Какой выдерживать угол?

– Алина, боюсь, вам не удастся делать снижение по правилам. Мы очистили все пространство, отменили вылеты. Вы в небе одни, так что не бойтесь, действуйте так, как вам будет удобно. Характер повреждений аппаратуры неизвестен, непонятно, насколько можно доверять приборам. Но мы всегда сможем подкорректировать ваш курс в случае необходимости.

– Хорошо, поняла! Выключаю автопилот.

– Удачи вам!

Лишившись управления, самолет легонько дрогнул, начал медленно заваливаться на левое крыло. Лина этого не ожидала, она почему-то была твердо уверена, что машина должна клюнуть носом. Штурвал нехотя поддался, но коррекция была слишком резкой – лайнер немедленно склонился на другую сторону, противно завибрировал, стараясь запрокинуться еще дальше. Девушка пресекла буйство техники, плавно подала самолет вниз, одновременно выпрямляя горизонт. Она с восторгом ощутила, что огромная птица повинуется новой хозяйке, бешено завертелись уменьшающиеся показания альтиметра. Ожила рация:

– Алина, чуть помедленнее, вы снижаетесь очень резко, ваш самолет не выдержит такого пикирования.

– Поняла, исправляю!

Успев набрать скорость, лайнер недовольно заворчал, отзываясь на поднятие рулей треском переборок. Снижение замедлилось, самолет

скрылся в молочной пелене облаков, продолжая неуклонно терять высоту.

– Алина, вы видите показания системы навигации?

– Индикаторы не горят, показания спутниковой системы узнать невозможно.

– Рядом находится панель аварийного гирокомпаса. Что с ним?

– На вид работает нормально.

– Вы можете разобраться в его показателях?

– Да.

– Хорошо. Надо совершить горизонтальный маневр. Для начала постарайтесь развернуться на азимут девяносто восемь. Понимаете?

– Да. Вы можете говорить короче, я разбираюсь в показателях этих приборов.

– Хорошо. Только поспешите, или промахнетесь мимо аэропорта.

Горизонтальный маневр прошел без проблем, Лине пришлось еще два раза поправлять машину, выводя ее на правильный курс. Рация не умолкала: диспетчер хвалил ее как маленького ребенка и все время успокаивал таким взволнованным голосом, что девушку так и подмывало спросить, не разваливается ли его башня. Лайнер пробил облачный слой; внизу темнела земля, вдалеке, чуть правее, тянулась широкая полоса Амура. Снижаться приходилось плавно, но Лина справилась, она почти полностью освоилась с управлением воздушного исполина. Самолет вел себя хорошо, только изредка взбрыкивал на воздушных ямах. Очевидно, новый пилот пришелся ему по вкусу, практикантка и в Монастыре славилась тем, что быстро находила общий язык с любой техникой.

Уже при подходе к аэропорту диспетчер с немалым изумлением признал, что заход выполнен практически идеально. Но Лина понимала это и сама. Из-за разницы в часовых поясах здесь уже давно рассвело, видимость была просто отличной. Девушка вела самолет, почти не посматривая на приборы; впереди отчетливо вытягивалась серая лента взлетно-посадочной полосы.

Ладонь обхватила нужный рычаг, потянула вниз. Самолет завибрировал, реагируя на выход шасси. Лобовое сопротивление резко увеличилось, Лине пришлось попотеть, гася опасные рысканья. Перед самой полосой лайнер почему-то серьезно взбрыкнул, вновь заваливаясь влево, его упрямо тянула туда какая-то неведомая сила, он не раз уже пытался лечь в ту сторону. Выпрямить машину удалось в последнюю секунду, за миг до касания.

Все-таки скорость снижения оказалась несколько великоватой. Это была вина Лины: ориентируясь на глаз, она испугалась, что перелетит через

полосу, и слишком поспешила. Шасси ударили по бетону с такой силой, что самолет затрещал всеми швами и, на мгновение припав к полосе, лягушкой подпрыгнул вверх, заваливаясь вправо. Девушка попыталась обуздать взбесившуюся машину, но тщетно. Лайнер припал на правое шасси, едва не сломав его своим весом, от катастрофы спасла хорошая скорость. Уже не слушаясь ничего, он дал крен, продолжая подскакивать из стороны в сторону.

Видя, что контроль утерян и машину сейчас вынесет за пределы полосы, Лина, жадно стремясь сделать хоть что-нибудь, врубила реверс. Двигатели послушались, мощный реактивный поток осадил самолет, но при этом развернул его еще сильнее. Припадочно дергаясь и попрыгивая, лайнер вылетел на зеленый газон. Страшным рывком вырвало из рук штурвал; бросив все попытки повлиять на ход событий, Лина отчаянно вцепилась в подлокотники кресел, второй раз в жизни взмолилась Богу. Несмотря на грохот, из-за спины отчетливо слышался тоскливый вой пассажиров.

Левое крыло с ужасной силой ударило по решетчатой антенне. От этого самолет развернуло еще больше. Лина увидела приближающуюся громадину большого лайнера. Скорость была уже пониже, но все же довольно опасная. Не зная, удастся ли ее сбросить до столкновения, девушка рефлекторно сжалась, пряча голову. Переднее шасси ударилось о стоящий грузовичок технической службы с такой силой, что в приборной панели что-то заискрило, по кабине пошла вонь горящей изоляции. В ореоле ярких искр машину с грохотом протащило несколько десятков метров, прежде чем лайнер наконец замер на месте.

Увидев, что самолет окончательно остановился, Лина сбросила газ, перевела двигатели на холостой ход. Она знала, что резко глушить их нельзя. Отстегнув ремень, девушка выскочила в салон. Здесь Света с помощью офицера открывала аварийный выход. Вскоре пассажиры начали покидать самолет.

Лина покинула лайнер последней. Съехав по аварийному трапу, она вскочила на ноги, первым делом нацепила рюкзачок, затем поправила прическу. Вокруг сверкали десятки мигалок, возникло такое ощущение, что сюда съехались все аварийные машины города. Лину обступили какие-то люди в строгих костюмах. Один спросил:

– Алина?

– Да.

– Где угонщики?

– Возле кабины пилотов. Они связаны. Там одному пилоту нужна

срочная медицинская помощь – черепно-мозговая травма, кровоизлияние.

– Хорошо!

Говоривший поспешно направился в сторону группы вооруженных омоновцев, а двое мужчин повели девушку в сторону аэровокзала. Там ее продержали недолго. Рассмотрев документы, ей вернули вещи и пистолет, специально поторопив работников аэропорта, после чего отвезли в местное управление ФСБ. Вот здесь пришлось просидеть несколько часов. Она по десять раз описывала ход событий, подписала кучу различных протоколов. Правда, отнеслись к ней довольно неплохо – в глазах чекистов Лина была героиней. Ее несколько раз напоили чаем и кофе, принесли какой-то сомнительный завтрак, который она попробовала только из вежливости.

Перед тем как отпустить, потребовали оставить телефон. Узнав, что у нее только мобильный, нахмурились. Пришлось дать номер диспетчера Восточно-Российского региона. Время было далеко за полдень, когда она спустилась с крыльца монументального здания. Выйдя на тротуар, Лина быстро поймала такси, продиктовала адрес.

Девушка проклинала свою непутевую судьбу. Она опоздала с прибытием на несколько часов. И хоть причина была уважительной, в Ордене это не является оправданием. Если б это была настоящая боевая операция, Лине бы наверняка устроили ужасный разнос. Но и сейчас положение было довольно неприятным. Оставалось надеяться, что местный начальник окажется либеральнее Мюллера и не станет сильно буйствовать.

Так и оказалось.

Глава 3

Панарин Игорь Владимирович, руководитель Хабаровского филиала Ордена, был мужчиной заметным. Такого круглого брюха, как у него, не было, пожалуй, ни у одного сотрудника Восточно-Российского региона. Служба его была спокойна и легка. Сотрудников имелось много, но взаимодействие между ними налажено четко; структуру управления выстраивали не одно столетие, она не требовала постоянного вмешательства начальства. Более того, имея ярко выраженные демократически замашки, Панарин всячески приветствовал здоровую инициативу своих подчиненных. А если называть вещи своими именами – попросту старался вмешиваться в работу филиала как можно меньше.

В данный момент он занимался своим любимым делом – перекусывал. Мамон требовал к себе бережного отношения, его следовало постоянно поддерживать в идеальной форме. Из-за этого приходилось питаться пять-шесть раз в день. Панарин старательно сложил многослойный бутерброд, обхватил его всеми десятью пальцами, зажмуривая глаза, поднес ко рту. В этот момент в дверь коротко постучали. Прокляв нечестивца, помешавшего в самый святой момент, он рявкнул:

– Кто там еще?

Дверь раскрылась, на пороге выросла молоденькая девушка. Оглядев ее невысокую, но ладную фигурку и оценив правильные, тонкие черты лица, Панарин чуть смягчился:

– Прелестное дитя, кто же тебя сюда пустил?

– Никто. В вашей приемной пусто, секретарши на месте нет, а охране на вахте я показала свое направление.

– Как меня эта Нинка достала, – сокрушенно пожаловался Панарин. – Небось, опять к сенсам убежала, кофе с ними дуть. А что там за направление?

– Ветрова Алина Игоревна, прибыла в ваш филиал для прохождения двухмесячной практики, – четко отрапортовала девушка и, подойдя ближе, положила свернутое вдвое направление на стол, между бутылкой кетчупа и пластмассовой тарелкой с резаной колбасой.

Развернув бумажку, Панарин нацепил очки, начал читать. Изучив первые строки, он барственным тоном указал:

– Присаживайтесь.

Девушка послушно уселась на край массивного стула. Внимательно

изучив направление до конца, руководитель покачал головой:

– Ты точно уверена, что тебе нужен оперативный отдел? Да еще и группа поиска? Туда никогда еще не направляли практиканток.

– Да.

– Смотри, я без проблем могу тебя направить к нашим сенсам. Там работа теплая, все время в городе будешь.

– У меня низкий коэффициент восприятия.

– Да там половина таких. Лезут туда в каждую щель, будто медом намазано. А что, работенка клевая: тепло, светло и мухи не кусают. А город у нас неплохой. Хоть и не Москва, но есть где развлечься. Тебе понравится.

– Нет, я направлена именно в опергруппу.

– Как хочешь, – равнодушно произнес Панарин. – Я ведь хотел как лучше. Хотя, кто знает, может, ты и права. Парни у нас там горячие.

Противно ухмыльнувшись, он достал толстую ручку, размашисто подписал направление, протянул его девушке:

– Зайдешь в канцелярию, она на втором этаже, отдашь начальнице. Там тебя уже давно ждут, ты что-то задержалась.

– Были проблемы с самолетом.

– Понятно. Там же получишь ключи от квартиры. Деньги есть?

– Да.

– Смотри, если понадобятся – возьмешь там же. Сходи пока домой, передохни, с утра заступишь на работу, тогда и начальнику поисковиков представишься.

Девушка уже собралась подниматься, как вдруг замерла. Дверь резко распахнулась от мощного рывка, в кабинет вихрем ворвался здоровенный мужчина в потертых камуфляжных брюках и тельняшке. Опершись о стол двумя руками, он горой завис над руководителем филиала. Тот, разглядев посетителя, заметно поскучнел. Здоровяк ехидно поинтересовался:

– Жрешь?

– Так ведь обед, – попытался оправдаться толстяк.

– Да вся твоя поросячья жизнь – сплошной обед! – рявкнул мужчина и с яростным надрывом добавил: – Панарин, все! С меня хватит! Отпуск давай! Немедленно!

– Но, Всеволод Григорьевич, ведь нельзя так сразу! Мало того что у нас большой некомплект, так еще и двое сотрудников временно отсутствуют.

– Да ну?! Ты что, думаешь, я этого не знаю? Шепелявый только что второй раз женился, а Полкан третий день сидит на стакане. Пробовал ему позвонить, так он сказал, что это только начало, и ушел со связи. Думаю, у

него телефон от перегара сгорел. И знаешь, что я тебе скажу? Очень может быть, что завтра мы с ним будем пить на пару! Неплохая идея и проще, чем женитьба. Ты понял – я уйду в отпуск по-любому!!!

– Да успокойтесь же вы! – чуть не заплакал Панарин.

Тут он прервался, поднял трубку зазвонившего телефона, внимательно выслушал собеседника, грозно рявкнул:

– Немедленно ко мне!

Подняв голову, объявил:

– Всеволод Григорьевич, у нас небольшое ЧП, как раз по вашей части.

– В гробу я видел и тебя, и твое ЧП, – недружелюбно заявил здоровяк.

– «Синяя тревога», – чуть не блея, произнес Панарин.

– А по мне хоть «красная» – отпуск давай, душа чернильная, иначе я за последствия не отвечаю!

Дверь открылась, впуская тощего лысого очкарика.

– Привет, Бидон! – обратился он к здоровяку.

– Здорово, моль сушеная, – ответил тот и поинтересовался: – Что там с этой тревогой?

– На, – коротко заявил тот, протягивая единственный листок.

Дежурный аналитик Сионист даже не предполагал, что бросает первую снежинку будущей лавины. Честно говоря, об этом не подозревал никто.

Бегло просмотрев бумажку, Бидон с досадой взвыл:

– Никуда не поедем – это якутов территория! Пусть сами разбираются, надоело уже памперсы им менять!

– Они все заняты, – пояснил Сионист, – у них на Таймыре аврал. Там «желтая тревога», целую толпу нагнали.

– Да рыбачат они там, – убежденно заявил здоровяк, – а нам за них отдуваться!

– Всеволод Григорьевич, ну постарайтесь еще раз, – залебезил Панарин. – Ведь без вас никак. Обещаю, с отпуском мы что-нибудь придумаем в самые ближайшие дни.

– Знаю я, что вы придумаете! – хмыкнул Бидон. – Нет, чует сердце, придется все-таки на стакан падать. Другого выхода не вижу. Так что там по объекту?

– Просто сказка! – ответил Сионист. – Пробой надежно зафиксирован четырьмя станциями, три взяли уверенный пеленг. Ошибка минимальна, прочесать требуется около семи квадратных километров.

– Что там за местность?

– Северный склон гольца Раскидистый – одинокая гора, доминирует в

данном районе. Максимальная отметка – тысяча триста шестнадцать метров.

– Ну вот, а ты говоришь – сказка! Там на семи квадратных кэмэ придется все пятьдесят пролазить. Знаю я эти проклятые гольцы: внизу густой лес, выше непролазный кедровый стланик, курумники[1], где сам черт ногу сломит. Да там пахать придется, как неграм на плантации. Мы на этом поиске за пару дней последние ноги оставим. В гробу я видел этот Раскидистый и всех якутов. Чтоб они на этом Таймыре сивухой отравились!

Панарин с намеком вздохнул.

– Да поедем мы, не ной, как баба, – отмахнулся здоровяк. – Куда денемся? Только надо обеспечить нормальный борт. Желательно до ближайшей к месту нормальной полосы дойти на нем, дальше дело за вертолетом.

– Сделаем для вас все, что только возможно! – заверил руководитель.

– От тебя дождешься, боров перекормленный! Ты мне вот что скажи: по инструкции минимально допустимый размер поисковой группы – пять человек. А у нас в наличии только четверо. Как же теперь быть? Боевой товарищ, может, ты с нами туда слетаешь?

Перепуганно моргая, Панарин рефлекторно схватился за драгоценное брюхо. Поняв, что наступает благоприятный момент, Лина четко произнесла:

– Я тоже состою в вашей оперативной группе. Мы полетим впятером.

Повернувшись всем корпусом, Бидон возвысился над девушкой, удивленно прогудел:

– Ну надо же! А я и не заметил, что у вас экскурсия из детского сада. Малютка, мне послышалось или ты что-то прошептала?

– Странно! – преувеличенно удивилась девушка. – Я даже не знала, что к вам на работу глухих принимают. Объясняю еще раз: на время прохождения двухмесячной практики я причислена к вашей поисковой группе.

– Я несказанно рад! – воскликнул Бидон. – Скоро мой отдел превратится в настоящий детский сад. Или бордель. Третьего тут не дано. Лично я двумя руками за второй вариант, а ты? – повернулся он к Панарину.

Пожав плечами, тот заявил:

– Это решили за нас, у нее готовое направление с такими подписями, что ты лучше помалкивай. Если ей так хочется кормить комаров – флаг в руки!

– Так ведь это не прогулка! Сам понимаешь, хоть тревога и «синяя», но теоретически может случиться что угодно.

– Ничего, – поспешно успокоил руководитель оперативника. – В случае «синей тревоги» допуск практикантов к поиску не запрещен. А кроме того, вам действительно нужен еще один человек, ведь явный некомплект.

– Нам нужен подготовленный человек! – яростно рявкнул Бидон и быстро повернулся к Лине: – Что ты умеешь делать, кроме быстрого снятия трусов?

Девушка даже не поморщилась. После речей Мюллера Бидон совершенно не смотрелся. Настоятельница без особого труда довела бы его до полного паралича за три минуты.

– Я умею все, – коротко ответила Лина.

– Да ты у нас просто вундеркинд! – умилился оперативник. – Как зовут?

– Ветрова Алина Игоревна.

– Где проходила специальное обучение?

– Алтайская база и специализированные курсы, – несколько уклончиво ответила девушка.

– Вот что, Алина, – спокойно произнес Бидон, – не обижайся на мои резкие слова. У меня сегодня был не самый легкий день.

– У меня тоже.

– Вот и хорошо. Будем считать, что помирились. Но брать тебя с собой мне очень не хочется. Ты даже не представляешь, что нас там ждет. Район поисковых работ расположен в одном из самых малонаселенных мест планеты. Густая тайга, сырость и хищные звери. Днем жарко, ночью очень холодно. Придется практически без остановок вести поиск около двух суток. Сама понимаешь, время терять нельзя, так что сон попросту отменяется. Короткие привалы, карабканье через буреломы, прыжки по шатающимся камням с постоянным риском сломать ноги. Все это независимо от погоды: дождь или буря – оперативник обязан выполнить свой долг. В нашей группе одни мужчины. Тебе придется довольно нелегко. Извини за неприятные детали, но даже справить нужду – проблема. Не везде можно уединиться: курумники бывают плоские и обширные, как пустыня. Никакой романтики не предвидится. Если выбьешься из сил – подведешь всех. Мы не сможем тебя бросить, придется выносить на носилках. Хоть и маловероятно, но эта тревога может оказаться не ложной. В этом случае задержка помешает выполнить нам свой долг или поставит под угрозу жизни всех членов группы. Ты понимаешь?

– Да. Не бойтесь, я вас не подведу.

– Только потом не говори, что я тебя не предупреждал! – сурово пригрозил оперативник.

Девушка понимающе кивнула.

– Ладно, как хочешь. Ты, наверное, собралась в канцелярию?

– Да.

– Иди. Потом отправляйся на свою служебную квартиру, это рядом. Когда решат вопрос с вылетом, тебе сразу позвонят. А пока иди.

Встав, Лина повернулась к Панарину:

– Напоследок должна вас предупредить. Если вы сговоритесь за моей спиной и не вызовете к вылету, то я непременно напишу развернутую докладную вашему и своему начальству. Обещаю – приятного в ней будет довольно мало.

Девушка вышла, а оперативник выругался:

– Вот стерва! И напишет, даже не сомневайся!

– Проще будет ее взять с собой, – печально вздохнул Панарин. – И откуда только такие берутся?

– Она из Монастыря, – убежденно заявил Бидон.

– Ты уверен?

– Я уже не первый раз замужем. Сам посмотри – волосы в хвост сложила, но не подровняла. Нормальные девки так со своей прической не поступают. У нее просто времени не было на парикмахерскую. Да и держится она так, что разорвись за окном бомба – не моргнет глазом. Не человек – стальная машина. Придется брать, эти монашки – что сухой репей: проще не трогать, иначе не отцепятся.

Лина закрыла за собой крепкую металлическую дверь, провернула замок. Разулась, поставила сумку, быстро прошлась по квартире. Она оказалась совсем небольшой: одна комната, маленькая кухня и совмещенный санузел. Включив горячую воду, девушка достала свои банные принадлежности, с удовольствием вымылась до полного скрипа. В тайге ей придется обходиться без ванной. Она никогда не была в Южной Якутии, но видела немало учебных роликов и прекрасно понимала, что в районе поиска с водой будет довольно туговато. Все ручьи текут только внизу, а в каменных осыпях влага просачивается на глубине в несколько метров, до нее не достать.

Вытершись насухо, Лина, не одеваясь, плюхнулась на кровать, взвизгнув от радости. За последние годы она впервые коснулась постели среди белого дня. Полное блаженство! Сама себе хозяйка! Уколола

крамольная мысль – зря она так рвалась на тревожный вылет. Нормально обошлись бы и без нее. А тем временем можно было всласть отоспаться на мягкой кровати, застеленной свежим тонким бельем. Никто ей не помешает, ведь это не мрачная казарма с высоким, сводчатым потолком, где проживает около двадцати воспитанниц и воздух пропитан запахом оружейной смазки и менструации. Искушающие мысли пропали столь же быстро, как и возникли. Скоро, очень скоро она приступит к тому, для чего ее учили всю жизнь. И не беда, что при несерьезной «синей тревоге» вероятность боевой ситуации пренебрежительно мала. Все равно это будет уже не тренировка, а настоящая жизнь. Она не подкачает, покажет этим здоровякам, на что способны воспитанницы Монастыря.

Лина поняла – ей необходимо поесть. Кто знает, может, ее вызовут уже через час, хотя такая оперативность маловероятна. Быстро одевшись, она расчесала волосы, оставила их сохнуть на весу, открыла холодильник. Он был девственно чист и абсолютно пуст. Более того, шнур удавом свернулся на полу – агрегат не был даже подключен. Поморщившись, девушка прошла в ванную, на полке отыскала фен. Она не пользовалась им с одиннадцати лет, но наука несложная. Подсушив волосы, вновь сложила их в хвост. Куртку надевать не стала: на улице стояла сильная жара, все-таки июнь – он и в Хабаровске июнь. С ремня пришлось отцепить кобуру, но все документы она на всякий случай сложила в карман.

Выйдя на улицу, Лина на миг задумалась. Можно было зайти в магазин, набрать всего побольше. Но этот путь был довольно ущербен. В квартире никого не будет более двух суток, кто знает, как поведет себя этот отключенный холодильник. Не хотелось бы, чтобы купленные продукты испортились. С этими мыслями она вышла на широкую центральную улицу. Девушка была в этом городе первый раз, но Буренка ее предупредила заранее, что, скорее всего, выпадет Хабаровск. Выкраивая время буквально по минуте, Лина хорошо изучила план и все доступные фотографии. Уже не колеблясь, она пошла в сторону набережной и быстро обнаружила искомое кафе.

В полуподвале царил приятный сумрак и было довольно прохладно. Людей было очень мало. Лина присела за свободный столик в углу, выбрав его автоматически. Только потом поняла, что с него отлично просматриваются вход и стойка. Официантка быстро принесла меню. Лина впервые была в настоящем кафе, но вела себя как уверенный завсегдатай. В Монастыре был целый учебный ресторан, где воспитанницы изучали правила этикета и с помощью изысканных столовых приборов ели пшенную кашу и лениво дегустировали яблочный компот из высоких

бокалов. Лина легко могла прочесть меню на языке десятков стран и, даже не зная других слов, сделать заказ. Не растерявшись, она быстро выбрала приглянувшиеся блюда, подозвала официантку. Та записала заказ в маленькую книжицу с фирменным переплетом, украшенным эмблемой кафе, попросила подождать пятнадцать минут.

Лина терпеливо прождала весь указанный срок, потихоньку начиная захлебываться слюной. Потом прошло еще целых шесть минут, прежде чем перед ней наконец поставили поднос. До пунктуальной монастырской столовой этому кафе еще расти и расти. Но зато тут был более богатый выбор. Вряд ли кто-нибудь ее понял, если бы она заказала овсяный суп и перловую кашу. Почти все оказалось гораздо вкуснее, чем утреннее угощение чекистов. Не понравился только местный томатный сок – слишком странный привкус. Официантка очень удивилась, когда Лина потребовала счет через десять минут. Девушка боялась здесь рассиживаться: звонок мог прозвучать в любую секунду, хотелось бы при этом быть дома, чтобы, захватив нужные вещи, быстро отправиться в местный филиал.

Телефон все же зазвонил на полпути к дому. Недовольно поджав губы, Лина нажала зеленую кнопку.

– Ал-лин-ка!!! – радостно заорала трубка.

– Ленка, ты!

– И-й-я!!!

– Что так кричишь, будто ошпаренная?

– Соскучилась!

– Ты уже на месте?

– Да! Представляешь, у меня здесь своя собственная квартира с полным холодильником и видеодвойкой!

– У меня то же самое, только в холодильнике все тараканы от голода вымерли.

– Меня уже пытались пригласить на свидание!

– Поздравляю! – усмехнулась Лина и сразу нахмурилась, вспомнив ужасающую длань Мюллера. – Ленусик, ты меня прости, но я жду важного звонка.

– Неужели свидание?

– Хуже. У нас здесь «синяя тревога», скоро вылетаем в тайгу. Буду дня через три, сама тебе перезвоню.

– Ничего себе! Да ты прямо с корабля на бал! Будь осторожнее!

– Да ничего. Это рядовое происшествие, такое часто происходит. Придется немного побродить по тайге, вот и все.

– Все равно! Ты береги себя! А то быстро очутишься в нашей галерее павших героев!

– Ладно, Ленка, пока!

– Пока! И обязательно позвони, как только оттуда вернешься!

Возвратившись домой, Лина быстро собрала пожитки, необходимые ей в лесу. Здесь ее вполне могли обеспечить всем, что потребуется, но свои вещи привычнее. Высокие ботинки далеко не новые, но хорошо разношены и сидят впору – обувь в поиске самое первое дело. Маска ноктовизора тщательно подогнана к лицу, прибор пережил много различных невзгод, но линзы были целы, а что еще от него требуется. Короткий металлокерамический нож с самодельной рукоятью, метательный стилет – их не пришлось отдавать перед посадкой, такие вещи разрешалось сдавать в багаж, если сумку плотно затянуть в пленку, что Лина и сделала перед регистрацией. Разложив камуфляж, она нашла в шкафу утюг, прогладила форму, разложила ее на кровати. Приготовила другие необходимые мелочи и констатировала: сборы окончены.

В ожидании звонка Лина присела в мягкое кресло, включила телевизор. В нем оказалось множество различных программ, она даже растерялась от такого изобилия. На одном канале, припадочно трясясь, ползал на коленях какой-то бородатый тип с микрофоном в руках, при этом он надрывно стонал, явно страдая от сильной боли. С большим трудом девушка поняла, что это всего-навсего современная музыка. Честно говоря, догадаться об этом можно было только с помощью логики. По другой программе показывали какой-то цветной фильм. Многочисленные герои вели невразумительные диалоги, называя друг друга испанскими именами. Лица их были скучны и лишены даже крох вдохновения. Лина заподозрила, что для них это просто скучная, давно надоевшая работа. Третья программа была довольно странной: там крутили короткие динамичные ролики, торопливо объясняя полезные свойства разнообразных товаров. Девушка запомнила название какой-то подозрительной жевательной резинки. Герой ролика, попробовав ее, выпрыгнул в окно высотного здания; в будущем ей стоит воздержаться от употребления подобных продуктов. Следующая программа была гораздо спокойнее. Ведущая – молодая симпатичная женщина со строгим лицом – резким голосом задавала различные вопросы людям, стоявшим по кругу. На большинство из них Лина успевала ответить до окончания произнесения. Приглядевшись к ведущей, она поняла, что, если надеть на нее строгую черную форму, то получится вылитая инструктор рукопашного боя по прозвищу Садистка, погибшая в прошлом году от разрыва кровеносного сосуда, полученного в учебном спарринге.

Ни на одном из каналов не нашлось привычных монастырских передач с познавательными информационными блоками и старинными фильмами. Но от всего увиденного быстро наступила скука. Здесь не было ничего действительно захватывающего. Порывшись на полке, Лина нашла подходящую кассету с емким боевым названием и заманчивой подписью – «ужасы». Фильм оказался довольно неплохой, очень похожий на романтические легенды о поисковых отрядах. Какие-то немыслимо глупые люди находят в леднике Антарктиды древнюю пирамиду и не придумывают ничего лучшего, как туда забраться. Внутри разворачивается схватка между ними и жутковатыми монстрами двух морфологических разновидностей. Сперва все были сами за себя, но потом один монстр перешел на сторону людей, и они вместе разгромили осьминогоподобных тварей с кислотой в кровеносной системе. Пронаблюдав за нелепыми потугами героев, Лина пришла к выводу, что с помощью Ленки и Вики, если экипироваться получше, демонтировала бы эту пирамиду за полчаса вместе со всеми обитателями и прилегающим ледником, не особо разбираясь, кто там за кого. Монстрам на Земле не место, нечего искать среди них союзников.

Второй облюбованный фильм оказался эротическим. Сюжет его оказался совершенно не похожим на легенды о поисковых отрядах. Восхищенно раскрыв рот, Лина внимательно досмотрела его до конца, иногда тревожно оглядываясь по сторонам: ей мерещился недобрый взгляд Мюллера. Не удержавшись от соблазна, девушка перемотала кассету назад, еще раз просмотрела пару захватывающих моментов. Почувствовав, что во рту пересохло, она вышла на улицу, купила в ларьке бутылку минеральной воды. Не рискуя больше связываться с эротикой, поставила какой-то идиотский боевик, где люди сперва стреляли, а потом выясняли, зачем это сделали, и время от времени цитировали отрывки из Библии.

Она волновалась все больше и больше: звонка так и не было. Это сильно настораживало. Хотя «синяя тревога» – довольно незначительный инцидент, но он требует быстрой реакции. Ведь достаточно десяти часов после пробоя, чтобы возник риск упустить объект. Особенно это касается неприхотливых низших, обладающих колоссальной способностью к адаптации. Лина заподозрила, что про нее попросту забыли или оставили специально. Ее душили сильная обида и злость, она твердо решила приложить все свои силы для наказания нерадивых начальников.

Долгожданный звонок раздался за час до полуночи:

– Ветрова? – поинтересовался Бидон.

– Так точно!

– Загораем?

– Я ожидаю вашего звонка!

– А кто амуницию за тебя получать будет, Пушкин, что ли? Или Лермонтов?

– Виновата! Куда мне подойти?

– На вахте подскажут, я их предупрежу.

Лина выскочила через две минуты, успев за это время одеться по-боевому. Она мысленно просила прощения у незаслуженно оболганных начальников. Сейчас даже Бидон казался ей довольно милым человеком. Еще через пять минут девушка достигла управления. Охранник внимательно проверил пропуск, выданный в канцелярии, вежливо объяснил, где следует искать оперативников. Четверо мужчин сгрудились в небольшой комнате, собирая рюкзаки. Подняв голову, Бидон яростно гаркнул:

– Ну наконец-то! Мальчики, познакомьтесь, пожалуйста, с нашей милой Белоснежкой. Это эфирное создание зовут Алина Ветрова, она прислана скрасить нам скучные боевые будни.

– Ура! – воскликнул невысокий крепыш с веселыми темными глазами. – Алиночка, я сразу тебя предупреждаю: лично мне ужасно нравится кружевное белье черного цвета, и чтобы непременно из нейлона.

– Ты его даже в тайге носишь? – поинтересовалась девушка.

От мужского хохота дрогнули стены.

– Что, Чалый, уели тебя? – спросил один из бойцов.

– Один-ноль, – согласился остряк. – Но учтите: еще не вечер, я этого так не оставлю!

– Алина, – сказал Бидон. – Быстро спускайся в подвал, там тебя ждут в главном складе.

Провожаемая примитивными шуточками бойцов, девушка вышла в коридор, спустилась вниз. Дверь склада была открыта настежь, но внутрь попасть не получилось: мешала решетка, перекрывающая длинный коридор.

– Эй! – тихо крикнула Лина.

Послышался странный скрип, вскоре показался его источник – в коридор вышел пожилой мужчина, сильно хромающий на левую ногу. Девушка поняла, что у него протез выше колена. Левой кисти тоже не было, вместо нее сверкала отполированная стальная клешня. Ничего не сказав, он открыл решетку, пропустил посетительницу, тщательно повернул ключ на все обороты. Сделав приглашающий жест, кладовщик пошел по коридору, на ходу прохрипев неестественным голосом:

– Тебе чего надо?

Лина встрепенулась, перечислила все требуемое четкими словами:

– Рация, батареи для ПНВ[2], обойма к пистолету, полевое оружие, боеприпасы, гранаты ручные и дульные, медпакет, рюкзак, два полиэтиленовых плаща, трехдневный таежный паек, двухлитровая фляга.

Старик понимающе кивнул головой, стал заводить Лину в разные помещения, безошибочно доставая запрошенные предметы. Он молчал, только в арсенале раскрыл рот и, надрывая свое изувеченное горло, прохрипел:

– Что возьмешь?

Лина равнодушно прошла мимо стеллажей с мощными пулеметами и крупнокалиберными автоматами. С подобным оружием ей не позволяли обращаться физические данные. Мощная отдача легко развернет ее легкое тело, да и таскаться с такой тяжестью по тайге будет не очень приятно. Не раздумывая, взяла мощный, испытанный карабин. Он тоже далеко не подарок, но снабжен хорошим дульным компенсатором, смягчающим отдачу, и девушка к нему давно привыкла еще в Монастыре. Повернувшись к старику, она заявила:

– Мне необходимо одиннадцать обойм со спецпатронами.

– А не надорвешься, внученька?

– Волоком за собой потащу.

Выложив из ящика стопку коротких обойм, кладовщик пояснил:

– Я их пустыми держу, чтобы пружина не ослабла. Надобно снарядить.

Присев перед раскрытым ящиком, Лина зачерпнула горсть тяжелых патронов, тревожно сверкающих странной маркировкой – тройным красным кольцом. Старик тяжело присел рядом, взял пустую обойму, на удивление сноровисто принялся ее заполнять. Ему не мешало даже отсутствие руки – блестящая клешня работала как живая.

Вся работа заняла несколько минут. Забрав снаряженные обоймы, Лина уверенно произнесла:

– Вроде все.

– Простые не возьмешь?

– А зачем?

– Все берут. Если места хорошие, то многие успевают поохотиться.

– Нет. Мне этого не надо. А кроме того, у меня в пистолете обычные боеприпасы.

– Погоди минуту.

Старик торопливо уковылял, но вскоре вернулся, протянул девушке плоскую стальную фляжку, емкостью около четверти литра:

– Вот, возьми, тебе пригодится.

– Что это такое?

– Мой собственный рецепт. Настоящий армянский коньяк, золотой корень, пантокрин, женьшень, кое-какие сибирские травки. Это тебе не химия, что в стимуляторах, – мертвого не поднимет, но на час-другой поможет без всяких побочных эффектов. Бери, он не портится. Сейчас не понадобится, так в другой раз поможет.

Приняв фляжку, Лина случайно взглянула в глаза старика. Они были совсем как у привратника Матвея – горели тоскливым взглядом старого пса, чье грозное прошлое осталось далеко позади. Невольно моргнув, девушка тихо произнесла:

– Спасибо вам!

– Бог в помощь! Глядишь, и пригодится, вспомнишь еще меня, старого, добрым словом.

Быстро отвернувшись, старик поковылял в коридор, открыл решетку. Лина молча прошла мимо, на первой ступеньке резко развернулась. Кладовщик так и стоял в проходе, провожая ее грустным, каким-то завистливым взглядом. Кивнув, он поспешно закрыл дверь.

Бидон буквально рвал и метал. Все пошло совершенно не так, как планировалось. Организовать вертолет не удалось; на место уже вылетел специальный сотрудник, он должен был провести переговоры с руководством авиаотряда, но это дело нескорое. Наземным транспортом в те края быстро не попасть – машина не подойдет ближе двадцати километров; вездеход нелегко арендовать, но и он не везде сможет пробраться. Пришлось воспользоваться десантным военным самолетом, да еще и тщательно согласовывать его полет: в последние годы летные правила сильно ужесточились. Прыгать на каменную осыпь было чревато: без переломов там не обойтись. Ближайшая подходящая площадка располагалась в пяти километрах – небольшая, сильно вытянутая марь. Там, естественно, хватало кочек и корявых зарослей, но лучшего варианта попросту не было. Теперь приходилось оттягивать вылет, чтобы подоспеть туда после рассвета, когда можно будет хорошо рассмотреть место приземления, не налетев задницей на копейную макушку высохшей корявой лиственницы.

Но все плохое когда-нибудь заканчивается, дело уже шло к утру, когда самолет оторвался от земли. Раздраженные проволочками, оперативники пытались дремать на жестких скамейках, люто завидуя навязанной им практикантке. Та спокойно уснула, уперев ноги в рюкзак, так что коленки

стали вровень с шеей. На них она положила запасной парашют и, склонив на него голову, немедленно погрузилась в сон. Оперативники попытались повторить подобный номер, но их закостеневшие суставы не позволили наслаждаться комфортной позой. Только Чалый не растерялся – расстелил спальник, прихваченный на случай появления раненого или больного. Зависть бойцов немедленно переключилась на него; осыпаемый шутками, он только усмехался и заявлял, что пустит к себе на ночлег только практикантку. Бидон немедленно изрек, что сам не ляжет рядом с подозрительным мужиком, носящим черное кружевное белье, вдобавок ко всему нейлоновое. К немалой досаде Чалого, бойцы опять рассмеялись – обидная шутка до сих пор не надоела.

Постепенно вялые разговоры затихли, все устроились, как смогли. Самолету потребовалось больше двух часов до подхода к цели. Сонный штурман прошел в салон, разбудил оперативников, после чего те поспешно натянули парашюты.

Крикнув последние наставления, Бидон открыл люк, по отсеку загулял сильный ветер. Пропустив трех оперативников, Лина шагнула вперед, делая уже не первый шаг на пути, который через день приведет ее к старой геологической канаве сверкающей яркими блестками слюды, у которой оставят свои жизни четверо крепких молодых мужчин.

Она все еще думала, что через пару дней сможет отоспаться на чистых простынях из тонкой материи.

Глава 4

Случилось то, что бывает раз в сто лет, а то и реже: Лине повезло как утопленнице. «Синяя тревога» оказалась вовсе не ложной. Это не был случайный всплеск пробудившейся энергии недр или полевое испытание новейшего плазменного оружия. Ворота раскрылись, впуская на Землю врага, против которого сотни лет сражается ее Орден.

Его необходимо остановить. Враг не должен добраться до густонаселенных мест или опасных производственных объектов, где сможет причинить колоссальный вред. Лина мгновенно смирилась с гибелью группы. Она трезво оценивала свои скромные боевые возможности и понимала: в одиночку ей вряд ли удастся победить сильного противника, который за несколько мгновений смог уничтожить четверых вооруженных оперативников. Необходимо было срочно вызвать помощь.

Лина направилась в сторону командира – у него был спутниковый телефон. Перевернув тело, она содрогнулась у Бидона отсутствовало почти все лицо, жутко розовели обнажившиеся скулы. Осторожно раскрыв карман его разгрузочного жилета, она достала массивную трубу со сложенной антенной. Разглядев аппарат, девушка заскулила от досады: корпус был грубо смят, змеился многочисленными трещинами. В следующий миг случилось страшное – ошметки лица дрогнули, шевельнулись рваные губы, на пределе слышимости послышался свистящий шепот:

– П-практикантка.

– Так точно! – воскликнула Лина, невольно пятясь назад, подальше от страшной мглы пустых глазниц.

– З-запомни: он все время повторял одно слово – «упала».

– Поняла.

– Объявляй «красную тревогу».

– Телефон поврежден, – растерянно произнесла девушка.

– Хреново, – констатировал Бидон. – Второй мы не захватили, его обычно брал Полкан.

Хрипя и пуская кровавые пузыри, он еще тише спросил:

– Ты его почувствовала?

– Вроде бы. Но только перед самой стрельбой, он очень неплохо умеет прятаться.

– Хорошо, – констатировал оперативник. – Значит, он может маскироваться, только сидя на одном месте. Практикантка, жди: через несколько часов нас обязательно хватятся. Расскажешь все. Не забудь про это слово.

– Нет! – заявила Лина. – Ты же сам понимаешь, его надо непрерывно преследовать, не дать оторваться, уйти.

– Д-дура! – резко выдохнул Бидон. – Ты для него – что назойливая муха! Это был высший! Я приказываю: остаешься на месте!

– Я отказываюсь выполнять ваш приказ! – звенящим голосом заявила Лина. – По возвращении на базу можете подвергнуть меня дисциплинарному наказанию, но будете не правы. Я действую строго по инструкции поиска, ни одна комиссия не сможет обвинить меня в их нарушении.

Страшно растягивая изуродованные губы, оперативник жутковато забулькал, изображая что-то вроде смеха:

– Хорошая шутка! Это я насчет возвращения. Практикантка, ты ведь из Монастыря?

– Да.

– Ну что же, может, у тебя и есть шанс. Если, конечно, правда то, что про вас говорят в Ордене. Послушай, Ветрова, или как там тебя. Ты ведь прекрасно понимаешь – жить мне осталось всего несколько минут. Я не загнулся от шока только потому, что недавно принял стимулятор. В левом кармане моего рюкзака есть морфий. Сделай доброе дело.

– Хорошо! Потерпите немного.

Лина опрометью бросилась к рюкзаку. Быстро нашла плоскую кожаную коробку, схватила шприц-тюбик насыщенного кофейного цвета. С шеи командира был сорван немалый кусок плоти, обнажились пульсирующие вены и артерии. Воткнув иглу в самый мощный сосуд, девушка осторожно выдавила содержимое. Она думала, что оперативник уже забылся перед смертью, и вздрогнула, когда его губы вновь шевельнулись, на пределе слышимости произнеся последние слова:

– П-постарайся выжить. Ты красивая девочка, тебе здесь не место. Так не должно было…

Волна наркотика ударила в мозг, погасив умирающее сознание. Лина поспешно проверила остальных оперативников, но все они был мертвы. Судя по всему, только весельчак Чалый, сидящий от вспученной кучи породы дальше всех, успел выстрелить из своего легкого пулемета. Его грудная клетка была разворочена страшным ударом, разметавшим в стороны изломанные ребра. Найдя две гильзы, Лина примерно определила

направление стрельбы, тщательно обыскала несколько квадратных метров осыпи. Ее труд увенчался успехом – на светлом лишайнике обнаружилось маслянистое желтоватое пятно. Спустившись в канаву, она нашла на снегу еще несколько маленьких клякс возле следов врага.

Новость была хорошая – противник получил ранение. Возможно, серьезное, хотя это и маловероятно: крови было совсем немного. Не опуская карабина, Лина вернулась в кусты, обула ботинки. Действовать надо очень быстро, девушка по-прежнему ощущала присутствие врага, но он удалялся и может проворно уйти за пределы действия слабых способностей практикантки. Отпускать его нельзя.

Лина вернулась к месту привала, убедилась, что Бидон уже умер. Просто удивительно, как он смог столько протянуть с подобными ранениями – его тело спереди превратилось в сплошную рану. Безжалостно высыпав на большие камни содержимое всех рюкзаков, девушка принялась выбирать то, что взять с собой просто необходимо. Она сложила три коробки суточных рационов, большую флягу, несколько ручных гранат, ноктовизор. Немного поколебавшись, взяла спальный мешок. Он был объемный, но весил совсем немного. Уже не раздумывая, прихватила одноразовый гранатомет с мощнейшим специальным зарядом. У оперативников не было склонности к унификации вооружения группы – патронов, подходящих для ее карабина, не нашлось. Поколебавшись, она прицепила на разгрузочный жилет кобуру Бидона. Пистолет у командира был огромный, под два килограмма весом. Обойма не емкая, но зато со спецпатронами. Распределив всякую мелочь по карманам рюкзака и разгрузочного жилета, она пришла к выводу, что собрала все необходимое, без остального можно обойтись, нечего загружать себя сверх меры.

Быстро исписав блокнотный листок, она завернула записку в фольгу от пачки сигарет. Послание вставила в расщеп корявой палки, закрепила ее рядом с камнем, на котором осталась кровь врага. Вскрыв корпус спутникового телефона, она окончательно убедилась, что не сможет его отремонтировать в полевых условиях. Прикрыв меченый камень пластиковым плащом, она положила сверху сломанную трубку. Прикрыть тела оперативников было нечем, да и некогда возиться. Все, что она смогла сделать, – положила на лица пустые рюкзаки, придавив их камнями. Чтобы полностью защитить погибших от хищных зверей и птиц, потребовалось бы несколько часов. Такого запаса времени у Лины не было.

Достав GPS-приемник[3], она засекла в память системы нынешнюю точку местонахождения, присвоив ей первый номер, выключила прибор, экономя батареи. Взвалила на спину потяжелевший рюкзак, повесила

карабин на грудь. Все, больше здесь делать нечего.

Бросив последний взгляд на изувеченные тела оперативников, Лина повернулась, посмотрела на цепочку следов, отпечатавшихся в заснеженной канаве, шагнула вперед, начиная свое опасное преследование. Девушка не могла даже предположить, что ее долгий путь войдет в легенды Ордена.

Она просто действовала по инструкции.

Монастырский привратник сидел на грубом самодельном табурете перед маленьким дощатым столиком. Он сосредоточенно опустошал высокую алюминиевую миску с жирным борщом, оценивающе поглядывая на обнажающуюся приличную кость. Матвей справедливо полагал, что там хватает нежных мозгов и в ней можно будет довольно неплохо поковыряться. Сбоку внезапно звякнул противный тревожный зуммер. Нахмурившись, он положил на стол кусок грубого черного хлеба, аккуратно прислонил к нему ложку.

Пересев на мягкий вращающийся стул, он ловко подкатил его к углу своей будки, опустил руку на клавиатуру, несколькими нажатиями на клавиши оживил шесть плоских мониторов. Переключая камеры, хорошо рассмотрел подъезжающий кортеж: огромный черный «мерседес» и два мощных джипа. Машины вынеслись на пятачок перед воротами, притормозили, синхронно развернулись, выстроившись в одну линию. Секунд пятнадцать ничего не происходило, затем дверца «мерседеса» открылась, выпустив огромного парня, облаченного в черный костюм. Пригладив свою сверхкороткую прическу, он повернулся, внимательно посмотрел в сторону будки привратника.

Матвей подъехал к передней стене, отодвинул бронированную заслонку с бойницы маленького окошка, активировал маленький пульт с правой стороны. Машины встали довольно удачно. Под двумя автомобилями грубый асфальт скрывал мощные кумулятивные заряды, на третью, глядя в маленький монитор, он навел безоткатное орудие, спрятанное в темном чердачном окошке. Покосившись вниз, он осмотрел свой арсенал: пистолет-пулемет с рукояткой, приспособленной под искалеченную руку, и армейский автомат с подствольным гранатометом. На узкой полочке в круглых гнездах покоились двенадцать ребристых гранат. Каждую украшали три красные кольца вокруг запала. Монастырь умел защищать себя – переднюю стену обители привратника не смог бы пробить противотанковый гранатомет; на крышах корпусов дежурили шесть замаскированных снайперов с мощными винтовками, а в гараже наготове

стоял средний танк с дежурным экипажем. В случае необходимости в течение нескольких минут под ружье могло встать несколько десятков сотрудниц и старших воспитанниц, а установленные за стенами термитные фугасы выжгут немало гектаров прилегающей территории.

Тем временем здоровенный парень направился к раскрытому окошку. Брезгливо скривившись, он осмотрел рассохшуюся дощатую обшивку, не догадываясь, что она скрывает под собой толстую броню. Склонившись, он пристально уставился на Матвея, надменно оглядел неказистого привратника, лениво разжал губы:

– Старый, босс хочет посмотреть на свою дочку. Открывай ворота.

– Не положено, – прогудел Матвей.

Скривив невероятно пренебрежительную гримасу, парень заявил:

– Ты че? Совсем тупой? Сказано четко: босс хочет повидать дочку.

– Никого не положено пускать, – упрямо заявил привратник. – Ходят тут всякие!

– Тебя прямо тут уделать?

– Не положено.

– Позови начальство.

– Договаривайтесь по телефону, – буркнул Матвей. – Мое дело совсем маленькое. Все, кто приезжают, заранее о себе предупреждают, а вы свалились, как кирпич на башку.

– Да у вас тут настоящий Владимирский централ! – хмыкнул парень. – Зови свое начальство, дело не ждет.

– Как дочку-то зовут? – буркнул Матвей.

Выслушав ответ, он удивленно покачал головой и достал трубку радиотелефона. Новость была такой, что звонить пришлось на самый верх.

Настоятельница стояла на приплюснутой насыпи, скрывающей бетонный дот. Сложив руки на груди, она внимательно наблюдала за суетой, разворачивающейся на грязном поле. Четыре команды воспитанниц тащили огромные стодвадцатимиллиметровые минометы в сторону финишной черты. Девчонки, азартно крича и барахтаясь в растоптанной грязи, упирались в тяжелые орудия плечами и спинами, пытаясь опередить своих противниц. Внизу, возле дота, три инструктора спорили на занимательную тему – как наказать проигравшую команду. Мюллер прислушивалась с немалым интересом – ей была небезразлична тема обсуждения.

Посмотрев на потуги ближайших воспитанниц, настоятельница нахмурилась. Покрытие площадки совсем негодное, слишком подсохло,

никто не проваливался в грязь слишком глубоко. Надо срочно подогнать несколько водовозок и устроить втык сотруднице, командующей этим сектором полигона. Эта дура скоро высушит дорожки до каменного состояния.

В кармане запиликал телефон. Достав трубку, Мюллер спросила:

– Да?

Выслушав сообщение, она произнесла:

– Скажи, чтобы подождали. Я сейчас подъеду, потом позвоню. Пустишь только отца, пусть его проводит кто-нибудь из сотрудниц. И вели очистить двор, он не должен увидеть ничего странного.

Убрав телефон, она покачала головой – новости были удивительными.

Дверь осторожно открылась, показалась стервозная физиономия Кобры. Преданно глядя на свою начальницу, она спросила:

– Пускать?

– Давай.

Дверь открылась еще шире, впуская плечистого импозантного мужчину лет сорока пяти. Окинув взглядом его костюм и блестящие часы, выпяченные на запястье, Мюллер высчитала, что все это добро стоит очень прилично. На такие деньги можно спокойно выплатить месячную пенсию старикам небольшого городка. Небрежно-уверенным шагом необычный посетитель прошел на середину кабинета и растерянно остановился – кроме стола и кресла, занятого настоятельницей, другой мебели в кабинете не было. Он не догадывался, что стул есть, но предусмотрительно спрятан в стенном шкафу. Присесть было некуда. Справившись с замешательством, мужчина посмотрел в глаза Мюллера и заметно поежился. Выдержать взгляд этой анаконды не мог никто. Раскрыв губы, он вальяжным тоном заявил:

– Меня зовут Антонов Игорь Владимирович. Я приехал повидаться со своей дочерью – Ветровой Алиной Игоревной.

Замолчав, он в ожидании уставился поверх макушки огромной женщины. Ему очень не хотелось встречаться с ней глазами. Но та попросту безмолвствовала, никак не отреагировав на заявление. Поняв, что пауза нездорово затянулась, мужчина пояснил:

– Я совершенно точно знаю, что она здесь.

– Вот как, – плотоядно осклабилась настоятельница. – И кто же, интересно, поведал вам такую ерунду?

– У меня хватает своих источников, – с ноткой угрозы заявил посетитель.

– Ее здесь больше нет, – коротко ответила Мюллер.

– Не надо кормить меня детскими сказками – я сам кого угодно накормлю!

– Алина полная сирота, так что ваше отцовство и есть небылица.

– Это глупости! В ту пору я был молод и самонадеян. Кто в здравом уме станет жениться из-за того лишь, что мимолетная подруга залетела по собственной неосторожности? Светка родила без меня, сдала дочку в дом малютки и отравилась. Я только через пять лет узнал, что у меня есть ребенок. А недавно понял – ее просто необходимо найти. Я отец Алины и хочу немедленно увидеть свою дочь!

– Ее здесь больше нет, она сейчас на Дальнем Востоке.

Покачав головой, Антонов угрожающе повысил голос:

– Слушай, Дюймовочка, да ты плохо понимаешь, с кем связалась. Мне достаточно просто подумать, и на следующей день тут будет стоять новый стадион. Или кладбище. Вы просто нули, и не стоит корчить из себя крутую шишку!

Посетитель принялся сыпать угрозами, по ходу дела выпячивая свое величие. Мюллер слушала его с полным равнодушием. Она давно могла бы довести наглеца до позорного недержания мочи, но считала, что без этого пока можно обойтись. Неплохо все же узнать его получше, прежде чем вышвырнуть за ворота. Настоятельница могла рассказать ему очень многое. Антонов не казался ей глупым и необразованным, его бы наверняка потрясли некоторые малоизвестные исторические факты. Он бы с немалым удивлением узнал, почему столь резко закончился великий поход Александра Македонского в Индию или отчего в рассвете сил умер Аттила. Многие земные правители пытались протянуть жадные руки к Ордену, но древнейшая организация человечества с легкостью отбивала эти наивные атаки. В крайнем случае применялись довольно радикальные меры – нездоровая опухоль выжигалась бесследно, с тщательной подчисткой исторических архивов. Орден не вмешивался в дела земных правителей, но и не терпел малейших помех с их стороны. Монастырь был неотъемлемой его частью, один короткий звонок настоятельницы – и посетитель не просто исчезнет, лучшие друзья постараются о нем забыть на следующий день. Закончив длинный перечень разнообразных кар, припасенных для настоятельницы, Антонов уверенным тоном закончил:

– Всего этого можно легко избежать. Просто приведите ко мне дочь.

Покачав головой, настоятельница почти ласково произнесла:

– Эх, Антонов, Антонов! Да я сейчас начну плакать! Где же ты был в те времена, когда твоя малютка умирала от дифтерии в стенах казенной

палаты? Почему не кинулся искать ее раньше, ведь ты наверняка знаешь, что частенько случается с симпатичными сиротками. Она вполне спокойно могла бы уже несколько лет работать на панели. Как не вовремя проснулись твои благородные отцовские чувства!

– Вы не понимаете! – воскликнул посетитель. – Это же мой единственный ребенок! Я долго болел и после этого не могу больше иметь детей. Она совсем одна! Моя! Родимая! Я обеспечу ей жизнь как у принцессы – моя Алина ни в чем не будет знать отказа! Более того, вы получите неплохую компенсацию, я щедро отблагодарю за проявленную заботу о моей дочери!

– А теперь послушай меня! – рявкнула настоятельница и своим страшным гипнотическим голосом, способным довести до обморока любого, продолжила: – Ты попросту просрал свою дочь! Она росла без тебя, у совершенно чужих людей. К нам Алина попала в одиннадцатилетнем возрасте, я ей была за родную мать, отца, дедушку и экзекутора. Все в одном лице! Здесь она выросла, расцвела, наша суровая жизнь закалила ее характер и тело. Не сомневайся, ей даже не захочется видеть такого никчемного отца, который неизвестно чем занимался почти двадцать лет, терпеливо дожидаясь, пока она вырастет. Вся твоя заслуга только в том, что ты соизволил обрюхатить ее молодую мать, а потом бросить на произвол судьбы. Она, знаешь ли, уже совершеннолетняя и может сама решать, что ей дальше делать. Интересный из тебя получился папаша – приходишь на все готовенькое и думаешь, что тебя тут ждут с распростертыми объятиями! Может, мне еще раком перед тобой стать? А? Даже не мечтай об этом, я сама тебя поставлю, еще и спину при этом сломаю в трех местах! В приемных документах сказано четко – Алина полная сирота. Ты не отец – ты просто полный ноль. Нет, даже хуже – тебя здесь нет; я вижу перед собой обычную кучу трясущегося вонючего дерьма, для смеха обряженную в дорогой костюм. И не пытайся здесь обоссаться, мой ковер едва очистили после конфуза, случившегося с предыдущим посетителем. Я вытру его твоей тупой башкой, затем вышвырну тебя в окно, а потом еще и спляшу на твоем вонючем трупе. Если ты еще раз припрешься сюда без документов, подтверждающих отцовство, я с тобой такое проделаю, что тебя на кладбище хоронить откажутся! Пшел вон, слизняк!!!

Антонов сам не понял, как смог выскочить за дверь и пройти по коридору. В себя он пришел только на улице, возле входа в здание. Рядом стояла худая женщина в черной обтягивающей одежде. Она сверкала колючими глазами злобной самки крокодила, явно ожидая, когда

перепуганный посетитель соизволит пройти к воротам. Судорожно сглотнув, Антонов, полностью растерявший свою спесь, смущенным голосом поинтересовался:

– Вы не подскажете, где здесь у вас туалет?

– У нас только для женщин, – недружелюбно отозвалась Кобра.

– Но мне очень надо! – еще более смутившись, попросил незадачливый папаша.

– Всем надо! – глубокомысленно констатировала женщина и добавила: – Только не здесь! Пачкать плац не положено. Уссыкайтесь, пожалуйста, за воротами.

Униженный до глубины души, Антонов помчался в сторону калитки. Привратник поднял засов, открыл ее, выпуская посетителя. Притормозив, тот с надеждой осведомился:

– А ты в какой туалет здесь ходишь?

– Не положено! – прогудел Матвей.

Горестно взвыв, Антонов с разбега ввинтился во чрево автомобиля, коротко бросив:

– Трогай!

Но едва машина достигла выездной аллеи, он выскочил прямо на ходу, судорожно расстегнул брюки. Охрана с удивлением следила за действиями своего шефа. Таким взволнованным они его еще не видели. Вернувшись назад, он захлопнул дверь, с облегчением откинулся на спинку сидения.

– Что случилось? – поинтересовался крупный парень с короткой стрижкой.

Многозначительно ухмыльнувшись, Антонов спросил:

– Санек, ты кино про эсэсовок когда-нибудь видел?

– Ну?

– А я в нем только что участвовал. Причем в роли пленного партизана.

– Игорь Владимирович, так может, с ними поговорить по-плохому? Я быстро организую.

– Нет, Санек, поехали. С этой богадельней не все так просто, как кажется. Если они центр воспитания женщин-христианок, то я папа римский. Это же не бабы – это просто зондеркоманда!

– А что там было?

– Помолчи хоть немного, дай мне подумать. Этот вопрос придется решать обходными путями. Надо выяснить о них все, а там видно будет.

Настоятельница, встав у окна, проследила за поспешным отъездом кавалькады. Она покачала головой и решила сегодня же позвонить

руководству, чтобы те приняли меры по ограждению Монастыря от нежеланного посетителя. Проще всего было бы его ликвидировать, но Мюллеру не хотелось так поступать. Возможно, после окончания практики Алина сама захочет с ним поговорить. Настоятельница нисколько не сомневалась в том, что девушка не обрадуется появлению блудного отца. Встретив с ее стороны холодное отношение, тот быстро успокоится.

Тем временем жизнь Монастыря, сбитая с обычного ритма нежданным посетителем, возвращалась в свою накатанную колею. На плац вышли три наказанные воспитанницы, стали его подметать специальными пудовыми метлами, почти целиком сделанными из стали, нещадно скребя при этом асфальт. Группа младших бегом выскочила из библиотеки, торопясь на тренировочную площадку. Достав телефон, Мюллер набрала длинный номер. Пора было побеспокоить Алину, та наверняка жутко скучает по своей любимой настоятельнице.

Улыбнувшись при этой мысли, женщина поднесла трубку к уху.

– Абонент временно недоступен…

Нахмурившись, повторила набор, но с тем же нулевым результатом. Набрала номер поисковой группы Хабаровского филиала – пошли длинные гудки. После десятого настоятельница отменила вызов, нахмурившись, уставилась в окно. Ей не нравилось отсутствие связи с воспитанницей.

Очень не нравилось.

Глава 5

Старая канава закончилась через сотню метров, далее след повернул вниз. Его легко можно было проследить по нарушенному покрову лишайника, а кроме того, враг шел напролом, даже не пытаясь обойти снежные пятна. Лина не боялась его потерять из виду, девушка отчетливо ощущала присутствие противника и могла примерно определить направление его перемещения. Слабые способности не позволяли ей сделать это более точно и достоверно определить расстояние, но это было все же лучше, чем ничего.

В момент своей активации противник поневоле обрушил на оперативную группу мощнейший энергетический импульс. Тренированный мозг практикантки тщательно запомнил уникальные параметры ментального излучения врага, теперь она ни с кем его не перепутает. Самое главное сейчас – не дать ему оторваться, не позволить слишком далеко уйти, выйдя за пределы сферы восприятия. Лина довольно сильно устала, но у нее имелся немалый запас прочности, она легко сможет вести погоню до самого вечера. Потом ей потребуется небольшой отдых, без него она быстро потеряет последние силы и не сможет продолжать преследование.

Под ногами угрожающе шевелились неустойчивые угловатые камни. Приходилось постоянно держаться начеку: малейшая оплошность – и можно серьезно повредить ногу. Противник совершенно не думал о выборе удобных путей: свернув в конце канавы, он больше не делал резких изменений маршрута. Прикинув, что при подобном курсе ей придется идти по открытой осыпи около двух километров, Лина аккуратно присела на колено, подняла карабин и в мощный оптический прицел принялась осматривать предстоящий путь. Все было чисто, враг уже успел скрыться в густых зарослях кедрового стланика, зеленеющих ниже по склону. Но не исключено, что он попросту спрятался среди камней, поджидая в засаде настойчивую преследовательницу.

Держа карабин наготове, Лина продолжила путь. Поглядывая по сторонам, она хмурилась все сильнее и сильнее: ей не нравились темные тучи, надвигающиеся с юго-востока. Будет очень неприятно попасть под грозу. Настороженно скользя среди камней, девушка быстро достигла зарослей стланика. Тут ее путь резко замедлился: корявые стволы стояли сплошной стеной, через них приходилось перелезать или протискиваться в узкие проходы. Здорово мешал рюкзак, норовя зацепиться за каждую ветку.

Кошмарный путь занял почти четверть часа. Пропитавшись густым кедровым запахом, Лина вышла на полосу редколесья. Здесь кусты стланика перемежались с тощими сосенками и лиственницами. Идти стало гораздо удобнее, только изредка под ноги попадали отдельные камни или приходилось обходить густые заросли. Впереди пронзительно свистнул бурундук. Девушка замерла: она прекрасно знала, что этот забавный зверек просто так шуметь не будет. Его что-то испугало, и он передает сигнал опасности своим собратьям. Правда, встревожить его может все что угодно: человек, медведь, неожиданно упавшая ветка или промчавшийся мимо шалый заяц. Но нельзя исключать, что он реагирует на затаившегося врага.

Впереди отчетливо треснула ветка. Лина присела на колено, крепко прижала карабин к плечу; указательный палец слился со спусковым крючком, выбрав его свободный ход. Одно крошечное движение – и тяжелая, бешено раскрученная пуля покинет ствол. Оболочка из крепчайшего танталового сплава скрывает маленький заряд невероятно мощной взрывчатки, щедро перемешанной с тонкодисперсным серебром. Микроскопический детонатор мгновенно срабатывает от любого удара. Мощь этого несерьезного на вид миниатюрного снаряда впечатляла – пуля легко могла разорвать пополам взрослого мужчину, щедро напитав обрывки его тела серебряной пыльцой. При желании практикантка могла легко проделать просеку в лесу, без затруднений посшибав несколько деревьев. Однако не стоило забывать, что даже после попадания подобной пули, выпущенной из пулемета Чалого, враг легко ушел, почти не теряя при этом своей маслянистой крови.

Подозрительный шум приближался, девушка припала к прицельной планке, игнорируя высоко поставленный оптический прицел – в этих зарослях он был почти бесполезен. Дрогнули пушистые хвойные ветви, между деревьев величаво прошествовал огромный лось. Лина едва удержалась от облегченного вздоха. Подождав, пока зверь отойдет подальше, она вытащила свой великолепный, острейший нож, подошла к небольшой стройной лиственнице. Быстро обрезала темный верхний слой коры, обнажив красноватую, заметную издалека пористую сердцевину. В одном месте сделала небольшой продолговатый затес до светлой древесины, кончиком клинка нанесла на нем первую букву своего имени. Сделав метку для поисковиков, продолжила путь.

Враг по-прежнему не выбирал для себя легких путей, девушке пришлось не раз пробираться среди густых зарослей стланика и труднопроходимых буреломов. Ее тщательно лелеемый костюм покрыли темные пятна хвойной смолы. Плевать, сейчас не время заботиться о своей

красоте. Через несколько часов кошмарного пути впереди наконец засветлел широкий просвет: Лина выбралась к старательской разработке.

Золотодобытчики постарались здесь на славу. Они тщательно перемыли много тысяч кубометров наносной породы, бережно высвобождая желтые драгоценные крупицы. Вдоль русла ручья протянулась широкая полоса чистого, хорошо промытого грунта. Старатели ушли очень давно: в сухих отстойниках, заполненных илом, весело зеленел кустарник, верба густо облепила все влажные места, пышно разрастаясь на мертвом песке. Возле ручейка, пробившего себе путь среди рукотворных наносов, Лина увидела четкий след врага.

Влажная песчаная проплешина сработала ничем не хуже криминалистической лаборатории – отпечаток вышел славный. Девушка присела рядом, внимательно осмотрела оттиск. Стопа противника была очень длинной и неестественно вывернутой на манер бумеранга. Пальцев видно не было, но впереди в грунт глубоко встрял толстый коготь. Померив его своей ладонью, девушка потрясенно охнула: он был в длину не менее пятнадцати сантиметров. Придавив рядом свою ногу, Лина сравнила глубину следов и поняла противник тяжелее ее раза в четыре, если не больше.

Новость была довольно неутешительной. По форме стопы нельзя было классифицировать разновидность врага – таких следов Лина не видела еще ни в одном справочнике. Она не удивилась этому: Великая Бездна любит преподносить неожиданные сюрпризы. Оставалось надеяться, что массивный противник не может двигаться слишком быстро.

Срезав длинную ветку ивняка, Лина вставила в ее расщеп лист от блокнота, воткнула палку рядом со следом врага. Этот знак заметят издали. Она не сомневалась, что поисковые работы начнутся уже через несколько часов, ее вера в мощь Ордена была безграничной. Самое позднее – к завтрашнему вечеру она встретится с бойцами спецотряда. Те легко расправятся с незваным гостем, а ее обязательно замучают написанием отчетов о происшествии.

Девушка пошла дальше, с радостью осознав, что враг все же подкорректировал свой курс идет прямо по разработке. Хотя ноги часто увязали в песке и мелком щебне, идти здесь было намного легче, чем по густой тайге. С каждой минутой становилось темнее, солнце давно зашло, но сумрак в этих краях сгущался до полуночи, а затем потихоньку начинал рассеиваться. Высокие широты имели все же некоторые преимущества. Настоящие ночи здесь начнутся не ранее, чем через месяц, а пока темнота может наступить только при ненастной погоде.

К сожалению, погода ухудшалась буквально на глазах. За спиной басовито погромыхивало, порывы ветра все чаще приносили свежий запах грозы. Лина прекрасно понимала, что надо поспешить – найти подходящее укрытие. Не хотелось бы вымокнуть до нитки. Девушка не являлась фанатичной сторонницей закалки организма, регулярные обливания холодной водой, практикуемые в Монастыре, не вызывали у нее ничего, кроме огромного отвращения.

Когда практикантка заметила подходящее укрытие, начали срываться первые капли. Возле высокой кучи крупных гладких валунов стояла перекошенная передвижная будка, установленная на металлических санях. Рядом ржавели толстые трубы, в небо смотрел короткий ствол гидравлической пушки. Судя по всему, в этом сооружении раньше укрывались промывальщики золотоносного песка. Прошло уже немало лет, но миниатюрный домик был сбит крепко, все еще держался.

Лина осторожно отогнула перекошенную дверь, держащуюся на одной петле, посветила крошечным фонариком. Обстановка внутри была самая незамысловатая – два топчана, стол между ними, железная печурка в углу. Внимательно осмотрев крышу, девушка поняла, что она, хоть и прохудилась, даст неплохую защиту от непогоды.

Торопливо выскочив наружу, практикантка быстро срезала несколько длинных веток вербы, поспешно вернулась назад. Вовремя – по крыше немедленно застучали крупные капли. Лина из веток и проволоки, найденной возле печки, быстро соорудила каркас над топчаном, накрыла его двумя полиэтиленовыми плащами. Закрыв дверь, крепко привязала ее к косяку – теперь враг не сможет подобраться к своей преследовательнице незамеченным. Впрочем, помня длину его когтей, она сомневалась, что ветхие дощатые стены надолго его задержат, и карабин держала наготове.

Лина сняла камуфляж, разложила его на топчане. Сверху расстелила спальный мешок, быстро скользнула в его теплое пуховое нутро, стараясь не вспоминать о Чалом, гревшемся в нем последним, еще в самолете. Под рукой положила карабин, пистолеты повесила на гвозди, вбитые в изголовье на стене. Достала начатую коробку с суточным рационом, без аппетита прожевала сухой безвкусный концентрат, закусывая твердой галетой. Девушка усмехнулась, невольно вспомнив, как еще позавчера ужинала в настоящем кафе. Жаль, что подобные блюда не входят в меню поисковых групп.

Запив трапезу водой из фляги, она нахмурилась. Жидкости оставалось совсем немного: за время поиска опергруппа израсходовала свои запасы, пополнять их наверху было невозможно. Рядом с хижиной протекал

искалеченный ручей, но Лина где-то слышала, что старатели при своих работах часто применяют ядовитую ртуть, и боялась из него пить. Скорее всего, подобные страхи беспочвенны, но она твердо решила, что попробует эту воду, только умирая от жажды.

Застегнув мешок, девушка уснула почти мгновенно. Ее не беспокоил жесткий, неровный топчан и не мешал ужасающий грохот грозы. Ничуть не тревожил и барабанный стук по крыше. Прохудившийся рубероид не выдержал напора стихии, по пленке плащей потянулись водные струйки. Но Лина устроилась надежно – ни она, ни ее вещи не пострадают от влаги.

Сильная гроза не сможет бушевать слишком долго, через несколько часов практикантка вновь продолжит преследование.

Панарину Игорю Владимировичу что-то не спалось. Упитанный руководитель Хабаровского филиала сильно мучался от крайне неприятного ощущения. Сегодня он поужинал слишком легко, теперь приходилось за это расплачиваться. Очень хотелось спать, но перед глазами непрерывно проплывали изображения различных соблазнительных деликатесов, вызывая обильное слюноотделение. Поняв, что уснуть попросту не удастся, толстяк перелез через храпящую жену, сунул ноги в мягкие тапки и направился в сторону кухни.

Раскрыв холодильник пошире, он торопливо достал несколько заполненных тарелок и судочков, суетливо расставил их на столе. Откромсал щедрый ломоть белого хлеба, присел на табуретку, размышляя, с чего бы начать. В этот момент зазвонил телефон.

Чуть не воя, Панарин прошел в прихожую, раздраженно схватил трубку:

– Да?

– Игорь Владимирович?

– А кого ты ожидал услышать в час ночи у меня в квартире?

– Извините, пожалуйста! Говорит диспетчер Кругов. У нас нештатная ситуация.

– Что случилось? – насторожился Панарин.

– Поисковая группа пропустила два сеанса связи подряд. Их спутниковый телефон не отвечает на вызовы.

– А сотовые пробовали? – еще не очнувшись, спросил толстяк.

– Игорь Владимирович! – укоризненно отозвался диспетчер. – Там в помине нет сотовой сети, и вряд ли она появится в ближайшую тысячу лет!

– Ах да, совсем позабыл! Ну? Что вы предприняли в связи с этим?

– Продолжаем их вызывать. Связались с Кошкиным Олегом, тот уже

договорился с авиаотрядом, но вылететь пока не может. В районе поисковых работ бушует сильная гроза, местные пилоты не полетят в такую погоду.

– Пусть не жалеет денег!

– Он так и делает. Все без толку! У них очень старая, сильно изношенная техника, на ней и в хорошую погоду летать страшно, не то что сейчас.

– Как они меня все достали! – в сердцах воскликнул Панарин. – Небось веселенький пикник там устроили, с этой милой практиканткой, а мне тут голову ломай! Что будем делать?

– По правилам в случае потери связи вы имеете полное право немедленно объявить «желтую тревогу».

– А когда выяснится, что они попросту пропили свой телефон, знаешь, что мне будет? – угрюмо произнес Панарин. – Как там якутяне?

– Они ничем нам помочь пока не могут, у них своя заморочка – на Таймыре.

– Сговорились все, что ли? Да и хрен с ними! Ждем до утра, а там видно будет. Ведь не может эта гроза длиться вечно. Как только погода позволит, пусть Кошкин немедленно вылетает в заданный квадрат; поисковики к тому времени уже будут на месте в ожидании его вертолета. Все понял?

– Как прикажете! Держать вас в курсе?

– До утра не беспокоить! Только если поисковики отзовутся.

Панарин бросил трубку и немедленно поспешил на кухню. Проклятая работа – никогда пожрать не дадут спокойно!

Олег Кошкин, мягко говоря, был сильно раздражен. Местные порядки его достали вконец. Ему еще никогда не встречалось столько безответственных людей, собранных в одном месте. Даже его деньги не могли пробить глухую стену сонного разгильдяйства. Гроза затихла еще перед рассветом, но пилоты к тому времени уже давно разошлись по домам. На то, чтобы их собрать заново, ушло целых два часа. Но нервотрепка на этом не закончилась. Храбрые асы с умным видом поглядели на небо, многозначительно покивали головами и заявили, что на Раскидистом держится низкая облачность, лететь туда пока не стоит – чревато. Психуя и костеря их многоэтажным заковыристым матом, Кошкин достал ноутбук со спутниковым модемом, связался со службой погоды и через пятнадцать минут точно выяснил, что в районе поиска облачность не сплошная и при таком щедром финансировании вертолет уже давно должен

быть на месте.

Механик около часа ковырялся в машине, прежде чем экипаж, исчерпав все запасы отговорок, соизволил поднять ее в воздух. Старенький Ми-8 трясся, как паралитик. Олег уже сам был не рад, что связался с этим реликтом авиации. Но альтернативы попросту не было – второй вертолет был несколько новее, но с неисправным двигателем, ремонт закончится не скоро. Мрачные физиономии экипажа тоже не внушали особого оптимизма, казалось, пилоты направляются на собственные похороны.

Машина шла довольно высоко, отсюда с трудом можно было различать детали поверхности. Повсюду царила тайга, лишь верхушки гольцов серели каменными осыпями. Кое-где в лесном покрове протягивались лентовидные желтоватые проплешины, оставшиеся после золотодобытчиков, иногда показывались длинные наледи, не таявшие здесь до конца лета. Однажды Олег заметил небольшой карьер, неподалеку от него виднелся шахтный отвал. Суровая местность была богата полезными ископаемыми, но бедна людьми. Для разработки недр сюда в прежние годы привозили сезонных рабочих из более цивилизованных частей страны, но сейчас этот процесс практически замер. Разработка удаленных месторождений полностью прекратилась, люди старались выхватить в основном самые ближние, доступные куски, расположенные возле единственной местной автострады с грунтовым покрытием и нескольких населенных пунктов. Тайга медленно отвоевывала назад истерзанные территории, затягивая их кустарником и вторичным лесом.

Вертолет медленно пошел на снижение. Посмотрев по сторонам, Кошкин увидел вправо по курсу громаду огромного гольца, понял, что это и есть Раскидистый. Вскоре машина зависла над кочковатой марью. Чтобы ни думал Олег о пилотах, они не были полными профанами – быстро выбрали самый сухой уголок, посадка вышла не просто мягкой – она получилась совершенно незаметной.

Винт стал замедлять свое бешеное вращение, заметно притих моторный гул. Кошкин выскочил из замершей машины и, склоняясь от потока, создаваемого лопастями, отбежал к опушке леса. Вынув карманную радиостанцию, он нажал кнопку передачи:

– Бидон, и где же вас черти носят? Вертолет уже на месте – карета подана!

Ответа не было. Олег нахмурился: это его настораживало. Помех для радиоволн здесь не наблюдалось, склон гольца совершенно открыт. Сигнал в этих условиях мог спокойно пробиться на пять – десять километров. Миниатюрные радиостанции имелись в наличии у всех членов

оперативной группы, они постоянно были включены, работая в режиме дежурного приема. Не услышать Кошкина поисковики попросту не могли. Повторив вызов несколько раз, он убедился в тщетности усилий и повернулся к подошедшему пилоту:

– Надо полетать над северным склоном гольца.

– Там не сесть, – сразу предупредил авиатор, – сплошной курумник, шасси в один момент о камни переломаем.

– Ничего, садиться мы не будем. Просто порыскаем вдоль склона, посмотрим, что там к чему.

– Твоих людей будем искать?

– Да. Возможно, у них что-то случилось. Может, кто покалечился и его на носилках сюда тащат или еще что-нибудь. Поглядывайте по сторонам – наши ребята могут просигналить ракетой.

– Чего их вообще туда понесло? Там людям делать нечего! – недовольно заявил пилот. – Разве что охота там неплохая, но это из-за того, что нет дураков лазить по этим дебрям.

– Есть такое слово – надо!

Покачав головой, пилот повернул назад.

Вертолет за пару минут достиг каменной осыпи, утробно урча, поднялся выше, развернулся, скользя вдоль склона. Кошкин неотрывно смотрел вниз, но тщетно: скорость была высока, он не успевал разглядеть мелкие детали. Склонившись к пилоту, Олег заорал:

– Надо спуститься ниже!

– Не шуми, – отмахнулся пилот. – Мы их не пропустим, у нас глаз набитый. А ниже идти опасно: тут полно останцев, да и ветер может бросить на склон.

Кошкин скривился, подозревая экипаж в очередных уловках. Но делать было нечего – в летном деле он просто полный дилетант. Вертолет пошел на второй заход, сместившись выше по склону. Внезапно пилот вскрикнул, показывая куда-то вниз. Олег присмотрелся в ту сторону, но ничего не заметил.

Вертолет резко сбавил скорость, завис на месте, медленно опустился пониже. И тут Кошкин увидел опергруппу. Даже с такой высоты можно было различить, как густо забрызган кровью камуфляж поисковиков. Никто из них не подавал признаков жизни.

Пилот повернул голову, взволнованно прокричал:

– Эй! Командир! Можно попробовать сесть на самую вершину, там вроде поровнее. Но учти, если сломаем стойку – ремонт за твой счет!

Побледневший Кошкин отрицательно помотал головой:

– Нет! Нам нельзя здесь садиться! Немедленно уходим назад!

– Но там могут быть раненые! Им нужна срочная помощь!

– Нет! Раненых здесь не будет, поверьте! А если мы попробуем сесть, то рискуем повторить их участь!

– Да что здесь за хрень случилась?! – яростно выкрикнул пилот.

– Самая хреновая! Быстро вернись на ту же марь, мне надо позвонить, а при таком грохоте это не получится!

Вертолет резко завалился вбок, машина ловко ушла вниз по склону. Кошкин внезапно почувствовал невольную симпатию к экипажу. Столкнувшись с настоящей трагедией, они стали вполне нормальными ребятами и готовы были пойти на рискованную посадку ради спасения незнакомых людей. Олег пожалел, что не имеет специальной подготовки. Будучи простым работником отдела по связям с общественностью, он никогда не держал в руках боевое оружие. Высаживаться на опасном месте – это рисковать погубить себя и экипаж. И хотя он понимал, что помочь оперативникам уже ничем не сможет, на душе скребли кошки. После ухода вертолета к оставленным телам ребят вновь слетится голодное воронье и будет хозяйничать там до прихода настоящих спецов, способных раскатать эту северную гору до последнего камешка.

Машина села на прежнем месте. Олег быстро от нее отбежал подальше, на ходу включая спутниковый телефон. Чудо электроники долго молчало, но наконец соизволило дать длинный гудок. После второго послышался спокойный голос:

– Дежурный диспетчер Трутнев.

– Говорит Кошкин Олег, личный номер четыреста двадцать три, эн двадцать семь, я нахожусь у подножия гольца Раскидистый, Южная Якутия. Объявляю «красную тревогу». Повторяю: «красная тревога»!

Опешивший диспетчер растерянно промямлил:

– Вы оперативный работник?

– Нет. Отдел по связям с общественностью.

– Но…

– Вы что, не поняли? Я, будучи в трезвом уме и здравом рассудке, являясь штатным сотрудником Ордена, только что объявил «красную тревогу»! Каждая секунда промедления работает на врага! Будете и дальше переспрашивать?

– Понял! Выполняю! Пожалуйста, ближайшие несколько минут не отключайтесь. Вас переведут на главного диспетчера региона, необходимо будет дать некоторые пояснения.

– Хорошо!

Олег присел на замшелую кочку, ожидая, когда вновь оживет телефон. Он не знал, что именно сейчас делает диспетчер, скорее всего, впервые столкнувшийся с такой непростой ситуацией. Может, жмет на огромную, размером с хоккейную шайбу, красную кнопку или набирает секретный код на клавиатуре терминала связи. Детали здесь не важны. Только что он, простой рядовой работник малозначащего отдела Ордена, вызвал бурю, способную в случае необходимости стереть с лица планеты не только голец Раскидистый, но и всю Южную Якутию.

Любая лавина начинается с маленькой снежинки.

Глава 6

Лина дошла до устья золотоносного ручья через три часа после рассвета. Она растерянно замерла на берегу довольно широкой стремительной реки. Электронная карта ничего не говорила о размере этой артерии, девушка рассчитывала, что водоток будет небольшим, легко преодолимым. На самом деле до противоположного берега было никак не менее пятидесяти метров. Течение было очень быстрым, чуть ниже вода вскипала на бурном перекате. Нечего было даже надеяться на брод, но переправиться на другой берег необходимо. Присутствие врага ощущалось сейчас гораздо слабее, он явно увеличил разрыв, нельзя было давать ему лишнее время.

Спустившись к реке, Лина осторожно потрогала воду, недовольно поморщилась – она была просто ледяная. Повернувшись, девушка быстро пошла по берегу вверх по течению. Через пятнадцать минут она дошла до нового переката, встала перед ним, скинула рюкзак. Поднявшись к ближайшим зарослям, девушка облюбовала сухую лиственницу, подняла карабин. Первая пуля срубила дерево возле основания, еще четыре миниатюрных снаряда быстро раскололи ствол на увесистые бревнышки.

Оттащив их к воде, девушка достала из рюкзака длинный капроновый шнур и, обложив бревна несколькими поперечинами, быстро связала небольшой плот. Он не смог бы выдержать вес человека, но она на это и не рассчитывала. На изготовление подобного капитального сооружения уйдет слишком много времени, а его как раз нет, а кроме того, такое плавательное средство слишком неповоротливо, его никак не получится довести до берега раньше нижнего переката. Уложив на бревна рюкзак, Лина закрепила его болтающиеся застежки в щелях, пропустив в них пряжки, – теперь он точно не упадет при резком наклоне неказистого плавсредства. Раздевшись догола, она завернула в одежду оружие, ботинки и разгрузочный жилет, полученный сверток закрепила за рюкзаком – с помощью свободного конца шнура. Пошатав сооружение, пришла к мысли, что, скорее всего, плаванье будет успешным. Водная преграда неширока; если бы не течение, переправа вообще бы не представляла проблем.

Зябко поежившись, Лина осторожно ступила в реку, чуть не крича от обжигающего холода. Даже не верилось, что лед уже растаял. Донные валуны были затянуты скользким зеленым налетом, идти по ним было очень тяжело. Зайдя в ледяную воду по пояс, девушка развернулась,

потащила плот за собой, пользуясь другим концом шнура как поводком. Завязав на нем скользящую петлю, она затянула ее на левой щиколотке и решительно прыгнула вперед, погрузившись почти по макушку. Бешено работая руками, практикантка направилась к противоположному берегу. Мощное течение немедленно потащило ее вниз. Приходилось торопиться: девушке придется очень несладко, если она попадет в бурлящий перекат. Маленький плот сразу перевернется после первого же удара о валун. Но Лина хорошо умела плавать и, несмотря на связанную ногу, уверенно продвигалась к цели, быстро добравшись до середины стремительной реки.

Огромный таймень[4] замшелым бревном притаился на каменистом дне. Он был очень стар и немало повидал на своем веку. Его давно уже не страшили цепкие рыбацкие сети, матерый хищник попросту рвал их тонкие нити и леску. В уголке огромных губ болталось давнее украшение – большая самодельная блесна с парой крючков-тройников; незадачливому рыболову не помогла даже толстая леска – речной патриарх порвал ее как паутинку и плавал с этой снастью вот уже второй год.

Таймень не просто так покинул свою любимую яму под перекатом. Он отлично знал, что в этом месте частенько показываются аппетитные ондатры – здесь располагалась их колония. Технология охоты на пушистых зверьков была предельно проста и эффективна. Заметив наверху подозрительное движение, хищник молнией вылетал из своей засады, глушил свою добычу ударом огромного хвоста и, перехватив челюстями, уносил на дно. Там он преспокойно завершал трапезу и, в зависимости от аппетита, уходил в свою яму или вновь замирал в ожидании добавки.

Сегодня он был очень голоден. Пушистые ондатры, потеряв в челюстях прожорливого хищника несколько сородичей, сделали правильные выводы и стали вести себя гораздо осторожнее. Добыча не показывалась. Огромный таймень давно потерял свое былое проворство и уже не мог охотиться на других быстрых рыбин: они легко уклонялись от его атак. Основу его рациона теперь составляли мелкие млекопитающие и водоплавающие птицы.

Старая рыба не могла похвастаться завидным зрением. Заметив болтающуюся под днищем маленького плота пластиковую пряжку рюкзака, таймень не раздумывал ни мгновения. Крошечный мозг, переварив скудную зрительную информацию, обманул хозяина реки, соблазнив ложной добычей. Живая торпеда ринулась вперед.

Лина закричала от неожиданности, когда из воды внезапно выметнулся красноватый рыбий хвост. Размеры его были очень велики, под ним, пожалуй, можно было укрыться от дождя, как под зонтом. Удар этой

огромной «мухобойки» легко сшиб рюкзак в воду, пряжки не удержались, их попросту вырвало из щелей меж болтающимися бревнами. Речной агрессор и не подумал останавливаться на достигнутом результате. Тупая рыбина немедленно атаковала сброшенную поклажу, ухватив челюстями за широкую лямку. Только тут таймень начал догадываться, что с этой ондатрой не все обстоит так просто, как представлялось. Он попытался выплюнуть странную добычу, но зубы прочно увязли в синтетической ткани. Взбрыкнув, хищник ушел на глубину, потащив рюкзак за собой, с ужасом решив, что обзавелся очередным украшением, еще более неудобным, чем блесна.

Лина увидела, как северная акула поспешно ушла на дно, унося с собой большую часть ее вещей. Гнаться за ней было бессмысленно – можно потерять все остальное. Чуть не плача, она погребла дальше, достигнув берега перед самым перекатом. Выйдя на сушу, девушка затащила плотик на камни, сняла петлю с ноги, энергично растерла щиколотку. Попрыгала на месте, несколько раз присела, стряхивая воду и согреваясь. На середине реки проплыл рюкзак: таймень сумел-таки освободить свои челюсти. Тоскливо проследив, как вещи срываются в бурлящий перекат, Лина досадно вскрикнула. Догнать их было попросту невозможно: скорость течения велика, а берег, заваленный огромными валунами, не располагал к пробежкам.

Тщательно выжав волосы, Лина проделала короткий разогревающий комплекс, окончательно избавившись от дрожи. Она взглянула на ситуацию по-новому и слегка успокоилась. Да, потеряно многое, но при этом сохранилось самое главное: полный комплект одежды, обувь, оружие, большая часть боеприпасов, разгрузочный жилет с множеством полезных вещей. Этого вполне хватит, чтобы продолжить преследование. Она одета и вооружена – что еще надо человеку для полного счастья? Девушка пожалела, что так и не успела сегодня пообедать. Она собиралась сделать это после переправы, а теперь продовольствие быстро удаляется от нее в сторону далекого холодного океана.

Но имеются свои плюсы – теперь можно не задерживаться для приема пищи. Быстро одевшись, Лина развязала плотик, свернула шнур – он еще может ей пригодиться. Нацепила разгрузочный жилет, рассовала по местам пистолеты, повесила карабин на плечо. Пройдя несколько шагов, заметила второй плюс – без рюкзака идти было намного удобнее.

– Восточный! Давай сводку по вертолетам!

– Два Ми-24 только что вышли от китайской границы, необходимо обеспечить их дозаправку в Тынде.

– Принято. Горючее будет, в местном аэропорту их будут ждать наши представители. Далее пусть идут прямым курсом на Нимгер, там на полосе заправятся прямо от транспортника – к тому времени он подойдет.

– Принято!

– Конец связи!

– Алле, это министерство гражданской авиации? Яков Викторович?

– Да, кто спрашивает?

– Слушай сюда. Тебе сейчас поступил важный факс. Очень быстро его изучи и немедленно отмени все ваши полеты над приличным куском Южной Якутии. Угловые координаты квадрата там указаны. И шевелись, а то твой парк самолетов может несколько уменьшиться.

– Кто это говорит?

– Совершенно неважно. Прочитай лучше этот факс и перезвони указанным в нем должностным лицам. Они все подтвердят. И некогда мне с тобой лясы точить, у меня таких, как ты, еще дюжина на очереди.

– Кошкин, что там по аэродрому?

– Живых тут нет, а имущество давно разворовано. Но полоса на вид в полном порядке, раньше сюда даже лайнеры садились.

– Тяжелый транспортник они примут?

– Не знаю, я в этих вопросах не специалист. У них тут аэродромного оборудования почти не осталось.

– Кошкин, ты так не грузись. Купи там всех. Сколько надо, столько и плати, денег не жалей. А кто будет отказываться – записывай фамилии.

– Зачем?

– Как прилечу – всех расстреляю. Чтобы знали!

– Хорошо. У меня уже есть несколько кандидатур.

– Кошкин, с тобой приятно иметь дело!

– Алле, дежурный?

– Так точно!

– Я генерал Иващенко, слыхал о таком?

– Так точно!!!

– Да не ори белугой, у меня и так башка с самого утра трещит. Вчера в штабе… засиделся над картами. Не выспался. Слушай сюда: под мою ответственность немедленно поднять по тревоге все наши точки в указанных координатах. Их передадут отдельно, по ЗАСу[5]. Принять все необходимые меры для отражения атаки диверсионной группы. Понятно?

– Так точно!

– Подтверждение получишь через минуту и учти – чтобы без проволочек! Затянете резину – лично дрючить вас буду! Выполняй!

– Есть!

Разведывательный спутник, получив кодированную команду из центра управления, четко выполнил указание. Чуть повернувшись, длиннофокусный объектив нацелился в заданную точку. Мощная оптика позволяла с такой огромной высоты различать даже стрелки на циферблатах наручных часов. Умная аппаратура учла орбитальное движение зонда и собственное вращение планеты, синхронизировала свою работу для сглаживания изображения.

Информация пошла на Землю.

Старый медведь стоял в кустах и обеспокоенно водил чутким носом. Ему очень не нравился запах человека и мертвого железа. В последние дни эта маленькая марь почему-то стала пользоваться у людей большим спросом, что зверю очень не нравилось – он давно считал все окрестности своей суверенной территорией. С виду все было тихо, но косолапый нисколечко не доверял вечернему спокойствию тайги. Гладкокожие двуногие создания славились своим изуверским коварством. Нельзя было исключать возможность, что в кустах затаились охотники, ожидая, когда здешний хозяин неосторожно выйдет под стволы их смертоносных ружей.

Медведь страшился показываться на открытом месте. Но, оставаясь в кустах, невозможно полакомиться сладкой прошлогодней клюквой. Красной ягодой усеяны многие болотные кочки, соблазн был просто невыносимым. Ведь в июне трудно найти себе пропитание, даже ранняя жимолость только цветет или покрывается зелеными плодами. Зверь уже решил забыть про всякую осторожность, ступил вперед, как вдруг послышался близкий гул самолета.

Серебристая птица ушла за гору, оставив после себя россыпь черных точек. Топтыгин с удивлением наблюдал, как они быстро увеличиваются в размерах и расцветают белоснежными соцветиями. Парашютисты ловко пронеслись над тайгой, четко спланировав на болотистую проплешину. Некоторые угодили в торфяную грязь, но отнеслись к этому совершенно спокойно. Она им особо не мешала и быстро стекала с черных боевых скафандров. Выстроившись в цепочку, бойцы спецотряда легкой трусцой направились в сторону высокого гольца.

Посмотрев вслед странным созданиям, очень похожим на огромных муравьев, медведь развернулся и деловито поспешил в другую сторону. Он

больше не мечтал о сладкой клюкве.

Аэропорт города Нимгер знавал и лучшие времена. Раньше его не брезговали посещать даже пассажирские лайнеры и огромные транспортники. Он пропускал через свой зал ожидания тысячи пассажиров – большей частью сезонных работников или вахтовиков. Но все это осталось в далеком прошлом. Сейчас здесь занимались обслуживанием двух пожарных бортов и грузопассажирского вертолета да раз в неделю желтый двухмоторный уродец Л-410 прилетал из Якутска. Сей винтовой малыш гордо именовался «воздушным такси», однако, несмотря на малое число посадочных мест, редко заполнялся полностью. Но даже его появление не слишком рассеивало царящую здесь вечную скуку и запустение. Аэродромное оборудование большей частью давно пришло в полную негодность, все, что возможно было украсть, уже украли. Здесь много лет было тихо и спокойно, так бы продолжалось и дальше, если бы Олег Кошкин не объявил «красную тревогу». После этого события начали нарастать, подобно стремительной снежной лавине.

Для начала здесь появился сам Кошкин, причем никто из сотрудников не усмотрел в этом событии перст судьбы. На все его наглые требования и попытки банального подкупа начальник аэропорта Кузькин Василий Дмитриевич отвечал многочисленными отказами. Он даже показывал ему какие-то бумаги с кучей грозных подписей и печатей, доказывающие, что высокая комиссия уже давно запретила здесь посадку больших самолетов. Олег не поленился вытащить его на улицу, от души попрыгал по бетону, свидетельствуя, что он по-прежнему крепок. Но на руководство это деяние особого впечатления не произвело. Ничего не поделаешь – ведь правила нарушать нельзя! Да, даже дуракам понятно – полоса в хорошем состоянии. Но в комиссии тоже живые люди, им же надо показывать, что они не зря едят свой тяжелый хлеб. Почему бы не запретить посадку лайнеров, раз они и так этим не грешат вот уже более десяти лет? А без бумажки сюда сесть просто невозможно – это преступление, строго караемое по закону! Нарушить его самолеты не смогут: им не даст этого сделать совесть. Да и невозможно это: район сложный, заходить необходимо меж высоких гольцов, а оборудования практически нет.

Закрыв свой кабинет, Кузькин неспешно удалился, радуясь тому, что сумасшедший «новый русский» оставил его в покое. До пенсии оставалось всего два года – не хотелось бы нарываться на неприятности. Он не знал, что Кошкин, доложив о сложившейся ситуации по телефону, получил новые инструкции. Согласно им, он, не жалея сил и денег, нанял в

кратчайший срок шестерых местных охотников. На ночь в аэропорту не оставалось никого, кроме сторожа в караульной будке. Но бравый охранник был в приятельских отношениях с зеленым змием и, когда отчаянный торг дошел до трехсот семидесяти бутылок, не устоял. В двух магазинах, лишившихся своих запасов водки, к Олегу отнеслись как к богу, завистливым взглядом провожая нанятую машину. Судя по всему, где-то намечался отменный праздник.

Кузькин, ужиная в домашней обстановке, не видел, как вдоль полосы зажигаются расставленные бочки с соляркой. Он не услышал и хлопков дробовиков, выпускающих в небо разноцветные ракеты. Начальник подскочил только после того, как на столе мелко зазвенела посуда. Выглянув в окно, он с изумлением проследил, как на полосу его закрытого аэропорта уверенно заходит огромный десантный самолет.

Спешно напялив одежду, Кузькин выскочил на улицу, помчался в сторону здания аэровокзала, радуясь, что живет так близко от места работы. Запыхавшись до острой боли в подреберье, он быстро добрался к цели, рванул дверь караульной будки. Внутри было очень весело. Совершенно невменяемый сторож разлегся прямо на полу, в исполинской россыпи водочных бутылок. Он пьяно улыбался, уставившись в потолок. При одном взгляде на его глаза вспоминалось слово «нирвана». Досадливо взвыв, начальник бросился дальше.

То, что сейчас происходило на полосе, более всего напоминало съемки очередной серии «Звездных войн». Вокруг самолета было светло, как в солнечный полдень, от мощных переносных прожекторов. Шустрые новенькие автокары вытаскивали из его брюха какие-то громоздкие ящики. Десятки людей в строгих синих комбинезонах суетились вокруг, расставляя антенны и какое-то оборудование, соединяли все это толстыми кабелями. Возле здания аэропорта настороженно замерла приплюснутая гусеничная машина, явно боевого назначения, на ее броне сидело несколько человек, облаченных в странные черные скафандры со сферическими шлемами. В руках они сжимали диковинное оружие огромных размеров. Рядом с легким танком, облепленным чудными космонавтами, с самым невозмутимым видом стояли несколько местных охотников с двустволками за плечами. И тут, чуть в стороне, Кузькин увидел проклятого «нового русского» – тот разговаривал с каким-то плечистым мужиком в черном комбинезоне.

Чуть не лопаясь от возмущения, начальник подскочил к наглецу:

– Вы!!! Вы за это у меня ответите! Я немедленно вызываю милицию! Понятно?! Это безобразие так не оставят, вы еще поплачете! Кто вам

разрешил посадку?!

Повернувшись к собеседнику, Олег невозмутимо пояснил:

– Это местный начальник – Кузькин.

– Привет, бацилла тифозная! – радостно осклабился здоровяк. – Меня все называют запросто – Клещ! Имя мое тебе вовсе ни к чему, так что будем считать приятное знакомство состоявшимся.

– Да по какому праву! Да я…

Клещ хладнокровно схватил опешившего начальника за воротник, легко поднял вверх, удерживая левой рукой. Покачав головой, неласково заявил:

– Захлопни свою задницу. Здесь я говорю – ты слушаешь. Кузькин, Кузькин! Тебя что просили? Прими наш самолетик, не робей – зачтется. Деньги предлагали, причем немалые! Вежливо обращались, по-человечески. Что же ты такой плохой, а? Но ничего, все в жизни исправимо. Кузькин, я последние часы мечтал только об одном – встретиться с тобой. И знаешь почему?

– Н-нет.

– Поясняю. Таким уродам, как ты, я с удовольствием показываю кузькину мать. Знаешь, как она выглядит?

– Н-нет.

– Прыщ ходячий, посмотри на меня внимательнее! Я и есть твоя персональная кузькина мать! Ну здравствуй, сынок!

Истошно взревели авиационные двигатели. Начальник аэропорта, нелепо болтаясь в руке здоровяка, с тоской покосился вдаль – на посадку уверенно заходил второй самолет.

Все были в сборе. Вокруг огромного темного стола, блестящего идеальной полировкой, расселись четырнадцать человек. Они дружно повернули головы, отреагировав на появление пятнадцатого. Тот, не тратя времени на рутинные приветствия или рукопожатия, прошел к главному месту, занял свое кресло и с ходу заявил:

– Все вы уже получили предварительную информацию. Добавить от себя пока ничего не могу. Мы по-прежнему не знаем никаких подробностей. Спутниковая разведка подтвердила – оперативная группа уничтожена, причем, судя по всему, произошло это быстро и жестоко. Мы не можем надеяться на то, что наши опытные специалисты погибли от людей или хищников. Они туда пришли не просто так, а по «синей тревоге». К месту инцидента сейчас движется спецотряд, он появится там через час или два, тогда можно будет выяснить подробности.

Выждав паузу, руководитель продолжил:

– Перед тем как начать обсуждение ситуации, хочу сказать вам следующее. «Красная тревога» объявлена в одном из самых глухих уголков планеты. Население сосредоточено в нескольких маленьких городках и поселках вдоль захудалой единственной федеральной трассы; самый крупный из них – Нимгер, менее двадцати тысяч жителей. Глухая горно-таежная местность, дорог там практически нет, те, что были, – почти все вышли из строя. Поддерживают порядок только на отдельных производственных трассах, ведущих к золотодобывающим рудникам. Но и по ним пройдет далеко не всякая техника и не в любое время года. Я был в похожих краях и знаю, о чем говорю. Это другая планета: местами можно ходить неделями, не встретив свежих следов человека. Согласно нашей классификации, данный район по степени опасности относится к самой низшей – первой группе. В связи с этим там нет наших действующих филиалов или постоянных представителей. Мы не более чем пришельцы, без устоявшихся связей с районным начальством и силовыми структурами. Приходится давить грубой силой или через вышестоящее руководство, что не всегда удобно из-за особенностей российской бюрократии. Военных подразделений в районе нет: он не имеет стратегического значения и сильно удален от китайской границы, – так что на быструю помощь армии рассчитывать нельзя. Президент страны и ключевые министры уже поставлены в известность, с их стороны помех не будет. Главная причина всех наших задержек – тайга. Единственный доступный путь– по воздуху. На месте авиатехники практически нет, приходится перебрасывать ее откуда только возможно. Полевой центр развертывается в Нимгере, вокруг местного аэропорта. Темп операции крайне низкий, но форсировать события попросту невозможно. Это действительно другая планета, поэтому, как ни спеши, мы все равно будем опаздывать.

Лина не услышала гула вертолета и десантного самолета: она уже слишком далеко ушла от места гибели оперативной группы. Ее путь после переправы поначалу шел по долине маленького ручья, но затем пришлось забирать в сторону, выходя на труднопроходимый склон долины, обращенный к северо-западу. Здесь царила вечная мерзлота и, несмотря на крутой уклон, было очень влажно. Ноги проваливались в густой чавкающий мох; ботинки не выдержали – быстро промокли. Девушка старалась ступать в глубокие следы врага, но это получалось далеко не всегда: слишком велики были его шаги.

Кое-где мох украшали россыпи прошлогодней клюквы, но она на нее

не отвлекалась. Ягоды были вкусны, но их калорийность просто ничтожна, насытиться ими невозможно. Лучше не раздражать голодный желудок такой мелочью. Лина не особенно беспокоилась по поводу отсутствия продовольствия. Девушка могла обходиться без еды несколько дней, хотя сейчас это нежелательно, нельзя терять силы. Она даже пожалела, что имеет слишком стройную фигуру. Немного жира сейчас бы вовсе не помешало, на внутренних резервах силы бы уходили не так быстро. Впрочем, настоящей проблемой это станет только через день или два, при тяжелой постоянной ходьбе она начнет заметно сдавать. Но за это время может произойти очень многое. Ее, быть может наконец найдут; странно, что это не произошло до сих пор. А возможно, она как-нибудь сама решит проблему питания.

Верховое болото закончилось, когда время подошло к закату. Лина до самой темноты пробиралась вверх через густые заросли кустарников и дремучие буреломы. Она была вовсе не железная, и усталость брала свое. Но ночевать на северном, сыром склоне очень не хотелось, ведь у нее больше нет спального мешка. На плоский водораздел практикантка поднялась на остатках сил.

Здесь ей улыбнулась немалая удача – повсюду виднелись высохшие стволы кедрового стланика. Лина прекрасно знала, что это отличное топливо. Натаскав груду толстых ветвей, она только тут вспомнила, что зажигалка осталась в рюкзаке. Воспитанницы Монастыря не курили, а в поиске огонь не нужен: оперативникам некогда жечь костры. Так что одноразовую безделушку девушка таскала, только слушаясь известного совета: не ходи в лес без спичек и ножа.

Отсутствие зажигалки ее не обескуражило. Лина ловко соединила свой нож в одно целое с ножнами, получив эффективное приспособление для резки колючей проволоки. В эти жесткие ножницы зажала патрон, извлеченный из обоймы беретты. Раскачала пулю, аккуратно вынула ее из гильзы. Порох высыпала на блокнотный лист. Быстро наделала тончайших лепестков бересты, подвинула ближе ворох тонких веток и сухих метелок стланика. Несмотря на недавнюю ночную грозу, все уже подсохло довольно неплохо.

Крепко прижав гильзу, Лина аккуратным ударом кончика ножа разбила капсюль. Легонько хлопнув, он выбросил крошечный язычок пламени, воспламенив порох. От жадной вспышки мгновенно занялась бумага и береста, девушка поддержала маленький огонек тонкими веточками и сухой хвоей, дала ему разгореться получше. Через пять минут запылал нормальный костер.

Закидав в него все запасы топлива, практикантка принялась заготавливать пушистые ветви стланика. Натаскав их несколько охапок, она терпеливо дождалась, когда костер прогорит, импровизированным веником смела все угли в одну кучу. На раскаленную землю уложила несколько пластов мха, сверху все засыпала заготовленным лапником. В этой нехитрой постели можно проспать несколько часов, наслаждаясь теплом хорошо прогретой земли. На кучу углей Лина поставила плоский камень, закрепила на нем свои ботинки и повесила носки – пусть хоть немного просохнут.

Уже засыпая, пожалела, что лишилась своей фляги. Пить хотелось просто ужасно, но на водоразделе воды не было. Всю ночь ей снился один и тот же повторяющийся сон о том, как ее находят. После утреннего пробуждения девушка помнила – одну-единственную картину. Из севшего боевого вертолета выходит легендарная Нельма с большой бутылкой вкуснейшего монастырского лимонада и уверенным шагом направляется к найденной практикантке, на ходу расстегивая глухой черный шлем. Лица воительницы Лина так и не увидела.

Это было обиднее всего.

Глава 7

Боевой вертолет уверенно завис над вершиной гольца, сел очень мягко, удерживая часть своего немалого веса работающим винтом: летчики опасались за шасси, сломать его на этих камнях проще простого. Сгибаясь от сильного воздушного потока, из него выскочило несколько человек. Кроме Клеща и Кошкина, этим рейсом прибыло шесть экспертов с полевым оборудованием. Дружными усилиями из салона вытащили все их ящики и сумки, кто-то дал отмашку пилотам. Машина немного приподнялась, стремительно завалилась на бок, разворачиваясь в сторону Нимгера. Она спешила за новой партией людей и груза.

Клещ быстро направился вниз, не оглядываясь на сильно отстающего Олега. Здоровяк был назначен временным куратором «красной тревоги» и спешил к точке, откуда все началось. Если ему удастся ликвидировать опасность собственными силами, то особое положение отменят, тайгу оставят в покое. В противном случае последствия могут быть просто ужасны. Если нездоровое напряжение будет нарастать, то руководство Ордена не остановится перед любыми мерами. В подобных ситуациях оно особо не задумывалось в выборе средств. В истории уже были случаи, когда облаченные властью магистры санкционировали применение ядерного оружия. И хотя кроме оперативников жертв пока больше нет, он прекрасно понимал, что это может быть только первой строчкой большой книги. Тихо и мирно подобные истории заканчиваются нечасто.

Черные фигуры лениво приподнялись при виде знаменитого рыцаря, уважительно вскинули в салюте свои огромные «Тайфуны». Поприветствовав их коротким кивком головы, Клещ подошел к телу ближайшего оперативника, без эмоций и какой-либо брезгливости рассмотрел страшные раны, потрогал пальцем кожу. Повернулся в сторону командира спецотряда:

– Зачем прикрыли их лица?

– Это не мы, – глухо прогудело из-под шлема. – Тела никто из нас не трогал.

– Вы все здесь осмотрели?

– Да. В радиусе пятидесяти метров не пропустили ни одного подозрительного камешка. Кое-где пришлось даже разбирать осыпь – искали гильзы.

– Они что, стреляли?

– Да. Но совсем немного.

– Какова общая картина боя?

– Опергруппа подошла к этому месту с востока. Судя по всему, их привлек выбеленный медвежий череп, надетый на перфораторную штангу. Возможно, просто заинтересовали старые следы горных работ. Согласно правилам поиска, они обязаны изучать все необычное, встреченное в тревожном квадрате.

– Только не надо объяснять мне прописные истины. Здесь нужна четкая, сжатая информация, а ты сейчас начнешь «Войну и мир» подробно пересказывать.

– Виноват! На этом месте опергруппа устроила привал, все ребята сняли рюкзаки. Один сотрудник ушел вниз по склону, в кусты, метров на сорок.

– Зачем?

– Она лежала там на мягком ягеле, очевидно, отдыхала с комфортом.

– Она?

– Да. Это была девушка.

– Очень странно! Что она делала в опергруппе?

– Вы потом все поймете, из дальнейшего рассказа.

– Хорошо, продолжай.

– Противник был один, укрывался в старом отвале породы, возле начала траншеи. Он напал неожиданно, выстрелить успел только один оперативник – дал очередь из четырех патронов. После уничтожения группы неприятель ушел по канаве в восточном направлении. Оставшаяся девушка, выйдя из кустов, метнула вслед спецгранату и расстреляла обойму карабина, но, судя по всему, без всякого эффекта, к тому моменту он был уже далеко.

– Подожди, не торопись! Здесь ведь только четыре трупа. А где же эта странная девушка?

– А вот тут очень интересные вещи получаются!

Спецназовец вытащил небольшую бумажку, развернул ее, поднес к шлему:

– «Группа уничтожена в 15.39. Врага не видела, описать его не могу, но смертельно раненный командир успел сказать, что противник непрерывно произносил слово «упала». До начала атаки ничего необычного не было, но сразу после выхода из засады объект испустил мощный энергетический импульс. В этот момент я находилась в состоянии релаксации и, уловив всплеск, запомнила все его характеристики. Связи нет – объявить «красную тревогу» не смогла. Сломанный телефон лежит на

камне, где было замечено пятно чужой крови. Еще несколько виднелись на снегу в канаве. Согласно инструкции (ИП 4.11.7), буду преследовать врага, не позволяя ему оторваться. Ветрова Алина, практикантка, Хабаровский филиал».

Командир спецгруппы замолчал. Клещ забрал у него маленькую записку, быстро просмотрел, хмыкнул:

– Что такое за ИП? Выяснили?

– Да. Инструкция поиска, часть четвертая, пункт одиннадцатый, подпункт седьмой. В случае «красной тревоги» при отсутствии связи оперативникам предписывается вести преследование противника своими силами.

– Ну и память у нее! Сюда бы ту канцелярскую крысу, которая писала этот пункт.

– Да, было бы неплохо. Зря девочка вспомнила про эту инструкцию, без нее она бы дождалась нас и осталась жива.

– Ну? И где же ее тело?

– Не найдено.

– Неужели смогла уйти так далеко?

– Я не знаю. От воронья тело не спрячешь, они везде такой деликатес найдут. Их тут было полно, они здорово обклевали всех ребят. Но с вершины гольца ребята внимательно осмотрели все вокруг на несколько километров– птицы нигде не кружат.

– Значит, плохо смотрели! Труп надо обязательно найти, он хоть приблизительно укажет нам направление движения врага.

– Мои ребята вовсе не слепые. В радиусе трех-четырех километров ее точно нет – гарантирую!

– Как обстоят дела со следами?

– Хуже просто не бывает. Тут недавно прошла сильная гроза, в районе гольца она разбушевалась вовсю. Кое-что мы нашли, но это сущие мелочи. Идти по ним невозможно, да и времени потрачено слишком много.

– Подкрепление скоро прибудет, надо поскорее расширить зону поисков. Эта практикантка, если, конечно, не полная дура, должна была оставлять хоть отдельные метки по ходу своего движения. Их вода не смоет.

– Понятно, но с этим дела обстоят похуже. Перед нападением оперативники проработали здесь больше суток. У них в порядке вещей помечать все свои маршруты, чтобы не ходить дважды по одним тропам. Мы нашли уже несколько десятков срезанных макушек стланиковых кустов и зарубок на деревьях. Чтобы обнаружить метки практикантки, надо

выводить поисковые работы за пределы квадрата первичных работ.

– Так и сделаешь, причем не затягивай с этим. Сейчас сюда привезут новую группу бойцов, возьмешь их под свое командование. Разыщите ее следы и как можно быстрее найдите тело, пока медведи не растащили, это они быстро проделывают.

Клещ повернулся к подошедшему Кошкину:

– Олежек, тут все выглядит точно так, как ты видел в первый раз?

– Я смотрел из вертолета, там ракурс не тот. Но с виду все на месте. Звери даже тела не утащили, все остались на своих местах.

– Млекопитающие почему-то не любят находиться рядом с местом пробоя. А вот птицам хоть бы хны – вон воронье как славно поработало! Хорошо хоть практикантка сразу им лица догадалась прикрыть, в гробу не так стыдно будет лежать.

– Что за практикантка?

– Наш маленький неожиданный сюрприз. Девчонка-оперативница случайно выжила, обвешалась гранатами и решительно ушла в погоню за злобным супостатом. Мы тут как раз ставки делаем, на каком же километре от старта ее волки доедают. Кстати, ты случайно не знаешь, что означает слово «упала»?

Пожав плечами, Олег ответил:

– Глагол. Обозначает действие, совершаемое предметом женского рода при резком вертикальном перемещении к какой-либо стабильной поверхности.

– Грамотный ты мужик, прямо гений! – ухмыльнулся Клещ и поднес к уху трубу спутникового телефона: – Алле, диспетчер. Это Клещ. Быстренько сообщи мне, кто у вас дежурил позавчера во вторую смену?

– Кругов.

– И по какому номеру его можно найти?

Выслушав ответ, временный куратор набрал нужные цифры.

– Да!

– Кругов?

– Да!

– Говорит Мордвинов Антон Сергеевич, в народе более известный как Клещ. Я назначен временным куратором по «красной тревоге» в Южной Якутии. Все понял?

– Так точно!

– Знаешь, Кругов, я только что выяснил очень удивительную вещь и хочу услышать от тебя кое-какую информацию. Назови-ка мне интервал дежурной связи поисковых групп.

– Каждые шесть часов – четыре раза в сутки.

– Умный мальчик! Но странное дело получается – оперативники вашего филиала погибли еще позавчера, аж в пятнадцать тридцать девять, а благодатная тишина царила до позднего утра, пока Кошкин не добрался до гольца. Что ж ты так скромно себя вел? Прямо как трепетная гимназистка! Или они тебе с того света регулярно названивали?

– Я действовал согласно установленным правилам. После пропуска второго сеанса сообщил о ситуации руководителю нашего филиала – Панарину Игорю Владимировичу. Он приказал не обращать внимания на проблему со связью и поторопить Кошкина с вылетом на место встречи. Запись приказа внесена в журнал дежурства, с ней, под роспись, ознакомлен диспетчер Трутнев – мой утренний сменщик.

– Ладно, Кругов, ты меня прости, если что сказал тебе не так. Плохо мне и горестно на этом лысом гольце рядом с вашими ребятами.

– Простите, но я не мог действовать через голову начальства. Правила есть правила.

– Понимаю. Прощай.

Клещ полазил в электронной памяти телефона, выбрал нужный номер:

– Алле, Панарин?

– Кто спрашивает?

– Твоя персональная смерть, и зовут ее просто – Клещ. Ну что, иуда хабаровская, ты почему не объявил «желтую тревогу» сразу после исчезновения связи?

– Я думал…

– Думать ты в реанимации будешь, и то если повезет. Из-за твоего полного кретинизма мы узнали о гибели группы примерно на двенадцать часов позже, если не больше. Тебя, кстати, благодарят все голодающие вороны солнечной Якутии, нечасто им дают спокойно пообедать подобными деликатесами. Ты знаешь, сколько в мире за одну минуту выплавляется стали и делается абортов? Тысяча тонн и пять тысяч штук! А представь, сколько можно было успеть сделать за эти потерянные часы! Чего молчишь, гнида тифозная?

– Я… Я не нарушал никаких предписаний. Оперативная группа укомплектована слабо, дисциплина у них была невысокая, но заменить людей некем. У меня здесь ужасный некомплект сотрудников. Не всегда получается выдерживать очередность отпусков. У поисковиков уже не раз бывали внештатные ситуации, и это всегда заканчивалось хо…

– Послушай, Панарин, – почти ласково перебил Клещ разволновавшегося начальника. – Ты знаешь, я вообще-то не сторонник

однополой любви, но для тебя сделаю персональное исключение. И даже не сомневайся – проделаю это с огромным удовольствием. Как только закончится эта карусель – жди приезда гостей! Я обязательно к тебе припрусь, мой сладкий персик, да еще и не один – с кучей друзей! Тут у меня несколько десятков молодых крепких спецназовцев. К тому времени они вволю набегаются по местным оленьим пастбищам, парни очень соскучатся по чистым, романтическим отношениям. Я их всех возьму с собой, никого не забуду. Ты понял, Панарин? Готовься, мы скоро будем у тебя! Учись расслабляться и получать удовольствие в некоторых неприятных жизненных ситуациях. Помни: твоя задница теперь принадлежит мне! Пока, Панарин, и не скучай. А вот я скучаю частенько и буду тебе названивать. Понял?!

Временный куратор сложил антенну, спрятал телефон в огромный карман. Командир спецназовцев качнул шлемом, вытянул вверх черную руку, одобрительно выставляя большой палец. Олег откровенно улыбался.

– Как эта практикантка попала в действующую оперативную группу? – ни к кому не обращаясь, спросил Клещ.

– Такое бывает, хоть и не часто, – прогудел спецназовец. – Сам, наверное, сталкивался – есть такие бабы, что их бульдозером не остановишь. Если чего решила, то добьется обязательно.

– Да. Простая поклонница групповой любви на такую гору не полезет, здесь не до этого. Явно ненормальная девица. Хотя знаю я одно садистское заведение, где такие дамочки встречаются. Что у нее за оружие?

– Девятимиллиметровое. Судя по гильзам и пустой обойме – автоматический десятизарядный карабин. В Хабаровске можно уточнить модель по журналу выдачи на складе.

– Странноватый выбор для девушки. Хотя, скорее всего, она довольно крепкой комплекции. Другая бы в опергруппу не попала.

– Не знаю, но сомневаюсь в этом. На отвалах сохранилась цепочка ее следов в рыхлой породе. Она шла вдоль самой канавы. Гроза здесь неплохо поработала, размыла все к чертям, но, судя по тому, что уцелело, у нее примерно тридцать шестой размер обуви, если не меньше.

– Да она просто малышка! Очень интересная девчонка, как ей удается лупить из такой нехилой винтовочки?

– Это все же лучше, чем пулемет или автоматический дробовик. Скорее всего, хорошая посадка приклада и мощный дульный компенсатор. Да и при стрельбе одиночными сильную отдачу можно выдержать.

Клещ пригнулся над камнем, где были сложены найденные трофеи спецназовцев, поднял выжатый шприц-тюбик, осмотрел маркировку,

кивнул сам себе, поднял голову:

– Рюкзаки вы распотрошили?

– Нет, практикантка. Она забрала с собой все, что посчитала необходимым.

– А что именно?

– Мелочи установить очень трудно, но по остальному мы скинули весь список на Хабаровск. Оттуда уже сообщили, что не хватает спальника, одноразового гранатомета и крупнокалиберного пистолета командира опергруппы.

– Зачем он ей?

– Практикантка вооружена простой «береттой», к этой модели нет спецпатронов. А у Бидона был «Дезерт Игл» пятидесятого калибра. У этой дуры патроны что снаряды, да и вес под два кило.

– Мама моя! Неплохая пушка! – одобрительно заявил Клещ.

– Да. Я слышал, что, когда этот пистолет разработали, в Африке все слоны неделю плакали.

– У этой амазонки тяжелая форма мании величия! Что она собралась делать с этой гаубицей?

– А что, вполне нормальный ход! – одобрительно прогудел спецназовец. – Я бы на ее месте тоже прихватил. Мало ли что случится с карабином, запасной надежный ствол никогда не помешает. При должном умении из крупнокалиберного пистолета может выстрелить даже ребенок. Главное правильно держать, не принимать отдачу на себя.

Клещ понимающе кивнул и призадумался. Эта неизвестная девчонка нравилась ему с каждой минутой все больше и больше. В Ордене не слишком приветствовали изнеженных барышень, но она просто била все рекорды. Представив тонкую фигурку, обвешанную оружием и с рюкзаком за плечами, он впервые задумался о том, что практикантка все же может и выжить. Ее действия были довольно четкими и обдуманными, не похоже, что она собиралась на собственные похороны, при этом так расчетливо себя не ведут. Если юная оперативница не полная дура, то прекрасно понимала, на какой риск идет. Враг, за несколько мгновений уничтоживший почти всю группу, оставил ее в живых только из-за случайного фактора или простой спешки. Преследовать такого страшного противника – все равно что подписать себе смертный приговор. Но вряд ли психологи допустили бы к поисковой работе человека со склонностью к самоубийству.

Вновь разложив спутниковый телефон, Клещ набрал новый номер:

– Технический центр?

– Да.

– Говорит Клещ. Нужна срочная справка – можно ли запеленговать сигналы радиостанции, которыми оснащаются поисковые группы?

– Подождите минуту.

Временный куратор успел досчитать почти до ста, прежде чем послышался другой голос:

– Алле?

– Я вас слушаю!

– Рация поисковиков маломощна, засечь ее в режиме приема можно только с минимальной дистанции. Она излучает меньше обычной магнитолы. Но при передаче сигнала в случае хорошего стечения обстоятельств пеленг можно взять даже со спутника, ионосфера в этом диапазоне пропускает все. Но требуется специальный приемник и отсутствие препятствий между пеленгатором и точкой выхода в эфир.

– Странно! Ведь эти крошки достают всего на несколько километров.

– Да, это так. Но ведь они работают на ультракоротких волнах, а на этом диапазоне важное условие связи – отсутствие препятствий между корреспондентами. В зависимости от рельефа сигнал может достать и за двадцать километров, а то и более, но в неблагоприятных условиях в них не докричишься и за пару сотен метров.

Прикинув расстояние, которое могла прошагать практикантка за это время по дремучей тайге, Клещ его прилично увеличил и поинтересовался у специалиста:

– У нас есть техническая возможность прослушивать на этой частоте все в радиусе пятидесяти километров от точки «красной тревоги»?

– Нет. Тут надо несколько специальных спутников или самолетов электронной разведки.

– В армии есть такие самолеты?

– Да, конечно.

– Мне они нужны. Выходи на диспетчера региона и четко объясни, что за техника требуется. Причем сделать это надо не просто срочно, а немедленно. Ты понял?

– Так точно!

– Выполняй!

Лина быстро продвигалась по плоскому водоразделу. Идти здесь было намного легче, чем в дебрях нижележащей тайги. Растительность на вершине была скудной и далеко не сплошной, часто протягивались практически голые курумники и чавкающие полянки мелких верховых болот, в промежутках между ними господствовали мшистые пустоши,

покрытые искривленными скелетами засохшего стланика. Продираться через густые заросли теперь приходилось нечасто, скорость передвижения резко выросла. Враг несколько раз подходил к противоположному склону, но быстро возвращался назад. Его явно тянуло спуститься на другую сторону плоского хребта, но через чащобу лезть очень не хотелось. Девушку это весьма обрадовало: противник тоже не был железным, он перестал упрямо ломиться вперед, начал мудро выбирать обходные пути. Значит, у этого могучего создания все же есть свои слабости и уязвимые места, думать об этом было приятно.

Но и практикантке приходилось довольно несладко. Во время поиска она, как и все остальные оперативники, не спала ни минуты, а за эти две ночи на отдых ушло менее восьми часов. Учитывая, что все последние сутки пришлось обходиться без пищи и воды, вымотается любой. При таких тяжелых переходах по дикой местности нельзя изнурять организм голоданием, но деваться ей было просто некуда. На ходу Лина лущила мелкие стланиковые орешки, выковыривая их из прошлогодних высохших шишек, обгрызенных таежной живностью. По большей части они оказывались пустыми: тут успели неплохо поживиться прожорливые бурундуки и кедровки. Девушка удивлялась способности местного зверья четко определять наличие съедобной начинки, не нарушив скорлупы. Ей приходилось раскусывать все подряд, довольствуясь мизерными трофеями.

Кедровые орешки весьма калорийны, но таким ничтожным количеством никогда не наешься, хоть щелкай их целый день. От острой скорлупы уже начинали саднить губы и кончик языка, а нормальных орехов за это время не набралось и маленькой жмени. Отгоняя соблазны воспользоваться стимуляторами или фляжкой, полученной от кладовщика, Лина продолжала преследование. Свои козыри следует пока приберечь даже в таком состоянии она может двигаться еще очень долго. А за это время можно будет наконец найти пищу и воду.

Жажда мучила довольно серьезно. Северная погода весьма оригинальна: ночью может высыпать иней, а днем термометр зашкалит за тридцать. Вот и сейчас жара стояла весьма приличная, одеревенелый язык так и норовил прилипнуть к гортани. Но воды здесь не было, если не считать многочисленных небольших болот. Пару раз среди камней девушка замечала довольно чистые лужи, но пить из них поостереглась. Там густо кишели мириады крошечных созданий; употреблять эту жидкость противно и довольно небезопасно. Можно попробовать очистить влагу, пропустив ее через мох, но дело это требует затрат времени. Проще потерпеть, воспользоваться подобными родниками только в крайнем

случае, когда станет совсем невмоготу.

С едой было несколько проще: дичь здесь имелась. Девушка не раз уже замечала выводки рябчиков и куропаток, вполне можно было попробовать подстрелить несколько штук из «беретты», благо этот пистолет заряжен вполне обычными патронами и не разнесет добычу в клочья. Но погода стояла тихая, совершенно безветренная, что довольно типично для этого района во все времена года. Звуки стрельбы здесь разнесутся очень далеко, не хотелось бы, чтобы их услышал враг. Лина не испытывала особого отвращения к охоте. В Монастыре она прошла специальные курсы выживания с довольно жестоким выпускным экзаменом. В майке, шортах и пляжных шлепанцах ее безжалостно оставили на специальном закрытом полигоне площадью около двух квадратных километров. Инструментов и оружия не было, из живности там водились только мелкие птицы и грызуны. Ягод и плодов тоже не наблюдалось. В одном углу этого огромного загона была сложена тысяча штук обычных кирпичей. Задание по формулировке было невероятно простым – перетаскать их в другой угол голыми руками, за полторы тысячи девичьих шагов. Лимита времени не было – работай сколько хочешь, но и питайся при этом как знаешь, а воду можешь пить из грязных дождевых луж. Лина справилась за десять дней, едва не заработав пневмонию: дело происходило поздней осенью.

С тех пор она на всю жизнь запомнила, что китайцы по-своему правы. Все что шевелится – вполне съедобно, и не стоит лить горькие слезы, убивая маленьких птичек ради крошечного комочка мяса. Ведь курица, в принципе, ничем не отличается от них, разве что только размером побольше. Покупая тушку в магазине или вылавливая мясо в своей тарелке, ты тоже становишься невольным убийцей. Пусть умертвили живое создание и не твои руки, но сделано это было с твоего молчаливого одобрения; а кто думает иначе – пусть становится вегетарианцем. Извечный вопрос, кто настоящий палач – человек, подписавший смертный приговор, или тот, кто взмахнул широким топором, для Лины просто не существовал. Оба хороши.

Таким образом, практикантка бросала на пернатую дичь весьма плотоядные взгляды и несколько раз пыталась подбить добычу камнями. Но успеха в этом так и не достигла: осторожно подкрадываться к птицам было некогда, а меткие броски издалека не были ее сильной стороной. Более крупных зверей не попадалось, хотя следов здесь хватало. Часто отмечались признаки былого человеческого присутствия – судя по всему, когда-то здесь было довольно многолюдно. Километров семь Лина прошагала по старой вездеходной дороге на ней уже успели подняться

довольно приличные заросли, но все равно идти было довольно удобно. В этих краях неплохо поработали геологи – засыпанные шурфы и заросшие канавы встречались практически каждый час. Один раз она вышла к развалинам какого-то деревянного сооружения, от него прямо по земле тянулись четыре витых алюминиевых провода. Девушка поняла, что где-то на склоне проводились работы, требующие электричества, а, возможно, внизу, у самого ручья, был расположен временный поселок. По зимней дороге сюда притащили горючее и дизельную станцию и кое-как установили линию электропередачи. Вместо столбов использовали живые деревья, срубив с них ветви и закрепив изоляторы. Сосны и лиственницы после такого надругательства быстро засохли. К тому моменту людей здесь уже не было, они закончили все свои таинственные дела и убрались восвояси, не утруждая себя демонтажом проводов. Вывозить оборудование и материалы из таких глухих углов – весьма дорогостоящее мероприятие. Это в цивилизованных местах жадные сборщики цветного лома собрали все до малейшей проволочки, а в тайге по-прежнему можно набрать тонны меди и алюминия – это дело довольно нехитрое. Проблема только в одном – дотащить свою добычу до приемного пункта. Надо признать, что это не так просто.

Остановившись здесь на короткий привал, Лина предусмотрительно отломила несколько кусков проволоки, сложила их в одно кольцо, закрепила на жилете. В хозяйстве все может пригодиться. Прошла вдоль склона еще около километра, прежде чем остановилась в тупике – дальнейший путь был весьма затруднителен.

Поперек маршрута проходил настоящий каньон. Здесь вся местность представляла собой нагромождение невысоких хребтов и отдельных гольцов. Внизу в любой долинке текла вода. Тот ручей, в сторону которого все время пытался спуститься неутомимый противник, принимал здесь в себя небольшой приток. Выбрав наиболее удобную позицию, Лина хорошо разглядела дно ущелья и озадаченно покачала головой: перепад высот был около четырехсот метров, а склоны очень круты и труднопроходимы. Повсюду вздымались изломанные скальные останцы, на непролазные заросли пышного стланика было страшно смотреть: местами он не уступал в размерах небольшим деревьям. Враг наверняка очень горько пожалел, что не спустился пораньше: здесь, на приличном удалении от большой реки, горы вздымались гораздо выше. Но возвращаться он не стал – ободрав по пути кусок мха с обросшего валуна, двинулся в густые кусты напролом.

Лина присела рядом с этим камнем, развязала ботинки, вытряхнула из них свалявшийся мох. Она рвала сухие вершинки ягеля на всех привалах,

набивая их в обувь. Таким образом девушка высушивала влагу, используя гигроскопичные свойства этого странного северного растения. Переобувшись, практикантка уверенно направилась назад. Она, в отличие от противника, точно знала, что необходимо делать в этой ситуации.

Враг без затей пошел напрямую; не будучи знаком с некоторыми результатами деятельности людей, он не догадывался о самых элементарных вещах. Его неудержимо влекла какая-то определенная цель, к ней он и стремился, не стараясь маневрировать, выбирая более комфортный путь. Как ни велика мощь противника, это почти не поможет на скалистом склоне. На спуск у него уйдет немало часов, а если повезет, он еще и упадет при этом пару раз, все более слабея. Лине было гораздо легче: она за минуту проанализировала всю ситуацию и выбрала наилучший вариант движения вниз. Девушка доберется до ручья очень быстро и с гораздо меньшим риском.

Вернувшись к развалинам электростанции, практикантка приступила к поискам. Заглядывая под доски и переворачивая различную рухлядь, она нашла кусок старой, потрескавшейся резины. Быстро изрезала ее ножом на более мелкие части, с помощью бинтов из медпакета прикрутила их к ладоням, соорудив грубое подобие перчаток. После этого направилась в сторону склона.

Рабочие, устанавливавшие эту линию электропередачи, в свое время потрудились на славу. Они вырубили широкую просеку вдоль всего склона. Она протягивалась почти напрямую к ручью, лишь изредка огибая стороной наиболее крутые, обрывистые участки, где не было высокой растительности. Но северные сосны и лиственницы выживают в самых неприспособленных местах. Они находят себе удобные места даже на участках, где общая крутизна склона превышает шестьдесят градусов. Поэтому мест, где электрики не нашли подходящих деревьев для своих столбов, было очень мало.

Просека уже порядком заросла, но двигаться по ней было несравнимо легче, чем по нетронутой чащобе. Все столбы давно попадали, трехфазная линия вилась прямо по земле. Там, где склон был слишком крутой, Лина спускалась, скользя по проводам, как альпинисты на своих тросах, предохраняя ладони импровизированными перчатками. Перед особенно рискованными участками она ненадолго приостанавливалась, сильно дергала свою алюминиевую веревку, проверяя прочность скруток. Только убедившись, что все в порядке, продолжала путь. Внизу уже начинали проглядывать голые валуны ручья, когда показался маленький карьер.

Девушка остановилась, внимательно осмотрелась. Разработка была

давно заброшенной; среди пестрых глыб красивой породы уныло ржавели тачки и пустые бочки, чуть в стороне виднелась бревенчатая времянка с провалившейся крышей. Пройдя к ней, Лина обнаружила довольно широкую тропу, идущую вверх по долине. Пить хотелось просто невыносимо, но она могла еще потерпеть. Эта дорога обязательно выведет ее к воде, а самое главное, она тянется в нужную сторону – к устью правого притока, вытекавшего из каньона, в который спускался враг.

Люди давно уже не пользовались этой старой тропой. В свое время они проложили ее на совесть, вырубив все мешающие деревья и густые кусты. В крутых местах не пожалели взрывчатки. Понятно: для разведочных или горнодобывающих работ требовалось великое множество тяжелых инструментов и разных материалов, таскать их по густым зарослям никто не хотел. Лина сильно подозревала, что от водораздела сюда должна вести хоть какая-нибудь дорога, но не жалела, что не стала ее искать. Спуск вдоль линии электропередачи и так прошел великолепно.

Тропа практически не заросла – ею охотно пользовались разные таежные звери. Разглядев огромный медвежий след, размером с неплохую сковороду, Лина озадаченно покачала головой. Если у него и остальные габариты схожи, то голова косолапого наверняка не уступает по габаритам видеодвойке в ее временной квартирке. Девушка невольно поежилась – встречаться с таким хищником что-то не хотелось. Если он на нее разозлится, то делать нечего, придется стрелять из карабина; звук разнесется по узкой долине на многие километры. Если враг уже спустился, то он обязательно его услышит и сделает соответствующие выводы. Не стоит давать ему пищу для размышлений.

Через несколько минут рядом отчетливо послышалось веселое журчание воды, спуск заканчивался – Лина вышла к долгожданному ручью. Он был очень широкий, можно сказать – целая речушка. Кристально прозрачная вода струилась среди огромных гранитных валунов, сплошь заваливших русло. Присев на колени, Лина с огромным наслаждением сделала первый, самый вкусный глоток, уже не думая о смертоносной ртути и прочей ерунде, даже вид удирающей рыбины не привлек ее внимания. Наконец-то она может утолить свою жажду!

Вода была просто великолепная – холодная, мягкая, чистейшая. В этих местах, еще не загаженных цивилизацией, можно было без опаски пить из любого проточного водоема. Даже в самой мутной реке здесь течет несравнимо более качественная жидкость, чем в любом городском водопроводе. Едва удержавшись от соблазна пить до полного разрыва

желудка, Лина поднялась, вернулась назад на тропу. Она теперь тянулась вдоль самого берега, среди кустов цветущей жимолости и чахлого березняка. Через пару сотен метров девушка вышла к маленькому поселку.

Он был заброшен очень давно. Крыши обвалились, но стены, сложенные из толстых бревен, все еще стояли весьма прочно. Девушка насчитала пять настоящих домов и три небольшие постройки. С интересом осмотрела развалины. Внутри их все было засыпано трухой, только железные печи возвышались. У стены одной избы громоздились кучи прозрачных бесцветных кристаллов. Осмотрев один, она поняла, что в карьере добывали горный хрусталь. Хорошие образцы вывозили, а мутные и трещиноватые камни выбрасывали после ручной переборки.

Присев на бревно, Лина постаралась хорошо сосредоточиться, определить, как далеко от нее находится враг. Очистив голову от всех посторонних мыслей, она медленно распрямила спину, превращая позвоночник в самую совершенную антенну. Через минуту девушка отчетливо поняла, что находится к неприятелю довольно близко. Ощущения были весьма схожи с теми, что возникли при первом контакте, после того, как противник уничтожил опер-группу.

Пришлось поневоле задумываться о целесообразности немедленного продолжения погони. Через полтора часа сильно стемнеет, если к тому времени она так и не догонит врага, то у него будет немалое преимущество – умение видеть в темноте. Ночь довольно светлая, но человек все же не сова, ей будет не слишком комфортно, а ноктовизор остался в уплывшем рюкзаке. И без того шансы на победу весьма невелики, не стоит их уменьшать еще сильнее. Лучше постараться найти здесь пищу и получше отдохнуть, чтобы продолжить преследование поутру, с новыми силами. Лина вовсе не боялась того, что ее преждевременная остановка приведет к немедленной катастрофе. На электронной карте спутникового навигатора было отмечено множество опасных объектов: атомные станции и пусковые шахты с баллистическими ракетами, склады ядовитых химических веществ, предприятия с опасным циклом производства. Однако враг упрямо направлялся в полную глушь – маршрут без серьезных отклонений уводил в самый дикий уголок местного края, там даже деревень не было, а о городах и речи нет. Девушка не понимала, что его туда гонит, но шел он крайне целеустремленно.

Что ж, в таком случае можно особо не торопиться, ведь если она погибнет этой ночью, то вряд ли ее когда-нибудь найдут. А оставшись в живых, можно будет подать сигнал поисковым вертолетам и сообщить о противнике всю информацию. Грамотные, опытные специалисты устроят

правильную облаву, покончат с неприятелем через несколько часов. Практикантка вовсе не рвалась в бой, она была простой оперативницей, а значит, вся ее обязанность – навести на цель боевую группу или спецотряд. Следуя четким правилам, она должна держать врага на коротком поводке и при малейшей возможности сообщить о его местоположении руководству. Сейчас он потерял немало времени на опасном склоне и не сможет оторваться от преследовательницы. С рассветом она продолжит его выслеживание.

Приняв окончательное решение, Лина начала действовать немедленно. Первым делом она разделась до майки и трусов, развесила сыроватую одежду на ветках – пусть хорошо подсохнет и проветрится. Стирать нельзя: плотный камуфляж быстро не высохнет. Мошкары практикантка не боялась. Ее сенситивные способности были весьма невелики, но в этой ситуации помогали довольно неплохо. Не зря в народе говорят – на ведьму и комар не сядет. Впрочем, в местных краях летающей кровососущей нечисти было очень мало, да и не сезон еще.

Покопавшись в кармашках разгрузочного жилета, девушка достала все шприц-тюбики, что догадалась прихватить из аптечки Бидона. Четыре были со стимулятором, два с морфием. Решив, что одной дозы сильного обезболивающего ей вполне хватит, она отрезала тонкую иглу. С помощью своего хитрого ножа аккуратно согнула острый кончик, получив оригинальный рыболовный крючок. Отхватила со своего конского хвоста крошечный клочок, примотала его с помощью длинной волосинки, закрепила маленькой капелькой сосновой смолы. Затем расплела кусок синтетического шнура, радуясь, что не оставила его на своем плотике, сделала из него довольно тонкую леску. Крепким узлом прихватила свою самодельную искусственную приманку, среди рыболовов именуемую просто – «муха», другой конец закрепила на срезанной палке.

С полученной удочкой быстро спустилась к ручью, вскарабкалась на огромный валун. Про рыбалку в северных водоемах Лина знала не слишком многое – голые советы из учебных пособий курса выживания. Гораздо больше запомнился короткий поясняющий ролик. Она ясно видела: ручей далеко не безжизненный, от нее шарахнулась парочка стремительных удлиненных теней, прячась под соседние валуны. Можно надеяться на улов.

Взмахнув удилищем, девушка забросила свою неказистую приманку подальше. Она наивно думала, что придется играть мухой или выдумывать другие наживки, но местная рыба считала совершенно иначе. Короткий всплеск, рывок, ощущение бешеного сопротивления и мгновенная слабина

– добыча сорвалась с неказистого крючка. Но Лина вовсе не расстроилась, она поняла, что находится на правильном пути, и через несколько неудачных забросов вытащила приличную рыбину.

Добыча сорвалась в воздухе, но упала уже на берегу. Девушка поспешно ухватила бьющегося хариуса, размером почти в две ее ладони, быстро оглушила рыбу резким ударом по голове. Далее все происходило очень просто. В этом месте была довольно неплохая яма – никуда не перемещаясь с облюбованного валуна, Лина за полчаса наловила более десятка пятнистых деликатесных созданий. Ловля закончилась в сумерках, пришлось сворачиваться: начинало холодать, да и рыба перестала жадно кидаться за приманкой.

Несмотря на немалое отвращение к холодной воде, практикантка поспешно искупалась, растирая тело крупнозернистым песком и жесткой травой. Наскоро обсушилась, оделась, прежним способом развела костер. Никакой посуды не было, всю рыбу она зажарила над углями, нанизав выпотрошенные тушки на зеленые ветви ивняка. Нельзя сказать, что ужин выдался на славу. Помимо варварского метода приготовления очень не хватало соли и специй, но Лину это совершенно не смущало. Сейчас не до особого гурманства, самое главное – насытить голодный желудок.

Прикончив половину своей добычи, девушка предусмотрительно оставила остальную рыбу на завтрашний день. С утра можно будет подкрепиться и не думать о еде до самого вечера. Если повезет, она найдет еще что-нибудь съедобное, а нет – ничего, голодной смертью за один день не умрет. Перед сном Лина привычно включила маленькую рацию, несколько раз выдала в эфир длинную трель вызова. Не дождавшись ответа, выключила передатчик, экономя подсевшую батарею – запасные остались в кармашке злополучного рюкзака.

Самолет электронной разведки, выполнявший очередной круг над районом поиска, ее сигнал не принял. Клещ дал пилотам весьма строгие указания о расстоянии, на котором следует искать потерянную практикантку. Он и представить себе не мог, насколько она уже удалилась. Сильный рыцарь не ожидал от хрупкой девчонки такой невероятной прыти и огромного упорства, честно говоря, он и сам не надеялся, что сможет совершить такой подвиг – пройти за два дня по непроходимому горно-таежному району столь огромный путь. Между гольцом Раскидистым и местом нынешней ночевки девушки было шестьдесят девять километров, если мерить расстояние по простой прямой.

Засыпать было довольно приятно от ощущения умиротворяющей сытости и ласкового звука журчащей неподалеку воды. Жажда Лине

больше не грозила.

Глава 8

– Временный куратор «красной тревоги» Клещ?

– Да.

– Говорит Михаил Антонов, старший эксперт полевого отдела. Мы закончили предварительное исследование нескольких образцов, собранных на гольце Раскидистом.

– И как? С чем мы сейчас имеем дело?

– Не могу сказать ничего определенного. Более всего по своему составу эта жидкость напоминает силикатный канцелярский клей. Я, конечно, утрирую понятия, но ничего не преувеличиваю – таковы общие факты. Мы не нашли пока ничего, напоминающего обычные ткани противника. Никто даже не верит, что это вообще кровь или иная физиологическая жидкость.

– Простой клей?

– Нет, но несколько похоже на него. В образцах большое содержание аморфной серы и карбоната магния. Много свободного серебра и различных его соединений, но это, очевидно, просто продукты разрыва спецпатрона.

– Значит, сказать, кто нас здесь посетил, вы пока не можете?

– К сожалению, нет. Мы отправили представительный образец в стационарную лабораторию, но результат будет нескоро. Да и вряд ли вам он пригодится – поверьте, такого мы еще не видели, так что полезной информации не ждите.

– Все понятно. А что там по поводу слова, которое повторял враг?

– Глухо. Слишком мало информации, не на что даже опереться. Одного слова слишком мало. Русское его значение вам хорошо известно, но найдены уже десятки смыслов на разных языках Земли и наречиях противников.

– И что оно означает на чужих языках? – немедленно заинтересовался Клещ.

– На квари – скала, или гора; на фиболо – основание, начало, реликвия. Древнейший язык человечества, санскрит, говорит, что «упала» означает попросту камень. Больше ничем помочь вам не могу: если бы было хоть несколько фраз, а так, по одному слову, ничего понять невозможно. Эта задача не имеет решения.

– Хорошо, только держите меня в курсе, если лаборатория выяснит

хоть что-то новое. С телами закончили?

– Да. Смерть мужчин произошла от множества проникающих ранений, не совместимых с жизнью. Они вызвали мгновенный шок. Сила ударов была очень велика, у всех оперативников обнаружены переломы множества костей. Посторонних веществ в телах не обнаружено, только стимуляторы да в крови командира морфий. У одного бойца отсутствует большая часть головного мозга. Судя по следам, это поработали вовсе не птицы.

– Враг?

– Да. Совершенно очевидно, что это один из Высших. А многие из них способны усваивать некоторую информацию из свежих мозговых клеток.

– Мразь!

– Точно подмечено.

– Так, значит, с телами все в порядке и никакой опасности от них ждать не приходится?

– Да.

– Отправляйте их побыстрее в Хабаровск, ребят надо похоронить.

Боевая группа почти бесшумно двигалась по тайге, рассыпавшись длинной цепью. Это был знаменитый иркутский отряд «Бешеные амазонки», он состоял из десяти девушек под руководством тридцатипятилетней наставницы по прозвищу Эльза. В отличие от обычной городской дружины, это подразделение могло эффективно действовать в лесной и горной местности. Больше половины бойцов состояло из воспитанниц Монастыря, причем две из них сумели завершить обучение до конца, не вылетев раньше времени за провинности или плохую успеваемость. Каждая из выпускниц, в свою очередь, стоила отделения крепких десантников и, помимо прочего, имела некоторые уникальные навыки, недоступные для солдат обычной армии.

Этих амазонок в Ордене очень ценили; боевая группа провела несколько блестящих спецопераций в городских условиях. Теперь настало время действовать на фоне дикой природы. Это их совершенно не смущало, при необходимости они спокойно могли сражаться где угодно. Самой младшей было двадцать два года, но даже она не опасалась мошкары или диких зверей. Девушка справедливо полагала, что бояться следует как раз медведям, а комары ее не беспокоили, как и всех остальных подруг.

Хитрая электроника встроенного в шлем ноктовизора высветила светлую зарубку на молоденькой лиственнице. Внимательно изучив свежее повреждение коры, воительница убедилась, что здесь поработал очень острый клинок, а посередине явственно виднелась вырезанная первая

буква русского алфавита. Рация выдала сигнал:

– Говорит Рыжая. Практикантку зовут Алина?

– Да.

– Я нашла ее след.

Оператор сидел перед плоским монитором, внимательно следя за показаниями энцефалографа. Рядом за аналогичным пультом на таком же удобном стуле располагался его напарник. Они следили за одной и той же установкой, так что контроль получался двойным. В углу комнаты поблескивала линза камеры, непрерывно контролирующей их поведение. На данном посту запрещалось даже на миг отвлекаться от работы, руководство Ордена не привыкло слепо доверять автоматике, более надеясь во всех вопросах на людей.

Далеко под ними, на глубине десятков метров под зданием Хабаровского филиала в цилиндрической рукотворной пещере размещался огромный круглый бассейн. На оси, расположенной в его центре, исполинской секундной стрелкой вращалась уплощенная по вертикали труба, открытая с одной стороны. В другом ее конце располагался дремлющий человек. Он был одет в розовый гидрокостюм и дышал из баллона специальной газовой смесью.

Стены пещеры были добротно обшиты многослойной теплоизоляцией. Источников шума здесь не было, техники ходили возле бассейна только в войлочных тапках, ношение другой обуви на этом объекте было строго запрещено. Температура воды почти точно соответствовала той, что обычно бывает у здорового человека. Специальные демпферы надежно гасили вибрации медленно вращающейся трубы, не пропуская внутрь нее возмущенные волны и металлические звуки. В центре установки при нормальном рабочем режиме царила полная тьма и безмолвие.

Человек, неподвижно лежащий в трубе, был сенсом. Так по-простому называли в Ордене тех специальных сотрудников, кто обладал повышенной ментальной чувствительностью. В большом мире подобных людей именовали по-разному: шарлатанами, экстрасенсами, ясновидящими или шаманами. Там они даже понятия не имели, на что способна их уникальная нервная система, и редкие приступы странного недомогания объясняли вполне естественными причинами, даже не догадываясь о страшной истине. Немудрено – ведь никто из них не знал, что такое пробой астрального поля планеты и к чему он может привести.

А вот сенс об этом знал практически все. Его отобрали еще в семилетнем возрасте из группы детей, выделенной после школьного

медосмотра. Родителям красочно описали, какие блестящие перспективы ждут их ненаглядного ребенка, опытные психологи Ордена легко уговорили позволить обучить их мальчика по специальной методике. В семнадцатилетнем возрасте ему наконец сказали часть правды – предложили служение. Он согласился и вскоре узнал гораздо больше.

С тех пор прошло уже почти девять лет. За исключением выходных и отпусков он дважды в день надевал специальный акваланг и по служебному мостику проходил на вращающуюся площадку в центре установки. Дождавшись, когда техники помогут выбраться предыдущему наблюдателю, он по металлической лесенке быстро спускался вниз, погружаясь с головой. Затем занимал свое обычное рабочее место, вытянувшись строго горизонтально, головой в сторону свободного конца трубы. Люк над ним поспешно задраивали, и на ближайшие два часа дежурный сенс оставался в полном, абсолютном одиночестве.

Он был полностью лишен практически всех доступных ощущений. Света здесь не было, звуков тоже, вода в самой трубе оставалась спокойной, несмотря на постоянное вращение установки. Такая безмятежность достигалась за счет массы технических хитростей, но для этого нельзя было останавливать движение ни на секунду. Специальная добавка в дыхательной смеси частично отключала нервные окончания на коже; мозг, не получая никакой информации из внешнего мира, замыкался сам на себя. Это состояние было крайне опасным – неподготовленный человек за эти два часа может запросто сойти с ума или как минимум начнет галлюцинировать и разговаривать с разными богами. Но сотруднику Ордена это почти не грозило: он прошел специальное обучение. В несколько мгновений отключив свое сознание, он превращал свой головной и спинной мозг в уникальное высокочувствительное устройство, способное улавливать малейшие возмущения астрального поля планеты в радиусе нескольких тысяч километров.

Материал трубы был уникален и не имел аналогов в обычной земной технике. Да и мало где могли пригодиться его странные свойства. Этот сплав не пропускал практически ничего, сантиметровым листом можно было вполне эффективно укрыться от гамма-излучения при взрыве приличной атомной бомбы. Не поддавался он и всепроникающим астральным волнам, они могли поступать только через открытый, приплюснутый с боков конец трубы.

Таким образом Орден получал надежный высокоэффективный пеленгатор, позволявший довольно точно засекать направление на точку пробоя. Каждый инцидент длился не менее трех минут, за это время

установка успевала совершить как минимум два оборота. В те короткие моменты, когда труба точно указывала на место возмущения астрала, автоматика регистрировала специфический всплеск церебральной активности у сенса, это же замечали дежурные операторы. В зависимости от силы принятого сигнала можно было легко судить о степени опасности происшествия и принимать в связи с этим соответствующие меры.

Каждый пробой необходимо было зафиксировать не менее чем двумя следящими установками. Пересечением векторов положения труб получали точку на карте. В зависимости от ее удаленности от пеленгаторов выстраивали треугольник ошибок, совершенно аналогичный тому, что делают при поиске вражеских радистов или радаров. Далее на место происшествия отправлялись оперативники – выяснять, что же именно там произошло. В случае особо сильных сигналов немедленно объявлялась «желтая тревога», группу поисковиков усиливали отрядом спецназа и обеспечивали постоянной воздушной поддержкой.

Сложная и громоздкая аппаратура астрального пеленгатора непрерывно модернизировалась не одно столетие – она была по-своему почти совершенна. Более-менее надежно укрыться от невидимого следящего луча можно только за большими залежами железных руд или крупными массивами ультраосновных горных пород. Но, к счастью, подобные образования встречались на Земле не столь часто. Ложные сигналы без конца возникали в напряженных узлах пересечения крупных тектонических разломов, в районах действующих магматических очагов и некоторых других специфических геологических структурах. Иногда мгновенный всплеск вызывали испытание современного вооружения или эффект от падения крупного метеорита. Но, что бы там ни случилось, конечное слово почти всегда оставалось за обычным поисковым отрядом. Именно оперативники, тщательно изучив район пробоя, давали свое заключение о причине тревожного происшествия. В том случае, если присутствие врага на месте не отмечалось, дело обычно сдавали в архив.

До конца двухчасовой смены оставалось всего семь минут, техники уже спешно взбалтывали в высоком тонкостенном бокале специальный прохладительный коктейль, предназначенный для отпаивания живого детектора. Второй сенс неторопливо облачался в громоздкую сбрую. Все шло своим обычным чередом, как вдруг под потолком пещеры нервно замигали тревожные лампы. Заметив всплеск мозговой активности, оператор покосился на часы и нажал специальную кнопку, запрещая производить смену. В случае крайней необходимости он мог продлить вахту на полчаса. Не более: потом закончится воздух в баллонах, да и

показатели начнут сбиваться, поскольку существовать без внешних раздражителей человек попросту не может, тренировка лишь оттягивает неизбежный момент начала психической деградации.

Электронная развертка нарисовала в узком секторе целых семь векторов, указывающих на точки пробоя. Операторы недоуменно переглянулись, синхронно покосились на панели с индикаторами контрольных показателей, но все было в полном порядке, да и тревожная автоматика помалкивала, не сигналила о неисправностях. Установка медленно прошла полный круг, новая диаграмма выдала уже одиннадцать направлений. После четвертого захода их стало целых двадцать семь, компьютер принялся нехорошо ругаться, выдавая разные технические сообщения. Следящий луч не страдал излишней четкостью, близкие сигналы стали накладываться на одну линию.

Бешеная свистопляска продолжилась и через полчаса, после смены сенса. Операторы специально позвонили техникам, обслуживающим установку, чтобы проверили, не лег ли его предшественник по ошибке ногами к выходу. Но все было нормально. Через десять минут, после еще нескольких нажатий тревожных кнопок, компьютер вообще перестал рисовать диаграммы – отчаянно сигналил весь сектор угловым размером почти в три градуса. То же самое сейчас происходило на двух соседних станциях, и даже на самых удаленных, расположенных за многие тысячи километров, контрольные мониторы рисовали тревожные вектора.

Происходило нечто совершенно невероятное. В течение полутора часов астрал попросту взбесился на огромной территории в десятки тысяч квадратных километров. Компьютерная сеть Ордена оперативно передавала данные от всех наблюдательных станций в единый аналитический центр. Но даже там, насчитав сто двадцать восемь точек пробоя, в отчаянии опустили руки. Невидимая защита Земли уже перестала реагировать на отдельные прорывы – весь район излучал тревожные волны как единая кровоточащая рана. Никто даже не заикнулся о поисковых группах – им там совершенно нечего делать. Нельзя даже мечтать о резком всплеске тектонической активности или падении большого метеорита. В глухих дебрях якутской тайги сегодня происходило что-то очень страшное и абсолютно непонятное. Такого еще никогда не было, никто даже не разработал подробных инструкций для подобных случаев.

По всей Земле в этот день сбились с ног врачи бригад «скорой помощи». Совершенно здоровые люди неожиданно теряли сознание или жестоко страдали от нестерпимой сердечной боли. За полтора часа мозговой инсульт поразил столько людей, сколько не всегда набирается и за

неделю. Многие дети, зачатые в эту страшную ночь, появятся на свет с безобразными уродствами. Тысячи обычных экстрасенсов, не являющихся шарлатанами или даже не подозревающих о своих сверхъестественных способностях, мучительно кривясь, жменями глотали обезболивающие таблетки и прикладывали к гудящей голове ледяные компрессы. Лина, уставшая почти до полного изнеможения, мучительно застонала во сне и повернулась на другой бок. Как ни сильна была пульсирующая боль в висках, крепкий сон воспитанницы она перебить так и не смогла.

Посмотрев на полностью покрасневший сектор круговой диаграммы, ошеломленный оператор высказал вслух общую мысль:

– Это настоящее вторжение!

Вокруг черного стола собралось всего десять человек. Кое-кого сейчас не хватало, но ждать их было некогда. Ситуация требовала немедленных решений, всякая заминка в данный ответственный момент была очень опасна.

Одиннадцатый, сидящий особняком, бегло изучил последние донесения, высвечиваемые на плоском мониторе, и устало заявил:

– Ну что ж, границы тревожного района уже четко определены, его общая площадь составляет более шестидесяти тысяч квадратных километров. Точное число точек пробоя установить попросту невозможно, но, по общему заключению аналитиков, их не менее трех сотен. Спутниковая разведка ничего интересного не дала: чтобы покрыть всю эту территорию, надо сделать миллионы снимков да еще и успевать их интерпретировать вручную. Предвижу ваши неизбежные вопросы и сразу поясню. Инцидент на гольце Раскидистый произошел почти в восьмидесяти километрах западнее. Но наши аналитики считают, что он, несомненно, тесно связан с сегодняшними событиями– так сказать, был первой ласточкой. Я с ними полностью согласен и не исключаю, что прорывы еще будут продолжаться. Астрал возмущен настолько сильно, что сенсы этого попросту не заметят еще в течение нескольких часов. Итак, каковы ваши соображения?

– Есть ли в том районе опасные объекты?

– Нет. Но рядом находятся две секретные военные точки, на них размещены шесть баллистических ракет. Там уже давно все солдаты подняты по тревоге.

– Перед этим врагом обычная армия практически бессильна.

– Это так. Но туда уже поспешно направляются укомплектованные боевые группы, усиленные нашим спецназом. Других опасных объектов в районе нет. Имеется несколько небольших деревень, участки

лесозаготовителей и горнодобывающие предприятия.

– Много на них работников?

– Пока неизвестно, но, скорее всего, десятки человек. Раньше в тех краях в больших количествах добывали слюду, в этих рабочих поселках находились сотни людей. Но сейчас все полностью захирело, сохранились только отдельные участки по разработке золотых россыпей и драгоценных камней. Для этого достаточно небольшого количества рабочих.

– Даже если они захватят ракетные установки, это ни к чему страшному не приведет. Без кодов доступа боеголовки просто не сработают.

– Кто знает, на что они способны? Не удивлюсь, если враг каким-то образом обойдет электронную защиту. Но, по правде говоря, очень сомневаюсь, что они пришли для простого захвата ракетных баз. Нет, мы столкнулись не просто с террором – это что-то совершенно новое. Я уже распорядился о прекращении всех поисковых работ по первому инциденту, боевые группы отходят к Раскидистому и спешно вывозятся в Нимгер. При такой плотности противника вероятность уничтожения мелких отрядов крайне велика, а крупных подразделений у нас много не наберется, вы же понимаете – для этого сейчас не хватит сотрудников.

– А перебросить их из других регионов?

– Уже начинаем, но принципиальных изменений ситуации в скором времени не будет. Район огромный, почти непроходимый. Наземная техника там практически бессильна. Спецназовцы выдохнутся в непролазной тайге за пару суток – у них слишком тяжелое оружие и амуниция. Боевые дружины весьма немногочисленны, да и большинство из них непривычны к лесным условиям. В общем, наши штабисты тут провели предварительные расчеты – для полной блокады и уверенного уничтожения противника потребуется не менее двухсот тысяч бойцов и несколько сотен единиц боевой авиатехники. Сами понимаете, для нас это просто нереально. Мы бессильны, и что здесь делать – просто не представляю.

– Атомный удар.

– Вы сказали, даже не подумав. Выжечь такую огромную площадь попросту невозможно, а точных целей у нас нет.

– Может, привлечь армию? Центральные власти в такой кризисной ситуации охотно пойдут нам навстречу. Им не нужны большие проблемы.

– Государственные военные силы раскачиваться будут очень долго, но, даже стянув туда несколько дивизий, мы попросту любезно обеспечим противника продовольствием. Солдаты не смогут ему эффективно

противостоять без поддержки боевой наземной техники. Нет, придется действовать по-другому. Нам надо назначить на эту операцию одного-единственного руководителя, дав ему временные полномочия диктатора.

Все присутствующие ошеломленно замерли, переваривая невероятные слова. Подобного в Ордене не было уже очень давно. Диктатор временно получит практически полную власть над всей организацией и будет пользоваться ею по своему личному усмотрению, пока не предотвратит угрозу. Десятки магистров и четыре грандмагистра останутся не при делах – по уставу, на эту роль не мог претендовать никто из них. Могущественные владыки будут послушно выполнять указания человека из более низких структур. Но, как ни обидно, придется с этим смириться. Тайга совершенно безразлична к суетливым усилиям людей, несмотря на все их старания; все очень хорошо помнили, как медленно разворачивались работы по «красной тревоге». Любая задержка с передачей важных распоряжений по руководящей цепочке еще более усугубит и без того непростую ситуацию. А ведь многие вещи надо выполнять очень быстро. Допустим, в случае санкции на применение ядерного оружия магистры могут обсуждать этот вопрос до тех пор, пока не станет поздно – надобность в бомбежке уже отпадет. Нет, руководство должно быть непременно в одних руках, демократия здесь неуместна.

– Кого выберем? – нерешительно заикнулся кто-то с дальнего конца стола.

– Что значит – кого? Конечно, рыцаря!

– Да это понятно. Но их в нашем Ордене немало!

– Нам нужен кто-то особенный. Самый решительный и невозмутимый, круче скалы. Сами понимаете, ситуация там очень непростая, обычный человек просто растеряется, у него на раскачку уйдет несколько дней, а времени совсем нет. Лично я предлагаю поставить диктатором Чапаева.

– Этого динозавра?!!

– Бровкина, вы же слышали.

– Да вы что!..

– Да он же!..

– Да там такое начнется!..

– Это же чудовище в человеческом обличье!..

– Он решителен? Мягко сказано! Невозмутим? Да легче смутить шагающий экскаватор! Будет долго раскачиваться? Об этом даже думать смешно – на принятие любого решения у него уходит не больше секунды! Я понимаю ваши справедливые опасения, но ситуация такова, что деваться нам сейчас попросту некуда. Это самая лучшая кандидатура. К тому же он

родом из России, это только поспособствует делу. Впрочем, может кто-нибудь предложит альтернативу?

– Да вы хоть представляете, что он может натворить?! Там трава лет двести расти не будет, если не больше!

– Я это как-нибудь переживу – не корова.

– Он в прошлый раз сколько нам нервов попортил! Наказание до сих пор не снято!

– На кону сейчас нечто большее, чем наши нервы. Аналитики не исключают, что это только начало полномасштабной агрессии диких.

– Надо как-нибудь попытаться удержать его в определенных рамках, если это вообще возможно. Ведь он получит огромную власть!

– Над этим подумаем, хотя вряд ли добьемся здесь больших успехов. Сами понимаете – он станет диктатором!

– А что? Довольно нормальная кандидатура! В тайге сатанистов нет, так что он будет вести себя довольно спокойно.

– Чтобы он вел себя спокойно, надо, чтобы там вообще не было никаких биологических объектов. Наши психиатры тщательно проверяли его уже не один раз. Они просто рыдают и не успевают писать диссертации, но упрямо признают его вполне вменяемым. Но при этом с трудом могут поверить, что перед ними человек. По словам одного из них, он создан из смеси генов говорящего попугая, карликового крокодила, деревенского петуха и Гитлера. В общем, я могу перечислять еще очень долго. Но повторюсь: у него самые максимальные шансы разобраться в сложившейся ситуации, этот человек просто создан для такого дела. Да, он может наломать немало дров. Но лично я с этим вполне смирюсь. Только бы все закончилось нашей победой.

– А как на него можно воздействовать?

– Мне кажется, в мире есть один-единственный человек, к чьим советам он хоть немного прислушивается.

– Вы думаете?..

– Да. Именно это я и думаю.

– Да она ничем не лучше его!

– Как сказать. Все же у нее есть некоторое здравомыслие.

– Да уж! Но лично я при нашей последней встрече едва в штаны не наделал!

Все понимающе усмехнулись.

– Направим ее в район действий, она сама туда давно рвется.

– Что ей там понадобилось?

– В погибшей опергруппе была молодая практикантка – ее

воспитанница. При нападении она каким-то образом уцелела и отправилась преследовать врага. Нынешнее местонахождение неизвестно.

– Она что – сумасшедшая? Что ее туда понесло, не могла дождаться помощи?

– Инструкция поиска. Часть четвертая, пункт одиннадцатый, подпункт седьмой. В случае невозможности выйти на связь предписывается вести преследование собственными силами оперативной группы, не давая противнику оторваться.

– Кто придумал эту инструкцию?

– Это плод работы многих штабных работников. Они старались предусмотреть все возможные ситуации.

– Это полный бред!

– Никто не мог ожидать такого невероятного стечения обстоятельств, этот пункт, по сути дела, отписка, простая канцелярщина. В здравом уме никто не потребует от оперативников таких самоубийственных действий. Сами понимаете, это не их уровень. Если бы практикантка осталась на гольце ждать помощи, никто бы про инструкцию и не вспомнил.

– Выходит, эта девочка пропала из-за бюрократической отписки?

– Да. Так как мы уже свернули поиск, то она наверняка погибнет, если до сих пор еще жива, что сомнительно.

– Да, некоторые люди все еще понимают инструкции буквально. Придется с этим смириться, мы не можем посылать за ней людей – слишком велик риск. Да и где ее найдешь теперь в этих дебрях? Ладно, пора принимать окончательное решение. Согласны с кандидатурой Бровкина?

– Ну если…

– Деваться-то нам…

– Я и черту буду рад…

– Черт лучше Бровкина…

– Ладно. Раз так, предложим ему роль диктатора. А кстати, где он сейчас?

– Там же, где и обычно. В нашей тюрьме.

Кошкин, зябко поеживаясь от пронизывающей ночной прохлады, вышел из огромной армейской палатки. Ему что-то не спалось – мерзко побаливала голова, да и постоянный рев авиатехники не очень располагал к спокойному отдыху. Он люто завидовал спецназовцам и дружинникам – те могли хладнокровно спать где угодно, хоть в работающей стиральной машине. Встав у входа, он закурил, наблюдая, как на посадку заходит

огромный грузовой вертолет, увенчанный двумя винтами. Повернув голову, он рассмотрел, что возле штабной палатки, стоящей у края рулежной полосы аэродрома, на складном стульчике неподвижно сидит Клещ. Приглядевшись, Олег понял, что с куратором что-то не то. Могучие плечи опущены, руки сложены на коленях. Вся поза здоровяка показывала – он сейчас явно не в себе.

Бросив сигарету, парень медленно подошел к поникшему командиру, нерешительным голосом произнес:

– Что-то случилось?

Подняв голову, Клещ невесело усмехнулся:

– А, Кошкин. Что дружище, не спится?

– Вроде того. Голова разболелась.

– Вот и я о том же, – загадочно произнес куратор, – у всех вдруг мигрень началась. Бабы – те вообще чуть ли в голос не воют. У них ведь повышенная эмоциональная возбудимость.

– Что?

– Конь в пальто. Некоторых ребят так просто в тугой узел скрутило. Знаешь, как это по науке называется? Нет? Близкое множественное возмущение астрального поля планеты. Говоря двумя словами – глубокая задница!

– Что же теперь будет?

– Скучать нам не придется, это я тебе точно гарантирую. Без оружия и в сортир теперь не ходи – чревато. Сейчас даже в Нимгере нельзя надеяться на то, что удастся отсидеться в безопасности. Такого переполоха я еще не видел.

– У меня нет оружия. Я простой работник отдела по связям, мне не положено.

– Во дела! – удивился Клещ, для него человек без ствола казался сородичем шимпанзе. – Кошкин, ты же нормальный парень, чего тебя туда потянуло?

– Кто-то же должен выполнять эту работу? Я очень поздно попал в сеть Ордена, меня решили не готовить как следует – все равно особого толку не будет, много времени потеряно. Да и сам особо не рвался. Нормальное занятие, много мест повидаешь, разных людей. На кратких курсах трезво оценил свои способности – в боевых условиях я первый кандидат в покойники. Нечего мечтать о подвигах.

– Понятно, – кивнул Клещ и добавил: – Подожди, я сейчас.

Встав, он скрылся в палатке. Выйдя оттуда через пару минут, протянул Олегу здоровенный пистолет:

– Держи. Он заряжен спецпатронами, – чуть помедлив, тихо добавил: – «Дезерт Игл», такая же модель, какую прихватила практикантка у командира опергруппы.

– А как дела с ее поисками? – оживился Олег.

– Не будет больше никаких поисков, – мрачно ответил Клещ.

– Как?!

– Молча! – Куратор ожесточенно хрустнул кулаками. – Мне сказали четко и ясно: считать практикантку погибшей. Точка! Множественный прорыв, туда дивизию спецназа надо посылать, ведь никто не знает, что, собственно, происходит в этом трижды проклятом районе. Даже население запретили эвакуировать, а это около сотни жителей, не считая старателей и лесозаготовителей.

– Но так нельзя! – растерянно воскликнул Олег. – Мы же Орден! Мы ведь все давали клятву! Как можно бросить жителей и эту молоденькую девушку, которая пошла туда, повинуясь правилам поиска!

– Кошкин! Это ты мне говоришь или кому? Я же не в капусте родился – у меня почти все предки из Ордена! Мой дед хорошо помнил те времена, когда рыцарей звали иначе, не Бугаями и Клещами, – я плакал над его рассказами. Кошкин, посмотри на меня внимательно – разве можно представить слезы на моей морде?! Этот мир гниет, и мы послушно разлагаемся вместе с ним! Да разве могли бы Храбры и Лютоборы тех эпох бросить на произвол судьбы девушку в глухой тайге, да еще и по соседству с врагами! Они бы легли там все до последнего, но даже мертвые дрались бы до тех пор, пока не вытащили бы ее! Орден своих не бросает, не так ли?! Она тоже давала клятву, но, в отличие от некоторых, выполняет ее неукоснительно, до последнего пункта бюрократической инструкции. Кругом дерьмо и мрази, и нас тоже хотят замазать! Это болото просто заслуживает полного уничтожения! Смотри сам: мы с каждым годом теряем свое влияние в разных районах Земли, у нас теперь остались два последних Монастыря. Сотрудников очень много, но в основном все вроде тебя – какие-то менеджеры, воевать сейчас просто некому. Мы больше не боевой Орден крестоносцев мира – мы обычная международная корпорация, где начинают появляться слизни, вроде Панарина! Нас даже стали называть сотрудниками. Как же надо идти в ногу со временем, мы же теперь организация! Никто не стремится в оперативники – зачем это надо! Всегда найдется удобное местечко потеплее, да и жопа намного целее будет! Дай мне сигарету!!! – почти выкрикнул Клещ.

– Зачем, ты же не куришь? – удивился Олег.

– Подожгу и в штаны кому-нибудь запихаю, как в молодости Чапай

любил проделывать.

– Кто?!

– Ты с ним, может быть, скоро познакомишься. Впечатление будет незабываемым, точно обещаю. Равнодушным еще никто не оставался. Его хотят спустить с поводка и поставить диктатором операции, меня только что поставили в известность.

– Что?

– Вполне нормальный ход! Если кто-то здесь сможет разобраться в этом дерьме, так это он. Там, где появляется Чапай, сперва ручьями льются слезы, но потом наступают полная тишина и благодать. Это не человек – это просто нечто! Таких сейчас больше не делают – не осталось таких мам, что могут родить подобное существо! На эту живую легенду день и ночь молятся все врачи и стекольщики.

– Не понял?..

– Узнаешь его получше – сам поймешь, хорошо, если не на своей заднице. Он мой бывший наставник, я верю ему как богу! Как только Чапай возьмет все в свои крепкие руки, немедленно попрошу его разрешить поиски девушки и эвакуацию жителей.

– Та веришь в то, что она до сих пор жива?

– Больше чем когда-либо. Боевая группа проследила ее метки на четырнадцать километров от места гибели оперативников. Это уже невероятно, я-то думал, что нашу практикантку давно в кустах медведи доедают. А потом внезапно понял – ведь это судьба! Знаешь, Кошкин, я ведь иногда начинал подумывать о том, чтобы оставить Орден.

– Да ты что?!

– А ничего! Мне уже давно надоело смотреть, как нас накрывает мерзкая серость. Мы боимся, что нас погубит тесный контакт с человечеством, всячески стараемся держать дистанцию, стоять в стороне. Как же, Орден вечен– государства смертны! Но мы ведь не существуем в полном вакууме: накал борьбы нарастает, штаты непрерывно увеличиваются, грядет неизбежная деградация. Мы начинаем страдать теми же опасными болезнями, что и большой мир: канцелярщина и бюрократия, разбухание управленческого аппарата, снижение общего профессионального уровня, да и много других явных признаков упадка. Если здесь ничего не менять, эта гора неизбежно рухнет и похоронит нас под своими обломками. И останется только два пути: или появится что-то новое, или человечеству, в таком виде как сейчас, не сохраниться. Эта девчонка просто обязана выжить, ты понимаешь? Тогда я все-таки смогу продолжать верить в хорошее. Представь: одна, почти на другой планете,

день и ночь идет по следу существа, которое убьет ее почти со стопроцентной вероятностью. Ведь это даже не подвиг! Я не могу найти подходящих слов! Я просто преклоняюсь и неистово верю в нее! И знаешь, Кошкин, ведь не один я верю в практикантку!

– А кто же еще?

– Ты слышал, что она прибыла из женского Монастыря?

– Такие слухи ходили, – туманно ответил Олег.

– Час назад они полностью подтвердились. Мне позвонила их настоятельница, расспрашивала о своей воспитаннице.

– А ты?

– Что – я? Сказал всю правду, как есть. Знаешь, что она мне ответила?

– Ну?

– Рано мы хороним ее лучшую воспитанницу. Она сказала, что Алина еще на наши могилы цветы принесет. И почему-то я поверил этой невероятной женщине.

– Так ты ее знаешь?

– Ее только такие, как ты, не знают. Она – единственный человек, которого Чапай уважает настолько, что прислушивается к ее советам, а это, я тебе скажу, та еще характеристика. Если наша потерянная практикантка ее лучшая воспитанница, то у девчонки действительно есть шанс. Ты знаешь, еще по пути в Хабаровск она очистила от террористов авиалайнер и смогла его самостоятельно посадить в аэропорту. Ее теперь чекисты с фонарями разыскивают, хотят что-то там уточнить. А по прибытии даже рапорт не написала, очевидно, просто не придала никакого значения случившемуся.

– Боевая малышка!

– Не знаю. Все, кто ее видели, говорят, что по ней этого никогда не скажешь.

– Слушай, Клещ, ну, раз ты уверен, что Чапаев разрешит, давай продолжим поиски?

– Нет! Получен вполне четкий приказ – всю технику пустить на патрулирование границ опасного района. Сам я уже почти ничего здесь не решаю, а Чапай еще не объявился.

– Позволь мне.

– Что – тебе? Собрался пешком туда идти?

– Нет. Здесь в местном авиаотряде имеется грузопассажирский вертолет, я на нем летал на Раскидистый в первый раз. Там довольно грамотные пилоты, объясню им всю ситуацию, думаю, они согласятся. Мужики очень надежные, девчонку одну не бросят.

– Да? И как объяснять будешь? Дескать, покорнейше извините, наши летуны сильно обделались – туда не пойдут. Не могли бы вы сами слетать, посмотреть, где же бродит наша девушка. Так?

– Я сам с ними полечу.

– А знаешь – лети! – решительно заявил Клещ. – Я тебе всем помогу, даже своего бойца дам. Только полный экипаж не бери, вам пока хватит и одного пилота. Нечего жизнями гражданских рисковать лишний раз.

– Хорошо!

– Я тут посмотрел по карте – если рассчитывать по найденным меткам, то практикантка двигалась примерно на восток. Пойдете туда вдоль старой старательской отработки, но учти – за рекой через сорок километров начинается опасный район. Далеко туда не залетайте – пять верст, не более. Да и кружить там можно неделями – площадь просто огромная. Возьмешь рацию и непрерывно вызывай ее на частоте оперативников – кто знает, вдруг тебе улыбнется удача. Только идите на высоте не менее полутора километров – спускаться ниже на гражданской машине очень опасно. Все понял?

– Да.

– Эх, Кошкин! Да если ты ее найдешь – считай, что твоя жизнь прожита не зря. А нет – так постарайтесь сесть в Беловодовке. Там семь стариков и старух живут. Если получится, заберите их всех. Но сперва сверху хорошо осмотрите всю деревню. Там может быть враг.

Ночную таежную тишину нарушил странный треск, как будто замкнуло оголенные провода. Над влажной мшистой полянкой в недрах темного ельника из ниоткуда возникла зеркальная многогранная сфера, быстро вращающаяся вокруг вертикальной оси. Треск быстро затих, скорость странного шара начала стремительно снижаться, из него посыпались чудные, гротескные создания, в классификационных справочниках Ордена обозначаемые как ракшасы.

Раздирая мох своими когтистыми ступнями, они мгновенно разбежались в разные стороны и, развернувшись, внимательно проследили, как сфера, полностью остановившись, исчезла с тихим хлопком, оставив за собой грязное облако удушающего сернистого газа. Довольно урча, ракшасы вернулись к точке пробоя, стали в тесный круг, сплетая свои сенсоры в чувствительный единый локатор, зашаривший по окрестностям жадным лучом. Урчание немедленно усилилось: здесь была жизнь, а значит – и пища. Они смогут выжить и продолжить свой путь. Самый лакомый кусочек находился на юго-востоке, всего в трех километрах. У основания

небольшого холма стоял маленький горнодобывающий поселок. Там за деревянными стенами укрывались самые вкуснейшие создания – люди. Помимо жизни они обладали душой и разумом, такое сокровище просто нельзя упускать.

Торжествующе подвывая, пятерка ракшасов стремительно бросилась вперед; они спешили подкрепиться, чтобы набраться сил перед дорогой.

Бровкин ничего не знал об экстренном совещании магистров. В последние три месяца он вообще практически не имел сведений о том, что происходит за пределами маленькой тюремной камеры. Вся его жизнь протекала в мирке площадью шесть квадратных метров. Связь с внешним миром осуществлялась через крошечное окошко, через него в узилище попадали запрошенные вещи и еда.

Справедливый внутренний суд Ордена наказал его за сущую безделицу. Он хорошо помнил тот тихий весенний день, когда возвращался к себе домой после посещения городской библиотеки, где продлевал просроченные книги. Немного отойдя от станции метро, Бровкин увидел возле обочины группу из трех мотоциклистов в байкерской амуниции. Их стальные кони стояли в один стройный ряд, а плечистые ребята, сгрудившись в кружок, оглушительно ржали над чем-то очень смешным. Рыцарь не стал бы останавливаться, но внезапно заметил, что у одного из троицы на шее болтается большой перевернутый крест.

Без малейших колебаний Бровкин скорректировал свой курс и встал перед крепышом в черной коже. Посмотрев на него снизу вверх своими добрыми, меланхоличными глазами, он практически вежливо ему предложил:

– Слышишь, ты, ошибка акушера, сними этот крест, или я его тебе в задницу по самый локоть засуну.

Паренек просто косил под сатаниста и мог бы спокойно отказаться от ношения столь кощунственной святыни. Но почему-то не стал. Зря. Сотрудники внутренних органов подоспели к месту событий в тот момент, когда парни уже лежали на асфальте, не в силах продолжать схватку. С одного из них Бровкин пытался снять штаны, явно намереваясь выполнить свою необычную угрозу. Напрасно служивые люди вздумали помешать славному деянию разгневанного рыцаря Ордена – милицию он тоже не любил. Причинив им многочисленные телесные повреждения, Чапай лихо перемахнул через забор, избегая дальнейшей эскалации конфликта. Поймать его так и не смогли, но, к сожалению, хорошо запомнили приметы и объявили тревогу по всему городу. Дежурный наблюдатель Ордена,

взглянув на приметы малорослого лопоухого преступника, избившего семерых человек, опознал Бровкина почти мгновенно. Его все знали очень хорошо, почерк происшествия был стандартным, да и сам он не стал отпираться, хотя вины своей так и не признал, считая, что действовал совершенно правильно. Впрочем, это тоже было в порядке вещей.

Глядя на этого человека, просто невозможно было понять, почему он носит такое странное рыцарское прозвище. Внешностью Бровкин совершенно не походил на легендарного красного командира – невысокий, плотный, с заметным брюшком и круглой, розовой физиономией со смешными оттопыренными ушами. Ему бы больше подошло что-нибудь вроде «колобка» или «пончика», но все вышло иначе. Во-первых, характер его был не просто железным – бронированным, с немалой склонностью к экстравагантности и эпатажным поступкам; а во-вторых, имя и отчество – Василий Иванович.

В камере Чапай вовсе не скучал. Он закончил свою последнюю книгу – «Роль сатанизма в сионизме», сейчас взялся писать новую под рабочим названием «Неизбежность принудительного гомосексуализма в современной эстраде». Помимо бурной творческой деятельности он трижды в день делал продолжительную зарядку с двухпудовой гирей, терпеливо дрессировал тюремных тараканов и тайком точил стальной супинатор, извлеченный из левой туфли. Бровкин вовсе не собирался бежать, он просто хотел разработать безупречный план побега, сделать всю подготовку для его реализации и предъявить своим стражам, чтобы те знали: их узилище не столь уж надежно, как считается.

Сидя на маленьком стульчике, Чапаев с интересом следил, как здоровенный черный таракан по кличке Абрам, шевеля длинными усами, продвигается по довольно сложной трассе с многочисленными препятствиями. Наградой за труды являлись редкие крошки подслащенного хлеба, разбросанные на ключевых участках извилистого пути. Насекомое достойно преодолело все препоны из пачек сигарет и бумажных барьеров, после чего быстро умчалось под кровать. Бровкин собрался подманить следующего усатого сокамерника, как вдруг загрохотал замок и дверь открылась.

В камеру вошел охранник, трое других встали перед проемом. Чапаев без всякого удивления взял протянутую телефонную трубку, но подносить к уху не стал, заметив огонек громкой связи.

– Василий Иванович?

– Нет, он меня бросил, – печально ответил Бровкин. – Что ему передать, если вдруг вернется?

Собеседник хмыкнул:

– И не надоело еще тараканов гонять? Выслушай внимательно мои слова, потом можешь говорить все что угодно. Чапаев, у нас на Дальнем Востоке сложилась довольно неприятная ситуация. Мы решили временно освободить тебя от наказания и поставить заниматься решением проблемы. Для этого предлагаем принять на себя полномочия диктатора. Ну как, согласен?

Медлительность с детских лет не являлась чертой характера Бровкина, он не раздумывал ни секунды:

– Да!

– Что прикажете, господин диктатор? – уважительно поинтересовался невидимый собеседник.

В любой момент жизни Бровкин четко знал, что ему требуется, не растерялся и сейчас:

– Парикмахера, горячую ванну, военную форму нескольких родов войск, девку, реактивный истребитель и немедленно взорвите церковь Сатаны на Пресне.

– Вам блондинку или брюнетку? – деловито уточнил голос из телефона.

– Все равно, хоть лысую. Мне она нужна не для пополнения коллекции скальпов.

– Хорошо, уже выполняется. С истребителем придется немного подождать, но, думаю, часа через два этот вопрос решится, а церковь, надеюсь, до утра не достоит.

– Смотри! – пригрозил Чапаев. – Ключевое слово «немедленно»! Затянешь волынку – попадешь в проктологию с очень неприятным диагнозом!

Повернувшись к охранникам, стоящим по стойке смирно, он гаркнул:

– Хвалю за службу!

– Рады стараться!

– Ну и где же у вас тут ванная с парикмахером и лысыми девками?

– Не, до утра нам никак не успеть!

– Придется.

– Да времени всего ничего осталось!

– Дешевые отговорки.

– Всех наших ребят на восток угнали.

– Но кто-то же остался?

– Да я не пойму – к чему такая спешка?

– Есть такое слово – надо!

– Но зачем нам это? Церковь уже почти целый месяц спокойно работает, неужели еще день нельзя будет подождать?

– Я бы с радостью, но обстоятельства таковы, что к утру ее быть не должно. Поверь, если это не произойдет, мы все попадем в больницу с очень обидными диагнозами.

– Как будем работать?

– Что-нибудь попроще. Почему бы у сатанистов не произойти взрыву бытового газа?

– А если его там нет?

– Для такого случая придется провести. Причем непременно до утра.

Настоятельница не спала. Одетая в свой неизменный брючный костюм, она стояла у раскрытого окна своего кабинета, вглядываясь в сторону светлеющей полосы на востоке. Скоро встанет солнце, начнется новый день. Мимо окна изредка пролетали жужжащие комары, но не делали ни малейших попыток проникнуть внутрь – с Мюллером не хотели связываться даже насекомые.

Настоятельница нисколько не удивилась, когда в кармане запиликал телефон, хотя в столь ранний час ее никогда еще не беспокоили. Достав трубку, она поднесла ее к уху и спокойно произнесла:

– Слушаю!

– Чапаев назначен на Дальний Восток, только что получил статус диктатора, вылетит примерно через час.

– Понятно. И что дальше?

– Его страшно оставлять без всякого контроля, а вы – единственный человек, которого он может послушаться. Не согласитесь ли принять участие в операции?

– Хорошо, я согласна.

– Вам что-нибудь требуется? Мы готовы предоставить все, что только потребуете.

– Дайте боевой самолет с хорошим пилотом и обеспечьте его воздушную дозаправку на пути в Хабаровск. Не хочу терять время.

– Все?

– Остальное я спокойно найду и без вас.

– Как скажете. Истребитель прибудет через два часа на ваш главный полигон.

– Понятно. Буду ждать.

Спрятав телефон, настоятельница закрыла окно, вышла из кабинета.

Надо было дать инструкции Кобре, оставляя ее на хозяйстве под надежным присмотром Буренки. Неплохо бы еще помыться и переодеться в летный комбинезон. И надо предупредить, чтобы ей подготовили противоперегрузочный костюм.

Давненько она не выбиралась за стены Монастыря.

Часть вторая
Вся мощь Ордена

Глава 1

Лина проспала почти шесть часов как убитая, даже не догадываясь, какие разнообразные события случились этой короткой июньской ночью. Честно говоря, в последнее время ей стало казаться, что все произошедшее с ней между зелеными воротами Монастыря и каменным склоном гольца Раскидистый – простой сон. Слишком быстро промелькнул перед изумленными глазами большой мир, ослепив калейдоскопом ярких красок и оставив за собой обидную горечь от многочисленных разочарований. В голове сохранилось всего несколько отдельных картин, да и то значительная их часть – красочные эпизоды из просмотренного накануне вылета эротического фильма. Сейчас девушка понемногу начинала верить в то, что на свете не существует ничего, кроме Монастыря и этого дикого, неприветливого края с его непролазными буреломами, живописными скалами и мшистыми болотами, густыми дремучими лесами и каменными осыпями, на которых стремительно начали изнашиваться ее крепчайшие ботинки.

После затянувшейся ночевки в заброшенном поселке она непрерывно двигалась вверх по ручью. Таким интересным манером ей ходить еще никогда не приходилось. Все русло и берега представляли собой сплошное хаотическое нагромождение красноватых валунов, размером от футбольного мяча до приличного автомобиля; меж ними пенились чистейшие водяные струи. Кое-где протягивались белесые стены наледей, сильно подмытых снизу. Эти длинные торосы интенсивно таяли, журча множеством мелких ручейков. Перебираться на труднопроходимый склон ей очень не хотелось, но время от времени девушка тщательно проверяла все подозрительные места, выискивая следы врага.

Двигаться по широкому руслу приходилось в основном опасными прыжками с камня на камень. Несмотря на осторожность, пару раз при этом не удалось удержаться – ноги промокли по колено. Особо рискованных трюков приходилось избегать – сломать голень среди этих нагромождений проще простого. Пугая стремительно разбегающихся хариусов, Лина пролетала над рыбными ямами: кое-где удавалось немного передохнуть, пробираясь обычным шагом через косы, сложенные гравием и не слишком большими валунами. Подойдя к одной из них, она отчетливо почувствовала свежий запах дыма.

Первым делом девушка сорвала с плеча карабин, опустила

предохранитель. Упругой каплей ртути перетекая от валуна к валуну, она подобралась поближе, увидела искомое. Посреди косы чернела кучка углей от прогоревшего костра, на вершине увенчанная серой проплешиной пепла. На гравии виднелись многочисленные знакомые следы, будто кто-то старательно вдавливал в него бумеранг. Пройдясь вокруг, Лина нашла полосу смятой растительности и сломанных веток кустарника – враг, погревшись ночью у огня, ушел вверх по склону.

Присев возле остатков костра, девушка протянула к ним руку, почувствовала поток тепла. Она поняла, что разминулась с противником всего на два-три часа. Невольный страх тисками сжал сердце: опасность была очень близка. Если б Лина вчера не остановилась раньше обычного, то погоня бы уже давно закончилась, причем вряд ли в ее пользу. Тщательно осмотрев следы, она поняла: враг провел здесь довольно много времени. Он действительно не железный – устал и, скорее всего, замерз от ночной прохлады. Это хорошо. Значит, он не слишком приспособлен к этому миру, его силы тают здесь с каждым днем. Ей тоже приходится сейчас очень несладко, но она все же у себя дома.

Проверив показания спутникового навигатора, Лина убедилась, что враг по-прежнему старается выдерживать свой странный курс. В этом месте ручей резко изгибался к югу, в то время как противника интересовало исключительно северо-восточное направление. Он бросил удобное для передвижения русло, направляясь к одному ему известной цели. Ей ничего не остается делать, как продолжать следовать за ним по пятам.

Снова потянулся бесконечный подъем по очередному заросшему крутому склону. Скальные останцы, голые курумники, буреломы, колючие кусты шиповника и малины, непролазные дебри кедрового стланика, в которых, как ни странно, ей часто приходил на выручку враг. Продираясь через них, он работал как бензопила, оставляя за собой довольно неплохую тропу, теряя свои силы и помогая настырной преследовательнице.

Далеко в стороне пролетел старенький Ми-8. Лина его не услышала, а ее рация была выключена: девушка продолжала беречь остатки севшей батареи. Практикантка шаг за шагом поднималась вверх, к новому водоразделу.

Военный аэродром был резервным, созданным специально на случай большой войны с Китаем. Давно минули те благодатные времена, когда самолеты могли садиться где угодно, хоть на коровьем пастбище. Современным многотонным птицам непременно нужна была бетонная почва под ногами. В случае уничтожения своей основной базы или

опасного прогиба линии фронта реактивные машины найдут здесь теплый приют и пищу, а местные склады обеспечат их смертоносными гостинцами, предназначенными для уничтожения неприятеля.

Этот объект был режимным и довольно секретным, по крайней мере так считал подполковник Бобриков, самый главный человек в здешнем небольшом гарнизоне. Кого зря сюда никогда не пускали – часовые были начеку. Посторонним на аэродроме делать нечего. В этой святой уверенности командир пребывал до самого полудня, пока запыхавшийся срочник, найдя его на крыльце клуба, не сообщил, что на полосу № 2 сел какой-то истребитель.

Само по себе событие довольно необычное – сюда нечасто заглядывали самолеты, а кроме того, о таких вещах всегда предупреждали заранее. Но особого волнения подполковник не ощутил – мало ли что в жизни бывает. Может обычная вынужденная посадка из-за мелкой технической неисправности. Раз система ПВО пропустила этот истребитель – значит, он имеет правильную систему опознавания и является своим, российским. Иначе его бы встретили зенитными ракетами еще на дальних подступах к охраняемому объекту.

Поспешив к «уазику», Бобриков приказал водителю поскорее двигаться в сторону второй полосы. Но до нее они так и не доехали, истребитель уже поворачивал с рулежки, бодро направляясь к дальней площадке. Когда подполковник наконец добрался туда, то увидел, что фонарь боевой машины открыт, а на скошенном крыле невысокий упитанный человечек с круглым розовым лицом деловито снимает противоперегрузочный костюм. Избавившись от этой неудобной сбруи, он ловко спрыгнул вниз. Подполковник смотрел на него с немалым удивлением – тут было отчего изумиться. На этом странном «колобке» ладно сидел парадный китель танкиста, увенчанный погонами полковника с миниатюрными золотыми лирами, что явно указывало на принадлежность к военным музыкантам. Брюки были непростыми – адмиральскими, а на голову странный человек водрузил набекрень берет десантника.

Подойдя к здоровяку Бобрикову, он пристально уставился на него с таким своеобразным видом, будто смотрит сверху вниз, а не наоборот, и деловито поинтересовался:

– Мужик, ты кто?

От такого сугубо штатского вопроса, заданного подозрительной личностью, обряженной, как шут на армейской юморине, Бобриков на миг растерялся. Он не ожидал, что на его режимном аэродроме когда-нибудь

произойдет подобное непотребство. С трудом сохранив присутствие духа, чеканно ответил:

– Подполковник Бобриков. Могу я узнать, кто вы такой?

– Ну надо же! Как же мне повезло! – с бурной радостью отозвался толстячок. – Только прибыл и сразу натыкаюсь на знаменитого Бобрикова, так сказать, хозяина здешней тайги! Неслыханное везение! Наслышан, наслышан! Рад! Очень рад!

Протянув руку, странный человечек стальными тисками сжал ладонь военного и интенсивно ее затряс:

– Меня зовут Василий Иванович Чапаев, думаю, запомнить будет нетрудно. Если мы с тобой станем друзьями, то сможешь называть просто – Чапай. Так почти все делают. Ну раз уж наше знакомство состоялось, давай, начинай!

– Что начинать?! – выдохнул вконец обалдевший подполковник, тряся раздавленной ладонью: силы у этого странного коротышки хватало.

– Как – что? Докладывай, какова обстановка на моем аэродроме.

– На вашем?!!

– Бобриков, – печально вздохнул Чапай, – ты мне начинаешь активно не нравиться. На вот, возьми, будет что в сортире почитать.

С этими словами он протянул подполковнику большой коричневый пакет, покрытый кучей сургучных печатей. Машинально на них взглянув, Бобриков подпрыгнул от удивления и едва не отдал честь:

– Что это?

– Да сам не знаю, – абсолютно честно ответил Чапай. – Однако из этих глупых бумажек ясно следует, что все местное имущество, и ты в том числе, переходит в мою собственность. Но не переживай, со мной не пропадешь, я человек нормальный, меня не раз в дурдоме проверяли.

На сию вопиющую наглость Бобриков ответить так и не успел, из подъехавшей машины выскочил лейтенант Синельников, протянул сложенный листок:

– Вам срочный приказ из штаба округа!

Пробежав взглядом по тексту, подполковник вытер вспотевший лоб и ошеломленно повернулся к Чапаю:

– Но так нельзя! Чтобы через головы всех непосредственных командиров! У нас здесь особый объект! Это грубейшее нарушение режима!

– Да понимаю я! – положив руку на грудь, вздохнул Василий Иванович. – Только надо очень, просто до зарезу!

– Я буду жаловаться!

– Вот это правильно! – охотно поддержал его Чапай. – Обязательно и немедленно! Причем сразу во все инстанции! И не затягивай с этим! Можешь написать целые мемуары из собственных жалоб, аккуратно подшить их в одну книгу и знаешь, что с ней сделать?

– Что? – совсем позорно пискнул подполковник, окончательно растерявшийся от бешеного напора наглого рыцаря.

– Засунешь себе в задницу! – торжественно заявил Чапай и поспешил уточнить: – Да-да! Предвижу твои справедливые возражения. Ты, наверное, считаешь, что крупногабаритное произведение подобного объема не сможет пролезть в рекомендованное мною место? Что ж, довольно правильная мысль. Но спешу обрадовать – в моем лице ты нашел признанного эксперта по разрешению подобных проблем. Мы свернем твой письменный труд в узкую трубочку и будем запихивать ее в твою жопу дружными усилиями, ведь совместный труд сближает, не так ли?

Справиться с Чапаем в словесном поединке получалось только у настоятельницы Монастыря, да и то не всегда. Бобриков, не отличавшийся особым даром красноречия, выпал в нерастворимый осадок через несколько минут. Его окончательно добило то, что на его драгоценный режимный аэродром один за другим стали садиться разнообразные самолеты.

В полной прострации он обалдело смотрел, как без передышки на рулевую полосу поворачивают штурмовики и тяжелые бомбардировщики, истребители и разведчики. Некоторые были явно иностранного производства, без опознавательных знаков или того хуже – с очевидной символикой других государств. К тому времени ПВО объекта уже была в загребущих руках Чапая, садиться позволялось всем желающим. Одна машина была полностью незнакомой – черная, похожая на уродливого богомола со скошенными крыльями. Бобриков не знал, что видит перед собой уникальный астральный разведчик, собранный умелыми техниками Ордена всего в одном экземпляре.

Но главное потрясение подполковника вызвала вовсе не посторонняя авиация. Он невольно схватился за сердце, когда со стороны разгружаемого транспортника мощный автокар провез ядовито-оранжевый эллипсоид, снабженный хвостовым стабилизатором. Красная надпись гласила четко и ясно: «Термоядерная бомба. Шестой уровень. М-0,6. Не бросать!» Остальную маркировку Бобриков так и не разобрал, но увиденного ему хватило с лихвой. Дико оглядевшись, он увидел проклятого Чапая, стоявшего неподалеку с развернутой трубой спутникового телефона.

Подбежав к нему, подполковник истошно заорал:

– Там!.. Там такое творится!!! Без защитного контейнера тащат термоядерную бомбу с неправильной маркировкой!

– Да и хрен с ней, – небрежно отмахнулся Чапай, – пускай без контейнера тащат. А вот маркировку поправь – это непорядок! Наши техники вечно хоть где-нибудь, да напортачат, они почти все на первое мая родились. Что уставился? Так и было, прямо на демонстрации: раз – и вывалился головой на мостовую. После этого на них надежды мало, сам понимаешь. Возьми ведро краски и немедленно принимайся за работу. Но смотри, голых баб на боеголовке не рисовать, а то в зад ее тебе засуну и будешь так ковылять до самого медпункта!

– Но так нельзя! – чуть не взвыл Бобриков. – Это грубое нарушение правил хранения и перевозки! Ведь может случиться что угодно – от облучения персонала до взрыва!

– Ничего, переживем, у нас еще есть. Я три штуки заказывал, на пару дней должно хватить.

– Да это просто безобразие! Да что здесь, в конце концов, происходит?! Что за космонавты бегают по всему объекту с пулеметами? И какого черта вы притащили сюда термоядерную бомбу?!

– Бобриков, я почему-то перестаю тебя понимать? Ты где работаешь – в армии или балете Моисеева? Скорее всего, второе, так как любой нормальный офицер хорошо знает, для чего нужны бомбы! Поясняю для разных подозрительных танцоров: их применяют, когда надо что-нибудь взорвать. И вообще, ты мне надоел со своими дебильными вопросами! Липнешь, как продажная баба! Еще раз пристанешь – оторву паршивый язык и засуну прямо в задницу! Да-да! Предвижу твои очередные возражения. Ты, конечно, считаешь, что, будучи к тому времени заполненной печатной продукцией, она не сможет его вместить? Даже не сомневайся, у такого балетного танцора, как ты, для такой мелочи в раздолбанной жопе всегда найдется подходящий уголок.

Чапая в Ордене уважали за быстроту и неудержимый напор, но работать с ним мало кто соглашался по своей воле. Неудивительно.

Вертолет осторожно облетел деревню по кругу, медленно снижаясь к небольшой посадочной площадке. Кошкин внимательно вглядывался в скопище потемневших домишек, выискивая малейшие признаки жизни. Не найдя никаких следов практикантки, он, согласно совету Клеща, повернул к Беловодовке – ближайшей деревне. В прежние времена тут располагался большой рабочий поселок, в местных штольнях добывали смертоносный уран. Но пришли тяжелые времена перемен, стратегический элемент стал

не нужен, да и рудные жилы сильно истощились; жизнь здесь быстро угасла. Свой век остались доживать несколько стариков и старух, не пожелавших перебираться в город, хотя по закону им почти честно выплатили компенсации. Сейчас в умирающей деревне обитало менее десятка человек, большая часть домов пришла в полный упадок, чернея дырами провалившихся крыш.

Спецназовец, выглядывающий в щель приоткрытой двери, повернул к Олегу лицевую пластину черного шлема, отрицательно покачал головой. Кошкин пожал плечами и крикнул пилоту, все время забывая, что ларингофоны не переносят сильного напряжения горла:

– Коля, как там?

– Не знаю, – прохрипело в наушниках. – Будто вымерли все. Я тут бывал не раз, к вертолету обычно хоть кто-нибудь всегда выскакивал. Для них это целое событие.

– А где они живут?

– Да по всему поселку рассыпаны, нет чтобы в одну кучу собраться. Вон, смотри, впереди дом с нормальной крышей. Наверняка кто-то там обитает.

Внезапно спецназовец резко дернулся, упирая в плечо демпферную скобу приклада. В следующий миг с воем заработал его огромный «Тайфун», за одну секунду выпуская семнадцать миниатюрных двенадцатимиллиметровых ракет.

– Уходим! – истошно заорал Кошкин.

Машина дрогнула, плавно заваливаясь на бок, с надрывом взревела двигателями, жалуясь на плохое обращение с заслуженным ветераном. Спецназовец едва удержался на полу, цепляясь за дверь своей ступней и не прекращая поливать короткими очередями одному ему видимую цель. Олег бросал в ту сторону напряженные взгляды, но тщетно: сравниться с натасканным зрением опытного бойца, усиленным хитроумной электроникой шлема, было попросту невозможно.

Вертолет быстро оставил деревню позади, ложась на обратный курс. Спецназовец плотно захлопнул дверь, сменил в своем оружии опустевшую кассету. Кошкин даже не стал пробовать до него докричаться, псевдохитиновый боевой скафандр нельзя было подключить к бортовой переговорной сети старенького вертолета. Что ж, на земле они узнают все, что там увидел этот опытный боец. Но одно Олег понял четко: людей в Беловодовке больше нет, этот населенный пункт человечество потеряло.

Бывалый пилот выжимал из старенькой машины все что возможно, земля отдалялась с огромной скоростью. Далеко внизу промелькнула

сдвоенная вершина высокого гольца, Кошкин расслабленно откинулся на спинку кресла, решив, что на этот раз пронесло, ведь еще минута – и они бы сели в Беловодовке. В этот момент все и случилось.

Сперва вертолет сильно вздрогнул, в следующий миг салон осветила яркая вспышка, по ушам, скручивая мозги, ударил страшный, какой-то металлический визг, отдающийся вибрацией во всех костях. Крича от нестерпимой боли, Олег развернулся, увидел жуткую картину: безголовое тело спецназовца терзало что-то мерцающее, круглое, состоящее сплошь из разноцветных когтей. Кошкин, тихо зарычав, оскалил зубы, странным образом почувствовав на себе какой-то далекий, но одновременно очень близкий злобный взгляд.

– Да что это такое?! – истошно вскричал перепуганный пилот.

Олег не ответил. Выхватив из-за пояса тяжелый пистолет, он выстрелил, но по неопытности позорно промазал; разорвавшаяся пуля проделала в днище отверстие с крупный апельсин. Мерцающий агрессор стремительно подлетел к потолку, хищно крутанулся, явно намереваясь атаковать новую жертву. Едва удержав мощное оружие после чудовищной отдачи, Кошкин вернул его в боевое положение, крепко зажмурился, понимая, что сейчас этот летающий кошмар ринется на него, и начал поспешно выпускать пулю за пулей, перестав терзать спусковой крючок только после опустошения обоймы. В себя он пришел от сухих щелчков курка и только тогда понял, что стрелял, не открывая глаз.

Подняв веки, Олег увидел, что весь салон забрызган противными желтоватыми кляксами, по нему гуляет ветер из многочисленных пробоин, разнося противный сернистый запах. Только тут Кошкин осознал, что остался жив, ему захотелось закричать от радости. Он стремительно повернулся к пилоту:

– Коля, поскорее уноси нас отсюда!

Обернув к нему помертвелое лицо, пилот снял наушники и почти спокойно заявил:

– Кажись, приехали!

– Куда приехали? – удивленно воскликнул Олег и только тут понял, что вокруг царит почти полная тишина, немыслимая в этом грохочущем вертолете.

– Что… что случилось?

– Движки ты нам подстрелил, снайпер хренов, мать твою!

– Что же делать?

– Мы уже делаем все что надо – падаем!

– Парашюты! – дико заорал Кошкин. – Надо скорее прыгать!

– А хрен тебе не парашют? Нет их у нас и никогда не было! Да и как отсюда выскочишь – лопастями на мелкий фарш порубает!

– Но ведь так нельзя! Коля!!! Не сиди!!! Надо что-то делать!

– Все уже за нас делается. Держись за кресло и молись всем богам, авось поможет. Высота у нас приличная, полтора километра, глядишь, и номер удастся.

– Какой номер? – Олег чуть не плакал от ужаса.

– Сейчас хорошую скорость наберем, винт раскрутится от встречного потока воздуха, попробую сесть на авторотации!

– Коля!!! Дружище!!! Ты уж постарайся!!!

– А то я не знаю! Приклей свою задницу покрепче, посадка будет та еще!

Кошкин, удивив самого себя, до самого последнего слова вспомнил молитву, что в детстве его заставляла учить бабушка, и прочитал ее с таким искренним вдохновением, что, будь дело в церкви, расплакались бы все посетители. Между тем падающая машина все более увеличивала свою скорость. Винт, реагируя на встречное давление рассекаемого воздуха, вращался все быстрее и быстрее. Хрипя от усилия, Николай выжимал омертвевший штурвал, с натугой уводя вертолет от угрожающе приближающегося скального останца, где их не ждало ничего, кроме неизбежной гибели.

К сожалению, скорость падения еще не слишком замедлилась, пилот понимал, что если не уведет машину в глубокое ущелье, то они рухнут на высокий горб водораздела, не успев использовать до конца эффект спасительной авторотации. Вертолет ушел в каньон, едва не задев макушки деревьев по краю обрыва, продолжил сумасшедший спуск, держась около самого склона, то и дело стараясь зацепить лопастями скалы. Но Коля хорошо знал свой старый Ми-8 и, хотя был в такой страшной ситуации впервые, смог выжать из него все, дотянув до самого ручья на дне.

Скрипящая машина, молотя воздух без помощи своих затихших двигателей, выровнялась в самый последний момент, тут же задрав нос к небесам. Сминая деревья и кусты стланика, вертолет с грохотом рухнул на хвост и, треща раздираемой обшивкой, тяжело завалился на бок, лишившись при этом своего огромного винта.

– Два бомбардировщика постоянно должны дежурить возле квадрата, один пусть несет спецбомбу, второй – нашу фирменную девятитонку. Все понятно?

– Да, Василий Иванович! Будет исполнено!

– При наличии цели они должны быть готовы сбросить свой груз на любую точку в опасном районе не позднее чем через десять минут после получения приказа. Понятно?

– Тяжеловато. Район большой, машины тяжелые. Пока развернутся, пока выйдут на цель. Могут и не успеть.

– Могут. Но учтите, на одиннадцатой минуте ваши задницы серьезно пострадают, потому что я лично засуну в них эти бомбы. Да-да! Предвижу ваши возражения: думаете, что они там не поместятся, особенно девятитонная. Коллеги, надо верить в свои силы и возможности!

На очередной водораздел Лина поднялось еще до полудня. С каждым днем она все более привыкала к тайге и уже довольно уверенно двигалась в зарослях, прежде казавшихся ей совершенно непреодолимыми. Быстро миновав неширокое плоскогорье, поросшее редкими кустами стланика, она вышла к очередному спуску. Этот склон был довольно пологим, враг не колебался, двинулся по нему, не меняя своего курса. Скал здесь не было, только редкие маленькие останцы, похожие на огромные кочаны капусты. Порода на осыпях не держалась, съезжала под ногами, она вся состояла из плоских камешков, напоминавших кусочки древесной коры.

На спуск ушло не больше часа, столь быстро Лина здесь еще никогда не ходила. Одно огорчало: враг тоже не медлил, ему наверняка пришелся по вкусу столь приветливый склон. Ни буреломов, ни стланиковых чащ – просто отдельные кусты и светлые сосновые рощицы. Внизу девушка около километра со всеми удобствами поднималась по сухому руслу сезонного ручья, затем, свернув следом за противником, поднялась не лысоватую, скошенную холмистую гряду, на вершине остановилась – с другой стороны виднелся небольшой поселок.

Присев на колено, она подняла с окуляров защитные колпачки, осмотрела крошечную деревню в оптический прицел. Увиденное ее сильно насторожило. Местные дома не были заброшенными, наоборот, содержались в полном порядке. Их было около десятка, причем один отличался очень приличными размерами, а другой стоял в окружении дощатого забора с колючей проволокой поверху. Но самое интересное было в том, что людей не замечалось. Да и звуков с той стороны не доносилось, тишина стояла полная. Довольно странно, хотя, кто знает, может, здесь это в порядке вещей.

След врага уходил в сторону, по вершине гряды. Но в поселок надо зайти обязательно. Он был рядом, всего в полукилометре, там обязательно должна быть связь. Надо попробовать доложить руководству Ордена о

своем местонахождении, а затем продолжить преследование. Кроме того, у жителей можно разжиться продовольствием, что ей не помешает.

Опустив колпачки обратно на линзы, Лина направилась вниз. Она быстро дошла до опушки сосняка и внезапно наткнулась на растерзанную собаку. Крупная пушистая лайка была практически разорвана пополам, причем произошло это совсем недавно. Жестокий удар вырвал большую часть ее спины до основания брюха, разметав внутренности животного на несколько метров. Следы изувера разобрать было невозможно мягкая хвойная подстилка не оставляет четких оттисков. Но одно было ясно: это не медведь или какой другой хищник – те не оставляют подобных ран.

Сжав карабин, Лина прошла несколько шагов и обнаружила изувеченные останки второй собаки. Сомнений больше не осталось – здесь происходит нечто очень странное. Она предположила, что враг, пройдя немного дальше по гряде, сделал петлю и вернулся в поселок. Что ж, если это так, сейчас все решится, они наконец встретятся. Поняв, что вот-вот может начаться бой, девушка ощутила необычайную легкость и странное возбуждение. Это была ее первая настоящая боевая схватка. Случай в захваченном самолете не считается, на серьезное столкновение он просто не тянет.

На миг расслабившись, Лина мобилизовала свои скрытые резервы, вводя сознание в легкий боевой транс. В таком состоянии она сможет проявить большинство своих способностей, почти полностью раскрыть физические возможности и, кроме того, будет неплохо защищена от ментальных атак. Она помнила, какой мощный импульс враг обрушил на опергруппу перед самой атакой. На нее это практически не подействует, сейчас она попросту выше чужой воли.

Двигаясь быстро, но совершенно бесшумно, девушка преодолела пару десятков метров открытого пространства, проскользнула вдоль стены, осторожно выглянула из-за угла, окинув взглядом единственную улицу крошечного поселка. Она наконец увидела первых людей. Четверо мужчин стояли на крыльце самого большого здания, но что-то в них с первого взгляда показалось Лине неправильным. Приглядевшись, как гротескно подергиваются их перекошенные тела, она разглядела грязно-зеленые побеги вокруг шей и голов и поняла все в одно мгновение.

Осознавая, что подобного противника одной пулей не всегда свалишь, она спряталась за угол, протянула руку за спину, нащупав клапан большого кармана разгрузочного жилета. Откинув его, вытащила удлиненный предмет, похожий на исполинскую пулю с отверстием в основании, ловко надела его на ствол карабина. Специально подогнанный компенсатор

принял на себя заряд с характерным щелчком. Винтовка стала походить на подготовленный к выстрелу противотанковый гранатомет. Сунув в обойму холостой патрон, девушка передернула затвор, загоняя его в ствол. После этого начала действовать.

Выкатившись на улицу, Лина, припав на колено, нажала на спуск, аккуратно отстранив голову от струи вышибного заряда. Разбуженная вспышкой пороховых газов, дульная граната сорвалась с компенсатора, шипя выхлопом, влетела аккуратно в дверной проем. Триста пятьдесят граммов мощнейшей взрывчатки разнесли крыльцо вместе с четверкой людей и большей частью стены, щедро распылив здесь немалое количество очищающего серебра. Из пламени и дыма выскочил пятый. Не обращая внимания на оторванную руку, он странным, прыгающим бегом бросился на девушку.

Грохнул карабин, мощнейшая пуля угодила человеку в нижнюю часть груди, в фонтане кровавых брызг разорванное тело рухнуло в грязь. Уже не глядя на него, Лина поворачивалась в другую сторону – из-за ближайшего дома выбегали еще двое противников. Одного удалось свалить похожим выстрелом, но второй, даже лишившись головы, продолжал свой бег. Эту жуть остановила вторая пуля, выпущенная ему в живот с десяти метров. Новый враг – очередной выстрел. Дверь соседнего дома раскрывается – опять нажатие на спусковой крючок.

Свалив еще троих, Лина отточенным движением заменила обойму, быстро поменяла позицию, смещаясь к разгорающемуся большому дому. Вовремя – из леса выскочило целых пятеро. Девушка, встав во весь рост, начала расстреливать их, как в тире, краями глаз фиксируя фланги. Последний противник пал за несколько шагов, когда в карабине оставалось всего три патрона.

Сменив на всякий случай обойму, Лина медленно вышла на середину поселка и разочарованно нахмурилась. Она явственно почувствовала, что ощущение присутствия врага притупляется. Девушка поняла, что к здешним событиям он не причастен, значит, придется продолжать преследование. Уже собралась вешать карабин на плечо, как вдруг краем глаза заметила осторожное движение среди деревьев. Не поворачивая головы, она пригляделась уголком глаза, заметила прячущегося в кустах человека. Будь он обычным противником, то не стал бы таиться, давно бы уже бросился на желанную добычу – разума у них хватало лишь на то, чтобы нападать на все живое без лишних тактических маневров. Подняв руку в приветственном жесте, практикантка крикнула:

– Не бойтесь, я не причиню вам вреда!

Несколько мгновений незнакомец не двигался, но, поняв, что обнаружен, нехотя поднялся и, подойдя, встал от практикантки в десяти шагах. Это был молодой парень лет двадцати пяти в старых джинсах и грязной камуфляжной куртке. На ремне у него болтались два коротких патронташа, в руках он держал двуствольное ружье двенадцатого калибра, направляя его в сторону, но с таким расчетом, чтобы можно было мгновенно повернуть на девушку. Впрочем, глядя на его перепуганное лицо и дрожащие руки, Лина поняла – боец из него никудышный.

– Ты кто? – спросила она.

– Дима, – настороженно ответил парень, – охранник участка.

– Меня зовут Алина, я рада, что ты уцелел. Как это случилось?

– Не знаю. Я со Славиком пошел в ночь на марь – поохотиться. Нам начальник разрешил – мясо свежее не помешает, а то в леднике осталась одна почерневшая говядина, ее скоро собаки есть откажутся. Без толку – сохатого видели, но больно далеко, из двустволки никак не достать. Карабина у нас не было, на весь участок один нарезной ствол – мелкашка у механика.

Увидев, что шокированный парень начинает срываться на словесный понос, Лина поспешила его перебить:

– А где же твой друг?

– Нет его. К поселку подходили, как мне в кусты приспичило. Я под дерево сел, а он дальше пошел. Его на моих глазах убили, там он, на опушке лежит. Даже не знаю, почему меня не заметили. Да что же здесь со всеми случилось? Зачем ты их застрелила, может, это как-то можно вылечить?

– Нет, нельзя, – уверенно заявила Лина. – Это больше не люди – у них отняли жизнь. Такие создания называются навьи – живые мертвецы.

– Зомби?

– Нет, навьи, – нахмурилась девушка. – Зомби – это что-то из фильмов ужасов, а тут жизнь, надо называть все вещи своими именами.

– Но как же так?! Вечером все они были нормальными людьми!

Лина ничего не ответила, прошла несколько шагов вдоль грязной дороги, присела, указала на странный след, похожий на оттиск огромной крабовой клешни:

– Здесь недавно побывали ракшасы.

– Кто?

– Низшие, из диких кланов. Они не особо сильны и в условиях Земли долго существовать не могут, хотя адаптация происходит почти мгновенно. Однако, подкрепляясь чужими жизнями, могут весьма существенно

продлить срок своего здешнего существования.

– Да я ни хрена не понимаю! Что же здесь произошло?!

– Сама не знаю, – честно ответила Лина. – По идее, здесь уже давно должны быть наши спецназовцы, ведь рядом произошел второй пробой. Но я даже самолетов не вижу. Дима, а у вас был телевизор или радио? Вы слушали новости?

– Да, ежедневно.

– Скажи, в последнее время не происходило что-нибудь странное, особенно касающееся Южной Якутии?

– Да нет, все нормально, ничего необычного не говорили. Хотя постой! Начальник как-то говорил, что по рации слышал треп радистов, будто в Нимгер нагнали тьму солдат, военной техники и разных самолетов.

– Очень странно! Почему же их здесь нет? – сама себя спросила Лина. – Так, значит, на вашем участке есть рация?

– Ну да! Так положено по правилам. Мы три раза в день на связь должны выходить.

– А в какое время? Когда будет очередной сеанс?

– Обеденный мы уже пропустили. Теперь аж до семи часов ждать придется.

– Понятно. Покажи, где она.

Дмитрий повернулся, охотно пошел в сторону небольшого домика на дальнем краю поселка. Он все еще пребывал в немалой прострации и, по выработанной привычке иметь над собой начальника, беспрекословно подчинялся незнакомой уверенной в себе девушке. На ходу Лина поинтересовалась:

– А что это за дом, окруженный колючей проволокой?

– Склад сырья. Его по правилам режима надо так укреплять. Наш участок добывает аметист – полудрагоценный камень. Красивый такой, сиреневый. Посмотри под ноги, здесь повсюду его крошки валяются: мы грязь засыпаем отходами обогащения.

Действительно, куда не глянь, везде можно было увидеть блестящие обломки красивых кристаллов. Меж тем охранник продолжил:

– Готовое сырье в мешки ссыпаем, опечатываем. Раз в месяц его вертолет в Нимгер вывозит, там цех окончательного обогащения, огранщики работают, ювелиры.

Глазастая девушка быстро пригнулась, выковыряла из грязи крупный, размером с большой палец, фиолетовый кристалл. На ходу, счистив грязь, посмотрела сквозь него на небо, восхищенно покачала головой:

– Смотри! Этот камень просто великолепного цвета и полностью

прозрачен. Почему же его выбросили?

– Тут до нас другая контора работала. У них порядка совсем не было, из богатых отвалов брали породу для засыпки улицы. Наши мужики здесь после каждого дождя ходят, собирают камни в банки из-под томатной пасты.

– Выходит, мы сейчас идем по драгоценностям?

– Типа того. Это еще что! Вон, в нашем Нимгере под главной улицей тридцать тонн золота лежит. И ничего, все ходят, не будут же полгорода сносить?

– А можно мне этот камень себе взять, на память?

– Бери, конечно! Зачем спрашиваешь?

– Ну даже не знаю. Ведь так положено. Здесь ведь все ваше, а ты тем более охранник.

– Сказала тоже, наше! – хмыкнул Дима. – Да тут одни работяги, хозяева месторождения даже не в Нимгере – в Москве. Господи! – вдруг взвыл он, качая головой. – Ведь все ребята погибли, столовая горит, а мы о каких-то камнях болтаем! Вот твоя рация!

Распахнув дверь, он сделал приглашающий жест. Прямо напротив порога стоял массивный стол, на нем виднелась огромная угловатая радиостанция.

– Древность-то какая! – потрясенно охнула Лина.

– Не пугайся! Бывает, она даже работает.

– Что, совсем негодная?

– Да связь у нас здесь плохая, наверное, окружающие горы мешают или радист плохо антенну натянул. Бывает, по два дня связаться с конторой не можем.

Осмотрев аппаратуру, Лина покачала головой:

– Она мертво настроена всего на одну частоту. Это очень плохо.

– Почему?

– Мне связь нужна прямо сейчас, я не могу ждать до самого вечера.

– Попробуй других вызвать, хотя это и не по правилам.

– Кого?

– Да тут весь день переговоры проходят. Мы же здесь не одни – есть еще старатели и лесозаготовители. Просто у каждой фирмы свое время дежурной связи.

– Понятно, – обрадовалась Лина и щелкнула тумблером.

Электроника осталась мертвой. Проверив, что кабель уходит к розетке, она заявила:

– Не работает!

– Ясное дело, – согласился Дима, – света ведь нет!

– Как?

– Молча. Дэзка не гудит.

– Дизельная электростанция?

– Типа того. Ее на ночь всегда останавливают: топливо экономим. А утром… утром уже некому было заводить.

– Аккумуляторы есть?

– Наверное. Только я не знаю где.

– Я видела на улице бульдозер и погрузчик.

– Не, на них пускачи установлены. От них заводятся без всяких аккумуляторов.

– Понятно. Ну что же, пойдем смотреть вашу электростанцию.

Дизельный генератор стоял в большом высоком сарае. Собственно говоря, их здесь было два, но один Дима сразу забраковал:

– Этот не работает, даже не подсоединен, там что-то с движком.

– Заводи действующий.

– Я не умею, – стыдливо ответил парень.

– Как?!

– Да просто. Нет у меня тяги к технике. Я тут простой охранник. Мешки опечатываю, штольню на замок закрываю, баню топлю и на кухне повару помогаю.

– Понятно. Ничего, сейчас сами разберемся. Если он работает, то я его непременно заведу.

Женщины не склонны к технике – так гласит расхожее заблуждение. Ничего подобного, это просто очередное табу современной цивилизации. Да, она их не слишком привлекает, но при необходимости любая барышня сможет завинтить гайку. А если вспомнить изуверские методы Монастыря, то не стоит удивляться тому, что Лина через пару минут разобралась в местной технике. Основной проблемой было найти бензин для запуска, но ее решил Дима, найдя в углу маленькую пластмассовую канистру. Накрутив промасленную веревку, девушка рванула ее на себя. Пускач затрещал с первой попытки, быстро раскрутил вал тяжелого дизеля.

Посмотрев на показания контрольного щита, Лина убедилась, что напряжение не доходит до стандартных двухсот двадцати вольт. Возможно, что-то надо было подрегулировать, но это уже выше ее понимания. Здешняя техника была, мягко говоря, не слишком новой. Многого не хватало, а кое-что, наоборот, добавлено. Быстро разобраться в этом хаосе было попросту невозможно.

Вернувшись к рации, девушка щелкнула тумблером. Загорелись

индикаторы, послышалось низкое гудение трансформатора.

– Подожди пару минут, – предупредил ее Дима. – Надо подождать, пока нагреется.

Лина терпеливо выждала указанный срок, затем прижала переключатель передачи:

– Мэйдэй[6], мэйдэй! Говорит Алина Ветрова, мне требуется срочная помощь. Всем кто меня слышит, прошу ответить!

Выждав несколько секунд, она повторила вызов, затем еще раз. После четвертого в динамике затрещало и послышался едва различимый голос:

– Я вас слышу.

– Кто вы?

– Инженер связи Сергей Махров, город Нимгер, контора старательской артели «Чарагда». У нас сейчас дежурная связь. Вам нужны спасатели? МЧС?

– Нет, они мне здесь не помогут. Извините, если я вам сейчас мешаю, но это действительно вопрос жизни и смерти. Прошу вас, запишите все, что я вам сейчас скажу, слово в слово.

– Диктуйте, записываю!

Лина четко произнесла заранее заготовленный текст. Заставила радиста дважды повторить указанные координаты, убедившись, что все записано без ошибок. Продиктовала ему телефон руководителя филиала, опрометчиво считая, что это гораздо надежнее диспетчера, не представляющего, кто она такая. Однако в Монастыре учили на совесть – чуть помедлив, девушка добавила:

– Сергей, если вдруг вам не перезвонят, то запишите другой телефон, на всякий случай. Это крайне маловероятно, но если все-таки такое произойдет – передайте сообщение по нему. Поспешите, это очень важно, я надеюсь только на вас.

– Хорошо, сразу после окончания дежурной связи постараюсь туда дозвониться.

– Сергей, вы очень постарайтесь! Вы даже представить не можете, насколько важна эта информация!

– Хорошо! До связи.

– Я очень на вас надеюсь. До…

Закончить фразу Лина не успела – треск в динамике неожиданно затих, индикаторы погасли. Переглянувшись с Димой, она выскочила на улицу и поняла все с одного взгляда. Кусок горящей крыши сполз вниз, замкнув провода. Со стороны электростанции истошно ревел дизель, сражаясь с закороченным генератором. Действуя скорее рефлекторно, чем обдуманно,

девушка побежала в ту сторону. Ворвавшись в сарай, подскочила к грохочущему агрегату, морщась от едкого дыма, выжала декомпрессор. Остановив двигатель, вышла наружу, встала перед охранником:

– Дима, у вас продовольствие есть?

Тот указал рукой в сторону пылающего дома:

– Там столовая и склад.

– Понятно, – разочарованно вздохнула девушка. – Дима, тебе надо отсюда уходить, причем как можно быстрее.

– А ты?

– Мне нельзя, я на работе, должна преследовать одного неприятного гада, он еще хуже тех, что здесь похозяйничали.

– Я с тобой!

– Нет! Ты будешь мне только помехой. Здесь есть поблизости населенный пункт или действующая дорога, откуда можно добраться до города?

– Довольно недалеко Беловодовка, туда дня за два можно добраться, если очень постараться. Но там транспорта нет, дорога только по зимнику, когда лесорубы начинают работать. А на западе есть два старательских участка, связанных с трассой на Нимгер, но, чтобы туда попасть, придется через реку переправляться.

– Иди лучше на запад, так будет гораздо надежнее.

– Больно далеко!

– Ты видел, что случилось с твоими товарищами?

– Понял. Пойду на запад. Алина, да что же здесь происходит?

– Беда, Дима, очень большая беда. Я сама ничего не понимаю, знаю только один маленький фрагмент, с которого все началось. Мне теперь тем более надо спешить.

– Но ты же сама говоришь – здесь очень опасно! Пойдем со мной, что толку с тебя одной? Радист передаст сообщение, без тебя спокойно разберутся.

– Не волнуйся за меня, – преувеличенно бодро усмехнулась Лина. – Это моя работа. Я просто обязана продолжать свой путь. Если все будет нормально, то до завтрашнего вечера меня заберет вертолет. У тебя есть патроны с ракетами?

– Да, штуки три.

– Иди отсюда точно на запад, мы постараемся тебя найти. Увидишь вертолет – сразу сигналь. Все, прощай, мне пора бежать.

Развернувшись, Лина направилась в сторону холмистой гряды, возвращаясь на след врага. Но не прошла и сотни метров, как сзади

послышались крики. Оглянувшись, она увидела бегущего охранника. Встав перед ней, он протянул половину прямоугольной буханки хлеба:

– Вот, в избе захватил! Он черствый, но съедобный, мы сами раз в неделю печем. Возьми, ты же голодная!

– Тебе тоже еда не помешает.

– Ничего! Я сейчас по всем балкам пройдусь, чего-нибудь еще найду. А нет, так не пропаду: ружье есть, на рябчиках да куропатках продержусь.

– Спасибо!

– Да не за что. Ты это, поосторожнее там, – смутившимся тоном произнес парень.

– Не переживай, лучше за себя думай. Если вертолет не подберет, то путь предстоит неблизкий. Ладно, прощай!

– Прощай!

Проводив взглядом странную, удивительную девушку, Дмитрий удивленно покачал головой. Он все еще не мог окончательно поверить в происходящее. Гибель всех товарищей, их жуткое перевоплощение, неизвестная юная красавица, которых не бывало в здешних дебрях от сотворения мира. Все это походило на кинофильм, он даже не знал, что будет рассказывать по возвращении в город. Да и будет ли это возвращение? Алина предупредила, что опасность все еще сохраняется – по округе бегают страшные существа, превращающие живых людей в кровожадных зомби. Нет, надо уходить как можно быстрее, в Нимгере будет видно, что говорить, а о чем умолчать.

– Это надо начинать делать немедленно!

– Но, Василий Иванович, невозможно! Нам потребуются сотни кубов раствора – десятки тонн мелкодисперсного серебра и его соединений! Мы просто не сможем быстро перебросить такое количество на Дальний Восток!

– Уже к вечеру самолеты должны начать распылять эмульсию на самых угрожающих направлениях. Все понятно?

– У нас на месте в наличии всего один специализированный ВАП[7]! Это просто невозможно!

– Если вы так решительно настроены ничего не делать, настоятельно рекомендую немедленно записаться в очередь к ближайшему проктологу.

– Но, Василий Иванович!..

– Есть альтернатива больнице – к вечеру на самых угрожающих направлениях должны появиться первые заградительные полосы. Понятно?

– Да!

– Вот и хорошо! И всегда помните о проктологе, вы же знаете: я зря подобные слова на ветер не бросаю.

Панарин Игорь Владимирович сидел за своим огромным письменным столом. Ему больше не хотелось есть, вообще в последнее время его аппетит здорово уменьшился. На него, не нарушившего ни одного приказа или инструкции, обрушилась целая лавина различных неприятностей. Все рухнуло практически в одно мгновение. Он еще продолжал занимать свое кресло, но прекрасно понимал: это затянувшаяся агония. Везде теперь распоряжались совершенно неизвестные люди, понаехавшие в один день, руководитель филиала чувствовал себя министром без портфеля.

Повернув голову на звонок телефона, он поднял трубку, догадавшись по звуку, что вызов междугородний:

– Панарин слушает.

– Это Климов, Восточно-Российский центр, – ледяным голосом представился собеседник.

– Да, я вас хорошо помню.

– Вот и славно. Игорь Владимирович, к вам сегодня вылетает Никитин Сергей Викторович. Встретите его, сдадите все свои дела и послезавтра вылетайте к нам – намечается слушание вашего дела. Понимаете?

– Д-да, – дрогнувшим голосом выдохнул Панарин.

– Вот и отлично, мы будем вас ждать с нетерпением. До свидания.

– Д-до свидания.

Чувствуя, как горит кожа на лице, руководитель положил трубку. Проклятый телефон немедленно зазвонил вновь.

– Алле! – только и смог произнести он.

– Привет, Панарин! – наглым голосом заявил ненавистный Клещ. – Еще не соскучился? Я вот что хочу посоветовать для твоей задницы…

Игорь Владимирович яростно бросил ненавистную трубку, быстро вышел из кабинета, на ходу бросив секретарше:

– Я в канцелярию!

Спустившись на один этаж, он открыл огромную двустворчатую дверь из резного дерева. Ничего не говоря двум сотрудницам, прошел мимо них, нашел на стеллаже свое личное дело, встал в дальнем закутке у окна, спрятавшись от любопытных женских глаз. Панарин кожей чувствовал, что все сплетницы филиала заняты сейчас только одним – перемывают косточки своему опальному начальнику.

Глядя на коричневую картонную папку, он почувствовал, что очень близок к тому, чтобы позорно расплакаться. Двадцать два года

безупречного служения! Половина жизни! Он с самого начала не стал рваться в прославленные боевые подразделения, но вовсе не из трусости – просто трезво оценивал свои скромные физические возможности. Ему там просто нечего было делать. Но в Ордене любому человеку найдут применение. Отдел связей с большим миром, канцелярия, управление кадров. Ни одного выговора или письменного порицания за все годы служения. Звезд с неба не хватал, но и бардак не разводил. Все знали четко: там, где Панарин, все будет в полном порядке. Да, в его филиале всегда хватало различных проблем. Но это касается всех удаленных структур организации – им не хватает кадров. Люди всегда тянутся туда, где южное солнце и европейские города. Хабаровск, конечно, не самый край географии, но и далеко не Сочи. Немудрено, что их комплектовали в последнюю очередь. Не раз опергруппы отправлялись по «синей тревоге» в неполном составе, бывали случаи выпадения вахт астрального пеленгатора. Но в целом, они работали хорошо, никогда не допускали вопиющих провалов. Чем же руководитель заслужил к себе такое отношение? Он ведь даже буквы не нарушил!

– Панарин? – внезапно послышалось над самой головой.

Повернувшись, он недоуменно уставился на незнакомую очень крупную женщину, облаченную в новенький камуфляж. Увидев ее гипнотический взгляд, он почувствовал себя маленьким кроликом перед голодным удавом: по спине пробежал противный холодок, во рту набух комок, почти полностью парализовав язык. С трудом сделав глотательное движение, он чуть ли не проблеял:

– Д-д-да-а.

– Ты даже не представляешь, как давно я хотела увидеть твою дебильную рожу. И знаешь, она оказалась еще уродливее, чем я предполагала.

– А-а…

– Захлопни свое анальное отверстие, которое природа по ошибке поместила на твою переднюю часть головы. И знаешь, глядя на тебя внимательнее, я постепенно прихожу к выводу, что это вовсе не ошибка. Что ты так ласково на меня смотришь, как на любимую бабушку? Рот захлопни и слюни подбери – неужели я кажусь тебе такой красавицей? А? Отвечай!

– Н-нет.

– Что-о? Ах ты, сморчок сальный, уродиной меня назвал?!

– Нет! – чуть не взвыл перепуганный руководитель филиала, чувствуя, что ему срочно необходимо попасть в уборную, иначе может произойти

позорнейший конфуз.

– Ладно, – настоятельница сменила гнев на милость, – некогда мне тут с тобой любезничать. Я вот чего зашла – Алину Ветрову хорошо помнишь?

– Д-да.

– И где же она сейчас?

– В т-тайге. П-пропала.

– Странное дело! Я ведь тебе звонила накануне практики, по-человечески просила – пригляди за моей девочкой. Просила?

– Н-но…

– А ты что сделал? Отправил в лес с компанией мужиков. Наверняка хотел, чтобы они ее там дружно трахнули?

– Н-нет.

– Молчи, дерьмо с галстуком! Хотел! В твоих поросячьих глазках все поганые мысли видны, как в раскрытой книге! Вот что я тебе скажу, Панарин: если с моей драгоценной девочкой случится что-то нехорошее, я с тобой такое чудо сотворю, что Чапаю здесь будет делать совершенно нечего. Ты меня понимаешь?

– Н-нет.

– Поясняю. Ты капитально сбавишь в весе и семенящим шагом проделаешь продолжительное турне по всему необъятному земному шару, посещая самых лучших проктологов планеты. Но это тебе не поможет. И знаешь, почему?

– Н-нет.

– Потому что после того, что я с тобой проделаю, тебе никто из них уже не поможет. Ты понял?

– Д-да.

– Молись, иуда, за здравие Ветровой Алины Игоревны! Помни, судьба твоей задницы теперь в ее слабых руках!

Развернувшись на пятке, настоятельница удалилась уверенными, четкими шагами. Панарин, с великим трудом выждав минуту, мелко семеня от сведенных мышц, проскользнул мимо работниц канцелярии, косившихся на него с нескрываемым любопытством. Уже сидя в туалете, он понял, что так и не вернул папку со своим личным делом на место. Но сейчас ему было не до этого.

В кармане бравурным маршем заиграл телефон. Глянув на номер, он поморщился – звонили из приемной. Из трубки послышался голос секретарши Нинки:

– Игорь Владимирович?

– А кто же еще?

– Вам Клещ звонил, просил напомнить про вазелин, – с плохо скрываемым злорадством произнесла секретарша.

– На хрен его! – взвыл Панарин.

– Хорошо! Еще звонили из ФСБ, спрашивали, не появлялась ли Ветрова. Я сказала, что нет. А прямо сейчас какой-то инженер связи Сергей Махров звонит из Нимгера, просит лично вас.

– Его тоже на хрен! Всех на хрен!!! Нет меня ни для кого! Больше я здесь не начальник, и оставьте меня наконец в покое!

– Так что ему сказать?

– Пусть звонит кому хочет – меня больше ни для кого нет!

Выключив трубку, Панарин вскочил и остервенело бросил ее в унитаз, почувствовав при этом странное облегчение. Все! Пусть сами со всем здесь разбираются – они его еще вспомнят с ностальгией! Трусливые шакалы! Стервятники! Всем был хорош, как вдруг – на тебе! Ничего, они еще попляшут, забыли, наверное: новая метла и метет по-новому!

Сергей Махров внимательно выслушал ответ секретарши, нахмурился. Он вспомнил настойчивый, взволнованный голос неизвестной девушки и понял, что через час надо непременно попробовать перезвонить. Если и к тому времени Панарин Игорь Владимирович не передумает молчать, он попробует связаться по второму номеру с какой-то странной настоятельницей. Не похоже, чтобы эта Алина просто пошутила – в тайге действительно произошла какая-то беда. Да и в городе неспокойно: ходят разные странные слухи, мертвый аэродром ожил, над ним без конца ревут самолеты и вертолеты, понаехало множество людей. Сегодня утром по пути на работу он видел целую колонну тягачей, груженных боевой техникой. Все это было очень странно – в этих краях уже давно не было ни одного военного.

Панарин не знал, что, отказавшись выслушать неизвестного инженера связи, потерял великолепный шанс на свою полную реабилитацию. Отчаянный SOS практикантки остался без ответа.

– Так ты понял, Мешков? Чтобы через полчаса все движение по автодороге между Чульманом и Нимгером было перекрыто!

– Но я должен уточнить у своего начальства ваши полномочия!

– Чего там уточнять – видал я твое начальство! Для них в дурдоме давно палата приготовлена, среди нормальных людей им не место. Мало того что казенные кресла протирают, так еще и мочатся там прямо под себя, мебель поганят. Куда не глянь, от них одни убытки! На хрен нужны такие командиры?

– А…

– Послушай, Мешков, неужели все гаишники такие полные придурки? Мне это не раз говорили, но я не верил, думал – клевещут недруги на честных парней. Но теперь, тесно пообщавшись с тобой, постепенно начинаю понимать – в их словах все же были зерна истины!

– Да я…

– Че ты там бормочешь, как нищий на паперти?! Я тебе в последний раз четко и ясно повторяю: если через полчаса движение там не будет перекрыто– засуну свисток в задницу и жезлом запихаю его очень глубоко. Исключение делать только для наших машин. Все понятно?

– И-и…

– Вот и хорошо! Помни: промедлишь – сразу готовь жезл!

Глава 2

Кошкин неподвижно сидел на плоском валуне, тупо глядя на ручей, журчащий в двух шагах впереди. За его спиной в разбитом вертолете все еще копался пилот. Олегу было совершенно безразлично, чем он там занимается. После жесткой посадки все, на что его хватило, – вызвать помощь по спутниковому телефону. Объяснив кризисному диспетчеру ситуацию, он присел на берегу и с тех пор даже позу не поменял. Тело до сих пор судорожно вздрагивало от любого шороха, а в ушах все еще стоял душераздирающий треск ломаемых деревьев и противный скрежет раздираемой металлической обшивки.

Вертолет превратился в металлолом. Хвост оторвало напрочь, при этом его еще и переломило вдвое, винт слетел, перекосившаяся кабина лишилась почти всех стекол. Но, если не считать гибели спецназовца, в остальном все закончилось довольно благополучно. От травм или гибели спасли надежные кресла, невероятное везение и грамотные действия опытного пилота. Кроме того, вертолет при посадке угодил на тонкие стволы лиственниц, а вдобавок удар смягчила пышная подушка высокого стланика.

Послышались тяжелые шаги, рядом присел Николай, протянул маленький металлический стаканчик.

– Зачем? – тупо спросил Кошкин.

Пилот показал ему бутылку с коричневатой жидкостью:

– Вертолет помянуть надо, да и солдатика вашего тоже. Пей, тебе это как раз не помешает – трясешься, как паралитик.

Не возражая, Олег подставил свою посудину. Выпили, естественно, не чокаясь. Почувствовав, как по пищеводу хлынул поток вулканической лавы, Кошкин жабой прыгнул вперед, жадно припал к ручью с явным намерением его осушить. Выпив не менее литра воды, он, шумно дыша, повернулся к усмехающемуся пилоту:

– Коля! Ты что мне налил? Ракетное топливо?

– Ну ты и слабак! – констатировал пилот. – Я эту бутылку специально для милых дам держал. Ведь это же почти шампанское! Выпил бы ты моего любимого напитка – на месте б растворился! И не пугайся так, это простая настойка на кедровых орехах с золотым корнем. От нее же одна польза, такой эликсир в аптеке не купишь.

– Сомневаюсь, что на эту кислоту будет слишком большой спрос, –

сказал Кошкин, возвращаясь на место. – У меня такое ощущение, будто раскаленный напильник проглотил! А уж про дам, которые согласны пить подобную жидкость, даже думать не хочется.

Немного помолчав, пилот спросил:

– Олег, что это было? Только не надо рассказывать мне те же детские сказки про упавший секретный спутник и заблудившуюся девочку, отбившуюся от группы ученых.

Кошкин пожал плечами:

– Коля, я ведь не спец в этих вопросах. Был бы жив спецназовец – он бы все объяснил. Думаю, это что-то типа зенитного снаряда.

– Ну ни хрена себе снаряд! Да он возник прямо в салоне, ты же сам видел! К обшивке никто не прикасался!

– Про телепортацию что-нибудь слышал? Вот это она и была. Мы летели довольно медленно, кто-то с земли смог хорошо прицелиться, точно навести свое проклятое оружие. Бах! И хитрый снаряд уже у нас в гостях!

– Так это… Оно ведь живое было!

– Говорю тебе, я не специалист. Но это не жизнь, даже не думай. Мы же делаем роботов? Они ползают по Марсу, летают в космосе, но ведь ты не называешь их живыми. Просто считай, что это особая специфическая технология.

– А кто его по нам запустил?

– Да кто угодно. Подобные фокусы при наличии зарядов может делать любой низший.

– Низший?

Олег покачал головой и вздохнул:

– Коля, да тут неделю можно объяснять и все равно ничего не поймешь.

– Это что – секретно?

– В принципе, да, даже я знаю не много, мне по должности не положено владеть полной информацией. Об этом не сильно болтают. Хотя, если вдумчиво полазить по такой помойке, как Интернет, можно узнать много чего интересного. Если, конечно, сумеешь разобраться в этом нагромождении вранья, порнографии и обрывочной информации.

– Хорошо. Давай попробуем с другой стороны. Кто вы все такие? Только не говори, что являетесь государственной структурой, – я не первый день живу, ни одна контора так не работает. Вы совершенно другие, даже не выразишь это словами. Более свободные, независимые, какие-то странные, что ли. Если смотреть за вами со стороны, то трудно понять – кто начальник, а кто подчиненный. Нет, в обычной госструктуре все

совершенно по-другому.

– Верно. К государству мы не имеем никакого отношения. У нас много имен, но давай остановимся на кратком – Орден. Сейчас оно наиболее употребительно между сотрудниками.

– Так значит, Орден. Что ж, коротко и непонятно! Давай теперь начнем по порядку. В двух словах, что вы собой представляете?

– Присядь поудобнее и покрепче держись за свое каменное кресло, – мрачно посоветовал Кошкин. – Орден – это древнейшая организация человечества, созданная для его защиты от внешней угрозы. Представляет собой полузамкнутую систему со своей собственной экономикой, армией, хозяйственно-научными структурами и учебными заведениями. По своему уставу, не может обладать полномасштабной государственной властью, но тесно взаимодействует с правящими структурами большинства развитых стран. Все понял?

Николай покачал головой:

– Чувствую, тут одной рюмкой не обойтись. Будешь?

– Наливай, – согласился Олег.

Вторая пошла очень хорошо, смачивая обожженный пищевод целебным бальзамом. Пилот крякнул, одобрительно заявил:

– Прямо как по маслу! А теперь расскажи-ка мне, что это за внешняя угроза?

– Угроза, которая приходит извне.

– Неплохо сказано. А подробности?

– Их не будет. Даже то, что мне известно, не расскажешь и за день. А кроме того, тебе это не нужно.

– Раз есть угроза, то она подразумевает врага.

– Так и есть. Нас сбил враг.

– Что им здесь нужно?

– Обычно они приходят за жизнями. По крайней мере мне так рассказывали.

– Как это?

– Мы все обладаем жизненной энергией, тем, что на Востоке принято называть «ци». В европейской культуре единой терминологии для этого понятия нет. Нам самим не очень ясно, что это такое, но для врагов она самая величайшая ценность. Ради нее они готовы пойти на все.

– То есть они приходят сюда за ней?

– В основном да. Причем самое обидное, что более всего их привлекают именно люди. При смерти разумного создания выброс жизненной силы просто запредельный. Специально выведенные врагами

боевые создания – низшие – обладают способностью аккумулировать жизни своих жертв и, накопив должное количество, передавать своим хозяевам.

– А зачем же они тогда в тайгу пришли? Тут ведь людей нет, а другой живности маловато. Дичь есть, но с Африкой не сравнить.

– Коля, если бы мы всегда знали, что им надо, то не имели бы ни малейших проблем. Они совершенно чужие, понимаешь? Другое мышление, извращенная логика, непонятные устремления! Чего они хотят – покрыто полным мраком. Может, захватят ракетную шахту и произведут залп по мегаполису, где неподалеку ждут другие твари. Представляешь, сколько жизней они там при этом соберут? А могут просто побегать немного по округе и, забравшись на высокую гору, дружно сдохнуть. Может случиться все что угодно, сюрпризы бывают чуть ли не каждый год. Мы совершенно не представляем, что им надо в этой глухой тайге, более того, некоторые эксперты считают, что и сами враги этого не знают – просто какая-то спонтанная миграция орды диких.

– И много они убивают?

– В наше время уже не очень: мы поднабрались опыта, стараемся не давать им разгуляться вовсю. Слыхал о средневековой чуме? Тогда Европа едва не осталась совсем без жителей. Миновали те страшные времена, когда люди гибли миллионами. Но это не только заслуга Ордена. Враги сильно разобщены, но со временем у них появилось что-то вроде довольно централизованных государственных образований под руководством высших тварей. Те действуют гораздо тоньше, осторожнее, они не хотят лишиться своей кормовой базы. Не удивлюсь, если они имеют некоторые контакты с руководством нашей организации, об этом давно ходят разные слухи. К примеру, есть на Земле регионы, в которые мы никогда не лезем. Взять хотя бы большую часть Африки. Цивилизация в тех местах не наступит никогда: люди там не хозяева.

– Но как вы можете сотрудничать с врагами или просто не мешать им?

– Нас очень мало. Мы просто не в состоянии успевать везде. Мир большой, человечество огромно. Приходится все силы бросать на главного противника – дикие кланы. Эти орды не ведают ни про какие ограничения. Они рвутся куда только возможно и могут нанести колоссальный вред. Про Чернобыль слыхал?

– Ну?

– До сих пор точно не установлена причина этой аварии, осталось множество вопросов. Немудрено – широкая общественность никогда не увидит некий отчет из архива Ордена.

– Твою мать! А почему никто об этом не должен знать?! Необходимо бороться с этими тварями всем миром!

Кошкин невесело усмехнулся:

– Было в истории и такое. Средневековую инквизицию помнишь? Братья доминиканцы, дыба, аутодафе.

– Так они ведь просто сжигали людей – колдунов и еретиков.

– Да, это так. Но не все из них были такими уж невинными жертвами. Нашу планету окутывает своеобразная защитная оболочка. Некоторые называют ее эманацией ноосферы; другие – астральным щитом. Вся соль в том, что она слагается из человеческих мыслей и устремлений. Чем чище всеобщие помыслы – тем крепче броня планеты и тяжелее пробить в ней брешь при переходе из нижнего мира.

– То есть если все люди станут праведниками, то мы будем неуязвимы?

– Ты утрируешь, но общий принцип верен. Однако дело обстоит еще хуже – если человек сильно захочет, то с помощью несложных действий может самостоятельно создать защищенный канал. Слышал про вызов демонов? Это вовсе не сказки. Представь, что люди узнают всю правду, какая она есть. Неужели ты думаешь, что все немедленно станут праведниками? По статистике от рака умирает больше людей, чем от деятельности врага, но ведь число курильщиков не уменьшается, несмотря на пропаганду здорового образа жизни.

– Да, тут ты полностью прав.

– История знает немало примеров, когда правда обрушивалась на людей. В то время как одни впадали в религиозную истерию, другие устраивали черные мессы и творили отвратительные обряды. Нет предела человеческой мерзости!

– А почему вас так мало?

– Самый тяжелый вопрос. Однозначного ответа на него попросту нет. Кого попало мы принимать не можем: во-первых, человек не должен быть безнравственным, сам понимаешь; во-вторых, у него должна быть хоть кроха ментальной силы. Про экстрасенсов слышал?

– Конечно.

– Это люди, которые к нам не попали в силу разных причин.

– Ты тоже?

– Не надейся, что я сейчас начну заряжать этот ручей положительной энергией и вода превратится в волшебный эликсир, пригодный для лечения геморроя. Для подобных чудес вполне хватит обычного шарлатана. Все гораздо проще: достаточно хоть немного реагировать на возмущение астрального поля – и ты наш потенциальный клиент. По статистике таких

рождается более трех процентов от всех детей.

– Да это же масса народа!

– Да. Но учти – это и немалый крест, до зрелого возраста доживают далеко не все. Детская смертность бьет по ним в самую первую очередь, кроме того, очень велик процент самоубийств родителей. Младенец не владеет своим талантом, достаточно вовремя не сменить его пеленки – и он может вызвать тяжелую депрессию у всех окружающих. Да и потом, чтобы вырастить из него приличного человека, надо воспитывать ребенка с раннего детства – а кто нам его отдаст? Хотя, конечно, бывают и такие варианты. Но это редкость. Потом, в более зрелом возрасте, после тщательной психологической проверки делается вывод о пригодности. Скажу честно – пройти отбор очень сложно. У нас даже в уборщики случайный человек никогда не попадет, мы – Орден!

– Исключений не бывает?

– Да какое же стадо без паршивой овцы? Николай, мы вполне обычные люди, со своими слабостями и недостатками. Просто, в среднем, немного выше других. Очень ненамного. Но это даже не всегда заметишь. Среди сенсов, из-за их высокого уровня эмоциональной восприимчивости, велик процент тех, кого принято называть чудаками. Много весьма неординарных личностей, чьи поступки и манеры поведения просто не укладываются в голове, шокируют. Иногда, находясь среди сослуживцев, мне кажется, что снимается какой-то глупый фильм, настолько неестественным бывает поведение окружающих. Ты же видел Клеща, знаешь, как он себя иногда ведет. Скажу по правде – это цветочки. Скоро должен прибыть Чапай; если хоть часть из того, что о нем рассказывают, – правда, то он самый большой оригинал Ордена. Скучно нам здесь не будет. Посмотришь, какие у нас сумасброды бывают.

– Олег, в моей голове стало еще больше вопросов, чем до этого разговора.

– Не удивляюсь, – усмехнулся Кошкин. – Знаешь, не забивай себе голову! Коля, ты вполне нормальный мужик, лишнее знание тебе просто ни к чему.

– Может, ты и прав. А почему вы не пытаетесь завладеть миром? Если ваш Орден настолько древний, то давно можно было подмять всю власть под себя.

– А ты не задумывался, почему мы пережили тысячелетия? Сколько цивилизаций рухнуло, а Орден стоит как ни в чем не бывало. Более того, значительная часть известной истории человечества – плод фальсификации фактов, грамотно проводимой нашими сотрудниками. Мы сами пишем

историю в том виде, как нам это удобно. Орден будет стоять, пока продолжает держаться от страшного соблазна – власти. Если нас коснется эта едкая коррозия – все, конец! Да, планету можно покорить, но надолго ли? Эта империя рухнет неизбежно, погребя нас под обломками, ведь мы простые люди, а не супермены из комиксов. Все, что у нас есть, – несколько мощных экстрасенсов и ряд технических разработок, созданных с привлечением трофейных технологий противника.

– Мне это не совсем понятно.

– Немудрено. Я и сам не все понимаю, просто пытаюсь тебе пересказать устав Ордена своими словами.

– Значит, те люди, что погибли на Раскидистом, пришли туда сражаться с врагом?

– Нет, не совсем так. Просто был зафиксирован небольшой пробой астрального поля, но его могло вызвать что угодно, появление диких – наименее вероятная причина. Но, по правилам, каждый случай необходимо обязательно проверять. Мы ничего не оставляем на самотек.

– Но почему не послали солдат – этих шкафов в черных скафандрах?

– Так и делают в случае сильного пробоя. На мелочи их не направляют. Спецназовцы почти все заняты в угрожающих районах планеты, где существуют области, благоприятные для пробоя. По сути дела, там ведется постоянная вялотекущая война.

– Все мужики погибли, а молоденькая девушка пошла в одиночку преследовать эту опаснейшую тварь?

– Так оно и есть.

– Да ведь она просто ненормальная!

– А мне кажется наоборот – наш мир ненормальный, если считает ее таковой. На таких, как она, все и держится.

– А толку? Он ведь четверых порвал играючи, что ему еще одна жертва?

– Не знаю. Но я очень надеюсь, что она все же выживет, а Клещ, тот вообще чуть не плачет за ней. Видал, как он наш вертолет провожал?

– Ну! Не мужик – скала неприступная! А я-то думаю, чего он такой расстроенный ходит. Стало быть, его подруга?

– Нет. Ее вообще никто не знает. Мы даже фотографию не видели и не представляем, как она выглядит. Просто неизвестная практикантка.

– Тогда чего он так?

– В двух словах это не объяснишь. Представь такую ситуацию: группа оперативников уничтожена, связи с начальством нет. Никто бы и слова не сказал, если выжившая практикантка осталась бы на месте ожидать

прибытия помощи. Понимаешь? А она принялась действовать строго по правилам поиска – начала преследовать врага, не давая ему оторваться, раствориться в этой тайге. Это смертельный риск, просто немыслимое чувство долга!

– Да это понятно. Тут и без всяких демонов по нашей тайге не очень-то походишь. Это тебе не прогулка в подмосковном лесу.

– Она – воспитанница весьма специфического учебного заведения, в народе именуемого – Монастырь. Прошла специальную, очень оригинальную подготовку, больше так нигде не учат. Кто знает, может, это ей поможет выжить.

– Так она сильно крутая?

– Просто не то слово! В женский Монастырь принимают специально отобранных девочек не старше двенадцати лет. Предпочтение отдается полным сиротам, остальные – дети членов Ордена, но таких крайне мало. Методика обучения там просто изуверская. Воспитанниц выбирают не простых, а… как бы это сказать понятнее… в общем, тех, из кого в будущем должны вырасти наиболее чувственные женщины. Понимаешь, не красавицы какие-нибудь неземные, а легко возбудимые, эмоциональные, очень сексуальные девушки. Весь фокус обучения в том, что их перехватывают еще до созревания и всю буйную энергию направляют в другое русло. Проще говоря, девчонок буквально ломают. Методика подготовки отработана до мелочей в течение многих веков. Они приобретают специфическую сенситивную чувствительность, легковозбудимую нервную систему, мгновенно реагирующую на любую угрозу. Но взамен зачастую получают массу неприятных психологических проблем: вмешательство в эмоциональную сферу бесследно не проходит. Нам известно о них очень мало, в основном все на уровне слухов. Но если хоть часть того, что о них говорят, – правда, то у практикантки есть шанс.

– Но я так понял, что, кроме нас, ее никто больше не ищет?

– Пока да. Но, надеюсь, скоро все изменится.

Послышался далекий гул, вскоре они явственно различили рев вертолетных двигателей. Николай встал, вытянул руку – оставляя дымный след, в небо ушла красная ракета. В распадок от водораздела скользнула вытянутая боевая машина, вторая, хищно пригнув нос, пошла по дуге, прикрывая спасателей сверху. Выстрелив еще раз, пилот опустил ракетницу и повернулся к Олегу:

– Послушай, раз есть демоны, то должны быть и ангелы?

Посмотрев в сторону разбитого вертолета, пропитанного кровью спецназовца, Кошкин еле слышно произнес:

– Мне кажется, им на нас глубоко наплевать.

Настоятельница достала из кармана старенький складной нож и исцарапанной рукояткой постучала по металлической решетке. Послышался скрипучий звук, в коридорчик, волоча ногу, вышел искалеченный старик. Подслеповато щурясь, он разглядел посетительницу, потрясенно охнул, надрывая поврежденное горло:

– Ты? Мать честная!

– Горилла твоя мама! Откроешь или будем с тобой разговаривать, как влюбленная парочка на очной ставке?

Кладовщик поспешно открыл решетку, впуская посетительницу:

– Сколько же мы с тобой не виделись?

– Давненько, – усмехнулась настоятельница. – Ты как?

Постучав своей стальной клешней по искусственной ноге, он криво усмехнулся:

– С ногой вот что-то не то. Будто бы не моя. Да и гнется совсем плохо. К чему бы все это?

Мюллер не ответила, нагнулась, приподняла штанины, продемонстрировав искусственные ступни из алюминиевого сплава:

– А мне хорошо! Обувь никогда не жмет, да и зимой ноги не мерзнут, можно даже в тапочках по льду ходить.

Покачав головой, старик спросил:

– Как там Матвей?

– Нормально. Брюхо скоро отъест, как у настоящего купца. Сам бы с ним пообщался – он из Интернета днями не вылазит, да и телефон всегда под рукой.

– Может, и поговорю, – согласился кладовщик. – Еще день назад не стал бы, а сейчас тебя увидел – и шевельнулось что-то. Ты-то как?

– Нормально.

– Не разучилась еще людей до пачканья штанов доводить?

– Что ты, такой талант просто так не пропадает! Не хочешь на себе испытать? Это я быстро организую.

– Да нет уж, обойдусь! – забулькал старик, изображая смех.

– Ты мою девочку снаряжал?

– Ветрову?

– Да.

– Даже не знал, что она твоя.

– Теперь знаешь. Она телефон сдала?

– Да. Телефон, документы, деньги – все как положено. Очень

аккуратная барышня, такие в наше время нечасто попадаются.

– Жаль. Я думала, вдруг мобильник себе оставила? Он мощнее, чем обычная рация, больше шансов запеленговать сигнал. Что она с собой брала?

– Девятимиллиметровый карабин, модифицированный для оперативников, больше сотни патронов и обычное барахло, что прихватывают поисковики.

– Понятно. Ладно, Музыкант, мне пора идти.

– Может, хоть кофе с коньячком? У меня хороший, такого сейчас днем с огнем не найдешь – кругом одни эрзацы!

– Да ты все тот же прежний ловелас, – усмехнулась настоятельница. – Нет, спасибо, знаю я твои коньяки, от них зубы в осадок выпадают. Надо спешить, меня истребитель дожидается. В Нимгер вылетаю, поближе к своей потерянной девочке.

– А что ты так за ней суетишься? – спросил старик, провожая ее к выходу.

– Музыкант, ты же знаешь – у меня не может быть детей. Считай, что она мне за родную дочь. Алина – самая лучшая моя воспитанница, я ее не оставлю на произвол судьбы. Надо поскорее заканчивать эту неудачную практику.

– Думаешь, она все еще жива?

– Я не думаю, я это знаю.

– Но откуда?

– Чувствую.

– Странно. Ты же никогда не отличалась особой ментальной силой. Твой самый знаменитый фокус – заставить человека обделаться за четыре минуты. Но на большее ты была не способна, я ведь это прекрасно помню.

– Не знаю, но сейчас я чувствую совершенно точно: она все еще жива.

– Удачи тебе, – кивнул старик.

– Спасибо. И обязательно свяжись с Матвеем, он будет очень рад.

– Да, я так и сделаю.

Проводив взглядом неожиданную посетительницу, кладовщик медленно закрыл решетку. Вспомнив, как совсем недавно он стоял здесь, глядя вслед уходящей практикантке, он неожиданно для себя произнес вслух короткую молитву, желая этой девочке удачи. Старик догадывался – она ей очень пригодится.

Выйдя на улицу, Мюллер едва не столкнулась с высоким, хорошо одетым мужчиной. Тот отпрянул от нее, как ошпаренный кипятком. Окинув

его недоуменным взглядом, настоятельница озадаченно покачала головой:

– Антонов Игорь Владимирович, какая неожиданная встреча! Что-то мы часто с вами стали видеться в последнее время. А ведь я предупреждала, что не стоит показываться мне лишний раз на глаза. Не говорите только, что проходили здесь совершенно случайно, факт известный – мир тесен, но не настолько же!

Яростно сверкнув глазами, мужчина заявил:

– Я ищу свою родную дочь! И если вы думаете, что те неприятности, что мне сейчас устроили с вашей подачи, остановят эти поиски, то глубоко ошибаетесь! Мне на них не просто плевать – я на них еще и срал! Пусть я лишусь всего, но свою Алину увижу обязательно!

– Похвальное рвение! И как же вы сюда добрались?

– Проще простого! Вы опрометчиво сообщили, что она на Дальнем Востоке. Остальное дело техники, достаточно было проверить списки пассажиров. Местное ФСБ немного помогло – переслало фотографию. Я один раз взглянул на нее и сразу понял, что это она – очень сильно похожа на свою мать, даже любимая прическа Светы, конским хвостом! Не пытайтесь меня остановить – я все равно попаду внутрь и обязательно ее увижу!

– Да, пожалуйста, проходи, не стесняйся! Думаешь, ты кому-то нужен? Только все зря, ее там больше нет.

– А где же она? – нахмурился Антонов.

– А что, в ФСБ тебе так и не сообщили? Наверное, сильно сэкономил. Нет Алины – она заблудилась в тайге, по соседству с очень неприятным местом. Я одна из немногих, кто продолжает верить в то, что эта девушка еще жива. В данный момент направляюсь в тот район, кто знает – может, смогу чем-нибудь помочь в поисках?

– Возьмите меня с собой! – почти выкрикнул Антонов.

– Нет! Во-первых, у каждого из нас в жизни свое определенное место, твое явно не со мной рядом и не в тайге; ты там ни к чему. Во-вторых, я лечу туда на боевом истребителе, он берет только одного пассажира, это, знаешь ли, не комфортабельный лайнер. В общем, прощай, Антонов, успеха тебе во всех начинаниях.

Настоятельница пошла к машине, услышав вслед:

– Все равно я увижу свою Алину! Слышите?! Мне никто в этом не помешает!

Ничего не ответив, Мюллер открыла дверь.

Перед тем как надеть противоперегрузочный костюм, настоятельница выключила мобильный телефон – он мог создать помехи работе

навигационных приборов самолета. Сидя в истребителе, она не знала, что ей безуспешно пытается дозвониться Сергей Махров, выслушивая стандартный ответ бездушного автомата. Мюллер летела к нему навстречу, но это совершенно ничего не значило: в Нимгере ее телефон будет бесполезен, там не было станций сотовой связи.

Огромный бомбардировщик бороздил нижнюю границу стратосферы, оставляя за собой белесую полосу инверсионного следа. С земли можно было рассмотреть только крошечный крестик в истоке млечной дороги. Чуть ниже и далеко позади двигался второй боевой самолет со своим грузом, они работали парой. Добравшись до цели, командир экипажа доложил на землю о готовности, получил подтверждение приказа. Штурман-оператор провел наведение, уверенно нажал на кнопку.

К земле устремился зловещий груз – огромная авиабомба, разработанная специалистами Ордена специально для уничтожения крупных целей. По армейской классификации она относилась к линейке боеприпасов объемного взрыва; штатские граждане были знакомы с подобным оружием под несколько вульгарным наименованием – вакуумная бомба. Выполненное с применением технологий, недоступных для обычных земных вояк, это изделие Ордена отличалось рядом необычных параметров, прежде всего повышенной мощностью, но не избежало и ряда недостатков, присущих его менее разрушительным образцам. Эффективное применение было возможно только при подходящей погоде. К счастью, Южная Якутия славилась безветрием, этот день тоже не подкачал: тихий и без дождя. Условия были очень близки к идеальным.

Повернувшись к небесам хвостовым стабилизатором, авиабомба планировала несколько километров, прежде чем сработала тормозная система. Первый парашют – совсем крошечный лоскуток – вытащил за собой основной купол. Громадный цилиндр закачался на прочных стропах. Электроника не подвела, строго на заданной высоте сработал хитроумный механизм, планомерно распыляя боевую начинку бомбы. Там находился вовсе не вакуум, как считают некоторые гражданские дилетанты, а семь с половиной кубических метров летучей жидкости. Это вещество не могло существовать при нормальном давлении и температуре – вскипало мгновенно. На то, чтобы испарить его почти полностью, ушло всего несколько секунд. Затем процесс замедлился: резкое изменение агрегатного состояния вещества вызвало переохлаждение системы. Опустевший корпус, весь покрытый инеем из-за последствий физической реакции, все еще выпуская остатки боевой начинки, упал на землю перед поселковым

клубом; опадающий парашют зацепился за крышу.

День был безветренный, облако тяжелого газа, опускаясь и расползаясь в стороны, вытесняло атмосферный воздух, накрывая всю центральную часть Беловодовки удушающим куполом, не пропуская при этом ни одного подвала или мельчайшей мышиной норки. После полного опустошения огромных резервуаров в корпусе сработал инициирующий заряд, выбросив несколько пылающих снарядов в разные стороны, – вся парогазовая взвесь сгорела мгновенно, с ужасающим взрывом, сметая и без того полуразрушенные дома. Эффект был потрясающий: поселок исчез в одну секунду, на нескольких гектарах полегла окрестная тайга, сила акустического удара была настолько велика, что грохот услышали за десятки километров от места событий. Несмотря на высочайшую температуру, пожаров не возникло: без кислорода древесина не горит. После окончания взрывного процесса наступил последний этап, из-за которого бомбу и прозвали вакуумной.

Все знают, что существует атмосферное давление, но почти никто не догадывается, что оно способно проделать при некоторых условиях. А ведь это чудовищная сила – каждый человек всю свою жизнь существует, сдавливаемый тоннами невидимого груза. Сгоревшее парогазовое облако в один миг уничтожило весь кислород в огромном объеме, создав приличное разрежение воздуха. Большая часть азота, основного компонента газовой оболочки планеты, осталась в свободном состоянии, кроме того, хватало газообразных продуктов взрыва, так что до вакуума здесь было очень далеко. Но все равно, возмущенная атмосфера не потерпела непонятно откуда взявшуюся пустоту – выжженная область захлопнулась почти мгновенно. Сильный ветер подхватил куски рубероида и обожженных обоев от руин домов, пытаясь зашвырнуть их к эпицентру взрыва. Металлическая антенная мачта, согнувшаяся под прямым углом при взрыве, заскрипев, развернулась на своей оси подобно флюгеру, обвиняющее указав на то место, откуда на деревню обрушилась столь изощренная смерть.

Но беды несчастной Беловодовки на этом все еще не закончились – второй самолет сбросил следом девятитонную бомбу. Здесь все обошлось без излишних хитростей– она исполинской кувалдой ударила о каменистую почву, сработав мгновенно. Семь тонн мощнейшей взрывчатки, по силе превосходившей тринитротолуол почти в два с половиной раза, снесли все, что пощадил боеприпас объемного взрыва. Вздыбленная земля разошлась от эпицентра концентрическим валом, окончательно превращая поселок в груду мусора. Ударная волна добила чудом уцелевшие деревья на опушке

тайги; не выдержав, рухнули навесы над устьями штолен, подточенные временем. На исковерканный пустырь, еще минуту назад бывший вымирающим поселком, улеглись около полутора тонн мелкодисперсного серебра и различных его соединений.

От применения атомного оружия решительного Чапая в основном удержало только то, что авиаразведка так и не показала наличия в Беловодовке крупных сил неприятеля. Честно говоря, все, что им удалось увидеть, – единичного ракшаса, один раз пробежавшего между домами. Оставался еще убитый спецназовец, обстреливавший здесь неизвестно кого, и атакованный с земли вертолет. Диктатор решил действовать хоть как-нибудь, он не терпел долгого топтания на одном месте, считая, что лучше поступить неправильно, чем вообще никак. Пусть противник и не понесет при взрывах особого ущерба, но открыть счет его потерь не помешает. А бомбы не жалко – склады Ордена велики, запас фугасов всегда можно будет пополнить.

При бомбардировке погиб один-единственный ракшас, замешкавшийся здесь в поисках шустрой кошки, уцелевшей при нападении небольшой орды. Все его соплеменники уже давно ушли к цели, его же подвели жадность и голод: в деревне было всего несколько стариков и собак, этого не хватило для того, чтобы накормить дюжину прожорливых низших. Демона разнесло в мелкие клочья при взрыве вакуумной бомбы. Девятитонный монстр сработал впустую – к тому времени в уничтоженной Беловодовке не осталось даже мышей.

Лина настороженно замерла, услышав протяжный гул, накатывающийся откуда-то издалека, с северного направления. День был пасмурный, облака висели очень низко, угрожая в любой момент вылиться затяжным дождем, но грозы сегодня не предвиделось. Да и мало этот звук походил на обычный гром – какой-то странный, будто бы даже двойной. Она прислушивалась еще пару минут, ничего не уловила и пошла дальше. Что бы это ни было, преследование необходимо продолжать, к противнику этот грохот явно не имеет никакого отношения.

Пройдя более километра по холмистой гряде, враг на повороте спустился по заросшему распадку, направился вверх по руслу небольшого ручья, протекавшего в относительно широкой, по местным меркам, долине. Пережимов было немного, девушке нечасто приходилось скакать здесь по огромным валунам. Проверив показания электронной карты, она поняла, что направление этого водотока совпадает с маршрутом противника практически до самого истока. Было понятно, что он будет двигаться

дальше по этому удобному пути, не сворачивая в сторону на неудобные для продвижения крутые склоны, поросшие густой растительностью.

Но Лина все равно непрерывно косилась по сторонам, зорко проверяя каждую подозрительную ветку. Теперь, помимо старого врага, приходилось опасаться новоиспеченных противников. Судя по увиденным следам, в поселке было как минимум три ракшаса, а где три – там и больше. Эти твари не переносят одиночества, они предпочитают действовать тесными стаями. Девушка знала, что низшие не слишком опасные противники, но для нее их вполне хватит. Среди них встречались настоящие гении маскировки – достаточно не заметить хитрой засады, пройти рядом, и конец будет очень быстрым. Даже если удастся выжить после нападения – без тяжелых ранений не обойтись, а в этих условиях это почти что смерть.

Но, кроме медвежьих следов и отметин разнообразных копыт, практикантка не замечала ничего подозрительного. Кое-где она переходила на берег – там временами появлялась довольно удобная тропа. Судя по всему, ее кто-то поддерживал заботливыми руками: виднелись старые пеньки кустов, многие боковые ветви были аккуратно срезаны, а в одном месте через промоину проложены два бревна. Заметив висевший на дереве маленький капкан, Лина поняла, что, скорее всего, по снегу здесь охотятся рабочие из поселка. Она удивлялась, что здесь совершенно не видно следов горных работ – ведь на косах валялось множество обломков аметиста и горного хрусталя. Судя по всему, эта местность была очень богата драгоценными камнями. Сибирь щедра, скорее всего людям хватает всего одной, самой легкодоступной залежи. Долина все более сужалась, добывать камни в этом ущелье было бы не слишком легко.

Девушку очень огорчало то, что в этом ручье не встречалось рыбы. Даже глубокие ямы были совершенно безжизненны. За все время она не увидела даже ничтожного гольяна, не говоря уже о чем-то большем. Вода была совершенно прозрачной, очень холодной и вкусной, но хариусам здесь что-то явно не нравилось. Хотя не исключено, что где-то ниже есть высокий водопад, непреодолимый даже для их стремительных тел. Местная рыба вынуждена каждую осень спускаться на зимовку в большие реки. В таком случае она просто не может подняться сюда по весне. Как бы там ни было, сегодня рыбалка отменяется. Спасибо Диме– есть почти полбуханки белого хлеба.

Уже в сумерках Лина вышла к охотничьей избушке, едва не пройдя мимо нее, не заметив, – маленький домик ловко прятался среди зарослей чахлых березок, густо росших на высоком берегу. Прикинув время, практикантка поняла, что грех не воспользоваться таким комфортным

ночлегом, и решила здесь остановиться.

Дверь была открыта настежь – девушка не знала, что это делается охотниками специально. Любопытный медведь, не найдя для себя свободный вход, может разломать крышу, чтобы попасть внутрь. А в этом случае, забравшись в избушку, он все внимательно обнюхает и уйдет восвояси, ничего не тронув. Самое худшее, что может произойти, – наделает на полу вонючую кучу, чтобы люди не забывали, кто в тайге настоящий хозяин. Лина заподозрила, что охотник находится где-то рядом, хоть ему и нечего здесь делать в эту пору года: пушные звери носят летний, никуда не годный мех. Однако никаких следов недавнего присутствия человека не было, а трава, пробивающаяся возле порога, была совершенно нетронутая. Здесь явно не было никого с того самого момента, как сошел снег, что происходит обычно в мае, хотя кое-где на склонах он может лежать и до самого августа.

Обстановка внутри маленькой избушки была самая спартанская: маленький столик у стены, две дощатые лежанки, крошечная печка, несколько полок, по стенам развешаны мешки. Подсвечивая маленьким фонариком, Лина хорошо осмотрела все имущество. Извлекла из мешков куски оленьих шкур, застелила ими один топчан. Продуктов не было, здесь их не оставят: быстро поточат вездесущие мыши, да и косолапый не побрезгует, нечего его прикармливать. Не исключено, что где-то неподалеку есть надежный лабаз[8], защищенный от вороватого медведя, но в сумерках разве его найдешь. Хотя, может, оно и к лучшему не стоит объедать местных охотников. Впрочем, кое-что здесь было – девушка нашла почти полную пачку соли. Отсыпала жменю, замотав ее в обрывок мешка, – хозяин не обидится на такую мелочь.

Закрыв дверь, она примотала ручку к углу топчана, сняла верхнюю одежду, развесила запотевшие, грязные тряпки под потолком. Этой ночью можно будет спокойно обойтись без огня: в избушке тепло и сухо, приятно пахнет сосной. Если затопить маленькую печку – станет жарко и душно, будет противно спать. Присев за небольшой столик, Лина скудно поужинала, обмакивая куски черствого хлеба в соль и запивая их водой из ручья, припасенной заранее в маленьком чайнике. Голод был столь велик, что ей приходилось прилагать значительные усилия воли, удерживаясь от поспешности – хотелось глотать не жуя. Четкие наставления строгих наставниц намертво засели в голове воспитанницы. Плохо пережеванная пища, не смоченная как следует ферментирующей слюной, переварится лишь частично, а для нее сейчас важна каждая калория, ей нельзя терять ни крошки.

Перед сном она привычно сосредоточилась, убирая лишние, суетливые мысли, настраивая себя на восприятие врага. Изуверская монастырская подготовка принесла свои ощутимые плоды – за четыре дня преследования ни разу не было такого момента, чтобы Лина перестала чувствовать присутствие противника. Вот и сейчас девушка сразу поняла: он где-то рядом. Она обрадовалась, что не стала разводить огонь: дым, поднимаясь по узкой долине, мог выдать ее с головой. Ей очень повезло с найденной уютной избушкой, без костра этой ночью пришлось бы очень тяжело: тучи наконец не выдержали, по крыше мелко забарабанил нудный, затяжной дождь. Слышать это, нежась в благодатном тепле на мягких шкурах, было очень приятно. Девушка чувствовала себя ничем не хуже, чем в своей квартирке, правда, хорошо бы еще тщательно вымыться горячей водой, трижды поменяв воду в ванной, а потом хорошо поужинать. Даже монастырская каша вспоминалась ей сейчас райским деликатесом.

Закрыв глаза, Лина уснула через минуту.

Самолет шел на низкой высоте, ориентируясь по командам авианаводчика, что летал над опасным районом, корректируя действия нескольких машин. Без его помощи ночной полет в этом горно-таежном районе окончился бы очень быстро и печально, ведь перепады отметок рельефа тут могли составлять несколько сотен метров на километр. Бомбардировщик развернулся, выходя на заданный профиль, штурман-оператор приступил к своей работе.

Зашелестел ночной воздух, рассекаемый многочисленными небольшими снарядами. Задрав к небу миниатюрные хвостовые стабилизаторы, они стремительно направлялись к земле. Пробивая кусты и кроны деревьев, специальные мины врезались в таежную почву, глубоко уходя в нее носовыми штырями. От страшного удара неизбежно срабатывал несложный механизм, отсчитав две минуты, он отстреливал стабилизатор и наклонял в разные стороны три гибких стальных прута, одновременно взводя чуткий взрыватель.

После этого извлечь установленную мину было уже практически невозможно. Любое прикосновение к одному из малозаметных прутьев вызывало мгновенное срабатывание вышибного заряда. Тот подбрасывал фугас на двухметровую высоту, после чего взрывался основной заряд, выпуская вниз и в стороны двести шестьдесят оперенных титановых стрелок, щедро покрытых слоем чешуйчатого серебра. За десять метров каждый из этих миниатюрных снарядов мог спокойно пробить легкий бронежилет.

Минное поле на этом участке ставили не просто так – оно являлось составным элементом системы обороны периметра на одном из самых угрожающих направлений. Орда диких, нарвавшись на широкую полосу, напичканную серебром, неминуемо начнет искать обход. Нельзя сказать, что такая преграда для них непреодолима, но особого желания туда лезть они выказывать не будут, предпочитая поискать более комфортный путь. Такое стремление неминуемо приведет их на минные поля, под взрывы прыгающих фугасов.

Посты акустической разведки услышат шум за много километров, точно определят его источник. С расчищенных площадок подскока поднимутся боевые вертолеты, направляясь к месту взрыва. Если виновным в переполохе окажется олень или медведь, то боевые машины быстро возвратятся назад. Если тут встретятся дикие ракшасы, начнется ожесточенный бой.

Мины будут стоять здесь около сорока дней. После окончания этого срока кислота окончательно разъест стенки маленькой капсулы, сработает ликвидационный химический детонатор, подорвав основной заряд фугаса. К этому моменту периметр уже будет не нужен, не стоит губить и без того редких местных жителей и ни в чем не повинных животных, ведь в противном случае мины будут представлять опасность в течение нескольких лет.

Невысокая девочка стояла перед главной стеной фойе административного корпуса, сплошь покрытой фотографиями в металлических рамках. Цветных здесь было очень мало, в основном черно-белые, большинство совсем старые, пожелтевшие, напечатаны на плотном, узорчатом картоне. Кое-где попадались рисованные овальные портреты. Под каждым изображением виднелась маленькая позолоченная табличка с коротким текстом и несколькими цифрами. Говорили они все примерно одно и то же: «Ташковская Татьяна Владимировна, Анархистка, 1876–1905. Обучение: 1886–1894. Специальная дружина. Хрустальный крест. Платиновый венок. Лавровый венок. Тунгусский инцидент, алмазный меч – посмертно». С высокой стены смотрели сотни строгих женских глаз. Здесь было очень мало пожилых, большая часть изображений дышала свежей юностью – девушки так и не разменяли третий десяток, сложив свои головы в разных уголках мира.

Но девочка не смотрела на лица, она, мучительно задрав голову, уставилась на пустую рамку, лишенную фотографии или портрета. Но табличка здесь была: «Шварц Эльба Генриховна, Нельма, 1956—.

Обучение: 1966–1974, лучшая выпускница. Боевая дружина, специальный отряд. Три алмазных меча, два платиновых венка, рубиновое сердце, два хрустальных креста, почетная звезда Ордена, рыцарское звание». Странно даже представить невероятные подвиги, за которые можно получить столько высочайших наград. Ведь один-единственный алмазный меч позволял обладательнице даже после естественной смерти от старости занять место на этой стене, но целых три – это было просто невероятно! Одно непонятно – куда же подевалось фото этой могучей Нельмы?

– Смирно!!! – прогремело над самым ухом.

Девочка испуганно выпрямилась, сложив руки по швам и чувствуя, как предательски дрожат ослабевшие коленки.

– Кто такая?! – угрожающе крикнула настоятельница.

– Ветрова Алина, младшая группа!

– Что, инфузория, опять от занятий отлыниваем?!

– Никак нет! Знакомлюсь с прославленными выпускницами нашего Монастыря!

– То-то я смотрю, все портреты прямо-таки пожелтели. Как же им противно смотреть на такую никчемную соплячку. Не так ли?

– Так точно! – чуть не заплакав от обиды, выкрикнула девочка.

– Ты как мне отвечаешь? Неужели свой паршивый язык проглотила? Или перловку с обеда еще не прожевала? Где тебя учили так нагло разговаривать со своими командирами?

– Алтайская база!

– Кто твои родители?

– Полная сирота!

– Ишь ты! По мальчикам сильно скучаешь?

– Никак нет!

– Да ладно, мне хоть не ври! Опять ночью мастурбировала под одеялом?

– Никак нет!

– Прекращай мне врать, а не то я тебя лично закопаю, причем без всякого наркоза. А ну скажи, будешь еще этим заниматься?

– Никак нет! Больше не повторится!

– Ах, не повторится?! Значит, все же было?! Ты зачем меня обмануть пыталась, протухший зародыш утконоса?

– Никак нет! – откровенно ежась от страха, прокричала девочка. – Я вас не обманывала! Просто неверно выразилась!

– Тебе кто разрешал открывать ту вонючую, уродливую щель, что тебе заменяет рот? Что молчишь? Правильно, нечего говорить – ты со всех

сторон виновата, куда не глянь! У-у-у! Курица туберкулезная, берегись – я за тобой лично присмотрю! Вычистишь пока для разминки все унитазы в учебном корпусе, раз уж так любишь искать занятия для своих кривых рук. Сегодня я лично прикажу всем гадить от души, чтобы тебе не так скучно было их драить. Рада, что попала в наш Монастырь?

– Так точно!

– Конечно! Чего не радоваться! В большом мире таких уродин, как ты, в балаганах за большие деньги показывают. Ведь ты уродина, не так ли?

– Так точно! – чудом сдерживая рыдания, четко ответила девочка.

– Скажи-ка мне, что ты разглядывала на этой стене с таким дебильным интересом, что даже меня не заметила?

– Я смотрела на портрет прославленной Нельмы, вернее, удивлялась отсутствию на месте ее фотографии!

– Смотри-ка, это чмо даже умеет удивляться! Удивительное рядом! А может, ты заодно знакома и с грамотой? Читать умеешь?

– Так точно!

– Да ну? – деланно изумилась настоятельница. – У меня сегодня настоящий день открытий! Какая неожиданность – встретить в этих стенах столь одаренную личность! Так, может, ты и надпись прочитала, что виднеется на этой табличке?

– Так точно!

– А не подумала ли ты тем вонючим дерьмом, что заменяют тебе мозги, захочет ли прославленная Нельма, чтобы на нее тупо таращились такие кретинки, как ты? Лично я с трудом выдерживаю твое отвратительное соседство, едва справляюсь с тошнотой и брезгливостью. Ну как ты думаешь, хочет она этого?

– Никак нет!

– Ну слава богу! Хоть это до тебя наконец дошло! Посмотри на эти слова под рамкой – видишь, сколько у нее высоких наград! Если ты думаешь, что она заработала их своим причинным местом, – спешу разочаровать, так просто в Ордене не прославиться, так что отбрось свои наивные мечтания. Нельма – это легенда! Когда она покидала эти стены, все рыдали и целовали ее следы! Таких среди вас и близко нет и вряд ли когда-нибудь еще будут! Не хочу даже говорить, кто вы по сравнению с ней, – вас просто сравнивать невозможно! Тебе понятно?

– Так точно!

– А теперь марш отсюда!

– Разрешите вопрос! – звенящим голосом выкрикнула девочка.

Опешившая настоятельница уставилась на дрожащую девочку

немигающим взглядом. Та затрепетала еще сильнее, стало слышно, как отчетливо застучали ее коленки. Но голова осталась на месте – гордо вздернутой, а губы – упрямо поджатыми. В глазах Мюллера проскользнула странная удивленно-уважительная искорка. Покачав головой, она озадаченно произнесла:

– Ветрова, да я просто удивлена! Сегодня и впрямь настоящий день открытий! Такие любопытные дуры, что рискуют со мной разговаривать, встречаются очень нечасто. Честно говоря, я подозревала, что все они давно уже кормят могильных червей. Даже не знаю, сразу тебя убить или растянуть такое удовольствие подольше. Пожалуй, все же дам тебе несколько минут, стоит выслушать твой идиотский вопрос, иначе я его так никогда и не узнаю, разве что воспользуюсь услугами некроманта. Ну?

– Под фотографией прославленной Нельмы стоит только год рождения, но даты смерти там нет! Что это означает?!

– Хороший вопрос, – кивнула настоятельница. – Даже не самый глупый из тех, какие мне рисковали задавать. Я могла бы на него тебе ответить, но не стану. Просто сейчас нет на это времени. Пока ты, кретинка, нежишь свою никчемную задницу на оленьих шкурах, к избушке подбирается враг. Он уже заглянул в окно, а сейчас стоит возле самой двери. Пошла вон отсюда, покуда я тебя в блин не растоптала! Сражайся, если хочешь когда-нибудь попасть на эту стену!

Вскочив, Лина чуть не заверещала от страшного, всеобъемлющего ощущения близкого присутствия врага. Схватив карабин, она мгновенно опустила предохранитель, не задумываясь, передернула затвор, даже не обратив внимания на стук выпавшего патрона, покатившегося по полу. Встав посреди избушки, она направила ствол на дверь, понимая – это самое уязвимое место. Окошко над столом было совсем маленькое, в него даже она с трудом пролезет. Очень сомнительно, что оттуда можно быстро атаковать. В любом случае молниеносная реакция воспитанницы Монастыря позволит ей быстро обернуться на звон стекла и выпустить тяжелую пулю. К стенам тоже не стоит подходить слишком близко. Бревна не очень толстые, мощь врага неизвестна – кто знает, на что он способен; возможно, для него они не более чем спички. Девушка внезапно ощутила себя запертой в ловушке: прежде уютная избушка стала казаться ей жуткой мышеловкой с давящим потолком.

Тишина стояла полная, но она откуда-то знала совершенно точно: враг сейчас стоит за дверью. Карабин сослужил ей плохую службу: если попробовать выстрелить вслепую, первая специальная пуля взорвется, едва

коснувшись досок. Пока в цель уйдет вторая, враг успеет отскочить в сторону, избегая опасности, а вот она сама проделает брешь в своих и без того ненадежных оборонительных рубежах.

По спине пробежал нехороший холодок – послышался отчетливый царапающий звук, будто кто-то гвоздем с силой провел по сухой доске. После этого в дверь громко стукнули и быстрый, какой-то отрешенный голос произнес:

– Самка, ты слышишь меня?

Едва не закричав от дикого ужаса, Лина еще крепче сжала карабин, выбирая слабину спускового крючка.

– Отвечай мне немедленно, я знаю, что ты здесь. Слышишь?

– Да, – почти шепотом произнесла девушка.

– Самка, не ходи больше за мной. Я ничего плохого вам не сделаю, просто заберу свой камень и вернусь домой. Я пришел сюда только за ним. Ты меня поняла?

– Да, – вымолвила Лина, чувствуя, как на лбу проступает холодный пот.

– Помни: я пощадил тебя, но убить могу в любой момент! Уходи назад, здесь не место для самок, ты быстро погибнешь! Поняла?

– Да.

– Все, самка, теперь я ухожу. Не иди больше за мной следом – умрешь!

Послышался слабый шорох, треснула ветка, все стихло. Еще через пару минут Лина явственно почувствовала, что ощущение присутствия врага ослабевает. Не выдержав, она чуть ли не упала на край топчана и горько расплакалась. Ее тело буквально сотрясали судорожные рыдания, вынося со слезами весь пережитый ужас. Худшего кошмара невозможно даже представить – девушка теперь могла смело утверждать, что является одним из немногих уникальных людей, поговоривших с высшим демоном и оставшимся после этого в живых.

Такая слава ее не радовала.

Глава 3

Боевые машины десанта шли по таежной дороге, настороженно вращая орудийными башнями. Если бы не гусеничный ход и специальные траки, они бы уже давно сидели в грязи по самое брюхо. Этот старательский зимник использовался лишь в холодный период, летом он на нескольких участках превращался в непролазное болото. Но специальная техника, приспособленная к подобным условиям, пока что шла без особых проблем. Пару раз случались заминки, приходилось использовать тягачи, цепляясь к ним тросами, а однажды дружными усилиями экипажи и спецназовцы настелили небольшую гать.

Легкобронированные тягачи по очереди занимали положение в хвосте колонны, начиная опустошать контейнеры с путанкой. Тонкая стальная спираль кольцами выбиралась на дневной свет, угрожающе дрожа, замирала в грязи, превращая дорогу в укрепленный рубеж. По обе стороны от заграждения высадившиеся спецназовцы устанавливали растяжки и сигнальные мины, на высоких деревьях сооружали удобные площадки для снайперов и наблюдателей.

Укрепление периметра продолжалось.

Лина продолжала упрямо подниматься вверх по ручью.

Предупреждение демона она попросту проигнорировала, несмотря на огромный страх перед ним. Ей попросту некуда было деваться – практикантка не затем настойчиво преследовала его столько времени, чтобы под конец оставить в покое. А кроме того, девушка ни на грамм не верила этому мерзкому созданию. Что бы он ни рассказывал ей про свои безобидные помыслы, все это могло попросту служить для того, чтобы ввести преследовательницу в заблуждение.

Пролив с перепугу целое ведро слез, она постепенно успокоилась, трезво оценила ситуацию. Лина быстро нашла логичное объяснение странному поведению демона – он попросту побоялся атаковать ее в избушке, явно услышав, как грозно лязгнул тяжелый затвор ее карабина. Враг хорошо знал, на что способны специальные пули, помеченные тройным красным кольцом: он уже проливал свою густую кровь на далеком северном склоне гольца Раскидистый. Не рискнув ломиться напролом, противник решил попросту запугать наглую преследовательницу, не желая в один прекрасный день получить тяжелую пулю в спину.

Честно говоря, ему это вполне удалось: Лина даже не предполагала, что может когда-нибудь так сильно испугаться. На нее до сих пор накатывала противная дрожь при воспоминании об этом жутком голосе. Он не был каким-то ужасающим или угрожающим, вовсе нет. Просто в нем совершенно не было ничего человеческого, ни в каком фильме ужасов не услышишь таких кошмарных слов. Но как ни велик ее страх, делать было нечего – долг требует держаться от врага поблизости и если не уничтожить его, то по крайней мере не упускать из виду. Девушка молилась всем богам, она призывала подкрепление на боевом вертолете. Лина то и дело с надеждой косилась в небо или включала рацию, прослушивая эфир. Индикаторная полоска уже опустилась до угрожающего минимума, включать передачу практикантка больше не рисковала: батарея может сесть через несколько минут, выпустив последние остатки заряда в эфир.

Но все было тихо, только на огромной высоте иногда протягивался инверсионный след далекого самолета. Лина не знала, что некоторые из них заняты исключительно тем, что караулят ее слабый сигнал. Клещ смог-таки добиться выделения нескольких специальных машин, небо ни на минуту не оставалось без них, хоть один электронный разведчик постоянно совершал свои широкие круги. Но было уже поздно: рация села почти окончательно, нажимать вызов девушка теперь опасалась, сохраняя на всякий случай последний резерв.

Лина шла по ручью, надеясь, что помощь уже рядом, ведь она связалась с Нимгером еще вчера, после полудня, – в Ордене уже знают направление движения врага и ее последние маршрутные точки. Она даже переложила одноразовые ракетницы поближе, чтобы их можно было быстро выхватить и подать вертолету сигнал. Но до момента подхода подкрепления надо продолжать выполнять свой долг – не дать врагу оторваться, спрятаться в дремучей тайге. Кто знает, может, весь его маршрут – сплошной обман. Оторвавшись от преследовательницы, он немедленно свернет в совершенно неожиданном направлении и отправится делать что-либо ужасное, для чего и проник в этот мир.

Ведь это не тупой ракшас из дикой орды, ее противник – настоящий демон, один из Высших. Он силен не только физически, но и своим извращенным разумом, чуждым всему живому. Не может быть и речи о переговорах и компромиссах, при следующей их встрече заработают страшные когти и полетят разрывные пули. Им не о чем будет говорить, когда схватке не будут мешать стены.

Между тем местность стала заметно изменяться. Течение ручья постепенно замедлялось, русло сужалось. Лина шла теперь по берегу, не

спускаясь к воде. С раннего утра она не присела еще ни разу: при остановке тело быстро замерзало. Погода ничуть не улучшилась, то и дело начинал моросить мелкий дождь, кроме того, по пути она поневоле собирала на себя влагу со всех встреченных кустов и высоких побегов голубики. Одежда давно вымокла до последней нитки, нестерпимо ныли стертые мокрые ноги. Температура воздуха упала настолько, что изо рта вырывался пар, и Лина не удивилась, когда увидела, что с неба срываются клочья мокрого снега. Северная погода богата неожиданными сюрпризами, а здесь, в горах, присыпать землю может даже в июле. Ей не верилось, что всего лишь позавчера она страдала от сильной жары. Сегодня ее промороженные натруженные коленки вспыхивали острой болью при любой попытке их согнуть, ступая вниз. К счастью, это приходилось делать нечасто: она продолжала подниматься вверх по течению.

Тайга резко расступилась, впереди показалась довольно широкая марь, от нее и брал начало этот ручей. Вскарабкавшись на небольшую корявую сосну, Лина в оптический прицел рассмотрела открытое пространство, главное внимание уделив опасному направлению, так привлекающему врага. Не увидев ничего подозрительного, она не слишком успокоилась: болото не такое уж и голое, здесь хватало густых кустов березняка и отдельных зарослей чахлых лиственниц – есть где притаиться в засаде.

Держа карабин наготове, снятым с предохранителя, она продолжила движение. Ручей постепенно рассосался на глазах, разбежавшись от истока мелкими ключами. Марь была довольно широкая – около двухсот метров – и в длину вытянулась километра на три, исчезая перед основанием одинокого приплюснутого гольца. Враг потихоньку уклонялся вправо, но было ясно, что если его курс кардинально не изменится, то придется идти чуть ли не до начала болота.

Передвигаться здесь было несколько проще, чем по густой тайге или непроходимым зарослям стланика, но все равно нелегко. Хоть растительность почти не мешала, ноги часто глубоко уходили в мягкий торф, прикрытый мхом. Лина старалась ступать по большим красноватым кочкам, усеянным россыпями прошлогодней клюквы: здесь было несколько потверже. Но это получалось у нее далеко не всегда, то и дело почва под ногами предательски поддавалась, сырой мох расходился, ноги с чавканьем вырывались из мокрой ловушки.

Вскоре идти стало еще тяжелее – почва совершенно сгладилась, кочки исчезли, при каждом шаге мшистая поверхность начинала ходить ходуном, колебания разносились на несколько метров. Девушка тщательно прощупывала перед собой дорогу припасенной палкой, завидуя своему

врагу. Тот, как и все его проклятые сородичи, обладал способностью к частичному изменению своего телесного облика. Вот и сейчас его следы стали напоминать отпечатки огромных изогнутых ласт, на таких ступнях можно без опаски передвигаться по самой гибельной трясине.

Несмотря на все предпринимаемые меры безопасности, ноги девушки несколько раз пробивали торфяную подушку, а затем она и вовсе провалилась сразу по пояс. Не растерявшись, Лина бросила перед собой палку и карабин, легла на них животом, осторожно, без резких рывков, высвободилась из болотной ловушки, медленно отползла от опасного места. Отдышавшись, девушка осознала, что больше не сможет идти точно по следу: враг специально выбирал для передвижения самую губительную топь. Делать было нечего, она свернула вправо, осторожно обошла несколько коварных окон и вышла на самый край мари, остановившись перед опушкой тайги.

Здесь дело пошло гораздо веселее, она быстро пошла вдоль леса, внимательно карауля следы противника. Пару раз задержалась, изучая свежие отметины на мху, но это были простые отпечатки звериных копыт. Дойдя до начала мари, девушка обескураженно остановилась: по ее расчету враг давно должен был выбраться из этого проклятого болота. Повернувшись влево, она дошла до противоположной опушки, но ничего интересного по пути не заметила. Демон смог ее как-то перехитрить, вышел из трясины раньше. Девушка явственно ощутила, что он начал отдаляться, но идти за ним вслепую, ориентируясь только на сенситивные способности, было рискованно. Необходимо обязательно найти место, где он выбрался на сушу.

Немного подумав, она вернулась назад, внимательно изучила первую пару копытных следов, прошла по ним несколько десятков метров, наткнулась на свежий помет сохатого. Враг мог видоизменить ступни ног, но на подобное вхождение в образ животного он явно не способен. Пройдя немного дальше, Лина изучила вторую пару. Оттиски копыт были вполне натуральные, но ей показалось, что расстояние между ними довольно необычное. Повернув в сторону трясины, она со всеми предосторожностями прошла около сотни метров, то и дело проваливаясь в торфяную жижу по колено. Но этот риск был щедро вознагражден – девушка все же нашла место, где противник остановился, изменил свои ноги, обзаведясь вместо ласт широкими копытами.

Теперь сомнений в принадлежности этого следа больше не было – Лина немедленно продолжила свой путь. Ее одежда промокла полностью, сырой тряпкой прилипая к замерзающему телу. Некогда новенький, до

хруста выглаженный камуфляж был страшно вымазан болотной грязью, но в душе на миг вспыхнула радостная искорка. Враг впервые попытался сбить со своего пути назойливую преследовательницу, не желая встретиться с ней в открытом бою.

Практикантка очень надеялась, что он испугался.

Василий Иванович Бровкин, полномочный диктатор специальной операции Ордена, выбрался из тесной кабины истребителя, спустился по приставной лесенке, с наслаждением стянул с себя ненавистный противоперегрузочный костюм. Избавившись от неудобной сбруи, он наконец соизволил бросить по сторонам короткий взгляд, внимательно оценивая окружающую обстановку.

Аэропорт Нимгера было теперь не узнать, сонным царством здесь больше не пахло. Свободных площадок не было – все бетонные пятачки тесно забиты различными самолетами, боевые вертолеты стояли в два ряда по обе стороны от взлетной полосы. Они были не столь привередливы, как аэропланы, и могли садиться на любое ровное место с более-менее твердым покрытием. На одном краю летного поля вдоль невысокой бетонной стены протянулись шеренги темно-зеленых палаток, на другом располагалось около десятка единиц бронетехники. Повсюду виднелось новенькое, только что установленное аэродромное оборудование.

Чапай развернулся, быстро пошел навстречу здоровяку, вразвалочку идущему со стороны палаточного лагеря. Крепко пожав протянутую ладонь, он вопрошающе произнес:

– Ну и?

– Тот же хрен, только в профиль, – в тон ответил Клещ и пояснил этот технический термин подробнее: – Масть не идет! Погода испоганилась вконец: низкая облачность, временами дождь, местами снег, – авиация сейчас почти бессильна. Сегодня едва не потеряли одну машину: штурмовик шел на самой минимальной высоте, проводя съемку Матвеевки – второй уничтоженной деревни. Чудом не врезался в склон одиночного гольца – тот был затянут туманом, сливался с тучами. Сейчас ждем химикалии для опыления облаков, но пока они прибудут, пилотам тут делать почти нечего.

– Не могли раньше об этом позаботиться? Или задницы свои не слишком цените?

– Эх, Чапай! – печально вздохнул Клещ. – Да я их в первый же день заказал, но тут пока чего дождешься, рак на горе весь репертуар Витаса по три раза исполнит. Труба дело – полоса у нас всего одна, ставить технику

просто негде, вон, даже рулежка до отказа забита. Транспортники разгружаем в максимальном темпе, быстро отпускаем их назад. Грузы в такой спешке часто путаются, теряются. Тут бардак из бардаков!

– Как дела с эвакуацией населения? Я же разрешил ее сутки назад.

– Две деревни уничтожены, то же самое случилось с тремя добычными и лесозаготовительными участками. Но всех остальных людей уже вывезли, последних старателей забрали буквально час назад. В общем, в опасном районе почти никого не осталось.

– Что значит – почти?

– Чапай, это же тайга! Для орехов, ягод или грибов еще не сезон, но там могут быть отдельные рыбаки, охотники, нелегальные мойщики золота, ломщики драгоценного и поделочного камня. Мужики могут мумие по скалам собирать… В общем, народ там наверняка остался, но найти их всех попросту невозможно. Мы внимательно следим за некоторыми тропами и большими реками, но пока без особого толку.

– Какие-нибудь свежие успехи есть?

– Летуны засекли небольшую группу ракшасов, отработали по ним из всего бортового вооружения. Потери противника неизвестны.

– Понятно. Местные власти нам не мешают?

– Да ты бы их только видел! Тут край непуганых идиотов! До них, по-моему, только сейчас начинает доходить, что в их городке происходит что-то не совсем обычное. Но выяснять подробности не торопятся, в сравнении с ними граждане Прибалтики просто живчики. Этим ребятам мы ничего лишнего пока не говорим, нам их горячее содействие не нужно, все, что требуется, решаем через вышестоящее руководство, где есть вполне осведомленные люди.

Уставившись в сторону здания аэропорта, Клещ удивленно присвистнул:

– Ну и язык у тебя, Чапай! Прямо волшебный: что ни закажи – так сразу и появляется! Гляди, кто к нам в гости пришел, – доблестный представитель местной администрации, легок на помине!

К ним приближался импозантный мужчина средних лет в строгом костюме и при сложенном черном зонте. Завидев Клеща, он заметно оживился, ускорил шаг, вытянул руку. Тот, посмотрев на протянутую ладонь, не сделал никакого встречного движения, а сразу указал на Чапая:

– Вот, знакомьтесь: Василий Иванович. Теперь он здесь у нас самый главный.

– Виталий Олегович, – представился чиновник и протянул руку Чапаю.

Тот взглянул на нее с таким нескрываемо брезгливым видом, будто

собрался туда плюнуть. Прочитав это нехорошее намерение, мужчина неловким жестом опустил ладонь и, стараясь придать своему голосу уверенности, деловито поинтересовался:

– Как дела с поиском вашего упавшего спутника?

– Все идет по заранее утвержденному плану! – мрачно ответил Чапай.

– Ну что же, это очень хорошо! – идиотски улыбнувшись, заявил чиновник. – Тут у нас кое-какие небольшие проблемы возникли, по поводу нарушений правил эксплуатации городского аэропорта. Его начальник очень на вас жалуется. Вы бы не могли в самые кратчайшие сроки согласовать все эти вопросы с вышестоящим руководством?

Преобразившись в один миг, Чапай из угрюмого мизантропа превратился в свойского мужика с открытой, почти идиотской физиономией и панибратски хлопнул чиновника по плечу:

– Виталя! Да с кем там согласовывать? Видал я твое руководство, честно заявляю: впечатление просто незабываемое, до сих пор ночью кошмары снятся! Ты мне вот что скажи: как им с такими рожами жить не стыдно? Даже если трусы на голову надеть, все равно на люди не выйдешь – позор один! Нет, ты как хочешь, но лично я с ними общаться больше не намерен, и так едва до самой макушки не поседел!

– Простите, я никак не пойму, что у вас за род войск? – смог вклиниться в монолог Чапая чиновник.

Тот гордо хлопнул по музыкальному погону и угрожающе рявкнул:

– Ты что, сам не видишь, иуда пучеглазая? Я – полковник реактивной кавалерии!

– Да я не…

– Что ты там бормочешь, будто бородавки заговариваешь? Скажи-ка мне лучше, как собираешься оправдываться?

– Но в чем?! – изумленно выдохнул опешивший чиновник, вконец растерявшийся от бешеного темперамента Чапая.

– Дожили! – воскликнул диктатор, вздымая руки к небесам. – Я еще и объяснять тебе все должен? А может, еще и зад свой подставить? Ты давай, говори, не стесняйся. А! Вижу! Идея очень понравилась! С местной администрацией мне теперь все ясно! То-то намедни проезжал мимо вашей трижды протухшей управы и слышал, что там из окна доносится мелодия «Голубой луны»! Просто так подобную музыку нормальные люди не слушают!

– Да я…

– Молчи, выкормыш макаки! В этой ситуации попросту бесполезны всякие оправдания! Виталя, как ты можешь переступать порог этого гнезда

разврата! Скажи мне честно: много голубых в вашей администрации?

– Я не пойму…

– Что тут такого непонятного? Неужели мой вопрос настолько для тебя сложен? Или в вашу администрацию одних дебилов принимают, по специальной медицинской справке?

Взглянув на чиновника странным, ошеломленным взглядом, Чапай рявкнул:

– Или ты тоже в их числе?! То-то гляжу, рожа такая слащавая, что медом намазана! Стручок недопиленный, да как ты посмел явиться на мои честные глаза? Я сейчас с твоей задницей такое сотворю, что в администрации ты больше работать не сможешь – нечем будет стул просиживать!

Обернувшись на близкий рев двигателя, Чапай увидел, что на посадку заходит новый истребитель. Не поворачиваясь к чиновнику, он рявкнул:

– Брысь отсюда! И смотри у меня, Виталий Олегович, если не хочешь до конца жизни покупать в аптеке лекарства со скидкой, через сутки у меня должен быть полный список городских сатанистов и голубых. Без него мне на глаза больше не показывайся. В этой стране давно пора навести нормальный порядок. Массовые расстрелы начнем с вашего города.

Чиновника буквально сдуло, так с ним не разговаривали со времен армейской службы. Клещ покачал головой:

– Чапай, ты теряешь былую хватку! Раньше от тебя на своих ногах не уходили.

– Я сегодня что-то не в настроении, – буркнул диктатор. – Да и что с этими бургомистрами лясы точить? Помощи нам от них никакой, вреда тоже. Так, суета одна. Нет в стране порядка, все только и думают, как бы свою мошну потуже набить. При Сталине гораздо проще жить было: нам вежливо звонили, интересовались – нет ли где каких-нибудь проблем. Страна очень нуждалась в испытании своих новеньких атомных бомб, достаточно было показать точку на карте – и вскоре там поднимался радиоактивный гриб. В те времена было где разгуляться с размахом.

– Коммунисты тоже не подарок, – возразил Клещ. – Отмечались случаи попыток контакта с высшими демонами.

– Не одни они считают себя самыми хитрыми. Но коммунисты хоть пару раз в неделю думали о стране, а не только о своей любимой заднице, им позарез нужно было выиграть гонку у Запада. Хотели получить новые технологии и оружие любым путем, пусть даже заключив сделку с самим дьяволом. А сейчас всем на все наплевать, кроме кошелька. А его можно набивать вполне самостоятельно, без всякой помощи потусторонних сил.

Нам сейчас здесь полное раздолье – руководство страны идет на что угодно, лишь бы избежать излишних потрясений. Что ты, ведь волновать электорат нельзя ни в коем случае! Технология оболванивания народа доведена теперь до полного автоматизма, не стоит его пугать внешней угрозой. Нам везде зеленая улица: ребята, делайте что хотите, но только не вызывайте ужас у населения, да еще и накануне выборов. Просто противно!

Между тем прибывший истребитель остановился, подбежавшие техники приставили стремянки, пилот и пассажир спустились на землю. Грузная высокая женщина, оглядевшись, направилась к парочке руководителей. Те переглянулись, на немой вопрос Клеща Чапай отрицательно покачал головой. Подойдя, настоятельница встала в двух шагах, коротко произнесла:

– Привет!

– Привет! – кивнул Чапай. – Тебя что, персонально прислали за мной приглядывать?

– Вроде того. Магистры опасаются, что ты начнешь здесь швыряться атомными бомбами направо и налево.

– Хорошая идея! Правильно опасаются, я именно об этом только и мечтаю. Проблема исключительно в том, что для меня пока нет достойных целей – не будешь же стрелять из пушек по воробьям.

– Магистры боятся, что после атомного взрыва может сильно возмутиться мировая общественность.

– Вот этого можно не пугаться совершенно точно, – убежденно заявил Чапай. – Современная мировая общественность возмущается только по прямому приказу, да при этом ее еще надо кнутом подгонять и в зад пинками подталкивать. Будут сильно гавкать – все объясним падением метеорита, уверен, сейсмологи с радостью подтвердят эту версию после соответствующего намека. Не первый раз, выкрутимся как-нибудь.

– Чапай, лично мне безразличны все твои чудачества. Можешь швырять свои бомбы или засовывать их в чьи-то задницы, я и глазом не моргну. Все, что меня здесь интересует, – Алина Ветрова. Я пришла за своей воспитанницей. Как обстоят дела с ее поисками?

Василий Иванович кивнул Клещу. Тот поспешно заговорил:

– Мы предполагаем, что объект с гольца Раскидистый движется к определенной цели – это их обычная манера поведения. Наложив на карту все найденные метки практикантки, мы уже получили примерное направление. Точно его не установишь – идти строго по одной прямой в тайге попросту невозможно. Мы нашли всего четыре точки на протяжении

около пятнадцати километров. Будь это расстояние хотя бы в два раз больше, можно было бы определить траекторию довольно точно, а так мы получаем расширяющийся сектор в тридцать градусов – в него попадает большая часть опасного района. Даже в случае ясной погоды нам понадобятся сотни специальных вылетов поисковой авиатехники для его полного прочесывания, да и то без всякой гарантии на успех, еще и под угрозой обстрела с земли. Мы уже потеряли один вертолет, несколько других машин не раз пытались атаковать.

– А наземный поиск?

– Одна группа, усиленная спецназом, старается идти по следу. Дело там продвигается очень медленно – прошло много времени, погода дождливая, метки редкие, практикантке некогда было ставить их на каждом шагу. Сегодня с утра, с разрешения Чапая, забросил «Бешеных амазонок» на десяток километров в глубь опасного района. Те идут перпендикулярным маршрутом, стараясь пересечь поперек сектор предполагаемого прохода практикантки. Если они найдут ее след – мы получим искомую удаленную точку, она позволит гораздо точнее определить маршрут ее движения. Зона поиска сузится в десятки раз, мы найдем ее там очень быстро. В данный момент это попросту невозможно – если она все еще жива, то может находиться в любом месте на территории в десятки тысяч квадратных километров. Горы, тайга, сырые мари – там сам черт ногу сломит. А если вспомнить о том, что в этих краях сейчас хозяйничают дикие орды, – сразу выть хочется.

– Но мне кажется, лично вы не верите в гибель Ветровой? – с любопытством поинтересовалась настоятельница.

– В этой непростой жизни надо верить хоть во что-то, – невесело усмехнулся Клещ. – Лично я верю в то, что эта практикантка все еще жива. Кстати, у вас есть ее фотография?

– Да. Но, может, пройдем в помещение? Тут дождь начинает накрапывать.

Троица поспешно направилась к штабной палатке. Подойдя к небольшому столику, настоятельница разложила на нем тонкий ноутбук, быстро нашла нужный файл. На экране появилось немного испуганное девичье лицо. Темные волосы, стандартно постриженные на монастырский манер, правильный овал, серые взволнованные глаза, вздернутый носик и чувственные губы. Облик немного портили слишком резкие скулы, но все равно – девушка была весьма красивой. Чапай сокрушенно покачал головой, тихим голосом неразборчиво произнеся что-то про задницу, а Клещ охнул и заявил:

– Да она просто красотка! Честно говоря, я представлял эту практикантку несколько иначе. Что-то мощное, с квадратным лицом и огромными руками. Эдакий детеныш гориллы, идущий по следу, растопырив ноздри. Жаль, что фигуры здесь не видно!

– Не сомневайся, там все в полном порядке, – заверила его настоятельница. – Если кое-где добавить немного мяса, то Ветрова может спокойно выбирать карьеру фотомодели, успех будет гарантирован.

– Не представляю, чтобы такая красотка в одиночку бродила по тайге вот уже пятый день, – заявил Чапай. – Не хочу вас сильно огорчать, но готовьтесь к тому, что поисковая группа в любой момент сообщит нам о находке тела.

– Я вызвал сюда Графа, – коротко заявил Клещ.

Собеседники невольно притихли. Было отчего: к Графу в Ордене относились с суеверным уважением. Никто не знал его настоящего имени и деталей биографии. Даже примерный возраст являлся тайной за семью печатями. Некоторые шептались, что это и вовсе не человек, а какое-то бессмертное существо из нижних миров, каким-то чудом адаптировавшееся к земным условиям и помогающее организации в обмен на гарантию безопасности. Мало кто мог похвастать тем, что видел его своими глазами, но, по общему представлению, это был широкоплечий гигант двухметрового роста, даже в жаркий день кутающийся в черный плащ с низким капюшоном. Он являлся одним из сильнейших экстрасенсов современности, более того, его сверхъестественный талант был весьма многогранен. Этот загадочный человек отличался довольно тяжелым характером и наплевательски относился к строгой дисциплине Ордена. Приказывать ему было совершенно бесполезно, а кроме того, таких смельчаков давно уже не находилось: Граф слыл большим оригиналом и мог очень некрасиво пошутить над нежелательным собеседником.

– Ты ему приказал? – удивленно спросил Чапай.

– Вы же знаете, ему так просто не прикажешь. Я элементарно поговорил с ним по телефону, обрисовал сложившуюся здесь ситуацию, спросил, не может ли он помочь нам с поисками практикантки. Он сказал, что попробует, но для этого должен быть поближе к месту событий. В общем, скоро Граф будет здесь.

– Здесь? – хором выдохнули Чапай и настоятельница.

– Да! Честно говоря, я удивлен, что его еще нет.

В этот миг занавесь на входе быстро качнулась, внутрь вошел маленький нескладный человечек явно семитской внешности. Наиболее примечательной его чертой были оттопыренные уши, на которые опиралась

спортивная кепка. Оглядев всю троицу брезгливым взглядом маленьких темных глаз, он с характерным одесским акцентом ехидно поинтересовался:

– Это кто это тут у вас так удивлен моим долгим отсутствием? Молчите все! Я сейчас сам скажу! – резко выкрикнул он и, зажмурив глаза, строго указал пальцем на опешившего Клеща: – Ты! Я знаю! Молчи! Ничего не говори! Я все вижу сам!

Закатив глаза, он задрал лицо к потолку и на одном дыхании монотонно произнес:

– До шести лет ты часто мочился в постель, в одиннадцать украл из кошелька отца четыре рубля с мелочью. Вижу, вижу, как своими глазами – ты заглядываешь под юбку двоюродной тетке, твои губы пересохли, дыхание тяжелое, ты… Все, больше ничего не вижу! Но берегись – не пройдет и месяца, как ты непременно подцепишь триппер!

Повернувшись к насторожившемуся Чапаю, он просверлил его рентгеновским взглядом и сокрушенно покачал головой:

– Я таки дико извиняюсь, но какой идиот допустил к руководству операцией столь законченного антисемита?

Чапай с удивлением почувствовал в себе сильнейшие позывы к покаянию и едва не попросил прощения за свои националистические воззрения, с трудом удержавшись в последний момент, сопротивляясь настойчивому давлению экстрасенса. Тот мрачно добавил:

– А ваши люди-таки дико невоспитанные! Пока я сюда шел, меня окликали целых два раза, причем очень грубо. Но ничего, у них теперь будет очень много свободного времени, чтобы подумать о своем поведении в приятной обстановке.

– Что вы с ними сделали? – охнул Клещ.

– Ничего. Я ведь тихий и незлой человек, все вокруг хорошо знают – Граф и мухи не обидит. У этих молодых ребят были такие кислые физиономии, что я таки подумал, что они все страдают от жестокого запора. Пожалев несчастных, я благородно совершил акт милосердия – сменил его на затяжной неудержимый понос. Когда я их видел последний раз, они куда-то торопились.

Настоятельница усмехнулась, а экстрасенс, подскочив к ней, галантно поцеловал огромную ладонь и вежливо поинтересовался:

– Мадам, вы не заняты сегодня вечером?

– Увы, вся в работе!

– Вот так всегда! Чувство долга превыше личного счастья!

– Вы найдете мою девочку в этой проклятой тайге?

– Мадам! – охнул Граф. – Вы посмотрите на меня внимательно, а потом выйдите из палатки и гляньте на эту ужасную тайгу! Разве можно представить нас вместе? Нет, я ни за что не стану искать вашу девочку, но могу попробовать помочь в меру своих скудных возможностей.

– Что вам для этого надо? – поинтересовался Клещ.

– Какой-нибудь ее личный предмет.

Куратор склонился, покопался в картонном ящике, стоящим под складным столиком, вытащил пустую обойму от карабина:

– Вот это подойдет?

– Господи! Куда же катится мир?! Неужели от молоденькой девушки не осталось ничего, кроме этой дурацкой, явно смертоубийственной железки?

– Есть еще несколько отстрелянных гильз от карабина и одно кольцо от гранаты, – застенчиво предложил Клещ.

– О боже! Вы бы мне еще противотанковый снаряд предложили для сеанса ясновидения! Как можно работать в таких нечеловеческих условиях, да еще и под сверлящим взглядом махрового антисемита! Какая чума заставила меня сесть в этот ужасный самолет! Нет ли у вас нежно надушенного носового платка, или хотя бы грязного белья, на худой конец?

– Вы имеете в виду ее белье? – тупо уточнил вконец растерявшийся Клещ.

– Нет! Ваше! – брызгая слюной, взорвался экстрасенс. – Я, знаете ли, всю жизнь страдаю от позорного фетишизма, особенно неудержимо меня привлекают грязные солдафонские трусы недельной носки!

Настоятельница улыбнулась, а Чапай сделал почти одухотворенное, задумчивое лицо, явно запоминая понравившуюся фразу. Граф резко плюхнулся на стул, сжал в ладони обойму от карабина, нервно потер ее пальцами другой руки, закатил глаза. Несколько мгновений в палатке царила полная тишина, как вдруг из уст его полились лихорадочные фразы:

– Вижу! Вижу пустую пирамиду, очень большую… Нет! Нет! Там внутри есть люди, они умирают! Вокруг лед – это все происходит в Антарктиде! Голые люди крепко обнимаются на берегу большого озера… Нет! Все только что сказанное – ложная информация, это был просто просмотренный ею фильм! Красивая девушка сидит в кресле и смотрит красивый эротический фильм. Она… она рада, что у нее сейчас новая прическа, но чего-то боится… Чего… Чего… Понял! Она очень боится, что мобильный телефон так и не зазвонит!.. Патроны легко входят в обойму, работает только одна рука, вторая искалечена, она помогает стальной клешней…

Троица слушателей недоуменно переглянулась. Клещ шепнул:

– Надо слушать все! Авось и выплывет что-то важное!

Между тем экстрасенс продолжал нести полный бред:

– Из вертолета выходит крупная женщина в черном боевом скафандре. В руке она несет большую бутылку самодельного лимонада… Жажда! Очень сильная жажда! Хочется напиться прямо из лужи, но нельзя! Ей нельзя болеть, иначе невозможно будет продолжать преследование!.. Быстрая река, в ней живет огромная рыба… Да она просто гигантская! Рыба нападает, сильно бьет большим красным хвостом… Очень жаль свой прибор ночного видения, девушка к нему давно привыкла. Ремни у него хорошо подогнаны, кое-где приклеены тонкие полоски кожи и мягкой резины… Вижу маленькую избушку. Там… там за дверью враг… страшный враг. Но она должна… Что должна?.. Надо продолжать преследование!.. Скоро за ней придет поисковый вертолет, он просто обязан прийти еще до вечера… Болото… Грязное болото. Враг путает свои следы, он тоже боится… Нужна помощь… Холодно, очень холодно… вся одежда на девушке вымокла, не осталось ни одной сухой нитки… Хочется заплакать… Правый ботинок не выдержал, расползается двойной шов… Сколько же можно еще идти!.. Постойте! Вижу! Есть конец этому пути!!! Есть!!! Там рядом яма в земле! Она почти засыпана, и возле нее лежит ржавый лом… Огонь! Море огня! Самолеты! Снова огонь!.. Ничего больше нет! Все сгорело, вокруг только невесомый пепел и пыль, ноги утопают в них по щиколотку. Смерть! Все уничтожено! Но яма осталась!!! Она почти полностью засыпана пеплом, но там все же есть жизнь!.. Камень!.. Там был камень!!! Он пришел за ним!!! О Господи, я не вижу!!! Где же мои глаза?! Нож!.. Нож пробивает боевой скафандр, как бумагу!.. Нет! Практикантка!.. Нет!!! Не надо!!!

Откинувшись на спинку стула, Граф резко отбросил обойму, потер ладонями слезящиеся глаза. Потряся головой, он угрюмо заявил:

– Плохо! Информации совсем мало.

– А поконкретнее нельзя? – поинтересовался Клещ. – Кроме ерунды, мы пока ничего так и не услышали.

– Ерунды? – подскочил экстрасенс, бешено вращая разъяренными глазами.

– Успокойтесь! – попросила настоятельница. – Ваши слова действительно были очень необычны, мы почти ничего из них не поняли. Господин Клещ просто до глубины души потрясен невероятной фразой о том, как нож легко пробивает боевой скафандр. Он, знаете ли, сделан из прочнейшего псевдохитина, его не всякая пуля поцарапать сможет.

– Ничего не могу с этим поделать, – неприязненно произнес Граф. – Я

видел это совершенно отчетливо. Нож небольшой, лезвие длиной примерно с ладонь. Рукоятка самодельная, набрана из кожаных кружков. Она увесистая и хорошо сидит в ладони, не скользит и не морозит пальцы. Резкий удар снизу, броня поддается, сталь входит в живую плоть. Я даже почувствовал, как от страшной нагрузки ломается кость девичьей руки. Очень неприятное ощущение, но скажу вам как есть – это событие еще не произошло. Оно может возникнуть в будущем, а может и не реализоваться никогда.

– По описанию это очень похоже на личный нож Ветровой, но как все это с ней увязывается? – спросила настоятельница.

– Сам не знаю. Но точно скажу: все это касается человека, долго контактировавшего с этой обоймой.

– Ее держали в руках несколько спецназовцев и я, – отозвался Клещ.

– Вот поэтому я и говорю, что носовой платок или белье гораздо предпочтительнее, подобные вещи лучше сохраняют след ауры владельца.

– Но вы можете хотя бы приблизительно нам сказать, жива ли Ветрова сейчас? – спросила настоятельница.

– Да, я практически уверен в этом на сто процентов, – заявил Граф. – Девушка провела эту ночь в маленькой охотничьей избушке – это совершенно точно. Кроме того, по-видимому, сегодня же она едва не утонула в болоте. И третий достоверный факт – возле цели ее пути находится старая, почти засыпанная яма, рядом с ней на куче светлых камней лежит ржавый шестигранный лом. Видение будущего довольно затруднено и неоднозначно, но мне показалось, что эта местность подвергнется страшной бомбардировке, там сгорит все, возникнет огромная пустошь, засыпанная пылью и пеплом.

– Алина при этом погибнет? – вновь спросила настоятельница.

– Да, там не выжить никому, – уверенно ответил экстрасенс, но поспешил добавить: – Однако могут быть разные варианты, ведь будущее не определено окончательно до самой встречи с настоящим.

– Что-то еще? – впервые произнес Чапай.

– Да. То место, куда направляется эта ваша практикантка, – оно очень важное. Конец пути – это ключ к решению всех ваших проблем. И еще, мне показалось, что она каким-то образом вчера подала вам сигнал о помощи, только я не понял подробностей и способа. Кроме того, в голове все время вертится нечеловеческий, ужасающий голос, он говорит что-то про камень, который их непременно спасет. Больше ничего не могу сказать – остались какие-то раздерганные обрывки.

– А все-таки? – насторожился Клещ.

– Вижу огромный рыбий хвост красноватого цвета, взметающийся из воды, маленькие кедровые шишки с пустыми орехами, какие-то бесконечные алюминиевые провода, лежащие прямо на земле, рыболовный крючок, сделанный из шприца. В общем, полный бред!

– Ну не скажите! – Чапай покачал головой. – Если верить вашей информации, то конечная цель пути преследуемого демона располагается в местности, где велись геологоразведочные или гарнодобывающие работы. Клещ, мы сможем вытащить из этого хоть что-нибудь полезное?

– Вряд ли, – угрюмо ответил помрачневший куратор. – Судите сами. Южная Якутия очень богата полезными ископаемыми: золото, платина, уран, слюда, драгоценные камни и апатит. Все это добывалось и разведывалось десятилетиями, кое-где работы продолжаются и сейчас. Первые шурфы тут начали бить еще в девятнадцатом веке. В те годы сюда на летний сезон добирались вездесущие китайцы, мыли по ручьям золотой песок. Никаких карт разработок тех времен не осталось, их попросту не было, но тут не найдешь ни одного ключа, чтоб не встретить следов добычи или разведки. В Нимгере своя большая геологическая база, на золоторудном комбинате есть разведочный отряд, в свое время здесь неплохо поработала Приленская экспедиция – искали уран. Ее материалы до сих пор засекречены. А еще были слюдянщики и вездесущие старательские разведчики, которым правила не писаны. Нет, нам этот шурф с каким-то ржавым ломом на отвале не найти и за десять лет, тут даже думать нечего. Нужны какие-нибудь дополнительные приметы или подробности.

– А болото? – спросила настоятельница.

– Дохлый номер, – разочарованно вздохнул Клещ. – Здесь они просто повсюду. Хорошо бы только внизу, так нет – самые приличные мари спокойно тянутся поверху. Множество местных ручьев вытекают именно из них. Даже если приказать пилотам приглядываться ко всем болотам – ничего путного из этого все равно не выйдет. Практикантка не будет там барахтаться весь день, она давно ушла в тайгу, а след человека с воздуха не различить.

– Но есть же специальная аппаратура, – сказал Чапай. – Она легко позволяет обнаружить человека с воздуха.

– У нас всего один подобный комплект, – заявил Клещ. – Ждем второй, но особой надежды на них у меня нет. Радиус действия инфракрасной поисковой аппаратуры очень невелик, кроме того, для уверенной работы прибора надо, чтобы вертолет передвигался помедленнее, на небольшой высоте. Его моментально собьют, вы же сами понимаете, над тем районом

надо летать метеоритами, да еще и курс ломать по десять раз на километр.

– А что за сигнал могла подать ваша воспитанница? – спросил Клещ.

– Сама над этим сейчас размышляю, – ответила Мюллер. – Ясно, что не сигнальный костер, это что-то более надежное или хитрое. Может, лесной пожар устроила?

– Нет, – уверенно произнес Клещ. – Июнь месяц, все сырое, из огнемета не поджечь. В горах даже снег не везде сошел, до пожаров еще не меньше месяца, при условии, если не затянутся дожди, а по прогнозу все к тому идет.

– Тогда не знаю, – задумчиво произнесла настоятельница.

В этот самый момент Махров находился всего лишь в километре от штабной палатки. Инженер связи в очередной раз терзал диск старенького телефона, пытаясь дозвониться по резервному номеру, на мобильный телефон настоятельницы. Выслушав неутешительный ответ автомата, он повесил трубку, решив попробовать дозвониться с утра. Про первый номер Сергей даже не вспоминал: там ясно сказали, что Панарин Игорь Владимирович вряд ли появится на работе в ближайшие дни.

Лина медленно миновала возвышенное подножие склона одинокого гольца, лишь пару раз выйдя на голые каменистые осыпи. Большая часть ее пути проходила в густых зарослях кедрового стланика. Холод достал до самых костей, мокрая одежда не только не грела, скорее наоборот– высасывала последнее тепло из тела. В ботинках сочно чавкала стекающая вода, выдавливаясь через верх и щели. Девушка радовалась, что не стала надевать плащи они бы не слишком здесь помогли. Тонкая пленка давно бы изорвалась о ветки, а так она в потемках на привале сможет из них соорудить маленький навес и попытаться укрыться от этого нудного непрекращающегося дождя, перемежающегося с мокрым снегом.

По пути она нарвала пару десятков стланиковых прошлогодних шишек – они в изобилии висели по кустам. Но вылущивать орехи было некогда, передвижение здесь требовало немалых усилий, то и дело приходилось помогать себе руками. Уткнувшись в особо мощные, монолитные заросли кедровника, она попыталась в самом трудном месте перелезть через него по стволам. Дело пошло хорошо, но вскоре она увидела, что до земли уже около двух метров. Практикантка поняла, что последние минуты передвигалась как Тарзан в своих джунглях. С трудом спустившись назад на землю, она продолжила двигаться по ней, не рискуя больше делать такие опасные трюки.

Врагу здесь тоже приходилось очень несладко. В некоторых местах он

не выдерживал, давал волю своей ярости, сметая переплетенные ветви и рубя толстые стланиковые стволы. По таким просекам идти было довольно удобно и очень приятно, ведь на эту расчистку противник терял немало своих сил. К сожалению, он не часто баловал свою настырную преследовательницу, большую часть времени приходилась карабкаться буквально по метру. Вряд ли она делала здесь даже километр в час. С такими темпами продвижения уже опустилась ночь, а практикантка все еще находилась на виду гольца.

Идти по густым зарослям в потемках было практически невозможно. А сегодня из-за низкой облачности действительно наступила почти полная тьма, ничуть не похожая на обычную в эту пору белую ночь. Тут и днем не очень-то сладко, а сейчас и того хуже – быстро сломаешь ногу или оставишь глаз на сухой ветке. Но и прекращение движения грозило большой бедой. К ночи похолодало еще сильнее, снег срывался все чаще и чаще. Учитывая вымокшую одежду, можно не сомневаться в скорой смерти от неминуемой гипотермии. Спасти девушку мог только хороший костер, но развести его в этом царстве сырости под непрерывным дождем было нелегко.

Лина вытащила свой верный нож с удобной самодельной рукояткой, набранной из кружков темной замши. Он приятно лег в ладонь, не холодя пальцы и не скользя по мокрой коже ладони. Срезав несколько кусков тонкой стланиковой коры, она разложила их на земле, прикрыла плащом, чтобы не намокли раньше времени. С трудом отломив толстую сухую ветвь, принялась нарезать с нее тонкую стружку. Она знала, что, как ни силен дождь, внутрь древесины влага никогда не попадает. Достаточно убрать наружный промокший слой и можно спокойно настрогать сухих полосок – самого лучшего средства для растопки.

Нарезав щепок и тонкой стружки, Лина разложила их на пласт коры, прикрыла плащом. Тело, лишенное энергичного движения, заколенело вконец, девушку непрерывно сотрясала крупная дрожь, иногда непроизвольно звенели зубы. Держась на одной силе воли, чтобы не улечься на землю, свернувшись калачиком, она продолжала подготавливать более толстые дрова. Под конец, подтащив сюда все доступные сухие стволы стланика, что были в округе, она принялась добывать огонь.

Руки ее были мокрые, вытереть их было совершенно нечем. Кое-как стряхнув с них влагу, Лина достала из кармашка жилета полиэтиленовый сверток с припасенными сухими полосками бересты. Взяла из него около половины растопки, оставив остальную кору на черный день. При этом невесело улыбнулась – по ее мнению, хуже сегодняшней ночи быть ничего

не может. На всякий случай она вскрыла сразу два пистолетных патрона, опасаясь того, что порох все равно подмокнет, несмотря на все ее предосторожности. Собрав всю волю в кулак, на миг поборола дрожь и четким ударом разбила капсюль. Вспыхнувший двойной заряд мощного кордита едва не сжег ей ресницы, но результат был превосходным: жадно занялась сухая береста, за ней огонь перекинулся на тонкие стружки.

Подкармливая разгорающееся пламя крошечными порциями растопки, Лина обложила его более толстыми обструганными ветками. Ладони, почувствовав приятный жар, послали импульс всему телу, немедленно заныли промороженные, натруженные суставы, настойчиво требуя своей доли тепла. Минут через пять девушка окончательно убедилась, что мелкий нудный дождь уже не сможет задавить разгоревшееся пламя, отодвинулась в сторону, перестав прикрывать его сверху курткой. Подбросив в костер все остатки мелких и струганных дров, она расстелила рядом на ветвях стланика один плащ, другой положила под ним, на мягкую подушку ягеля. Сняла брюки, вместе с курткой развесила их возле огня, рядом, на высокий камень поставила ботинки. Может дождь стихнет окончательно и все это хоть немного подсохнет.

Присев возле костра, она подбросила в него щедрую порцию отсыревших мертвых веток. Поначалу от них не будет никакого толку – один дым, но, едва пламя доберется до сердцевины, здесь сразу станет веселее. Сняв футболку, Лина тоже повесила ее возле самого огня, воткнув для этого пару веток. Следя, чтобы жар не повредил одежду, она разобрала карабин, почистила все детали обрывком бинта, другим куском, смоченным смазкой из крошечной масленки в пенале приклада, протерла их заново, придирчиво оглядывая, не появилась ли где ржавчина. Вытащив шомпол, тщательно отдраила ствол. Осмотрела патроны, надеясь, что защитная водоотталкивающая пленка не подвела и они не вымокли от таких передряг. Ей бы очень не хотелось остаться без оружия. Повторив те же процедуры с пистолетами, она закончила возню со своим арсеналом. Проверила гранаты и сигнальные ракеты, осталась довольна их состоянием. Для поисковиков специально подготавливали боеприпасы, защищенные от влаги, сейчас эта предусмотрительность технических служб Ордена принесла свои плоды.

Разложив вокруг костра собранные стланиковые шишки, она оставила их сохнуть до рассвета. Как ни велик голод, ночью Лина их есть не станет, слишком это долгое занятие. Завтра обязательно выдастся удобный участок пути, где можно будет спокойно воспользоваться этой калорийной пищей бурундуков, раскусывая маленькие орехи на ходу. Сейчас ей надо

попытаться отдохнуть, заснуть хоть бы ненадолго. Девушка не боялась, что враг подкрадется к ней незамеченным: в этих непролазных дебрях такое просто невозможно представить. Кроме того, она очень хорошо запомнила после ночевки в избушке, что при его приближении чувство присутствия противника становится просто всеобъемлющим, оно не даст ей спать, обязательно разбудит.

Положив в костер три толстых стланиковых ствола, девушка приготовила оставшиеся дрова, собрав их в одну кучу, под рукой. Присела на пленочный плащ, подобрав ноги под себя. Лицо и грудь приятно обволакивало потоком тепла, но обнаженная спина продолжала противно мерзнуть. Поняв, что сидеть с комфортом здесь не получится, Лина встала, убрала плащ, сняла мох с каменной почвы, палкой сделала в ней неглубокую ямку, щедро нагребла туда раскаленных углей от костра. Присыпала пылающее углубление землей, вернула ягель на место, вновь застелила пленку.

Первое время сидеть на этой кочке было не лучше прежнего, но постепенно тепло начало просачиваться наружу, приятно грея поджатые пятки и копчик. Подкинув в костер еще парочку крупных веток, Лина подвинула прогоревшие стволы, села поудобнее, закрыла глаза. Спать хотелось настолько сильно, что она, пожалуй, смогла бы уснуть сейчас даже стоя на голове. Ей не помешало даже ощущение влажного холода на голой спине.

Вскоре дождь стих совершенно, перестав постукивать по плащу над головой. Еще через пару минут с неба посыпались совершенно сухие хлопья снега. Но этого практикантка уже не видела – сидя перед костром, она крепко спала, чуть наклонившись вперед. Когда пламя стихало, девушка отводила в сторону руку, нащупывала кучу дров, схватив несколько веток, подбрасывала в огонь, придавая ему новую силу.

При этом Лина даже не просыпалась.

Глава 4

Разведывательный самолет шел на высоте около четырех километров, он совершал очередной заход на центральную часть района множественного пробоя. Время уже приближалось к полуночи, но для его аппаратуры тьма не являлась большой помехой, скорее наоборот. Камеры получали показания в инфракрасном диапазоне, для них тьма и холод являлись надежными союзниками. Остывшие камни и почва практически не излучали электромагнитные волны в тепловом диапазоне спектра, таким образом, снижался общий уровень помех, что повышало качество получаемых фотографий.

Отснятые пленки после приземления передавались в полевую лабораторию, там с них быстро печатали снимки; еще влажные, сразу после проявки, они ложились на столы десятков специалистов, занимающихся их интерпретацией. Быстро просмотрев фотографию, ее обычно отправляли в большой картонный ящик, служащий импровизированной урной. Но в том случае, если на ней обнаруживалось хоть микроскопическое пятнышко ярко выраженной тепловой аномалии, кадр немедленно увеличивали, его отдавали на рассмотрение одного из пяти специальных сотрудников аналитического отдела. Именно они давали окончательное заключение – что представляет собой этот источник инфракрасного излучения. В основном под прицелы камер попадали крупные копытные животные или медведи, но иногда случалась и более знатная добыча.

Если в кадр попадал ракшас, немедленно поднимались для изучения снимки со второй камеры. Она была настроена таким хитрым образом, что проводила съемку тех же участков с запозданием в несколько секунд. При этом, разумеется, немножко менялся ракурс, но это шло только на пользу делу, еще точнее идентифицируя подозрительный объект. Если за время между получением двух фотографий демон успевал поменять местонахождение, сместившись хотя бы на несколько метров, определялось направление его перемещения, крошечные стрелки выносились на обзорную карту района. Их было пока что очень мало, менее десятка, и указывали они в разные стороны. Низшие демоны сильно не любили двигаться по одной прямой, их курс к цели был весьма извилистым. Для точного определения главной линии движения орды – необходимо было набрать весомую статистику как минимум из нескольких десятков хорошо

выраженных единичных векторов, поэтому разведывательные самолеты работали день и ночь, собирая по крупицам необходимую аналитикам информацию.

Орден собрал здесь довольно приличные силы, но их пока не хватало для полного оцепления опасного района. Поэтому необходимо было как можно скорее выяснить замыслы агрессоров, поставив на их пути прочный заслон смертоносного спецназа и боевых групп, о который разобьется нашествие. На остановившихся демонов обрушится смертоносная штурмовая авиация, налетят боевые вертолеты, с закрытых позиций ударят крупнокалиберные минометы, ставя заградительные полосы из мелкодисперсного серебра и различных его соединений. Избиваемую орду это не остановит, но продвижение существенно замедлит. А вот здесь и сыграет свою решительную роль превосходство людей в технике и хорошее снабжение. В отличие от противника, у них не будет недостатка в боеприпасах и живой силе. Демоны, действуя на чужой, враждебной для них территории, не приспособленной для поддержки их жизнедеятельности, неизбежно проиграют эту битву.

Разведчик в небе был не одинок. Помимо его радиоэлектронного собрата, занимавшегося прослушиванием эфира в поисках передатчика пропавшей практикантки, чуть повыше облачного слоя скользили четыре самолета, распылявшие специальные химические реагенты, способные растворить в воздухе целые тучи сконденсированного пара. Действуя по наводке метеорологов, они дружно работали в одном направлении. К утру ветер отнесет уцелевшие облака, над приличной частью района боевых действий установится относительно ясная погода. Полностью очистить небеса было попросту невозможно – на это не хватит химикатов, да и тучи наползут вновь, из-за горизонта к ним постоянно поступает подкрепление. Но по крайней мере боевая авиация сможет работать в этих условиях с большим успехом.

Самолет закончил очередной заход, завалился на крыло, поворачивая на следующий. При этом он неловко клюнул носом, проваливаясь в воздушную яму. Кабина немного наклонилась к земле, это позволило пилоту заметить, как из просвета почти растворившегося облака на него несется ярко-оранжевый шар. Военный летчик не растерялся. Уже не думая о выходе на новый курс, бросил машину еще ниже, пытаясь совершить противоракетный маневр.

Он не успел совсем немного, странный снаряд разорвался всего в десяти метрах от кабины – глаза летчика ослепила жестокая вспышка, тело свело страшной судорогой. Конвульсии были настолько сильны, что не

выдержало несколько сухожилий, а в мышцах порвалось множество волокон. Крича от нестерпимой боли, ослепший пилот бросил штурвал, без сознания повис на привязных ремнях – самолет камнем несся к земле, медленно поворачиваясь по часовой стрелке. Остальные члены экипажа ничего изменить не могли, они тоже пострадали от этого необычного взрыва. Набрав огромную скорость, неуправляемая машина рухнула на склон узкого распадка, превратившись в груду пылающих обломков. Удар был столь силен, что некоторые куски обшивки унесло почти за километр от места падения.

Вся катастрофа произошла на виду у самолета электронной разведки. Чапай оперативно отреагировал на это происшествие в своей обычной манере – в ущелье, откуда вылетел оранжевый снаряд, была сброшена огромная авиабомба. Парогазовая смесь заполнила узкий каньон почти доверху, после ее выгорания сила чудовищного взрыва смела со склонов всю растительность, вышвырнув в устье ручья целый завал из обломков деревьев и камней.

При этом погибло три ракшаса, еще четверо, вовремя успевшие выбраться на водораздел, уцелели, хоть потрепало их изрядно. Перепуганно повизгивая, они постояли у опрокинутой триангуляционной вышки, глядя на клубы дыма, выползающие из перепаханного ущелья, но долго рассиживаться не стали, повернув в сторону нового распадка, продолжили движение к своей далекой цели. По пути низшие демоны рыскали из стороны в сторону, напрягая все свои органы чувств. Они проголодались и жадно искали свежую пищу.

Лина стояла в широком коридоре, освещаемом редкими лампами дневного света. Впереди, метрах в десяти, пол отсутствовал, там темнела широкая бетонная яма, дно ее тонуло во мраке. До противоположного края было около десяти метров, оттуда на манер крепостного мостика выступала узкая бетонная плита. Только раз на нее взглянув, девушка отчетливо поняла – ее будут заставлять прыгать.

Глядя на вытянувшееся лицо воспитанницы, инструктор заявила:

– Ветрова, мне так кажется, ты поняла, что от тебя сейчас требуется?

– Так точно!

– Ты сможешь перепрыгнуть через эту преграду?

– Никак нет! Это невозможно!

– Ветрова! В Монастыре не принято употреблять слово «невозможно»! У нас попросту нет такого понятия! Ты проучилась здесь вот уже пять лет – пора сдать и этот экзамен, доказать, что достойна перевода на старший

курс. Вижу на твоем лице следы мучительных раздумий – ты явно считаешь, что совершить подобный прыжок не сможет никто. Верно?

– Так точно!

– Вот что я тебе скажу – многие старшие воспитанницы в свое время это проделали. Говорят, что Нельма вообще прыгнула без всякого разбега. Ты проучилась уже пять лет и если хочешь стать старшей воспитанницей, то должна прыгнуть. Страшно?

– Так точно!

– Здесь всем страшно! Знай, яма очень глубока, дно засыпано песком, но это тебе не слишком поможет – он там только для того, чтобы впитывать кровь. Мягкой посадки не будет. При падении одними ушибами тут не обойдешься, это я тебе точно гарантирую, даже не сомневайся. Хорошо, если отделаешься только сломанными ногами. Тут частенько ломают спины, а кое-кто и шеи. Сама понимаешь, процент смертей при таких травмах довольно велик. Но тебя не зря учили столько лет, переведя вдобавок кучу экологически чистых продуктов. Ты сможешь это сделать, поняла?!

– Так точно!

– И не думай, что это не в человеческих силах, – ты просто сама не представляешь, на что способна в случае крайней необходимости. В Южной Африке пожилой, нетренированный мужчина с избыточным весом, спасаясь от разъяренного хищника, перепрыгнул через семиметровую канаву. В Германии простая домохозяйка в одиночку перевернула автомобиль, придавивший ее ребенка. Я могу перечислить тебе еще множество подобных случаев, свидетельствующих только об одном – мы не знаем пределов собственных возможностей. В стрессовые моменты человек иногда способен совершить невероятное. Тебя не зря учили столько времени, теперь попробуй мне доказать, что усвоила хоть что-то за эти годы. У тебя есть два выхода: первый – просто отказаться от этого испытания. Тогда ты немедленно покинешь наш Монастырь, но, немного повзрослев, через год-два сможешь стать полноправным членом Ордена. С такими хорошими навыками тебе будут рады почти в любом отделе. Отказываешься?

– Никак нет!

– Да ты, я смотрю, совсем глупа! Ведь в таком случае придется прыгать. Учти, если упадешь и останешься при этом в живых – экзамен все равно не засчитают. Получив сильные травмы, ты будешь вынуждена покинуть Монастырь. Поняла?

– Так точно! Я очень хочу стать старшей воспитанницей!

– Тогда вперед, я тебя долго ждать не буду!

Инструктор невозмутимо отошла к стене, освобождая коридор и делая приглашающий жест. Она до сих пор не могла понять, почему этой хрупкой девчонке досталось самое суровое испытание. Остальным назначили вполне стандартный экзамен, прыжок через Пропасть не выпал больше никому. Немудрено – преодолеть ее практически невозможно, за последние полвека это удалось всего одной воспитаннице – легендарной Нельме. Здесь, в таких условиях, даже прославленный чемпион мира по прыжкам вряд ли сможет проявить свои таланты.

Женщина нисколько не переживала о том, что воспитанница упадет, она пугала ее травмами, просто следуя жестокому ритуалу. На затемненном дне ямы была надежно натянута упругая страховочная сеть, девчонке не грозили даже ушибы. Смысл экзамена был вовсе не в том, чтобы преодолеть препятствие, наоборот, никто не ждал от юных девушек такой невероятной прыти. Они должны были попросту продемонстрировать психологическую готовность совершить невозможное ради того, чтобы остаться в Монастыре. Для этого надо было преодолеть свой панический страх перед травмами и гибелью.

Испытание было крайне жестоким, практически все от него отказывались. Таких воспитанниц почти всегда отчисляли, несмотря на то что к Пропасти подпускали только лучших из лучших. Инструктор сама не понимала, к чему такой досадный расход ценного материала. Правда, те немногие, кто соглашался на этот жуткий экзамен, впоследствии, как правило, не терялись в толпе выпускниц – слава о них рано или поздно начинала греметь по всему Ордену.

Женщина посмотрела на воспитанницу, нахмурилась. Сомнительно, что эта Ветрова прославится какими-либо невероятными подвигами. В облике девчонки совершенно не было ничего боевого. Мягкое симпатичное лицо, хрупкая изящная фигурка, слишком тонкие руки, довольно небольшой рост. Нет, из таких куколок героинь не получается, не тот типаж! Вон как она судорожно дрожит перед стартом. Инструктор поняла, что сейчас девушка не выдержит, откажется от испытания, и понимающе улыбнулась. В этот момент воспитанница рванулась к Пропасти.

Она ничего не знала про защитную сеть, более того, девушка сейчас даже не вспоминала о страшной бетонной яме. Перед стремительным стартом Лина непрерывно думала только об одном – Нельма смогла совершить такой сумасшедший прыжок, а раз так, то и ей обязательно придется это повторить. Ведь в противном случае все последние годы прожиты попросту зря. К чему вся эта мучительная учеба, больше похожая

на тюремное заключение, если в итоге ты так и не попадешь в когорту лучших воспитанниц? Раз это смог проделать старый толстяк, убегающий ото льва, то ей попросту стыдно быть хоть чем-то хуже него. Нет, она никогда не опозорится перед прославленной Нельмой, рано или поздно, но ее фотография обязательно появится на стене административного корпуса, иначе не стоит и жить!

В несколько шагов набрав разбег, она оттолкнулась от края ямы с такой силой, что едва не порвала мышцы на толчковой ноге. Время остановилось, казалось, кошмарный полет продолжается целую вечность. Ударив ступней о самую кромку выступающей бетонной плиты, Лина напрягла бедро, выталкивая тело вперед, подальше от темнеющей за спиной пропасти. Не удержав в узде импульс разогнавшегося тела, она не стала ему противиться, согнулась, завалилась на плечо, дважды перекувыркнулась через него, прежде чем вскочить на ноги. Растерянно выпрямилась, судорожно хватая воздух, все еще не веря, что у нее получилось преодолеть эту преграду.

Инструктор с трудом вернула на место отвисшую челюсть, невольно лязгнув зубами. Она поняла, что теперь надолго станет местной знаменитостью, собственными глазами увидевшей невозможное – впервые после легендарной Нельмы нашлась воспитанница, сумевшая преодолеть Пропасть. Суетливым движением вытащив мобильный телефон, она нажала единицу, удержала ее пару секунд.

– Ну как, Ветрова согласилась на испытание Пропастью? – донесся из трубки спокойный голос настоятельницы.

– Даже хуже! – потрясенно произнесла женщина. – У нее это только что получилось! Я до сих пор не могу поверить в случившееся, но она преодолела Пропасть!

– Даже так?! Интересные дела! Ну что же, придерись там к чему-нибудь и направь ее драить унитазы. Пусть не сильно задается.

Лина проснулась в предрассветных сумерках от сильного холода. Открыв глаза, она увидела, что все вокруг покрыто снегом, за ночь его выпало на горе сантиметров пять. Костер почти полностью прогорел, дымил низкой кучей угля. Дров больше не было, девушка этому сильно удивилась, она совершенно не помнила, как бросала их в огонь.

Морщась от боли в затекших суставах, Лина сорвала несколько пушистых веток стланика, стряхнула с них снег, бросила в костер, быстро раздула горячие угли. Смолистая хвоя весело затрещала, девушка поспешила подбросить еще одну охапку, надеясь согреться хоть немного, а

главное – прогнать холод из развешанной одежды. Надевать ледяные тряпки на голое тело было бы сущей мукой. Кашляя от едкого дыма, практикантка крутилась перед огнем, ловя тепло и следя, чтобы высокое пламя не повредило вещи. Помахав над ним почти сухой футболкой, она быстро натянула ее, не давая тонкой материи остыть.

Камуфляж не высох, но по крайней мере вода с него уже не лилась. Хуже обстояло дело с обувью – ботинки насквозь пропитались влагой, казалось, что они стали весить в два раза больше. Подсохшие носки не слишком улучшили эту печальную ситуацию, а нормального мха сейчас нигде не найти. После суточного дождя и снега тут вымокло все. Натянув тяжелый разгрузочный жилет, Лина взглянула на небо. Оно все еще хмурилось, но тучи были редкие, какие-то рваные, облачный слой стал жидким, за ним явственно различалось солнце, вершину гольца на несколько мгновений осветили его яркие лучи. Поняв, что сегодня жары не предвидится, Лина на минуту включила рацию, внимательно вслушалась в тишину, горестно нахмурилась. Спасатели неоправданно запаздывали: то ли случилось что-то непредвиденное, то ли радист оказался необязательным человеком и ее послание не дошло до адресата. Спрятав радиостанцию, она повесила на плечо карабин, упрямо шагнула вперед. Ей ничего не оставалось делать, как продолжать преследование.

Через километр адского пути, уже выбираясь из сплошных дебрей кедрового стланика, она нашла теплое кострище и поняла, что ночевала рядом с врагом.

Иркутский боевой отряд «Бешеные амазонки» двигался по тайге. Солнца не было, командир – известная почти всему Ордену Эльза – ориентировалась только по электронному компасу спутникового навигатора, стараясь строго выдерживать направление на юго-восток. Однако в дремучей тайге прямых путей не было, то и дело приходилось сильно петлять, обходя самые густые заросли и непроходимые буреломы. Кусты и трава напитались влагой, но девушек это не слишком смущало. Сегодня они облачились в облегченные боевые скафандры из зачерненного псевдохитина, вода внутрь почти не попадала, а хитроумная система вентиляции создавала приятный микроклимат. Единственное неудобство – в них тяжелее передвигаться, но ничего не поделаешь, приходится платить удобствами за тепло и безопасность. Отряд находился на территории опасного района, примерно в пятнадцати километрах от его границы. В густой тайге в случае внезапного нападения броня даст дополнительный шанс выжить, защитит в яростной рукопашной схватке. Низшие демоны не

отличаются особой физической силой, прочная скорлупа им не по зубам, а дистанционные методы атаки в этих условиях сильно затруднены.

– Проверка! – коротко бросила Эльза.

Слова ушли в эфир с помощью встроенной в шлем радиостанции. Отряд мгновенно рассеялся, каждая девушка четко знала свое направление, они разбегались в разные стороны, образуя правильный многоугольник диаметром около ста метров. При этом амазонки внимательно разглядывали все вокруг в поисках малейшего следа. Несколько раз уже бывали ложные тревоги – при подробном исследовании выяснялось, что здесь прошел олень или медведь. Но они не отчаивались, продолжали продвижение по маршруту, время от времени останавливаясь и изучая все на площади около гектара.

– Говорит Принцесса, у меня след.

– Все туда! – скомандовала Эльза.

Десять воительниц быстро собрались возле Принцессы. Эта девушка, мягко говоря, не слишком соответствовала своему аристократическому прозвищу: рост почти метр девяносто, квадратные плечи, столбообразные ноги. Если бы не огромная арбузная грудь, ее невозможно было бы принять за женщину. Присев возле поваленной лиственницы, она показывала рукой на примятые кустики голубики.

Посмотрев внимательнее, Эльза заметила на земле неясный оттиск каблука, мгновенно разволновалась. Это явно не отпечаток звериного копыта, а медведи, как известно, не носят обуви – здесь прошел человек.

– Боевое построение, – скомандовала она. – Принцесса и Рыжая следопыты, Змея и Пионерка их прикрывают.

Мгновенно перестроившись, отряд быстро пошел по следу, его направление примерно совпадало с предполагаемым курсом практикантки. Амазонки за пять минут дошли до дна распадка, выйдя к небольшому ручью. Здесь все было буквально утоптано, ясно было, что тут поработала не одна пара ног. На берегу стоял трехметровый узкий желоб, сбитый из плотно подогнанных грубых досок, у его наклоненного конца высилась кучка чистеньких, отмытых камней и песка. На ней, рядом со стопкой черных резиновых ковриков, лежал угловатый промывочный лоток, используемый геологами и старателями для взятия проб или очистки золота от примесей более легких минералов.

Эльза подошла к промывочному устройству, склонилась над деревянным лотком. В его углу блестела добрая жменя золотого песка вперемешку с черными крупицами тяжелого шлиха.

– Это дикие мойщики! – тревожно произнесла амазонка. – Будьте

начеку!

Девушки быстро рассеялись в стороны, не давая гипотетическому врагу групповых целей. Что такое нелегальные старатели, сибирячки знали очень хорошо. Особенности постсоветского законодательства были довольно причудливы, оно далеко не всегда соответствовало общемировым стандартам. Особенно много курьезов сохранилось на обломках «валютных» статей кодекса. В благополучной сытой Австралии любой желающий, заплатив ничтожную пошлину в двадцать местных долларов, мог для простого развлечения или заработка заниматься золотоискательством в свое удовольствие, соблюдая при этом простейшие правила и не заполняя кучи бумаг. В современной России это было попросту немыслимо: в районах действия старателей милиция проводила постоянную работу по поиску незаконных мойщиков, для них существовала особая статья уголовного кодекса, даже в нынешние демократические времена грозящая весьма суровым наказанием.

Но разве можно остановить русского человека какой-то уголовной статьей, если вожделенное золото бесхозно валяется прямо под ногами? Глупый вопрос, в этом случае его и танк не остановит. Дикие мойщики старались особо не афишировать свою незаконную деятельность, выбирая для работы места поглуше. Будучи, как правило, людьми довольно суровыми и битыми жизнью, они крайне негативно относились к незваным гостям. Под их пули частенько попадали ни в чем не повинные туристы или случайные охотники, бывало, они распоясывались до того, что вступали в ожесточенные перестрелки с милиционерами. Пилоты зачастую отказывались подвозить омоновцев к их замаскированным приискам; бывали ситуации, когда нелегальные старатели обстреливали даже вертолеты.

Судя по брошенному золоту, мойщики заметили приближение непонятного отряда. Теперь неизвестно, то ли они попробуют скрыться в тайге, то ли начнут стрелять в незваных пришельцев. С небольшого расстояния хороший карабин пробьет даже псевдохитин – амазонки поспешно скрывались в зарослях, чтобы не маячить на открытом месте.

– Говорит Змея, – послышалось в эфире. – Я нашла тело!

– Всем оставаться на месте! – приказала Эльза. – Змея, где ты?

– Правый берег, в кустах напротив головки промывочной колоды.

– Оставайся там!

Эльза выскользнула из своего укрытия, петляющим бегом вломилась в кусты, осмотрела тело. Мужчина лет пятидесяти лежал на боку, подобрав под себя ноги. В груди зияла рваная дыра, еще одна большая рана

виднелась на бедре – оно было располосовано на всю длину, от паха до коленки. Рядом лежал автоматический дробовик; Змея протянула руку, показывая на пластмассовую гильзу, краснеющую в редкой траве.

Понюхав ствол ружья, Эльза скомандовала:

– Прочесать все вокруг. Действовать парами, при малейшей угрозе немедленно открывать огонь. Здесь были низшие, это их работа.

Амазонки послушно рассыпались по густым прибрежным зарослям. Худощавая Рыжая, самая младшая девушка в отряде, была в одной паре с мужеподобной Принцессой. Обе являлись неплохими следопытами, но здесь их талант был почти бессилен: за несколько недель своей деятельности старатели неплохо истоптали все окрестности. Воительницы нашли пару свежих консервных банок, пустую пластиковую бутылку, несколько куч испражнений и свежий древесный пень, прежде чем чуткая акустика шлемов донесла подозрительный шум.

Заметив шевеление за пышным кустом стланика, Рыжая явственно различила очертания мощной нечеловеческой фигуры. Немедленно упав на колено, она вскинула автоматический дробовик, посылая в цель пулю за пулей. Пушистые ветки разлетелись фейерверком, развернувшаяся Принцесса ударила из пулемета, одной длинной очередью проделав небольшую просеку в густых зарослях.

– В чем дело? – послышался в шлемах возбужденный голос Эльзы.

– Есть контакт! Это не человек! – крикнула Рыжая, вставляя в ружье новую массивную обойму. – Мы в сорока метрах от промывочной колоды, по азимуту двести восемьдесят, противник находится в том же направлении, он метрах в двадцати от нас!

Достав спецгранату, молодая воительница метко зашвырнула ее в месиво обрывков хвои, поднятых разрывами пуль, вновь прижала приклад к плечу, успев до взрыва выстрелить четыре раза.

– Все туда! – приказала Эльза.

К тому времени, как амазонки подтянулись к месту перестрелки, все уже стихло. Рыжая и Принцесса лежали на земле, выставив стволы в сторону новенькой выкошенной полянки.

– Где он? – спросила командирша.

– Вон, ветками присыпан, сволочь корявая! – указала Принцесса.

– Змея, за мной! – скомандовала Эльза. – Остальные прикрывают.

Прячась за деревьями, парочка амазонок быстро добралась до поверженного противника. Подняв приличную свежесрубленную ветку, Змея смела древесный хлам, обнажая мохнатое тело. Посмотрев на него, Эльза облегченно вздохнула, повесила пистолет – пулемет на плечо,

повернулась в сторону остальных воительниц:

– Рыжая и Принцесса, от всей души поздравляю вас с открытием охотничьего сезона! Вы только что убили ни в чем не повинного медведя.

В эфире послышался дружный смех, амазонок отпускало нервное напряжение. Косолапые славятся своей страстью к падали. Иногда достаточно повесить на ветру обрывок окровавленного бинта, чтобы подманить это хитрое животное. Вот и сейчас он явился сюда на запах смерти. Даже в страшном сне медведь не мог представить себе такого эффектного конца жизненного пути. Разрывы специальных пуль напрочь оторвали ему задние лапы, а полголовы снесло гранатой. Хозяин тайги погиб на месте без лишних мучений, даже не успев толком напугать при этом амазонок, тем очень не хотелось встретиться здесь с большим отрядом низших демонов.

Успокоившиеся девушки тщательно прочесали все окрестности. Они быстро нашли маленькую свежесрубленную избушку и еще два трупа ее обитателей, убитых ударами страшных когтей. Судя по следам, здесь поработало несколько обычных ракшасов, без затей забравших три человеческие жизни. Старатели не расставались с оружием и пытались сопротивляться нападавшим, но где там – обычными патронами остановить демона почти невозможно.

Проверив сохранность тел, амазонки пришли к выводу, что со времени нападения прошло уже около двух дней. Это примерно совпадало со временем множественного пробоя. Поняв, что к практикантке найденные человеческие следы не имеют ни малейшего отношения, они передали командованию информацию о своей находке и продолжили поисковый маршрут.

Лина преодолела крутой спуск, выйдя к очередному ручью. Глядя на журчащую воду, она чуть не взвыла – перед глазами явственно возникла огромная, соблазнительно дымящаяся кружка горячего чая, практикантка готова была отдать за нее что угодно, даже если он будет без сахара. Несмотря на сильную жажду, девушка не спешила припадать к хрустально-чистой воде: при одной мысли, о том, что придется пить эту ледяную жидкость, пробивала невольная дрожь.

Спустившись, она присела на корточки; прислоняться к мокрым, холодным камням было просто омерзительно. Нет, лучше оставаться на своих ногах. Покопавшись в большом кармашке разгрузочного жилета, она достала плоскую металлическую фляжку, в свое время навязанную искалеченным кладовщиком Хабаровского филиала. Пришло время

испытать этот народный допинг в деле – от усталости перед глазами мельтешили разноцветные круги, несколько раз Лине начинало мерещиться призрачное движение по краям поля зрения. Есть уже почти не хотелось, но от голода ослабели ноги, а промороженные колени часто стреляли болью при неловком шаге.

Тщательно разболтав содержимое фляжки, девушка отвинтила пробку, зажмурившись от резкого запаха, сделала большой глоток, едва удержавшись от спазма желудка, норовящего отправить назад обжигающую приторную жидкость с неприятным привкусом. Опыта употребления спиртных напитков у Лины практически не было, только однажды она с подругами из любопытства попробовала разведенный спирт, мастерски стыренный у технических сотрудниц во время полевых учений по диверсионно-подрывному делу. Ей показалось, что в тот раз ощущение было все же не настолько омерзительным, правда, сегодня ей уже не грозило дисциплинарное наказание за грубейшее нарушение монастырских правил.

После такой порции огненного эликсира девушка с огромным удовольствием напилась из ручья, спеша залить холодной водой бушующий в желудке огонь. Кладовщик явно существенно смягчил страшную истину, уверяя, что тонизирующая настойка сделана на хорошем армянском коньяке. Судя по всему, основным компонентом этой термоядерной смеси была концентрированная кислота – у Лины даже слезы на глазах выступили. С трудом оторвавшись от воды, она услышала близкое хлопанье крыльев.

Эти дни даром для нее не прошли – девушка, не задумываясь, подхватила удобный камень, медленно приподнялась, разворачиваясь на близкий источник шума. Серенький рябчик деловито пробирался через редкие прибрежные кусты. При виде девушки он немедленно замер, распушил большой хвост, по-видимому показывая, что считает данную местность своей суверенной вотчиной. Но одичавшая практикантка без должного уважения отнеслась к его территориальным притязаниям – ловким броском запустила камень птице в бок.

Раненый петушок коротко вскрикнул, неловко бросился бежать, волоча поврежденное крыло. Чуть не закричав от радости, отощавшая девушка бросилась за ним, ловко взбираясь на уступ, сложенный огромными валунами, затянутыми толстой подушкой векового мха, – куда-то в ту сторону удирала потенциальная добыча. Лина была настолько голодна, что готова была съесть эту несчастную птицу сырой и без соли, ей очень нужно было подкрепиться, иначе вскоре она вынуждена будет остановить свое

упорное преследование.

Вскарабкавшись наверх, она увидела, что рябчик уже удрал шагов на двадцать, уверенно продвигаясь в сторону густых зарослей кедрового стланика. Понимая, что там она его никогда не догонит, забыв про всякую осторожность, Лина бросилась вперед, напрягая оставшиеся силы. На третьем шаге ее левая нога, пробив слой мха, не встретила опоры, провалилась в широкую щель между исполинских валунов. Невероятная реакция воспитанницы Монастыря позволила ей избежать неминуемого перелома: девушка успела бросить свое тело на землю, одновременно позволяя провалиться конечности поглубже, не давая от страшной нагрузки переломиться колену в обратную сторону. Но все равно боль в тазобедренном суставе была просто ужасной, на секунду девушке показалось, что она все-таки не избежала тяжелейшего вывиха. В следующее мгновение ей стало не до рассуждений о полученных травмах – из-под земли послышалось разъяренное звериное шипение.

Лина с ужасом поняла, что ее нога угодила прямиком в чье-то укромное логово, устроенное под валунами. Причем по силе шипения было совершенно ясно, что обитают там вовсе не пушистые бурундуки или пищухи. Она уперлась руками в землю, стараясь поскорее вырваться из ловушки; в лодыжку немедленно вцепились чьи-то клыки, сдавив верх ботинка тисками. От страха и шока девушка даже не почувствовала боли, действуя рефлекторно, выхватила из кобуры «беретту», направила вниз, протыкая стволом мох, нажала на курок. Грохнул приглушенный выстрел, большая часть звуковой волны не вырвалась из-под земли. Несмотря на кошмарность ситуации, она на миг обрадовалась, что звук не вышел излишне громким, вряд ли его можно было расслышать уже через километр. Хватка на ноге немедленно ослабла, Лина яростно рванулась вперед и высвободила ногу из ловушки.

В этот момент на нее наконец накатила запоздавшая волна дикой боли. Пронзительно закричав, девушка заглянула в нору. На нее уставились два злобных желтых глаза. В первый момент Лина подумала, что они принадлежат маленькому медведю, но, осмотрев пушистое животное повнимательнее, поняла, что это взрослая росомаха. Бросив на хозяина норы не менее разъяренный взгляд, практикантка выставила пистолет. Но зверь не стал покорно ждать пули, ловким движением скользнул в широкую щель между валунами. Она не стала стрелять ему вслед, прекрасно понимая, что это попросту бессмысленный перевод патронов.

Морщась от острой боли, Лина быстро доковыляла до ручья, стараясь не сильно опираться на поврежденную ногу. Стащив ботинок, она

поспешно закатала окровавленную штанину, не сдержала досадного вскрика. Рана на вид была очень неприятная. К счастью, основной натиск звериных челюстей пришелся на верхнюю часть высокого ботинка и прокусить толстенную кожу, укрепленную стальными пластинами, хищник не смог. Но один клык все же угодил на самый край, от души располосовал лодыжку. Кровь из раны буквально хлестала, явно был поврежден какой-то крупный сосуд. Девушка поняла, что ее надо остановить как можно быстрее: нельзя терять силы, их и так осталось немного.

Быстро обмотав ногу чуть выше раны все тем же синтетическим шнуром, не раз уже служившим ей верой и правдой, Лина сунула под него короткую, толстую палку, быстро закрутила, тесно затягивая жгут. Полностью пережав голень, опустила ее в ледяную воду, очень надеясь, что в чистейшем ручье не слишком много опасных микробов. Выждав, когда кровь перестанет бить мощным потоком, она внимательно осмотрела полученную рану.

Увиденное ее несколько успокоило. Несмотря на сильное кровотечение, повреждение оказалось не слишком глубоким. Клык распорол только верхнюю часть мышцы, он не достал до кости, да и сухожилия остались целыми. Все не так уж плохо, как она в панике решила поначалу. Приготовив раскрытый пакет с последним запечатанным бинтом, Лина вытащила ногу из воды, щедро плеснула в рану из фляжки. Едкая жидкость не подвела и на этот раз, от дикой боли мгновенно потемнело в глазах. Наложив ватный тампон, пропитанный дезинфицирующим и кровеостанавливающим составом, девушка крепко замотала голень.

Стащив брюки, она быстро застирала правую штанину. Лина знала, что медведи обладают очень хорошим нюхом и кровь учуют издалека. Но опасаться стоит вовсе не их – любой ракшас в плане ощущения запахов легко даст фору целому десятку косолапых. Мыла не было, но холодная вода довольно успешно справилась с задачей, хотя дочиста материю и не выстирала. Но деваться было некуда, запасных брюк у девушки не наблюдалось, а без них ходить по тайге будет не слишком комфортно. Придется довольствоваться теми, что есть.

Одевшись, Лина осторожно ослабила жгут. Убедившись, что кровь на повязке не проступает, она убрала его полностью, заправила штанину в ботинок. В этих краях клещей никогда не водилось, но она по вдолбленной привычке продолжала принимать все меры предосторожности. Защита от опасных насекомых была отработана у нее до полного автоматизма. Перед практикой девушка внимательно изучила все доступные материалы по дальнему востоку в районе Хабаровска, а там клещевой энцефалит был

главной опасностью местной тайги. Мелкие букашки оказались пострашнее уссурийского тигра.

Встав, девушка попыталась поставить тело на поврежденную ногу. Из глаз немедленно хлынули слезы. Закусив губу, она невольно присела на сырой камень, поняв, что рана не настолько безобидна, как показалось, а кроме того, сильно болел тазобедренный сустав: тяжелое падение не прошло для него бесследно. Идти с прежней прытью теперь не получится. Но Лина была не из тех людей, кто сдается при незначительных трудностях. Вытащив нож, она добралась до ближайших зарослей березняка, вырезала себе крепкий посох.

Попробовав пройти с ним несколько шагов, она немедленно приободрилась. Если не сильно давить на поврежденную конечность, то можно двигаться почти без боли. Лина обрадовалась, что пострадала именно левая нога. Правую руку теперь можно было держать свободной, придерживая карабин, она не будет занята посохом. В случае опасности достаточно будет мгновения, и ее палец ляжет на спусковой крючок.

Застегнув кармашки разгрузочного жилета, девушка напоследок хлебнула пару глотков из ручья и, немного прихрамывая, направилась вверх по склону ручья. Только сейчас вспомнив о рябчике, она горестно вздохнула. Но птица уже давно скрылась в кустах и вряд ли теперь сможет выжить. С подбитым крылом ее быстро выследит хищный соболь или горностай. А жаль, хоть немного перекусить сейчас бы очень не помешало.

Через час на опустевший берег осторожно выбралась росомаха. Принюхавшись к человеческим следам, зверь недовольно фыркнул от мерзкого запаха оружейной смазки. Подойдя к тому месту, где Лина обмывала ногу, хищник жадно слизал с камней несколько пятен свернувшейся крови и быстро скрылся в густых кустах. В последние дни в этих краях стало шумно и очень опасно, надо поскорее найти новое убежище, логово среди камней было теперь ненадежно – сегодня его обнаружили.

Глава 5

Кошкин проснулся очень поздно, вчера он почти всю ночь работал – направлял по всему городу посыльных. Они поспешно расклеивали дурацкие объявления следующего содержания:

«Просим всех, кто хорошо знаком с местностью по правому берегу реки Тилмон, между ручьями Сурчинского и Нагон и далее к востоку, срочно сообщить следующую информацию – не встречали ли вы в данных краях старую, почти засыпанную выработку, предположительно небольшой шурф. Ее приметы: современная глубина не более полутора метров, в отвале множество белых крупных камней с крупными блестками, предположительно слюды. Там же, на отвале, должен лежать длинный шестигранный лом старой ковки в очень ржавом состоянии. Растительность вокруг скудная, место довольно открытое – редкие маленькие кустики, скорее всего, голубики и отдельные проплешины светлого мха, скорее всего, чахлого ягеля. Всю информацию просим сообщать в городской аэропорт, по телефону 68-3-24 или лично. На входе спросить оперативного дежурного. В случае, если предоставленные координаты подтвердятся, доставивший их получит денежное вознаграждение в размере 50 000 рублей».

Этот же текст с утра должны были давать бегущей строкой по программе НТВ. В газету помещать объявление не стали, она была здесь всего одна, выходила раз в неделю, со свежей телепрограммой. Этот выпуск они уже пропустили, а следующий будет еще не скоро. Но и без газет все местное население уже с утра должно судачить только об одном – старых шурфах и ржавых ломах.

Олег очень сильно подозревал, что сейчас на входе в аэропорт толпится солидная очередь соискателей награды. Деньги для Нимгера были немалые; вопреки расхожему мнению, северный рубль не настолько уж и длинный. В городе было множество геологов, охотников и рыбаков, в той или иной степени знакомых с указанной местностью. Кошкин не сомневался, что старых шурфов там более чем достаточно и вряд ли кто помнит все живописные подробности о валяющихся инструментах и цвете породы в отвале. Информации будет просто море, но сомнительно, что найдутся координаты нужного места. Искать в тайге отдельную старинную выработку – это задача даже потруднее стандартного поиска пресловутой иголки в стогу сена.

Поднявшись с раскладушки, он удивленно замер. Четыре других ложа были пусты, но в палатке Кошкин был не один. За раскладным столиком на ядовито-оранжевом ящике, украшенном зловещим трилистником, обозначавшим, что его содержимое радиоактивно, сидел маленький человек классической еврейской внешности и проделывал довольно странные манипуляции. Указательным пальцем левой руки он водил по расстеленному квадрату топографической карты, в правой держал ржавую большую гайку, подвешенную на короткой веревочке, покачивая ею на манер маятника. При этом он то и дело закатывал глаза и что-то тихо бормотал под нос.

Оглянувшись на удивленного Кошкина, странный незнакомец язвительно, с ярко выраженным одесским выговором поинтересовался:

– Молодой человек, ну что вы на меня так пристально уставились? Могу вас совершенно точно заверить: лично я вам ничего не должен. А, помимо всего прочего, сегодня все-таки суббота, и порядочные люди даже не пытаются в подобные дни взыскивать свои жалкие деньги с несчастных должников. Я таки все понимаю – мы живем в бездуховные времена оголтелого отрицания всех религиозных норм, но хоть элементарное уважение к вере своих предков нужно проявлять!

Отбросив в сторону свой самодельный маятник, он горестно вздохнул:

– Ну ничего не выходит! Нет, не зря мой мудрый дед, Борис Соломонович, учил меня, сопливого ребенка. Он таки хорошо знал жизнь и говорил мне четко: если ты нашел в святую субботу золотой, валяющийся на дороге, не вздумай его поднимать! Даже сам Бог не работает по таким дням – так чем же ты лучше его? Если монета действительно из настоящего золота, а не того самоварного фуфла, что гонит Яков Фельдман под видом червонцев царской чеканки, то сядь на нее сверху и не вставай до самого воскресенья, как бы ни смеялись над тобой проходящие мимо гои. Сегодня я вспоминаю его мудрые слова со слезами на глазах. Мне уже трижды пришлось пройтись пальцем по всей этой карте, но нет никакой удачи. У меня начинает слаживаться подозрительное ощущение, что она бродит в каком-нибудь другом лесу или эти глубоко безнравственные люди, сидящие в штабе, выдали мне для работы не тот планшет. Что с них можно взять, если даже здешний начальник является закоренелым антисемитом! Представьте себе, он мне недавно похвастался тем, что собственноручно написал книгу, где доказывает тесную связь таких несовместимых понятий, как сатанизм и сионизм! Если бы он не показал мне ее самолично, я бы никогда не поверил, что этот ограниченный питекантроп вообще владеет грамотой! Лексикон этого гоя на две трети состоит из синонимов слова

«задница»! Вы хоть представляете себе, что мог написать подобный человек? Как только бумага стерпела этот бред!

– Простите, пожалуйста, – смог наконец встрять в монолог Кошкин, – а вы, собственно, кто?

Поправив воротник мятого пиджака, незнакомец степенно представился:

– Я – Граф.

– Тот самый?! – потрясенно охнул Олег.

Глядя на него взглядом микробиолога, изучающего колонию плесневых грибков, экстрасенс раздраженно заявил:

– Молодой человек, мне кажется, вы чем-то сильно удивлены? Я даже догадываюсь о причине – вы наверняка ожидали увидеть двухметрового Бэтмена в черном бархатном плаще с мощными рентгеновскими аппаратами вместо глаз?

– Да нет, что вы! – поспешил оправдаться Кошкин. – Я просто потрясен такой неожиданной встречей! Вы же здесь настоящая знаменитость, разве я мог надеяться, что мы когда-нибудь с вами познакомимся? Меня, кстати, зовут Олег.

Покачав головой, Граф горестно вздохнул:

– Молодой человек, почему это вы решили, что мне интересно ваше имя? А?

– Но…

– Я вовсе не собираюсь приводить вас в свой дом и знакомить с красавицей дочерью, о чем вы наверняка уже размечтались. Граф прилетел сюда за тысячи километров на вонючем и неудобном самолете вовсе не ради вас. Местное руководство, несмотря на свой ярко выраженный пещерный интеллект, поняло, что без меня ему здесь просто не справиться. Кстати, – оживился экстрасенс, – если вы решили со мной познакомиться, то не могли бы сообщить свою национальность?

– Русский.

– Вот как? А с виду и не скажешь, такое интеллигентное умнейшее лицо. А что, ваша мама тоже относится к этой нации оголтелых шовинистов?

– Наполовину. Бабушка не совсем русская – она из немцев-колонистов.

Граф понимающе покачал головой:

– Молодой человек, поспешу вас обрадовать: большинство из тех людей, что у местных гоев принято было называть немцами, ими вовсе не являются. В Европе нет даже такого слова – немец. Это целиком шовинистское русское понятие, специально придуманное для обозначения

тех бедных евреев, которые пытались найти в этой дикой стране приют.

Кошкин понял, что беседа принимает все более странный характер, и поспешил перевести ее в другое русло:

– Так вы пытаетесь найти Алину Ветрову?

– Редкая догадливость! Молодой человек, да здесь все думают только о том, как бы найти эту юную особу! Час назад я имел сомнительную честь посетить местную уборную, надеялся в тишине и покое почитать свою газету. И что же вы думаете? Мне попросту не дали это сделать! Целая толпа работников технических служб и пилотов обосновалась неподалеку, при этом они громко обсуждали последние новости, касающиеся поиска практикантки. Я услышал столько невероятного вранья о своем скромном сеансе ясновидения, что до сих пор не могу очистить уши от набившейся туда липкой лапши. У всего Ордена сейчас осталась одна-единственная тема для разговоров – где она бродит и когда же ее наконец соизволят найти.

– Странно все это, – нахмурился Кошкин. – У нас огромная проблема: в тайге свирепствует целая орда диких, в любой момент она может вырваться на оперативный простор, отправиться в более цивилизованные районы. Сил сдержать их у нас нет, при желании демоны прорвут неукрепленный периметр с легкостью, а возможно, даже незаметно – дыр в обороне хватает. А все наши сотрудники думают только о пропавшей девушке.

Граф сокрушенно покачал головой:

– Молодой человек, лично я не вижу здесь ничего странного. Неужели вы забыли, что все сотрудники Ордена являются сенсами?

– Да нет, разве о таком забудешь. Но при чем здесь поиски практикантки?

– Юноша, вы хоть кроссворды иногда по вечерам разгадывайте, это неплохая зарядка для ума, ведь совершенно ясно, что вашим мозгам она просто необходима. Как, по-вашему, зачем в эти дремучие горы заявилась орда?

– Трудно сказать. За последнее столетие это, пожалуй, самый масштабный пробой. У противника должен быть определенный план действий, просто так они к нам не приходят. Район не слишком благоприятен для проникновения из нижних миров, толпу диких разбросало по огромной территории. В штабе считают, что они для начала соберутся вместе, после чего направятся к своей цели. Мы надеемся перехватить их скопление, не дать вырваться в населенные места.

– А теперь попытайтесь вспомнить, сколько времени уже прошло с

момента множественного пробоя?

– Больше двух суток.

– Были ли случаи попыток прорыва низших за пределы периметра?

– Нет.

– А вам не кажется это несколько странным? К чему им целых два дня топтаться на одном месте? Обычно они поступают гораздо проще – без затей движутся прямиком к своей цели, отвлекаясь только на попутную кормежку. Кроме того, в этой тайге им попросту нечем питаться: людей нет, зверей мало, да и не показываются они на глаза. Сами знаете – млекопитающие стараются обходить демонов десятой дорогой. Голодный ракшас в условиях Земли может поддерживать свою жизнедеятельность не более четырех суток, да и то если в течение пятидесяти часов после пробоя сможет хоть немного подкрепиться. Вы меня понимаете?

– Да. И почему же, по-вашему, они не уходят из этого района?

– Причина проста: то, за чем они сюда пришли, находится внутри периметра. Мне кажется, что вскоре это поймут даже в вашем штабе, набранном исключительно из умственно неполноценных сотрудников.

– Полный бред! Там же нет населения либо опасных объектов. Им попросту негде там развернуться!

– Молодой человек, я еще раз напомню вам про кроссворды. Поймите меня правильно – ваши мозги просто в угрожающем состоянии. То, что я вам сейчас сказал, постепенно начинает доходить даже до твердолобого антисемита, поставленного руководить этим шалманом в ранге диктатора. Наши нежеланные гости пришли вовсе не за человеческими жизнями – для этого они бы вынырнули в более подходящем месте. Нет, им определенно нужно что-то, находящееся в этой тайге.

– Но что?

– Знал бы прикуп – жил бы в Сочи! Я ведь не какой-нибудь Бэтмен или великий маг Мерлин. Нет, Граф – старый больной человек с очень небольшими ментальными способностями. Скажу вам таки только одно – возле их цели располагается старая, почти засыпанная яма, а рядом с ней лежит ржавый шестигранный лом кузнечной ковки.

– И туда направляется практикантка?

Экстрасенс мудро опустил веки, произнес:

– Она идет за высшим демоном, а тот, в свою очередь, прямиком направляется к этой цели. Если вы успеете найти эту девушку не в самый последний момент, то, возможно, спасете ее жизнь.

– Что значит – в последний момент?

– Я хорошо видел ее смерть. Практикантку нашли, но слишком поздно.

Вам придется убить ее своими руками.

– Мне? – опешил Олег.

– Да не принимайте все так близко к сердцу! Нет, убивать ее будете не вы, не своими руками, но какая разница? Вина ляжет на всех нас. Эта юная особа вот уже несколько дней упрямо пробирается по этому кошмарному лесу за смертельно опасным врагом. Молодой человек, я почувствовал ее мысли и содрогнулся! Такой силы воли попросту не может быть! Даже если ей начисто отрезать ноги, она продолжит свой путь ползком, но не позволит себе оторваться от создания, пришедшего сюда самым первым. Ей совершенно безразлична своя судьба, она не видела жизни и не слишком боится смерти. Самый большой ее страх – не выполнить долг. Подчиняясь этому чувству, она дойдет до самого конца. Там ее ждет старая яма и костлявая старуха с косой.

– А как она погибнет? – тихо спросил Кошкин.

Граф замолчал и нехотя, уже без всякого акцента, произнес:

– Очень страшно, но быстро. Вы видели, какие кошмарные бомбы любит швырять этот ненормальный диктатор?

– Нет, но мне ребята рассказывали.

– Это просто ужасно, они немногим уступают атомным. Самолеты с ними даже не могут садиться на эту полосу, они взлетают с резервного аэродрома, что в четырехстах километрах отсюда. В своем видении я совершенно отчетливо видел эту измученную девушку, стоящую в окружении сотен ракшасов, а сверху на нее пикировали эти жуткие бомбы.

– Господи! – охнул Олег. – А вы уверены, что все произойдет именно так?

– Она идет вместе с демонами. Рано или поздно все они соберутся в одном месте. Если практикантка успеет до него добраться, то ее уже не спасти. Девушка каким-то образом свяжется с нами, на место вылетит боевая авиация. Дальше вспомните картину, что я вам только что нарисовал.

– Но ведь будущее не определено?

– Напротив, оно обладает довольно четкими очертаниями.

– Значит, ее никак не спасти?

– Шанс есть, но учтите, изменить судьбу очень трудно, она обладает очень большой инерцией. Во всем мире только одна-единственная девушка может помочь определить, куда же направляются эти демоны. Если бы мы знали весь маршрут движения практикантки, то бросили бы все силы на разведку этой линии, быстро нашли то место, где сосредоточиваются низшие. Все сотрудники чувствуют: девушка – ключ к победе. Вы

наверняка слышали об эффекте коллективного разума?

– Да. Наиболее эффектно он проявляет себя именно среди сенсов.

– Правильно! А кто мы все, по-вашему? Они самые и есть! Самый последний техник сейчас чешет затылок и удивляется, почему все его мысли заняты совершенно незнакомой девушкой. Он и не предполагает, что это целая эпидемия. Каждый из нас ощущает свою крупицу будущего, и все вместе мы понимаем: ключ к окончанию вторжения – в руках практикантки. Найдем мы ее вовремя или нет – уже безразлично. Она сделает то, что не смогут совершить все эти новейшие самолеты и хитроумные спутники, – найдет цель демонов и сообщит нам о ней. После этого мы сбросим на эту девушку свои бомбы.

Помолчав, Граф тихо добавил:

– В моем видении были только пыль и пепел. Сомневаюсь, что мы сможем найти хоть крошку от ее тела, там будет настоящий ад. Не удивлюсь, если этот сумасшедший диктатор без раздумий сбросит атомную бомбу. Собственно говоря, я даже поражен тем, что он не сделал этого до сих пор. Молодой человек, я неистово молюсь своему богу, но больше ничем не могу помочь – пропавшую девушку можно найти только чудом.

– Я слышал, Чапай привлек к операции самолет астральной разведки?

– Забудьте. Нам это не слишком поможет. Во-первых, астральное поле здесь до сих пор не успокоилось, что неудивительно. Во-вторых, район поиска огромен, один самолет ни за что не справится с таким колоссальным объемом работ. А впрочем, о чем я вам говорю. Как, по-вашему, в чем главная сила Ордена?

– Ну…

– Все, молчите! Не надо быть большим мудрецом, чтобы догадаться – вы просто не можете ответить на этот вопрос.

– Наши технологии…

– Не хочу выражаться, как ваш пещерный Чапай, но просто вынужден. Засуньте их себе прямо в задницу. «Тайфуны»? Ничего оригинального в них нет. Да, подобного вооружения не имеется ни у одной армии мира, но к чему оно обычным солдатам? Не всякий сможет удержать в руках эту мощную установку, для работы с ней надо быть ходячим мебельным гарнитуром. Хорошо бронированную машину из него не подбить, а для поражения пехоты вполне хватит маленькой пули. Кроме того, дальше ста метров стрелять из него практически бесполезно. То же касается и других наших технологий, единственная стоящая вещь – астральный пеленгатор. Да и то, он попросту освобождает от рутинной работы людей, похожих на меня. Нет, сила Ордена не в хитиновых скафандрах или разрывных пулях –

это иллюзия. Вы знаете хоть краткую историю возникновения нашей организации?

– Да, я проходил ускоренное обучение…

– Все, молчите! Вы попросту ничего не знаете! Бедные основатели бежали через всю Евразию, но свой путь первые из них начали уже после того, как победили. Поймите, у них ведь не было ничего! Без гранат и бронетехники справились с полномасштабным вторжением диких! Они пролили реки крови, пали целые цивилизации. Но ведь справились, выстояли! Наш Орден силен своими людьми – вот где его главная мощь! Не все из нас одинаково хороши, да и не это главное. Мы делаем одно, общее дело, и работаем при этом на совесть. И никогда не надейтесь на эти глупые чуждые технологии. Многие пытались приспособить для своих нужд всякие странные вещи, приносимые демонами из нижних миров, но все без особого толку.

– Значит, по-вашему, никакими техническими средствами практикантку не найти?

– Не знаю. Я просто в это не верю.

Помолчав, Кошкин тихо произнес:

– Пусть это даже эффект коллективного разума, но мне обидно сознавать, что практикантка не выживет.

– Молодой человек, что бы ни произошло, все равно она победит, такие люди не умеют проигрывать.

Склонившись над картой, Граф еле слышно произнес:

– Интересно, что же понадобилось врагам в этом богом забытом уголке?

– Ну и? – требовательно произнес Чапай, едва Клещ вошел в палатку.

– Очередная ложная тревога! – отмахнулся здоровяк. – Бравые спецназовцы сохатого перепугались, разнесли бедного быка в клочья. Я приказал, чтобы нам заднюю ляжку привезли, первым же рейсом. Хоть какая-то польза.

– Задницы свои пусть не забудут привезти, – буркнул Чапай и, склонившись над картой, сделал новую пометку.

Подняв голову, он с преувеличенной озадаченностью произнес:

– Интересные вещи у нас здесь творятся, ты не находишь?

– Что-то случилось? – насторожился Клещ.

– Да нет, в том-то и дело, что ничего.

– Я тебя просто не пойму!

– И понимать тут нечего! Ты мне вот что скажи, отмечена хоть одна

реальная попытка прорыва нашего периметра?

– Реальная?

– Нет! Анальная! Клещ, ты что, русского языка уже не понимаешь?!

– Да нет, ты же сам прекрасно знаешь – одни ложные тревоги.

– Верно говоришь. У нас тут прямо тишь да благодать, будто на шашлыки приехали. Целая орда низших ведет себя тише воды, даже носа не высовывая из района пробоя. Как ты думаешь, им случайно жрать там не хочется?

– Козе понятно – очень хочется.

– Вот и я – посидел здесь с госпожой настоятельницей, кофейку попил, подумал с ней в полторы головы и знаешь что решил?

– Что?

– Порвать на хрен задницы всем аналитикам! Эти очкастые счетоводы врут, как сивые мерины, – ни один их мудреный прогноз пока не оправдался. Самое странное вторжение! Ты можешь себе представить, чтобы толпа диких ракшасов два дня сиднем просидела в глухой тайге? Такое ощущение, что они с нами пакт о ненападении подписали!

– Ты считаешь, что их цель располагается внутри периметра?

– Тут даже думать нечего! Вспомни, с чего здесь все началось?

– Инцидент на гольце Раскидистом.

– Верно. Судя по тому, с какой легкостью были перебиты опытные оперативники, действовал высший демон. Согласен?

– Да в этом никто и не сомневается.

– Смотрим дальше. Судя по найденным меткам практикантки, после нападения он направился на северо-восток, через два дня в том же направлении происходит множественный пробой – появляются толпы ракшасов. Мы лихорадочно оцепляем границы, беспощадно гоняем патрульные вертолеты – без толку. Никто и близко не подходит к нашему периметру. Засылаем вглубь два поисковых отряда – что они видят? Полный ноль! Ничего! Возле границ района противника нет, хотя следов там хватает. И о чем же это говорит?

– Они ушли к цели.

– Соображаешь!

– Но куда?

– Хотел бы я это знать, – вздохнул Чапай. – Логичнее всего – центр района пробоя. Я бросил туда все разведывательные силы, но пока без особого толку. Да и сам не уверен, что прав. Нужное место может располагаться где угодно.

– Но что им могло там понадобиться?

– Не знаю. Но есть кое-какие любопытные мыслишки по другому поводу. Я тут немного подумал и вот что предположил: самый первый демон, преследуемый практиканткой, не относится к диким. Во-первых, он появился отдельно, раньше времени, что нелогично; во-вторых, является высшим созданием, да еще и без свиты. Нет, это явно разные компании, думаю, что они конкуренты.

– С ордой ракшасов ему все равно не совладать.

– А нам-то что с этого? – буркнул Чапай. – Кто бы ни победил, нам особо не полегчает. Надо самим выяснить, где расположена цель движения противника.

– Необходимо немедленно активизировать поиски практикантки, – горячо заявил Клещ. – Если мы сможем точнее установить маршрут ее движения, то победа будет в наших руках. Район поиска сузится в тысячи раз, найти место сбора низших будет проще простого.

– И как продвигаются эти поиски?

– Плохо, – нахмурился Клещ. – Группа, что сейчас идет по ее следам, попросту буксует. Прошло много времени, меток очень мало, а кроме того, там успело потоптаться несколько групп ракшасов. В этих дебрях просто не поймешь, кто сломал ветку, – они или девушка. «Бешеные амазонки» не нашли ничего, скоро начнут поворачивать на новый заход. Второй поисковый отряд, из сводных подразделений, тоже не добился успеха. Здесь надо десяток хороших групп, но не хватает стоящих следопытов и людей, привычных к тайге. У меня иногда возникает странное чувство, что этот район представляет собой целую вселенную, со своими физическими законами и искаженными эталонами расстояний. Мы сбросили туда уже десятки сверхмощных бомб, но он впитал их, как простые детские хлопушки. Наши бойцы, способные за сутки отмахать сотню верст, там плетутся со скоростью беременного гиппопотама. Здесь полный мрак, это какой-то параллельный мир! Господи, да все, что этой девчонке было нужно, – работающий спутниковый телефон! Почему же ей так не повезло?

– Ты поставил на постоянное прослушивание частоты, используемые старателями и гражданским службами?

– Да. Вечером прибыла нормальная аппаратура.

– Это хорошо! Я надеюсь, практикантка догадается добраться до какого-нибудь добычного участка или деревни. Ей достаточно сообщить нам самые удаленные маршрутные точки. Если высший идет по одной прямой, мы легко найдем их цель.

Хлопнув себя по лбу, Клещ воскликнул:

– Идея! Слушай, Чапай, раз уж возле границ района все так спокойно,

можно всех опытных лесовиков послать по следам ракшасов. Если повезет, за сутки получим несколько довольно протяженных векторов, направленных к искомой цели.

– Да? А ты разве не знаешь, как передвигаются голодные низшие? Те же ракшасы мечутся так, будто хотят догнать свою собственную задницу.

– Все равно, хоть общее направление можно примерно уловить. А если прибавить данные воздушной разведки, то можно ориентировочно определить нужное место.

– Слышал новости – ночью еще один самолет едва не сбили?

– Но ведь не сбили! Разведка нам просто необходима!

– Да она почти ничего пока не дает. Наделали тонну снимков, а толку? Полтора десятка векторов, направленных на все четыре стороны. Такими темпами мы будем вычислять их цель до самой осени. Что-то мне подсказывает, что у нас на это нет времени.

– Так что по моему предложению?

– Добро! Но смотри, если хоть один отряд этих поисковиков погибнет, сразу прощайся со своей задницей!

Три ракшаса гибкими ящерицами выскользнули из густых зарослей кедрового стланика, бросились вниз, даже не оглядываясь на отстающего четвертого. Тот едва ковылял, потеряв почти все свои силы: при ужасающем взрыве вакуумной бомбы он пострадал больше других. Демон яростно зашипел, провожая взглядом неверных товарищей, но не слишком на них разозлился. Теперь спешить было некуда, они все же добрались до нужного места.

Повсюду виднелись его многочисленные сородичи по дикой орде, успевшие сюда добраться раньше. Делать им сейчас было совершенно нечего, к этому времени они уже успели уничтожить всех бурундуков и мышей, а теперь скорчились под кустами, укрываясь от злобных глаз, следящих за ними со смертоносных металлических птиц.

Раненый ракшас обогнул старый, почти полностью засыпанный шурф, присел у отвала, обнюхал ржавый шестигранный лом. Досадно квакнул – железка была очень древней, вкусного человеческого запаха на ней не осталось. Но, может, оно и к лучшему, не стоит дразнить свой настоящий голод, при одной мысли о живых людях хотелось взвыть во весь голос.

Встав, низший медленно направился к троице своих спутников, располагавшихся под пышным кустом стланика. Им предстоит просидеть в этом укрытии более суток, мучаясь от голода и безделья, прячась от взглядов с небес.

Потом появится цель.

Глава 6

Выбравшись на водораздел, Лина рухнула как подкошенная. Перевернувшись на спину, она подтянула левую ногу, обхватила колено руками, с силой придавила его к груди. От вспышки острой боли в тазобедренном суставе на глазах выступили слезы, но полегчало почти мгновенно. Расслабившись, девушка пролежала минут пять – большего отдыха себе позволить не могла. Скорость ее продвижения сейчас значительно снизилась, практикантка сильно боялась, что враг сможет оторваться и преследование закончится.

Измученная девушка уже не мечтала о спасательных вертолетах и поисковых отрядах. Честно говоря, она вообще практически ни о чем не думала. В голове монотонно щелкал неумолимый счетчик, фиксирующий каждый шаг. Досчитав до тысячи, она падала плашмя куда придется, отлеживалась две минуты, тяжело поднималась, опиралась на посох, делала первый шаг, потом еще девятьсот девяносто девять. Редкие здравые мысли говорили только об одном – ее не ищут или ищут не там, где надо. Ей странно было думать, что великий, всемогущий Орден уже который день не может обнаружить свою практикантку. Несколько раз она вроде бы слышала далекий звук авиационных двигателей, но сквозь густые заросли ничего не разглядела. Пускать ракеты побоялась: их было всего две, – а рация молчала. Кроме того, Лина не знала, было это на самом деле или у нее начинаются слуховые галлюцинации. Скорее последнее, ей уже несколько раз мерещились чужие взгляды или неясное шевеление в кустах. Последний участок подъема она преодолела, едва не таща себя за воротник, клятвенно обещая измученному телу, что наверху будет отлеживаться целый час.

Но, обманув себя, девушка даже не подумала сдержать обещание. Час – слишком большая роскошь, у нее просто нет времени, ведь нападение росомахи и хромота сильно замедлили продвижение. Полежав всего лишь пять минут, она присела, только сейчас поняв, что завалилась прямо на влажный болотный мох. Но это ее не обескуражило все равно одежда вымокла насквозь, ей уже нечего было терять. От постоянной сырости девушке казалось, что на волосах и ткани появляется липкая плесень. Погода и не думала улучшаться, скорее наоборот, жидкие утренние просветы затянуло вновь, солнце почти не показывалось, а временами начинал накрапывать мелкий дождь. Лина не знала, что все усилия авиации

брошены на центр района пробоя, оставшийся позади и левее маршрута демона. Там не прекращают работать самолеты, разгоняя густые облака, предоставляя обзор для крылатых разведчиков и смертоносных боевых машин с их чудовищными бомбами.

Закатав штанину, девушка нахмурилась, на повязке проступило маленькое пятнышко крови. У нее еще оставался кусок бинта, сохранившийся после спуска по проводам и чистки оружия. Но он был небольшим и здесь ничем не мог помочь. Лина даже не стала его доставать. Присев на колени, она сжала пульсирующую жилку на запястье левой руки, чутко изучая свой пульс, одновременно следя за дыханием. Примитивная, но действенная диагностика быстро показала, что у нее повышенная температура. Неудивительно – вот уже более суток она носит мокрую одежду при холодной погоде, такой нездоровый образ жизни быстро доконает даже мамонта. Если простуда серьезная, то идти ей осталось очень недолго – без еды и лекарств, при постоянном недосыпании свалится быстро. Собственно говоря, она не понимала, почему этого не произошло до сих пор. За все годы изуверского монастырского обучения Лина не доходила до подобного состояния. Общее отупение было настолько полным, что она уже с трудом могла вспомнить, зачем, собственно, продолжает идти дальше. Тело действовало как заведенный робот с примитивной программой.

Достав плоскую фляжку, она разболтала огненное содержимое, отвинтила пробку, сделала солидный глоток, даже не поморщившись. Ей было совершенно наплевать на мерзкий вкус и запах, от усталости девушка уже почти ничего не чувствовала. Обожженный желудок немедленно выстрелил вспышкой боли, его скрутило в узел мучительной голодной судорогой. С трудом сдержав рвотный позыв, Лина медленно поднялась, сжала посох, ступила в сторону вмятин, оставленных в болотном мху кривыми ступнями врага.

До следующего, всего лишь двухминутного привала ей оставалось девятьсот девяносто девять шагов.

«Бешеные амазонки» устроились на обеденный привал, рассевшись на поваленных стволах двух стройных лиственниц. Девушки поснимали сферические шлемы, с аппетитом жевали плитки высококалорийного концентрата, запивая их тонизирующим напитком из фляжек. Постоянная ходьба на свежем воздухе пробуждала просто драконий аппетит, таежные пайки таяли с угрожающей быстротой. Командир предполагала, что через день придется заказывать вертолет с продуктами, – запасы отряда были

невелики, они шли налегке, основное внимание уделив боеприпасам.

– Сейчас бы чаю горячего, с шоколадом, – мечтательно вздохнула Рыжая.

– А еще ящик шампанского и веселую мужскую компанию с гитарой и песнями, – немедленно поддержала Змея.

– Сейчас я вам медведей приведу, – с усмешкой пригрозила Эльза. – Интересно, у них еще не закончился брачный период?

Грубую лесную шутку оценили, девушки дружно рассмеялись. В этот момент запиликал спутниковый телефон. До дежурной связи оставалось еще около часа, вызов был необычный. Значит, что-то случилось или изменится полученный приказ. Амазонки невольно подобрались, внимательно следя за командиром. Эльза поднесла трубку к уху, включила громкую связь – у нее не было секретов от боевых подруг:

– Слушаю!

– Это Клещ. Эльза, скажи мне, пожалуйста, сколько от вас до следов ракшасов, встреченных последними?

– Километров шесть.

– Немедленно возвращайтесь к ним.

– Но зачем?

– Пойдете за ракшасами. Четко фиксируйте все их повороты, заносите маршрут в память спутникового навигатора. Полученные данные каждый час скидывайте в штаб, любому дежурному, там все в курсе событий.

– И долго нам за ними идти?

– Думаю, не менее суток. Мы хотим определить главные вектора движения разных стай, поточнее установить район, куда они все стремятся.

– А как же поиски практикантки?

– А что толку от ваших бесплодных рысканий? Вы можете такими темпами бродить целый месяц. Если удастся установить, куда движется преследуемый ею демон, то мы быстро найдем ее с воздуха. У меня стоят наготове два вертолета с комплектами аппаратуры для поиска беглых заключенных. Никуда она не денется.

– Хорошо, все поняла. Но на путь до следа у нас уйдет около трех часов – здешняя дорога просто ужасная, да и девочки подустали.

– Ничего не поделаешь, придется возвращаться как получится. Нормальных троп в этих дебрях попросту нет. Но прошу вас, будьте осторожны, при малейших признаках близкого присутствия противника немедленно прекращайте преследование, в бой первыми не вступать.

– Ладно, до связи.

– До связи.

Спрятав телефон, Эльза скомандовала:

– Все, подъем, нечего тут рассиживаться, как старухи на завалинке! Все слышали? Возвращаемся назад, к тем следам, что видели в последнем распадке.

Не комментируя телефонный разговор, амазонки быстро сложили остатки пайков, нацепили шлемы. Выстроились в походную колонну, двинулись по своим собственным следам. Боевой отряд всего двести метров не дошел до хорошо заметной полосы изломанных стланиковых веток, оставленной практиканткой и преследуемым ею демоном. Если бы не звонок Клеща, воительницы через десять минут наткнулись бы на свежую метку с вырезанной буквой «А».

Практикантке не повезло в очередной раз.

Уже почти полностью стемнело, но Лина продолжала спускаться. К этому времени фляжка опустела на две трети, она сама уже не могла понять, поддерживает ее этот допинг или ей уже ничто не поможет, кроме тихой комнаты с поролоновыми стенами. Идти дальше – настоящее сумасшествие. Под кронами деревьев сгустилась непроглядная тьма, девушка несколько раз больно царапала лицо о ветки, ежесекундно рискуя лишиться зрения. Но она даже не думала об остановке, твердо решив, что привал устроит только внизу, у очередного ручья. Вспомнив о приборе ночного видения, оставшемся в уплывшем рюкзаке, практикантка едва не расплакалась: он бы сейчас здорово ей пригодился.

В щеку больно уперлась очередная сухая ветка, Лина, почувствовав, как она раздирает кожу, неловко дернулась в сторону, оступилась, запнувшись о корень, рухнула на землю, прокатившись по склону несколько шагов. Нащупав карабин, девушка села, поняв, что надо или останавливаться совсем, или продвигаться дальше буквально по метру, иначе неминуемо свернешь себе шею. На миг ее сознание прояснилось, и она отчетливо почувствовала запах дыма.

Замерев, Лина с трудом сосредоточилась, убедилась – это вовсе не галлюцинация, где-то неподалеку горит костер. Она поняла, что враг поблизости, он расположился на очередной ночлег, дым от его огня поднимается вверх по долине. Присев поудобнее, девушка крепко зажмурила глаза, с силой придавила их ладонями. Сейчас было бы неплохо принять хорошую порцию обычного сахара, ударить по нервам, на короткое время обострив все ощущения. Но никаких углеводов у нее не было, приходилось обходиться менее действенными методами.

Раскрыв глаза, она поморгала, разгоняя цветные круги. Сняв карабин с

предохранителя, направилась вперед, передвигаясь очень короткими шагами, тщательно прощупывая землю носками ботинок. Лина забыла про усталость и страх, сейчас она была простой боевой машиной, выполняющей несложную программу. Посох остался лежать на земле – девушка уже не чувствовала боли. В ней сейчас билась одна-единственная мысль, заставлявшая как можно осторожнее выйти к стоянке противника и расстрелять его издалека, пользуясь светом костра.

Примерно через полчаса осторожного передвижения она заметила впереди проблески огня. Оценив позицию противника, решила идти туда напрямую, не спускаясь к ручью. Возможно, от русла удобнее было бы стрелять, но Лина сильно боялась, что в темноте поскользнется там на мокрых валунах, а вдоль воды звуки падения разносятся очень хорошо. Продвигаясь чуть ли не по сантиметру, она через час смогла явственно различить костер, пылающий в зарослях кедрового стланика.

Присев на колено, девушка подняла колпачки с оптического прицела, припала к окуляру. Пушистые ветки сильно затрудняли обзор, но хорошая просветленная оптика не подвела. Возле костра темнела могучая темная фигура, Лина явственно различила, что враг лежит на земле, укрывшись хвойным лапником. Она не рискнула стрелять с этой неудобной позиции. Обзор был сильно затруднен, да и спецпатрон может разорваться от касания по любой ветке. Реактивной гранаты у практикантки больше не было, а бросать ручную нежелательно: она отскочит от любого препятствия. Нет, с этого неподходящего места начинать схватку нельзя.

На выбор более удобной позиции ушло еще около пятнадцати минут. Крепко прижав приклад к плечу, Лина навела подсвеченное перекрестье на середину лежащей фигуры. К этому моменту костер уже сильно прогорел, света было немного – она не могла теперь разглядеть врага подробнее, без инфракрасного прицела это попросту невозможно. Девушка не спешила, она знала, что исход всей схватки решит первый выстрел. Сильная отдача собьет ей прицел. Если она промахнется или не причинит серьезного ранения, противник немедленно ускользнет в темноту, ее шансы на победу мгновенно уменьшатся до нуля. Сделав мягкий выдох, девушка плавным, слитным движением выбрала свободный ход спускового крючка, остановила палец в этом положении, после второго выдоха согнула его до конца.

Карабин лягнул в плечо, по долине разнесся раскат оглушительного выстрела. Ловить врага в просветленную оптику было некогда, но, к счастью, мушка и прорезь открытого прицела были выкрашены светящейся краской, позволяя пользоваться ими даже в полной темноте. В одну

секунду поймав цель, она выпустила новую пулю, только сейчас с радостью убедившись, что демон остался на месте. Судя по всему, первое попадание было довольно удачным: его сильно ранило или ошеломило. Надо продолжать стрелять, пользуясь благоприятным моментом.

В несколько секунд опустошив обойму, Лина бросилась вперед, на ходу вставила новую, передернула затвор, продолжила стрельбу в движении, на мгновение останавливаясь при каждом выстреле. Когда она подбежала к стоянке врага, пришлось перезарядить оружие еще раз. Встав в пяти метрах от неподвижного тела, девушка в слабом свете угасающего костра разглядела его подробнее и сразу поняла: ей конец. На земле вытягивалось грубое подобие высокой фигуры, насыпанное из камней и всякого лесного мусора. Разрывные пули разнесли этот хлам на несколько метров. Если б не темнота, практикантку никогда бы не обмануло это нелепое чучело, тем более что присутствие врага ощущалось с невероятной силой – он был здесь, рядом.

Уже понимая, что это совершенно бесполезно, она дернулась в сторону, спеша развернуться, но тут же замерла– из-за плеча появился длинный черный коготь, изогнутый, как ятаган. Остановившись у горла, он легонько прикоснулся, коротко кольнула боль, Лина почувствовала, как из бритвенного разреза по шее прокатились капли крови. Как ни странно, она совсем не испугалась, только почувствовала немалую досаду оттого, что противник смог подкрасться к ней незамеченным. Девушка зажмурила глаза, прекрасно понимая, что сейчас умрет. Помешать этому было попросту невозможно, коготь демона снесет ей голову одним легким движением. Враг не спешил, явно собираясь насладиться ужасом обреченной жертвы, но практикантка не намерена была доставлять ему излишнее удовольствие. Да, она проиграла, но гибель ее будет достойной, Лина не собиралась лить бессмысленные слезы или просить о пощаде.

– Самка, – тем же кошмарным голосом произнес демон, – я же говорил, чтобы ты больше не шла за мной следом. Мои слова были тебе понятны. Почему ты меня не послушалась?

– Ты враг, мой долг тебя уничтожить, – обреченно ответила Лина.

– Я же предупреждал, что ты умрешь, если продолжишь идти за мной следом.

– А мне до лампочки все твои предупреждения, – устало огрызнулась девушка.

– Самка, мне даже стало немного странно. Почему ты до сих пор еще существуешь? Глупцам здесь не место, смерть попросту про тебя забыла. Бросай на землю свое смешное оружие.

Девушка замешкалась, не желая подчиняться указаниям врага. Огромный серп вновь коснулся шеи, нанеся очередной порез. Лине ничего не оставалось делать, как выпустить карабин из рук. Тот мягко шлепнулся на мшистую почву. Коготь немедленно исчез, в спину легонько подтолкнули:

– Самка, садись возле огня.

Девушка удивленно замерла, ничего не понимая. Новый, гораздо более сильный толчок едва не сбил ее с ног. Она вынуждена была подчиниться приказу врага, присела неподалеку от прогоревшего костра. За спиной послышался шум, слева вышла огромная фигура, склонилась, подбросила ворох дров. Демон протянул над ними растопыренную когтистую ладонь, что-то утробно пробормотал. Сыроватые ветки мгновенно задымились, по ним побежали язычки пламени.

Враг присел по другую сторону от разгорающегося костра, в неровном свете пламени Лина смогла рассмотреть его подробнее, но не сумела определить разновидность твари. Довольно стандартная фигура, напоминающая кошмарного медведя, защищенного прочной черной броней, покрытой гребнями острых выступов. Серповидные когти на локтевых сгибах и запястьях, длинные тонкие пальцы с множеством раздувшихся суставов, желтые глаза с вертикальными щелями зрачков. Девушка автоматически фиксировала все приметы, разумом, однако, хорошо понимая – рассказать об этом ей никогда не удастся, преследование закончилось с довольно предсказуемым финалом. Никто не может тягаться один на один с высшим демоном, просто удивительно, что ей удалось зайти так далеко в своем отчаянном, безнадежном преследовании.

Однако даже в этой ситуации Лина все еще не сдавалась. Она ни на один миг не забывала о крупнокалиберном пистолете командира оперативников. Его обойма была полна, патрон загнан в ствол – оставалось только снять грозное оружие с предохранителя. Полудюймовые пули не слабее, чем у ее карабина. Однако девушка даже не пыталась тянуться к кобуре, она прекрасно понимала, что стремительный противник не даст ей возможности атаковать. Враг, будто почуяв ее воинственные мысли, прогудел:

– Самка, не трогай оружие, что висит у тебя на пояснице и сбоку от молочных желез.

– Оно для тебя совсем не опасно, – спокойно произнесла девушка. – Хочешь, докажу?

– Как?

– Не бойся, я просто покажу тебе патроны.

Девушка медленным движением вытащила из кармашка жилета обойму для карабина, выщелкнула верхний патрон, протянула вперед:

– Видишь красное тройное кольцо?

– Да.

– Таким образом помечаются специальные боеприпасы, предназначенные для вашего уничтожения. Они снаряжены мощной взрывчаткой и измельченным серебром.

Медленно, не вынимая оружие из кобуры, она извлекла обойму из рукояти «беретты», показала демону верхний патрон:

– Видишь? Здесь нет красных колец. Это обычные пули из свинца в стальной рубашке, покрытой медью. Они вряд ли смогут повредить твою прочную шкуру.

– Все равно не трогай это оружие, – прогудел демон. – Мне очень не нравится, когда его используют против меня. Это очень неприятно. Мое колено до сих пор страдает от болезненного повреждения, причиненного одним из твоих мужчин.

Лина вернула обойму на место, стараясь не выказывать при этом явной радости. Враг успокоился, он думает, что пистолеты для него не опасны. У противника не хватило догадливости потребовать продемонстрировать «Дезерт Игл» с его спецпатронами. Что ж, этот раунд практикантка все-таки выиграла. Если враг подарит ей еще немного времени, она сможет еще больше усыпить его бдительность и наконец попытается атаковать.

– Самка, и как вы только можете существовать в этом ужасном холоде? – раздраженно произнес демон. – Ты так медленно подбиралась к моему костру, что я едва не замерз до конца, терпеливо карауля тебя в кустах.

– Плохо, что я этого не знала, – не удержалась девушка. – Иначе бы не стала атаковать, позволила бы тебе самостоятельно сдохнуть от холода.

– Самка, меня не так просто убить, не надейся. Но здесь действительно очень холодно. Ваш мир весь пропитан гнилой сыростью, здесь даже ночь ненормальная, она совсем не греет. Это место ничем не похоже на мою родину.

– Так что же ты сюда приперся? Сидел бы дома и горя б не знал!

– Самка, говори яснее, мне трудно понимать твой странный человеческий язык, я на нем еще никогда не разговаривал, если не считать тех слов, что говорил тебе возле деревянной хижины.

– Странно, а мне показалось, что ты хорошо знаком с нашей речью. Говоришь довольно уверенно, без ошибок.

– Нет, мой родной язык – фиболо. Я просто на всякий случай съел мозг

одного из твоих мужчин, поэтому могу теперь говорить с тобой на русском, до этого я знал только четыре земных наречия. Но всю информацию его разума узнать не смог, многие понятия так и остались для меня недоступными.

– Это был хороший человек!

– Самка, зачем ты мне это говоришь? Неужели его мозг чем-то отличался от других? Я не собирался убивать твоих мужчин, но они просто не оставили мне другого выбора.

– Ты напал на них первым!

– Самка, я только защищался, ведь они меня нашли. Если бы ты только могла представить, как тяжело пробивать ткань миров в этом холодном, неприветливом краю. После такого огромного усилия мне пришлось долго отлеживаться, прятаться в куче холодных камней, ожидая момента, когда полностью восстановятся мои истаявшие силы.

– Тогда зачем ты вообще сюда пришел? Ведь здесь очень тяжело найти пищу, сыро и холодно, нет того комфорта, что в вашем проклятом аду!

– Хочешь, я отвечу тебе всю правду на этот вопрос?

– Вы все лжецы! К чему тебе открывать мне истину?

– Да хотя бы по той причине, что твоя жизнь сейчас полностью принадлежит мне. Я могу оборвать ее нить одним движением.

– И ты считаешь это обстоятельство веским доказательством своей правдивости? – насмешливо произнесла Лина, чуть подвинув ладонь в сторону пистолета.

– Не только.

– Хорошо! Рассказывай, я послушаю твою нелепую ложь, хоть посмеюсь немного. Все равно других развлечений здесь нет.

– Самка, ты мне грубишь! Я и в самом деле расскажу тебе все, но вначале сама объясни – почему преследуешь меня? Ведь ты прекрасно понимала, что никогда не справишься с таким сильным противником. Или потеря всех мужчин окончательно помутила твой слабый разум?

– Да нет, я их почти не знала. Демон, у каждого из нас свой собственный путь, мой был проложен чувством долга. Я не имела права тебя отпустить, это просто моя работа.

– Самка, скажу тебе откровенно – у тебя очень неудачная работа. Если ты все же выживешь, немедленно ее смени.

– Выживу? А ты разве не собираешься меня убить?

– Нет. Я не хочу лишать тебя жизни, иначе сделал бы это уже давно. Тогда, на лысой горе, убив твоих мужчин, я знал, что ты прячешься среди растений, но не стал тебя уничтожать.

– Почему?

– Ты же самка, а я настоящий воин. Мы стараемся не убивать тех, кто может дать начало новой жизни.

Лина невесело усмехнулась:

– Бережно заботитесь о своей пищевой цепочке?

– Самка, говори со мной нормальными словами, я тебя иногда не понимаю!

– А что здесь неясного? Ты пощадишь меня только для того, чтобы когда-нибудь отнять жизнь моих будущих детей. А если я скажу, что вовсе не желаю ими обзаводиться?

– Самка, это совсем неважно. А кроме того, ты мне лжешь.

– И в чем же?

– В тебе так и играет жизненная сила, ты невероятно богата этим бесценным сокровищем, она обязательно найдет себе выход. У тебя неизбежно будут дети, если, конечно, ты сможешь выйти отсюда живой.

– Но ведь ты не собираешься меня убивать?

– Нет. Но ты сама, даже без моего вмешательства, медленно умираешь. Я вижу саму суть вещей – в твоей крови много опасных мелких существ, они быстро пожирают тело. Кроме того, ты очень ослабла от постоянного холода и нехватки пищи. Сядь ближе к согревающему огню, он тебе поможет.

Пожав плечами, Лина пересела к самому пламени, только тут поняв, что замерзла до полного посинения. Едва удерживаясь от непроизвольного звона зубов, она заявила:

– Кому скажи, никто мне не поверит! Демон заботится о здоровье сотрудницы Ордена! Ты хоть знаешь про нашу организацию?

– Да. Ты не первый человек из Ордена, с кем я разговариваю.

– Вот как? Не слышала. Они что, тоже остались в живых?

– Не все. Но большинство из них умерли своей смертью или не от моих рук. Мы просто обсуждали с ними деловые вопросы.

– Демон, да что ты несешь?! Какие могут быть дела между тобой и сотрудниками Ордена?! Похоже, у тебя пострадало не только колено!

– Мой род имеет свои огромные владения на вашей планете. Нам поневоле приходится общаться с твоим Орденом, чтобы сохранять там мир и спокойствие. Мы не хотим лишних проблем.

– Какие владения? – недоуменно спросила Лина.

– Некоторые места, где в больших количествах теряются жизни: больницы, скотобойни, районы с высокой смертностью. Иногда это местности, где вы начинаете ожесточенно убивать друг друга миллионами.

– Демон, ты лжешь! – вскрикнула девушка. – Наш Орден ни за что не позволит вам хозяйничать на Земле!

– Самка, да ты невообразимо глупа! Твои хозяева попросту не могут нам ничем помешать. Но и мы не хотим излишних сложностей в этом богатом мире. Ваш главный враг – дикие, они не знают никаких правил и чувства меры. Твой Орден прощает нам очень многое, но при одном условии – мы не будем пускать орду на свою территорию. Нас это вполне устраивает, ведь кому нужны вороватые нахлебники в собственных угодьях?

– Это ложь!! – яростно воскликнула Лина. – Орден никогда не пойдет ни на какое сотрудничество с вами!

– Он уже пошел, и это случилось очень много лет назад. Как ты думаешь, почему ваша цивилизация так быстро достигла подобных высот? Я тебе отвечу: мы вам попросту это позволили, ведь для нас только благо, если население Земли растет. А ваш воинственный Орден смог сосредоточить в своих руках все связи с нижними мирами, могущественные государства Земли почти никак не могут теперь повлиять на его работу, он набрал большую силу.

– Ложь! – вновь выкрикнула Лина, уже чуть не плача.

– Самка, я не стану тебе ничего доказывать. Если ты способна размышлять самостоятельно, то поймешь – я не лгу.

– Тогда зачем ты сюда пришел?! – обвинительно выдохнула девушка. – Ради чего убил оперативников?! Что тебе могло понадобиться здесь, в глухой тайге, вдали от ваших мифических территорий?!

Демон повернулся, длинными руками ухватил новую охапку дров, подбросил в костер. Вокруг застучали дождевые капли. Задрав голову, он тоскливо произнес:

– Если бы не священный долг перед своим родом, я бы никогда не пришел в это сырое место, причем без оружия и свиты, согласно требованиям ритуала. Мне было очень больно и невероятно плохо, твои мужчины даже не дали отдохнуть после изматывающего перехода между мирами. Я кричал им, что пришел сюда только за камнем, но они не слушали, тянулись к своему оружию. Мне не хотелось их убивать, ведь это не по правилам моего пути долга. Пойми, самка, я пришел сюда всего лишь за священной реликвией рода. Для меня это свято, при выполнении подобной миссии нельзя забирать жизни, но мне пришлось это сделать.

– Я не пойму, что это за камень?

– Самка, ты слышала когда-нибудь об артефактах Истинного Мира?

Лина недоуменно пожала плечами:

– Я думала, это простые легенды. Наши воспитанницы иногда шептались о подобных вещах, но там не было ничего правдоподобного.

– Самка, это вовсе не выдуманные легенды. Истинный Мир был, есть и всегда будет, все остальное – его темные задворки.

– Ты был там? – зачарованно спросила Лина, на миг забыв даже о том, с кем разговаривает; немудрено – она только что столкнулась с настоящей сказкой.

– Глупая самка, никто из сущих не может попасть в Истинный Мир. Он другой, ничем не похож на наши три кольца, туда не ведут тропы, и никто не может совершить силовой пробой.

– А как же сюда попадают его частицы?

– Разными дорогами. Камень нашего рода был захвачен в одном из срединных миров, что соседствует с твоим. Местные жители создали там довольно странную религию, поклоняясь вымышленному идеальному миру. Я не знаю почему, но создания Истинного Мира дали им свой камень, который жрецы заложили в фундамент своего главного храма. Наш род вел долгую войну с дикими за обладание этой богатой территорией, но эта схватка окончилась очень плохо: там исчезла почти вся жизнь, планета была попросту опустошена. Ирдатус, легендарный владыка нашего рода, сумел вырвать из-под носа врага ценный артефакт, но вернуться домой у него не получилось. Орда загнала его на Землю; обессилевший, сильно израненный, неподалеку отсюда он дал свой последний бой. Понимая, что погибает, Ирдатус смог отправить камень Истинного Мира в небытие, воспользовавшись особым секретом нашего рода.

– То есть камень уничтожен?

– Нет. Ни одну частицу Истинного Мира нельзя уничтожить. Завтра, сразу после заката, на месте давней битвы камень вновь явится на Землю. Согласно долгу рода, я должен забрать его домой и, думаю, ты мне в этом поможешь.

– Даже не мечтай об этом! – рефлекторно вскинулась Лина. – Я никогда не стану помогать отвратительному демону!

– Самка, ты хоть примерно представляешь себе, что здесь сейчас происходит?

– Естественно! Что здесь непонятного? Ты попросту пытаешься принудить меня к омерзительному предательству!

– Нет. Раз твои хозяева сотрудничают с нами, это уже не предательство. Ты ничем не повредишь своему Ордену.

– Почему же ты у них не попросил помощи? – ехидно поинтересовалась Лина. – Они бы с радостью оказали тебе всяческое

содействие!

– Я не настолько глуп, как ты. Твой Орден, естественно, постарался бы забрать камень себе, а я не хочу с ним воевать. Но речь идет вовсе не об артефакте. Я спрашивал: понимаешь ли ты, что творится в этом огромном сыром лесу?

– Честно говоря, нет, – призналась девушка. – Я не пойму, почему меня до сих пор не нашли поисковые отряды или вертолеты?

– Твоим хозяевам сейчас не до тебя. Случилось непредвиденное: Трон Габор, изменник квари, смог объединить вокруг себя часть диких, он напал, идет большая битва. Я не стал брать с собой свиту, чтобы не ослаблять род в эти трудные для всех времена. Мне казалось, что здесь не потребуется много усилий. Но все оказалось совсем не так. Сперва вы не дали мне собраться с силами после перехода, больно ранили в ногу. Это так меня ослабило, что я все дни шел очень медленно, даже ты, хилая самка, смогла следовать за мной по пятам. Но три дня назад произошло и вовсе страшное – Трон Габор послал сюда большую орду ракшасов. Я не знаю, откуда он сумел узнать о камне Истинного Мира, но это случилось. На месте последней битвы Ирдатуса сейчас собираются сотни низших. В этих краях нельзя пробить пространство точно– их разбросало повсюду. Но они все спешат к цели. Как только артефакт появится из небытия, они отнесут его своему хозяину.

– И что ты хочешь от меня?

– Помощи. Ты обычная самка, но твое невероятное упрямство достойно настоящего воина. Чтобы завладеть камнем Ирдатуса, мне потребуется немало усилий, кто знает, может, твоя поддержка решит исход этой трудной схватки.

– А почему ты не вызовешь подкрепление?

– Не успею. Это плохое место, сюда очень тяжело пробиться, даже задействовав сильные ритуалы вызова, а точный проход проделать невозможно. Если я уйду, а затем приведу помощь, то мы можем оказаться очень далеко от желанной цели и не успеем забрать камень. Ты согласна мне помочь?

– Ни за что! Никакое сотрудничество с демонами невозможно, что бы ты ни пытался мне сейчас врать!

– Плохо, я думал, что ты хоть немного умнее.

– Очень жаль, что пришлось тебя разочаровать, – усмехнулась Лина и, повернувшись к костру другим боком, подвинула руку немножко ближе к пистолету.

– Самка, а ты никогда не задумывалась, что будет после того, как

камень попадет в руки диких или ко мне?

– И что же?

– Если он достанется мне – я немедленно уйду, если орде – они отправят одного демона к хозяину. А теперь подумай, чем займутся после этого остальные? Вижу в твоих глазах огонек понимания. Неужели ты все-таки догадалась?

– Да. Но смысла тебе помогать не вижу. В любом случае орда останется на Земле. Ракшасы слабы, но их много, прольются реки крови.

– Верно. Они немедленно поспешат на юг: там железная дорога и ваши крупные города. По пути будут держаться на грызунах и диких животных. Часть не найдет себе пропитания, но большинство доберутся до настоящей пищи. Твоим сородичам придется очень тяжело, они не имеют ментальной силы для противодействия демонам, а ведь Орден обязан защищать человечество.

– Но ведь тебе придется с ними сразиться за обладание камнем. И хотя они все же задавят тебя огромной толпой, но ты силен – убьешь при этом очень многих. Сила орды уменьшится, чему я буду очень рада.

– Самка, а тебя случайно не пугает, что такой могущественный артефакт окажется у диких? Они быстро найдут ему применение, используют против вас же.

– Для меня вы все совершенно одинаковы! Так какая разница, у кого из демонов в конце концов окажется этот камень Ирдатуса? Нет, я ни за что не стану тебе помогать – это просто противоестественно!

Враг подбросил в и без того сильное пламя новую порцию дров. Лина невольно подумала о его действиях с благодарностью. Не имея топора, она не могла собирать толстые дрова в изобилии, в основном довольствуясь всякой сырятиной, валяющейся на земле. Демон же не мелочился, посбивал со всех окрестных деревьев более-менее сухие ветви, разломал их на небольшие куски, заготовив целый склад топлива. Костер разгорелся настолько сильно, что на девушке, сидевшей в двух шагах, начала парить одежда. Она подумала, что если развесить ее поблизости, то все высохнет за час. Но, к сожалению, это было совершенно невозможно. Практикантка не представляла, как можно сидеть перед демоном в одном нижнем белье.

Враг молчал около пяти минут, прежде чем нехотя произнес:

– Если твоя помощь окажется действенной, обещаю: я вернусь со своей свитой, мы обязательно уничтожим всех ракшасов, не дадим им натворить здесь больших бед.

– Неплохо сказано! – скептически хмыкнула Лина. – Вот только какие судьи будут определять, насколько действенна моя помощь?

– Самка, я не собираюсь тебе ничего доказывать – это бесполезно, ты же просто ничему не веришь. Утром я встану и уйду. Если к тому времени ты ничего не надумаешь, то останешься здесь одна. Все, сиди и размышляй.

Ничего не ответив, Лина достала стланиковую шишку, принялась извлекать орехи. Желудок едва не закорчился в мучительных судорогах от этих жалких подачек. Она прекрасно понимала, что не сможет насытиться, но по крайней мере это занятие отвлечет ее от нестерпимого желания уснуть на месте. Засыпать возле демона было нежелательно, да и невозможно, девушка не верила ему ни на грош, но понимала – ему действительно что-то от нее нужно. Иначе к чему эти странные разговоры?

Кроме того, слова врага ее крайне смутили. Среди воспитанниц ходили смутные, неправдоподобные слухи о том, что Орден имеет контакты с некоторыми группировками демонов. Об этом можно было предполагать по странным, необъяснимым явлениям и невмешательству организации в события, происходящие в различных регионах. Лина старалась не прислушиваться к подобным сплетням, но не думать о них совсем было просто невозможно.

Девушка покачала головой, прекрасно понимая, что сейчас не время размышлять о странных действиях Ордена. Нельзя, чтобы в сердце зародилось малейшее недоверие к организации. Кто знает, может, демон только к этому и стремится? Надо быстро решать, как поступить в этой сложной ситуации. Если отказать врагу, то на рассвете он уйдет; как бы за ним ни гнаться, противник не подставит ей спину, он слишком силен. Кроме того, не исключено, что все миролюбивые слова – ложь. Получив отказ, он ее попросту убьет, чтобы перестала путаться под ногами.

Наиболее логичный выход – согласиться на сотрудничество. Как ни противно об этом думать, лучшей альтернативы нет. Продолжая путь вместе с демоном, можно вытянуть из него дополнительную информацию, а кроме того, он не всесилен. Рано или поздно может появиться шанс на удачную атаку, она его не упустит, более того, приложит все силы к тому, чтобы он возник. Если удастся разделаться с этим врагом, то к вечеру Лина должна выйти к месту появления артефакта. Там можно будет попытаться забрать его себе или как минимум причинить ущерб ракшасам.

Приняв решение, практикантка произнесла:

– Я согласна.

Демон кивнул:

– Я знал, что так будет. У тебя просто нет другого выхода.

– И что дальше?

– Скоро здесь рассветет и станет немного теплее, мы отправимся к месту последней битвы легендарного Ирдатуса.

– Мы успеем?

– Должны. Осталось не очень далеко. Почему ты смеешься?

– Демон, боюсь, ты зря ищешь у меня помощи.

– Но почему?

– Я невезучая. У меня настоящий талант притягивать к себе неприятности.

– Поясни свои слова?

– Я родилась без отца, мама от меня отказалась, после чего убила себя. Вся моя жизнь сплошное наказание, можно честно признать – с младенчества я не выходила за стены тюрьмы, не совершив при этом никакого преступления. Одно это может много сказать о моем везении, но я еще не закончила. Едва меня выпустили за ворота, первым делом села в самолет, который захватили террористы. Затем отправилась с оперативниками на рутинную проверку, где самая страшная опасность – нечаянно присесть на занозистый пень. Дальше сам знаешь – нарвались на тебя, со всеми последствиями. Пока вела преследование, чего только со мной ни случалось: я мерзла и тонула в болоте, на меня нападали не только звери – даже рыбы. Можешь себе представить? У меня ранена нога, я серьезно заболела. Ты уверен, что тебе нужна именно такая союзница?

– Самка, просто кроме тебя здесь никого нет. Я готов сотрудничать с любым созданием, лишь бы завладеть камнем Ирдатуса.

– Как знаешь. Но учти – мои неприятности теперь и твои тоже!

– Ничего, мы недолго будем вместе. Если все пройдет хорошо, еще до следующего утра я буду у себя дома.

– Раз уж мы теперь союзники, позволь мне взять карабин. Он мокрый и грязный, его надо почистить. Сам понимаешь, без оружия от меня не будет много толку.

– Хорошо. Но не вздумай причинить мне вред. Я двигаюсь очень быстро – ты поплатишься за свою дерзость.

Лина повернулась, ухватила карабин за ствол. Не делая резких движений, разобрала его, складывая детали на плащ, тщательно почистила, использовав до конца все остатки бинта и смазки. Она понимала, что больше ухаживать за ним, скорее всего, не придется, все решится в течение ближайших суток. Демон внимательно следил за ее манипуляциями, девушка даже не думала попробовать его атаковать. Необходимо дождаться более удобного момента, если повезет, он обязательно появится.

Приведя оружие в порядок, она повесила карабин на обломанную

ветку стланика, вернулась к костру. Погрев ладони, озябшие от контакта с металлом, Лина произнесла:

– А ты хорошо знаешь, куда именно надо идти?

– Да, я уже был здесь, примерно две тысячи лет назад.

– Наших лет?

– Да. Это место очень приметное, здесь его ни с чем не перепутаешь. Мы ни за что не пройдем мимо.

– Не мог ваш легендарный Ирдатус остановить свой выбор на более нормальном районе.

– Не всегда можно выбирать место своей смерти. Кто знает, может, и мы с тобой ляжем там, возле могилы великого Ирдатуса.

– Как по мне, так весьма сомнительная честь.

– Самка, мне тоже не хочется погибать. А самое главное– я должен выполнить долг рода. У тебя есть своя семья?

– Нет, я сирота.

– Но какой-то род есть?

– Нет. Так получилось, я не виновата.

– Самка, так нельзя! Никто не может существовать без своего рода! По кому же тогда придется равняться?

– Насчет этого не беспокойся, – усмехнулась Лина. – У меня есть великолепный объект для подражания. В Монастыре, где я воспитывалась, была легендарная выпускница – Нельма. Она отправила немало твоих сородичей обратно в ад, прославилась на весь Орден в считанные годы. Но потом что-то произошло, никто не знает никаких подробностей, просто ходят разные слухи. В общем, ее не стало. В галерее павших героев висит пустая рамка, без фотографии. Я была совсем ребенком, ты не представляешь, как тяжело жить, зная, что у тебя нет родителей или даже просто родственников, которые будут тебе рады. Одна на целом свете, без всякой надежды на то, что это изменится. Мне надо было заполнить пустоту в своем сердце, с ней просто невозможно жить. В общем, я сказала себе, что Нельма – моя мать, и все последние годы стремилась к тому, чтобы быть ее достойной. Это не пустые слова: я стала лучшей ученицей, но никто не мог даже представить, насколько мне было тяжело. Однако Нельма, будь она жива, могла бы мною гордиться. Я бы без стыда взглянула в ее глаза, понимаешь?

– Самка, ты сама выбрала себе род.

– Получается, что так.

– Насколько я понял, он достойный, хотя для меня странно признавать женскую доблесть.

– Естественно! Ведь для тебя женщины – просто станки по производству новой жизни.

– Ты права, я именно так и думаю.

– Жаль, что вместо меня здесь не оказалась Нельма. Твою тушу уже давно бы изучали в нашей лаборатории.

– Самка, не пытайся меня разозлить. Лучше засни и хоть немного отдохни, иначе просто не сможешь идти. Нам предстоит немалый путь.

– И не надейся, я не засну рядом с мерзким демоном!

– Глупая самка! Да если бы я хотел причинить тебе вред, то сделал бы это давно. Ты полностью в моей власти.

Ничего ему не ответив, Лина достала фляжку, выпила остатки противной едкой жидкости. Ей надо было продержаться до рассвета, осталось совсем недолго. Там она сделает себе укол стимулятора. Вовремя вводя новые дозы, девушка сумеет действовать около суток, прежде чем рухнет окончательно. Но к тому времени ее путь уже окончится.

Скорее всего, вместе с жизнью.

Часть третья
Безумство храбрых

Глава 1

Зайдя в палатку, Клещ склонился над раскладушкой, потряс спящего диктатора за плечо:

– Чапай, вставай. Ты просил немедленно разбудить, если что-нибудь случится. Только что еще одну вертушку сбили, с армейским экипажем.

Тот мгновенно открыл глаза, еще не проснувшись окончательно, четко произнес:

– Уничтожить!

– Да успокойся ты, там уже отбомбились.

– И как?

– А хрен его знает! Выжгли еще одну долину.

– В центре района?

– Ближе к его южной части. Сам вставай и на карту посмотри.

– Все, надоело! Придется запретить боевые вылеты для машин с армейскими экипажами, мне начинают надоедать эти потери. Исключение сделаем только для разведчиков.

– Наших пилотов не слишком много.

– Ничего, в случае чего нашу авиацию поддержат остальные самолеты.

– Как знаешь.

– А что по разведке?

– Полный ноль. Ракшасы как сквозь землю провалились, ни одного контакта за всю ночь. Правда, снимки непрерывно продолжают изучать, там материала на десятки часов работы.

– Хреново! Может, они вовсе не в центр шли?

– А кто их знает! Поисковые отряды взяли уже два довольно приличных вектора, по ним – так вроде, примерно к центру.

Вскочив, Чапай стал натягивать куртку, уже на ходу спрашивая:

– А что там по Чульману?

– У них аэропорт ничем не лучше местного. Одна раздолбанная полоса, тяжелые машины ставить негде. Если уж так хочешь что-нибудь уничтожить, сбрось на него ядерную бомбу – хоть одно доброе дело сделаешь.

– Чего это он тебе так не нравится? – заинтересовался Чапай.

– Да пару лет назад я уже бывал в этих краях, потому меня и направили сюда куратором «красной тревоги». Когда в Москву улетал, чуть до конца с катушек не съехал, такого бардака еще нигде не видел. Купил

билет в агентстве, все честь по чести, такие деньги заплатил, что нормальная авиакомпания за них в Париж и обратно прокатит.

– Что, жаба задавила? Денег жалко? – усмехнулся Чапай.

– Да нет, уже перед самым взлетом меня сняли с рейса, представляешь? Прямо из самолета вытащили! Что-то там у них неправильно было оформлено, причем не по моей вине. Я чуть не озверел, пришлось через Якутск добираться.

– Ладно, но хоть что-то из техники у них поставить удалось?

– Несколько штурмовиков и два разведчика. Большего оттуда не выжать.

– Ну вот! А ты сразу бомбить! Ведь пригодились же. Не плачь, потом разбомбим. Периметр в порядке?

– Все по-прежнему. Кроме диких зверей никого не видели. Час назад перехватили группу нелегальных старателей, развернули их назад. По Тилмону остановили катер – мужики шли рыбачить. Тоже не пустили. В общем, тишь да благодать.

– А что там по поводу нашего объявления?

– Со слов свидетелей, на карту вынесено уже около двух сотен старых шурфов, точно указана меньшая часть из них, остальные еще придется выискивать. В общем, сомневаюсь, что мы его найдем даже через год. Не тот случай, тут вся тайга перекопана.

– А я вообще этому Графу не доверяю, – убежденно заявил Чапай.

– Почему? Он ведь один из самых лучших экстрасенсов!

– Ты забыл про его бредовые видения, где ножом режут боевой скафандр? Нет, я тебе точно скажу, этот махровый сионист явно мухоморов объелся!

Клещ сделал страшные глаза:

– Тише ты! Вдруг услышит – год потом в туалете жить будем!

– В таком случае я с ним такую шутку проделаю, что ему вообще в уборной делать нечего будет! Ладно, хватит всякой ерундой заниматься, пойдем в штаб, посмотрим, чем там эти каменные задницы занимаются.

Подъем миновали около полудня, дальше путь шел по самому краю водораздела. Демон двигался впереди, но Лина даже не пыталась направлять на него карабин. Она не обольщалась на этот счет, прекрасно понимая, что хитрый враг внимательно следит за каждым ее движением. Девушка не спешила, рано или поздно должен появиться удобный момент, ведь дорога неблизкая, может случиться что угодно. Она не упустит свой шанс.

Стимулятор подействовал не совсем так, как она представляла. Ноги стали резиновыми, их будто бы накачали волшебным насосом. Иногда ей начинало казаться, что они идут сами по себе. Но ничего, самое главное – путь продолжается. Хуже обстояло со всем остальным: Лина явно заболела довольно серьезно. От жара болезненно растрескались губы, сердце билось, выскакивая из груди. Время от времени накатывали такие сильные приступы головокружения, что она едва удерживалась на ногах. Кроме того, здорово мешал шум в ушах, он не позволял слышать слабые звуки.

Но Лина не слишком переживала за свое самочувствие. Ей попросту ничего не оставалось делать, кроме как следовать за демоном. Долг есть долг, пусть Орден и забыл о своей потерянной воспитаннице, это ничего не меняет. Она дойдет до конца пути и сделает все, что будет в ее силах. Практикантка рассчитывала, что перед закатом вкатит себе в бедро оставшиеся две дозы стимулятора. Эффект от их приема позволит ей довольно эффективно сражаться в течение некоторого времени, на короткий период она даже избавится от боли в тазобедренном суставе, вновь превратится в разрушительную машину смерти. Как бы там ни сложилось, этот бой будет коротким, времени ей хватит.

Демон обернулся и рявкнул:

– Самка, ты не можешь идти быстрее?

– А куда нам торопиться – все равно до вечера успеем. Далеко еще?

– Видишь тот длинный хребет, впереди?

– Да.

– Сразу за ним будет небольшая круглая долина. В ее центре стоит одинокая скала с белыми прожилками. Там находится наша цель.

– Понятно. Тяжеловато будет взобраться на этот хребет.

– Нам просто некуда деваться. И так приходится идти к цели не по самой кратчайшей дороге. Я не хочу снова ломиться через эти сырые заросли.

– Правильно мыслишь. Так нам придется идти на несколько километров больше, но по водоразделу гораздо легче двигаться. Кроме того, я не представляю, как мы будем здесь спускаться: склоны очень крутые.

– Самка, ты это слышала?

– Что?

– Готовься к битве, на нас нападают ракшасы!

Лина не стала переспрашивать подробности, всецело доверяя нечеловеческому чутью демона. Сняв карабин с предохранителя, она прижала приклад к плечу, разворачиваясь в сторону крутого склона.

Вовремя – из хилых кустов уже выскакивали враги. Девушка сосчитала их в один миг – противников было пятеро. Они неслись стремительными прыжками, в отдельные моменты походя на кошмарных кенгуру с тонкими, гибкими хвостами. На ходу они торжествующе квакали, глупые создания ничуть не испугались присутствия высшего, все их помыслы были направлены на практикантку, их привлекла тускнеющая искра ее жизни.

Первый выстрел был просто фантастическим, такая удача бывает нечасто – тяжелая пуля угодила радостно вопящему монстру прямо в рот, он даже не успел удивиться, кувыркнулся в воздухе, не завершив свой прыжок, начинка его головы превратилась в фарш, щедро сдобренный серебром. Снять второго Лина не успела, ее опередил демон, ударом когтей едва не разорвав противника на две части. В третьего она выпустила четыре пули, разорвавшиеся в прочной коже, только после этого он рухнул. В тот же миг на нее налетел четвертый.

Девушка успела ловко увернуться, заваливаясь на бок, выстрелила ему в основание головы практически в упор. Противника отбросило на несколько метров, упав на колени, он жалобно взвыл. Лина из положения лежа вбила в него остатки обоймы, перестав стрелять только после того, как услышала сухой щелчок.

Вскочив, она убедилась, что все кончено – последний противник пал под когтями ее страшного союзника. Обернувшись, демон произнес:

– Самка, от тебя пахнет кровью, они пришли на этот запах. Ты выбрала плохое время для ежемесячного кровотечения.

– Нет, дело вовсе не в этом, просто у меня ранена нога.

– Понятно. Самка, я тобой доволен, ты неплохо сражалась.

Усмехнувшись, девушка заявила:

– Надо посмотреть вниз, может, там новые подбираются.

– Вряд ли, – усомнился демон, но все же подошел к самому краю обрыва.

Глядя вниз, он, не оборачиваясь, произнес:

– Самка, поскорее заряди свое оружие, мы можем еще не раз столкнуться с ракшасами, ведь все они идут к нашей цели.

– Конечно, – спокойно произнесла девушка.

Перехватив карабин в левую руку, она протянула правую ладонь к поясу, но не стала расстегивать карман с обоймами. Вместо этого обхватила рукоять тяжелого пистолета, выхватила его быстрым движением, выстрелила навскидку.

Страшная отдача едва не свернула ей запястье; демон, пораженный в поясницу, не удержался на ногах, от удара рухнул на колени. Бросив

карабин, Лина перехватила пистолет двумя руками, выстрелила второй раз. Пуля ударила в черную затылочную пластину, швырнула врага вперед, тот покатился вниз по склону, сминая чахлые кусты и ударяясь о камни.

Подбежав к тому месту, где он стоял, девушка выпустила остатки обоймы вслед поверженному врагу. Его уже не было видно, демон угадывался только по дрожанию кустов, задеваемых его удаляющимся телом. Постояв наверху пару минут, Лина окончательно убедилась, что все стихло – противник укатился в густые заросли, господствующие ниже по склону. Она не знала, насколько серьезно он ранен, но преследовать его больше не собиралась. В этих дебрях, даже будучи серьезно раненым, враг представлял немалую опасность. Нет, практикантка знает цель его пути, она дойдет туда самостоятельно.

Присев возле влажной проплешины, Лина сорвала несколько макушек душистого болотного багульника. Растерла их в руках, намазала вонючей зеленью повязку на ране и левую штанину. Потом, недолго поразмыслив, вывозила всю одежду. Она практически не мылась уже больше недели, если не считать редких полосканий в холодной воде, поневоле вся материя пропиталась запахом грязного тела. Не стоит лишний раз дразнить ракшасов, ведь их нюх просто идеален. Сейчас отпала надобность в их подманивании – демон повержен, он опрометчиво расслабился, поняв, что карабин человеческой самки разряжен.

Убедившись, что вывозилась в соке багульника, где только можно, Лина поднялась, повесила на плечо карабин и направилась к хребту, пересекавшему этот плоский водораздел наподобие исполинской Китайской стены. Практикантка надеялась, что раненый враг теперь не успеет добраться до цели. Но ей все равно необходимо продолжать путь, ведь остаются еще ракшасы. Необходимо первой добраться до камня Истинного Мира, нельзя, чтобы он попал в лапы противника.

Часа через три она вколет себе в бедро вторую порцию стимулятора. После этого придется терпеть до вечера, сохраняя последние две дозы для боя.

Разведывательный самолет направил объективы камер в просвет меж облаков, торопливо сделал несколько панорамных снимков. Через полтора часа он сядет в Нимгере, пленки уйдут в полевую лабораторию, на проявку. Только через два часа еще влажные, свежие снимки попадут в отдел интерпретации. Там им проставят специальный шифр, они займут свою очередь, далеко не первую; приоритетом обладала информация, полученная из центральных районов. Только перед закатом фотографии лягут на стол

усталого сотрудника с воспаленными глазами. К половине одиннадцатого руководитель отдела сделает окончательное заключение, что в кадр попал человек, предположительно невысокая девушка с укороченным карабином.

К этому моменту разведывательная информация уже не будет иметь никакого значения.

Настоятельница не носила часов, в случае необходимости она всегда могла взглянуть на экран мобильного телефона. Вот и сейчас, привычно потянувшись к трубке, она вовремя остановилась, вспомнив, что отключила ее еще в Хабаровске. С тех пор это чудо современной связи было бесполезно: в Нимгере не было сотовой станции. Мюллер не стала включать свой телефон. Придется некоторое время ждать окончания загрузки, потом вводить мудреный код. Нет, будет гораздо проще зайти в ближайшую палатку, спросить время у обитателей.

Она так и сделала. Встав на пороге, посмотрела на двух мужчин, склонившихся над картой. Кошкин и Граф обернулись в ее строну. Олег кивнул, а экстрасенс ловко снял спортивную кепку, сделал ею элегантный жест приветствия, вновь опустил на свои оттопыренные уши.

– Который час? – спросила настоятельница.

– Вам по местному или московскому? – уточнил Олег.

– Все равно, я считать, слава богу, еще не разучилась.

– Здесь без пятнадцати два.

– Благодарю. Чем вы тут занимаетесь?

– Да вот, аналитики обработали информацию, полученную от населения, вынесли на карту точки, где сведения о наличии подходящих шурфов получены из двух и более источников.

– И что дальше?

– Моя очередь, – отозвался Граф. – Пытаюсь напрячь свой скромный талант, увидеть там хоть что-нибудь.

– И как результаты?

– Самое интересное, что удалось повидать, – не слишком зрелищную драку кедровки с бурундуком за прошлогоднюю шишку. Все это без толку, астральное поле до сих пор не успокоилось, все мои усилия бесполезны.

– Но как вы считаете, Ветрова еще жива?

– Я же сказал – очень трудно понять. Что вы хотели от бедного еврея?

– Но ведь при первом сеансе вы высказывались гораздо определеннее!

– Да! Но в тот момент я ее просто четко почувствовал, во всей силе цветущей юной жизни.

– А сейчас?

– Плохо, – вздохнул Граф. – Нет, я что-то ощущаю, но это настолько смутно, что ни в чем не могу быть уверен наверняка. Никакой цветущей жизнью там и не пахнет.

– Из-за чего это происходит?

– Трудно сказать.

– Вы считаете, что она мертва?

– Может, и так, – не стал скрывать экстрасенс. – Но это далеко не единственное объяснение происходящему.

– А что же еще может быть?

– Даже не знаю, одни догадки. Она могла крепко уснуть, находиться в коме, возможно, тяжело ранена или попала в область затенения астрального поля.

– Это уже интереснее, – оживилась настоятельница. – Такие области бывают в строго определенных условиях.

– Верно, – согласился Граф. – Но нам от этого ничуть не легче. Я уже сбросил информацию аналитикам, те, в свою очередь, трясут геологов. В указанном районе десятки мелких и крупных магнитных аномалий, связанных с железными и титаномагнетитовыми проявлениями, огромное количество тектонических узлов, где пересекаются крупные разломы, есть также несколько интрузивов ультраосновных пород[9]. Если предположить, что практикантка находится рядом с подобным объектом, это не слишком облегчит ее поиск.

– А сводная карта?

– Она еще не готова, – сказал Кошкин.

Кивнув, настоятельница вышла из палатки, встала возле входа, посмотрела на восток. Где-то там, очень далеко, вот уже неделю в одиночку бродит очень необычная воспитанница, на которую она возлагала немалые надежды. Мюллер в очередной раз пожалела, что не является сильным экстрасенсом. Со своей настойчивостью она быстро разыскала бы свою невезучую Алину, умудрившуюся на обычной практике попасть в такой переплет.

Мысленно пожелав ей удачи, настоятельница направилась в сторону длинного здания аэропорта. Там она лично участвовала в расспросах местных жителей, приходивших с рассказами о старых шурфах с шестигранными ломами на отвалах. С помощью своих незамысловатых способностей она легко выводила на чистую воду разных обманщиков, соблазненных запахом легкой наживы. Благодаря ее усилиям было отсеяно много ложных данных, что хоть немного помогало аналитикам.

Настоятельница не знала, что в эту самую минуту на ее мобильный

телефон в очередной раз пытается дозвониться Сергей Махров. Услышав очередной ответ автомата, он положил трубку, твердо решив, что вечером попробует набрать этот номер в последний раз. Ему уже порядком надоел этот ежедневный ритуал, инженер связи все более склонялся к мысли, что стал жертвой какого-то непонятного розыгрыша.

Выйдя в закуток коридора, используемый персоналом как курилка, он застал там двух дымящих артельных маркшейдеров. Те посматривали в окно на виднеющуюся вдали крышу аэропорта и обсуждали свежие городские сплетни, касающиеся странной тамошней суматохи. Сергей с удовольствием с ними пообщался, даже не подозревая, что является прямым участником этих событий.

Судьба практикантки находилась сейчас в его руках.

Подъем был просто бесконечным. Лина вколола себе вторую дозу стимулятора, еще не преодолев заросли кедрового стланика, хотя собиралась сделать это только на вершине. Она испугалась, что попросту рухнет в глубокий обморок и будет валяться в этих кустах до тех пор, пока ее не найдут ракшасы или не прикончит холод. Девушка была уверена, что стоит на пару мгновений закрыть глаза – и она их уже никогда не откроет. Сил у нее и раньше было довольно немного, но события этой бессонной ночи просто доконали. Если бы не стимуляторы, ее путь был бы уже закончен.

Стланик наконец стал редеть, карабкаться через него уже не приходилось, только в отдельных местах Лина делала небольшие петли, обходя самые густые заросли. Впереди показалось открытое пространство, вскоре она вышла на каменную осыпь. Курумник был сложен преимущественно из больших уплощенных глыб, по каким-то причинам в этих местах камни были практически голые, лишайника на них не было. Слабо закрепленные, они часто угрожающе гремели и покачивались под ногами. Приходилось бороться с сонным туманом в голове, рассчитывать каждый свой шаг, чтобы не заработать переломы ног.

Вновь начала мучить нестерпимая жажда, это был побочный эффект от употребления стимуляторов, а кроме того, не стоило забывать о болезни. На водоразделе Лина несколько раз напилась из разных сомнительных луж. Она знала, что это нежелательно, но лучше заработать желудочные проблемы, чем упасть от обезвоживания. В любом случае ей осталось продержаться немного, плохая вода не успеет причинить ей много хлопот. Здесь, на склоне, не было даже болот, сейчас девушка была готова на все, несколько раз она уже пробовала высасывать влагу из сырого мха, но

больших успехов в этом не достигла. В одном месте практикантка едва не сошла с ума – под камнями явственно журчал ручеек, но добраться до него было невозможно. На разборку глубокой осыпи в лучшем случае уйдет несколько часов, времени на такую работу у нее не было.

Пройдя этот участок, она присела, сорвала несколько верхушек стланиковых веток, растерла их в руках, втерла смолистый сок в одежду и волосы. Ей уже давно было совершенно наплевать на свой внешний вид, честно говоря, она сомневалась, что когда-нибудь еще увидит человека. Впереди Лину ждала неминуемая встреча с ордой ракшасов, где-то рядом бродил разъяренный демон, обманутый своей коварной союзницей. Шансы на выживание в такой непростой ситуации были, мягко говоря, не слишком велики. Сомнительно, что нашлась бы хоть одна компания, согласившаяся сейчас застраховать жизнь практикантки. Однако девушке было на это наплевать. Она весьма смутно представляла, что станет делать дальше, но одно знала четко: прежде всего необходимо добраться до места появления камня. К счастью, демон весьма опрометчиво объяснил ей, где именно произойдет это событие. Она хорошо запомнила его слова и знала, что по таким приметам легко найдет цель своего недельного пути.

Последние метры подъема она преодолевала уже с помощью рук, колени почти не слушались, подгибались, в ране на лодыжке пульсировала нудная боль. Лина не снимала повязку, но подозревала, что туда все же попала инфекция. Ничего поделать с этим нельзя, у нее больше не осталось медикаментов или перевязочных средств, а лечиться средствами нетрадиционной медицины некогда. Взобравшись на вершину, она прошла несколько шагов, присела среди невысоких кустиков стланика, оглядела открывшуюся панораму.

Перед ней простиралась круглая, почти идеальная долина, похожая на кратер вулкана или давний след падения метеорита. В диаметре этот природный амфитеатр имел около трех километров, крутые склоны были прорезаны только в одном месте, оттуда вытекала небольшая речка. Ее питали ручьи, собиравшие влагу со склонов всего исполинского цирка. По какому-то капризу природы почти все они соединялись примерно в одном месте, так что верховья речушки были похожи на растопыренную птичью лапу.

Когда-то здесь на славу поработали старатели. Их разработка доходила до места слияния ручьев. В оптический прицел Лина разглядела ржавую цистерну из-под горючего и обломки каких-то времянок. Немного ближе виднелся одинокий странный останец, выраставший практически из ровного места. Это было странно – обычно они усеивали склоны. Впрочем,

там их тоже хватало, на гребнях бортов долины возвышались целые нагромождения живописных скал. Некоторые напоминали сказочные замки с острыми шпилями тонких башен, другие утопали в зелени, будто жилища неизвестного народа, покинувшего эти края очень давно, оставив свои селения во власти тайги.

Но в середине долины скала была единственная, она неестественно возвышалась среди редкого леса и голых каменистых проплешин. Подкрутив резкость прицела до упора, Лина внимательно изучила подступы к цели, увидела первых ракшасов – они ловко прятались под защитой зарослей. Девушка не удержалась от бледной улыбки, она поняла, что не ошиблась – конец пути близок.

Опустив защитные колпачки на уязвимые линзы, она повесила карабин на плечо, шагнула вперед. Ей предстояло совершить немалый спуск, а потом около километра осторожно пробираться среди невысоких холмов, поросших лесом. Если ничего не помешает, практикантка доберется до цели еще до заката.

Резервный аэродром вот уже несколько дней не походил сам на себя. Здесь просто бурлила жизнь. Рев мощных двигателей не умолкал ни на минуту. Одни самолеты садились, другие взлетали, третьи выруливали к площадкам или от них. Запасы горючего таяли с угрожающей быстротой, техники сбивались с ног, едва успевая обслуживать десятки крылатых птиц. Большая часть авиации, задействованной в операции Ордена, обреталась именно здесь. Небольшие гражданские аэропорты в Нимгере и Чульмане не могли вместить и десятой доли техники, а кроме того, их полосы не в состоянии принимать самые крупные машины.

Боевой штурмовик уверенно вырулил на взлетно-посадочную полосу, быстро развернулся, замер в ожидании команды диспетчера. Пилот бегло напомнил себе основные детали полетного задания. Ему предстоял вылет в северо-восточную часть района операции. Там, не выходя за границы установленного квадрата, он обязан был находиться около двух часов, держась на высотах около километра. При необходимости его машина нанесет удар по любой указанной цели. Если он попадет под обстрел с земли, то, используя свою высокую скорость и маневренность, должен увернуться от снарядов и провести жесткую контратаку.

На этот раз ему несколько изменили комплект вооружения. Два последних вылета самолет нес на подвеске тридцать две стокилограммовые бомбы со специальной начинкой, но сейчас в штабе признали их применение не слишком эффективным в местных условиях, и

обслуживающий персонал оставил их всего четверть от обычного количества. Освободившееся место заняли объемные напалмовые баки, такого количества горючего студня вполне хватит для уничтожения немалого городского квартала или выжигания таежного распадка. Кроме того, в случае необходимости пилот мог обстрелять цель из скорострельной тридцатимиллиметровой пушки.

Взлет наконец разрешили. Взревели мощные реактивные двигатели, самолет быстро набрал скорость, оторвался от бетона, задрав нос, направился к небесам, спеша достигнуть своего эшелона высоты. Пилот был уверен, что все пройдет как обычно и через три часа штурмовик вернется назад, не израсходовав ни одного литра напалма. Он знал, что основные действия происходят в центре района, там сосредоточена почти вся авиация. Его самолет будет вдалеке от этой суеты, за два предыдущих вылета он ни разу еще не попадал в боевую ситуацию.

На краю патрулируемого квадрата располагалась небольшая круглая долина, похожая на древний вулканический кратер или давний след падения метеорита.

Глава 2

По замкнутому кругу на высоте около восьми километров двигался огромный стратегический бомбардировщик. Он только что заполнил свои баки горючим; воздушный заправщик, вылив свой груз по топливоприемной штанге, ушел на аэродром. Грозный самолет мог теперь находиться в воздухе еще несколько часов.

Три члена экипажа бодрствовали, занимая свои кресла, только штурман-оператор крепко спал, расположившись на откидной койке. Полет затянулся, все здорово вымотались, но скоро все должно закончиться – через семь часов они вернутся на землю. Там их ждет долгожданный отдых, а по этому широкому кругу станет ходить второй самолет.

Ту-160 был самым мощным бомбардировщиком мира, он мог поднять на себе десятки тонн смертоносного груза. Высокие скоростные характеристики позволяли ему в случае необходимости в несколько минут достигнуть любой цели в районе проведения операции. Пилоты еще ни разу за время ожидания не получали боевой приказ, но готовы были выполнить его в любое мгновение.

Сорок тонн обычных свободнопадающих бомб могли легко перепахать всю круглую долину, ведь ее диаметр не превышал трех километров.

По аналогичному кругу, только на несколько большей высоте практически порожняком шел второй бомбардировщик. Габаритами он сильно уступал своему стратегическому собрату, экипаж и грузоподъемность тоже были гораздо меньше. Правда, скорость его была столь же велика и легко позволяла выйти к любой цели в районе множественного пробоя в кратчайшее время. На борту он нес одну-единственную, относительно небольшую бомбу. Он мог с огромной точностью сбросить ее на указанную цель.

Не всем было понятно, к чему нужна такая точность, ведь по своей разрушительной силе эта бомба превосходила ту, что была сброшена на Хиросиму, почти в сто раз.

Лина даже не подозревала, что в местном воздушном пространстве дежурят подобные монстры авиации, карауля подходящую добычу для своих исполинских зубов. Облачность была почти сплошная, инверсионных следов не видно. Да и, честно говоря, ей сейчас было не до

рассматривания небес. Рацию свою она уже не включала давно – батарея практически разрядилась. У нее оставались еще две сигнальные ракеты, но применить их можно только при близком появлении вертолета или самолета. Пока что девушка если и слышала звук двигателей, то он был настолько неясный, что казался галлюцинацией. Не стоило обращать на это внимание, она уже не доверяла собственному рассудку: по краям поля зрения то и дело возникало призрачное движение, несколько раз ей уже мерещились люди в лохматом камуфляже или псевдохитиновых скафандрах. Но стоило хоть немного повернуть голову, как все видения мгновенно исчезали. Практикантка понимала, что стимуляторы в союзе с обезвоживанием и высокой температурой серьезно поразили ее мозг, теперь не всегда можно было доверять своему зрению и слуху.

До одинокой скалы было около четырехсот метров. Лина заняла удобную позицию на зеленом пригорке, возвышающемся над пустошью, покрытой редкими кустами кедрового стланика и отдельными тонкими деревьями. Отсюда открывался отличный вид на конечную цель пути. Девушка наконец дошла. Расстелив на земле плащ, она чистила на нем все свое оружие. Бинтов и смазки больше не было, Лина использовала оторванный карман брюк, тщательно вычищая из механизмов лесной мусор. На втором плаще были выложены остатки ее боеприпасов: пять магазинов от карабина, один из которых неполный, обойма для «беретты» и шесть ручных специальных гранат. Сейчас бы очень не помешали кое-какие вещи, оставшиеся в утерянном рюкзаке, но их уже не вернуть. В бой придется вступать с этими жалкими крохами. Правда, есть еще верный нож и посеребренный стилет в специальном кармашке пониже затылка. Но надеяться на эти клинки в предстоящей схватке было нельзя – противник не тот.

Ракшасов здесь обреталось не просто много – это был настоящий кошмар. Все окрестности скалы кишели уродливыми хвостатыми созданиями. Они прятались под пушистыми кустами кедрового стланика и большими деревьями; у Лины создалось впечатление, что низшие опасаются авиации. Судя по всему, те раскаты далекого грома, что иногда в эти дни доносились до ее ушей, были следствием применения крупнокалиберных бомб или ракет. Орден или армейские подразделения не бездействовали, но все их усилия были тщетны. Они так и не нашли места, куда стремились все демоны, иначе уже давно бы выжгли всю долину.

Девушка не знала, как заполучить камень Истинного Мира, но не колебалась в своем решении. Враг силен и многочислен, но он не предполагает ее присутствия, значит, как минимум есть один плюс –

эффект внезапности. Кроме того, ракшасы, мягко говоря, не страдают от избытка интеллекта, так что глупость противника – это второй плюс. Все остальное – сплошные минусы. Лина и в нормальном состоянии вряд ли что-нибудь смогла бы здесь совершить, а сейчас и подумать страшно об активных действиях. Будучи практически на грани смерти, она вряд ли даже сумеет красиво умереть – на это попросту может не хватить сил. Оставалось надеяться, что лошадиная доза стимулятора хоть на короткое время сделает из нее прежнюю машину смерти. Этот непродолжительный момент придется использовать на всю катушку. Надо каким-то образом первой завладеть артефактом и спрятать его где-нибудь неподалеку, потому что скрыться с ним не удастся.

Лина не обольщала себя наивной надеждой, что сможет уйти на значительное расстояние. При ее нынешнем состоянии это попросту невозможно, а кроме того, двойная доза стимулятора, скорее всего, прикончит ее за пару часов. Она и сейчас страдала от сильного обезвоживания, но это были только цветочки. Девушка понимала, что идти к ближайшему ручью не стоит. Если ее заметят ракшасы, все закончится очень быстро и камня ей не видать. Нет, практикантка будет терпеть. Пусть губы ее растрескались, как пустынная почва, а окаменевший язык ссохся и болезненно саднил – она не поставит под угрозу свою цель.

За спиной послышался шорох, Лина, даже не обернувшись, надрывая пересохшее горло, хрипло произнесла:

– Как твое самочувствие?

Несколько секунд было тихо, но затем демон соизволил заговорить:

– Самка! Если бы ты только знала, как я сейчас жалею, что не убил тебя в первую встречу, вместе с мужчинами, еще на той горе!

Пожав плечами, девушка хладнокровно произнесла:

– Жизнь – это полоса упущенных возможностей. Но разговор у нас сейчас не о том. Демон, я же спросила четко и ясно: как твое самочувствие?

– Зачем тебе это знать? Просто издеваешься? Ты меня обманула – в твоем оружии были страшные пули, они проделали две раны в моей спине. Я страдаю!

– Приятно слышать, что не я одна здесь мучаюсь. Ты сегодня сможешь воевать?

– Я воин и могу сражаться, пока существую.

– Хорошо, я надеялась на такой ответ, дожидаясь тебя здесь.

– Самка, ты меня ждала?! – В голосе демона было неописуемое удивление пополам с яростью.

– Разумеется, – спокойно ответила девушка.

– Но зачем? Неужели ты не боишься, что я тебя убью после того, что ты со мной проделала? Самка, я катился почти до самого конца спуска, проклиная тебя после каждого удара о дерево или камень. Моя броня треснула в нескольких местах, левый глаз перестал видеть, а спина горит, пропитавшись мерзким серебром. Я торопился сюда изо всех сил, мечтая об одном – разорвать тебя в мелкие клочья! И вот ты передо мной!

– И в чем причина задержки? Растягиваешь удовольствие?

– Да! Я даже не знаю, что сейчас делать. Пожалуй, для начала вытащу тебе один глаз, чтобы ты хоть немного осознала, что я сейчас чувствую!

– Валяй, – равнодушно бросила Лина, не переставая возиться с оружием. – Но, если не трудно, вырви левый, без правого я не смогу метко стрелять.

Демон немного помолчал, но потом мрачно заявил:

– Я один и ослаблен твоим коварством. Здесь собрались сотни ракшасов. Долг перед родом не позволит мне избежать битвы. Победить невозможно, я неминуемо погибну. Не стоит держать ответ перед лицом предков, имея на совести недавнее убийство человеческой самки. Кроме того, оно не принесет никакой пользы делу, да и жить тебе все равно осталось недолго. Непонятно, как ты до сих пор можешь держаться на ногах.

– За меня не волнуйся, я еще тебя переживу. Демон, раз уж ты решил оставить меня в живых, то скажи, как ты собирался действовать здесь первоначально?

– Я хотел показать тебя орде. Ракшасы жадные и глупые, такое зрелище для них просто невыносимо, все враги бросились бы за тобой, а я в это время спокойно забрал бы камень Ирдатуса.

– Оригинально! – устало усмехнулась Лина. – Нечто подобное я и подозревала. И ты думал, что я на это соглашусь?

– Самка, в то время я надеялся, что смогу легко ввести тебя в заблуждение. По своей воле ты бы не согласилась стать жертвой.

– А почему же сейчас все разболтал?

– Самка, и ты еще спрашиваешь!!! После того, что случилось?! Да твое коварство не знает границ! Ты сама смогла обмануть меня хитрым трюком со своими боеприпасами! Скажи, сегодняшнее нападение ракшасов твоя заслуга?

– Отчасти да, – честно ответила Лина. – Я отлично знала, что повязка протекла, а рана воспалилась. Ты сам мне говорил, что к цели стремится вся орда низших, вероятность того, что они почуют запах, довольно велика.

– А сейчас?

– Все в полном порядке. После того, как ты кубарем скатился вниз, я немедленно намазалась местными растениями с резким запахом, меня теперь трудно почувствовать даже за несколько шагов.

– Так я и думал! И после всего этого ты еще спрашиваешь, почему я тебе все рассказал?! Какой смысл что-либо скрывать, если ты хитрее меня и все равно узнаешь правду?

– Приятно, что ты признал превосходство моего ума, а то уже надоело слушать твои наивные бредни про глупую самку. Обидно, небось, что пострадал от примитивной женской хитрости? Ты настолько тупоголовый, что даже не догадался проверить второй пистолет и расслабился, как спящий младенец, после того как в моем карабине кончились патроны.

– Самка! Немедленно прекрати меня оскорблять! Я одним движением могу оборвать невесомую нить твоей угасающей жизни!

– А как же предки, перед которыми ты скоро предстанешь?

– Мне кажется, они не настолько строгие и с радостью узнают про гибель такой неотвязчивой, лживой самки, посмевшей оскорбить воина рода!

– Ты на себя посмотри! Честный нашелся! Пробы давно ставить негде, благородный ты наш! Убивать самок мы якобы не можем, а вот отдать их в лапы ракшасов – запросто!

– Я и сейчас могу им тебя показать! Это будет приятно. Мне ничего не стоит вышвырнуть тебя из кустов на всеобщее обозрение. Ракшасов подобное зрелище равнодушными не оставит.

– Запросто! Можешь начинать. Но только я не стану скрываться, наоборот, поспешу им навстречу, чтобы они не удалились от скалы.

– При этом ты погибнешь!

– Ничего, я все равно не смогу от них убежать. В общем, так: убьешь меня – камня Ирдатуса не увидишь! Понял?

– Нет. Тебя понять иногда просто невозможно!

– Хорошо. Объясняю специально для умственно отсталых: у меня есть план, как обмануть ракшасов и завладеть артефактом. Понимаешь? Или объяснить еще примитивнее?

– Что ты придумала? Опять какое-то хитрое коварство?

– Да. Но оно касается только ракшасов. Посмотри-ка сюда.

Лина поднялась на колени, показала рукой в сторону скалы:

– Видишь длинный пригорок с лысым гребнем, что начинается в сотне метров отсюда?

– Да. Он тянется почти до самой скалы.

– На его вершине зеленеет большой куст кедрового стланика. Если

ползти осторожно, можно будет забраться в него незамеченными.

– Самка, ты все же невероятно глупа! Что мы будем делать в этих зарослях?

– С этой дистанции я смогу стрелять по ракшасам.

– Зачем? Они очень быстро поймут, откуда летят пули, и бросятся на нас.

– Вот и хорошо, ведь именно этого я и хочу добиться.

– Я ничего не пойму! Интересно, кто же из нас глупее?

– И ты еще осмеливаешься сомневаться в своей неполноценности? Демон, неужели ты забыл о стадных привычках ракшасов? Вспомни, как они атаковали нас сегодня днем?

– Поясни?

– В случае встречи с опасным противником они всегда действуют инстинктивно. Будучи стадными созданиями, ракшасы совершенно неосознанно делятся на две группы и стараются взять добычу в клещи. Когда они кинутся на нас, то будут зажимать с боков, окружать сзади, но на гребень практически никто не полезет – в лоб эти твари не атакуют, вспомни сегодняшнее нападение.

– Не вижу никакого смысла в твоих словах. Что толку? Нас быстро окружат и убьют, мы не сможем справиться с таким огромным количеством низших.

– Да я и не думаю с ними сражаться. Ты сможешь точно определить момент появления камня Истинного Мира и предупредить меня хотя бы за минуту до этого?

– Да.

– Если к тому времени мы успеем подготовиться, то получим неплохой шанс завладеть камнем.

– Что нам для этого надо сделать?

– Прежде всего ты должен заминировать боковые подступы к вершине гребня.

– Что это значит?

– Я тебя быстро научу. У меня есть шесть ручных гранат, ты, со своей способностью передвигаться бесшумно и незаметно, поставишь растяжки в проходах между кустами. Ничего сложного в этом деле нет, тут даже глупый демон справится.

– Самка!..

– Успокойся, я всего лишь констатирую факты. Потом мы осторожно доберемся до куста на вершине, и будем ждать момента появления камня.

– И его заберет орда!

– Нет. Перед самым появлением артефакта я начну стрелять по ракшасам. Они быстро поймут, откуда летят пули, дружно бросятся на нас. Скажи, у тебя есть мощное оружие демонов?

– Нет. Я пришел выполнять долг своего рода, а не сражаться. Никто не мог предположить, что все так выйдет.

– А браслет на твоем запястье? Если я не ошибаюсь, это тессакор?

– Да. Он выпускает круговую волну, высасывающую жизнь из никчемных созданий.

– Он поможет против низших?

– Нет. Просто ненадолго их ошеломит, вызовет сильную боль. Кроме того, он действует на очень небольшое расстояние.

– Это уже гораздо лучше! Представь – они мчатся двумя потоками, обходя нас с флангов, и нарываются на растяжки. Каждая граната после взрыва распыляет облако серебра, это их немного задержит, заставит на какое-то время остановиться.

– И что дальше?

– Когда большая часть врагов сгрудится неподалеку, ты применишь свой тессакор, он остановит самых прытких на какое-то время.

– Нам это не слишком поможет. Они быстро очнутся и жестоко отомстят.

– А мы не станем их ждать – бросимся вперед, к скале, завладеем камнем.

– Не все ракшасы будут на флангах нашей позиции. Некоторые отобьются от стаи или запоздают, нам придется бежать прямо через них.

– Да. Я и не говорила, что это будет очень легко. Сможешь предложить лучший план – предлагай. Но пока они будут на нас мчаться, я постараюсь повыбивать тех, кто может оказаться на нашем пути. Но во время рывка тебе придется напрячь все свои силы, у нас одна надежда – только на твою мощь.

– Самка, даже завладев камнем, мы все равно не сможем уйти. Ракшасы двигаются быстро, они нас догонят. Я даже не смогу отправиться домой, на это потребуется хоть немного времени.

– Посмотри, там, за скалой, начинается почти голая пустошь. Ее сделали люди, в прежние времена они добывали здесь золото или платину. Старатели отвели здешнюю реку в глубокую канаву. Ракшасы терпеть не могут воду, если мы успеем туда прыгнуть, нас понесет течение. Это хоть какой-то шанс на спасение.

– Я тоже не люблю эту мерзкую сырость!

– Ради долга перед родом придется потерпеть. Ты же уже

переправлялся через реку?

– Там, на берегу, была металлическая лодка. Я убил ее хозяина и спокойно переправился.

– Мерзавец! А мне пришлось плыть самостоятельно, да еще при этом лишилась своего рюкзака. Значит, ты отказываешься прыгать в воду?

– Раз это необходимо для выполнения долга рода, я согласен.

– Вот и договорились.

– Самка, мне очень непонятно, что ты будешь делать дальше?

– В каком смысле?

– Неужели ты спокойно позволишь мне унести камень Ирдатуса?

Лина усмехнулась, покачала головой:

– Не стану оправдываться, в данный момент я твердо намерена оставить его себе!

– Я этого не позволю!

– А кто тебя спрашивать будет?

– Я убью тебя!

– Это не исключено! Но не сейчас, без меня ты вряд ли подберешься к скале.

Демон яростно сверкнул уцелевшим глазом, но ничего не ответил. Он прекрасно понимал, что самостоятельно может и не справиться с подобной задачей, приходилось мириться с временным союзом. Но ничего, едва они доберутся до камня, все изменится. Больше ему эта настырная самка не понадобится, он уйдет и без нее; вряд ли она сможет сбежать от ракшасов, сил у нее почти нет.

Лина спокойно собирала оружие. Она знала, что ее шансы завладеть камнем невелики, но надеялась, что демон даст ей второй шанс. Практикантка его ни за что не упустит.

Высоко над ее головой небо бороздил астральный разведчик. Шесть сильных сенсов пребывали в своих изолированных коконах, через узкие щели получая скудную информацию из окружающего мира. Каждый демон после пробоя в течение нескольких дней являлся слабым возмутителем защитного поля планеты. Астрал нервно реагировал на присутствие пришельца. Мизерный сигнал уловить было практически невозможно, но сейчас шансы добиться этого довольно велики. Ведь в орде низших сотни тварей, если ракшасы собираются в одном месте, то это скопление можно засечь.

Маленькая долина в геологическом плане сильно отличалась от окружающей местности. Во-первых, ее слагали ультраосновные породы, преимущественно дуниты, богатые железом. Кроме того, было несколько

проявлений магнетитовых руд. Во-вторых, здесь пересекались два крупных разлома глубокого заложения. Именно благодаря этому факту сто миллионов лет назад сюда смогла попасть тяжелая магма из глубин планеты.

Эти факторы позволили орде укрываться с огромной эффективностью, ракшасы находились практически в идеальных условиях для маскировки. Вряд ли их бы засек даже стационарный астральный пеленгатор с десятка километров. Земная природа надежно укрыла врагов человечества от всевидящего ока Ордена.

Настоятельница зашла в палатку, встала возле стола, вопросительно взглянула на Клеща, рассматривающего свежую оперативную карту. Покосившись на нее, куратор отрицательно покачал головой:

– Ничего.

– А последний сигнал вы проверили? По поводу того шурфа, указанного двумя охотниками?

– Да. Его даже нашли, прямо с воздуха. Ничего общего с картиной Графа. Там лежит не лом, а кусок узкоколейного рельса, их в штольнях используют.

– Понятно.

– И мне понятно, – вздохнул Клещ. – Все, надеяться больше не на что. Я только что говорил с Графом, он совсем перестал ее чувствовать. Полная тишина. Из хабаровской квартиры уже привезли комплект ее белья, все равно не помогло.

Настоятельница покачала головой:

– Удивлена! Знаешь, мне почему-то казалось, что ты будешь самым последним, кто поверит в гибель Ветровой.

– Я и сам удивлен, – мрачно произнес здоровяк. – Просто деваться уже некуда – прошла целая неделя. Одна, в тайге, среди буйствующей орды низших. У нее были сигнальные ракеты и рация, все без толку. Самолеты и вертолеты уже совершили сотни вылетов, но никаких признаков практикантки не обнаружено. Смешно надеяться на то, что она все еще жива.

– Не знаю, но скопление диких тоже пока не обнаружено, а ведь его искать гораздо легче, чем одинокую девушку?

– А есть ли оно, это мифическое скопление? Мы еще не засекли ни одной крупной группы противника, кто знает, может, они бродят в одиночку или мелкими стаями? Понять, что у них на уме, невозможно. Астрал практически успокоился, мы подняли наш разведчик – без толку. Он

не засек ничего, хотя облетел район уже два раза. Скорее всего, там нет общего места сбора низших. Практикантка наверняка нарвалась на одну из мелких групп, или ее прикончил тот монстр, что первым явился еще на Раскидистом.

Настоятельница усмехнулась:

– Не хочу тебе ничего доказывать, но знаю совершенно точно: Ветрова не из тех людей, что пропадают бесследно. Мы еще о ней услышим, я в этом не сомневаюсь.

– Хотел бы разделить вашу твердую уверенность, но не могу. Глядя на ее фотографию, невозможно поверить, что она может продержаться там столько времени.

Мюллер покосилась на монитор ближайшего компьютера, с него настороженно смотрела Алина. В последние дни весь Орден охватила настоящая эпидемия, расползающаяся по всем его центрам и филиалам. Фотография симпатичной воспитанницы подобно вирусу почти мгновенно поразила сеть организации, все кому не лень ставили ее на рабочий стол своих машин. Спрятаться от испуганных глаз Ветровой было негде, они встречали настоятельницу повсюду. Сегодня она видела распечатанный листок в кабине боевого вертолета, эпидемия постепенно начинала переходить на бумагу.

В свою очередь, посмотрев на монитор, Клещ заявил:

– Почему на всех служебных фото люди выглядят как перед расстрелом? Даже если мы не найдем тело, надо будет устроить ей похороны по-человечески. Хоть она и сирота, уверен – придут многие.

– Рано ты ее хоронишь, – уверенно ответила настоятельница, и в этот момент тревожно запиликал пульт стационарной радиостанции, лежащий на столе рядом с картой.

Клещ протянул руку, нажал большую кнопку. Из динамика послышался безликий голос, искаженный аппаратурой засекречивания:

– Куратор Клещ?

– Да.

– Говорит Угрюмый, боевой отряд «Кашалоты». Только что на берегу Тилмона, по координатам пятьдесят восемь, двенадцать, двадцать три и сто двадцать девять, шесть, двенадцать обнаружен человек. Назвался Дмитрием, утверждает, что он охранник участка «Аметист». Говорит, что все местные работники погибли.

– Мы это уже давно знаем, участок уничтожен воздушным ударом три дня назад. Подробности он не сообщал?

– Сейчас доложу, выслушайте только самое главное. Он утверждает,

что в поселке произошел бой между ходячими мертвецами и девушкой по имени Алина. Она уничтожила там всех. Случилось это около четырех суток назад.

– Что-о?!! Да где этот Дмитрий, дай его мне!!! Немедленно!!!

– Минуту.

Клещ нервно покосился на стоящую рядом настоятельницу, та обратилась в камень, не сводя глаз с молчащего динамика. Оба дружно вздрогнули, когда послышалось шуршание и неуверенный голос произнес:

– Да?

– Дима, ты видел Алину Ветрову?!

– Да.

– Она осталась жива после того боя?

– Да. Она снова ушла в тайгу кого-то преследовать, а мне приказала добираться до людей.

– Дима, ты можешь на карте показать точно, в какую сторону она пошла?

– Конечно.

– Замечательно! Она ничего не просила тебя передать для своего начальства?

– Да нет, к чему? Она ведь все, что хотела, уже рассказала по рации.

– По какой такой рации?

– Нашей, участковой. Вы что, разве не знаете? Это ведь было, считай, уже четыре дня назад.

– Кому она передала сообщение?!! – взревел Клещ.

– Точно не помню, как его зовут, но он инженер связи из «Чарагды».

– Чего?!

– Артель есть такая, у нее контора в Нимгере.

– Ты ничего не путаешь?

– Нет. Он еще должен был с вами по телефону связаться. Послушайте, а что со мной теперь будет? Как я объясню милиции, что произошло на участке?

– Вот за это даже не переживай! – крикнул Клещ. – Тебе милиция с этого самого дня будет честь за пятнадцать шагов отдавать! Скажи командиру, чтобы не уходил со связи!

Отшвырнув пульт, куратор лихорадочно завозился со спутниковым телефоном, набрал код Нимгера, ввел номер справочной службы, включил громкую связь, чтобы настоятельница тоже могла слышать разговор:

– Алле, девушка, дайте мне артель «Чарагду».

– Кого именно?

– Не знаю, кого-нибудь.

– Даю телефон секретаря – тридцать один, шесть, двадцать четыре.

– Спасибо огромное!!! Девушка, я на вас женюсь!!!

– Я уже жената, у меня трое детей.

– Усыновлю! – крикнул Клещ и начал набирать новый номер.

Трубку сняли после восьмого гудка.

– Алле, секретарь?

– Какой тебе секретарь, ты на часы глянь! Поздно уже, все по домам разошлись.

– А ты кто?

– Охранник.

– Быстро давай домашний телефон инженера связи!

– Ага, разогнался! Щас! Не положено!

– Давай живее! – взревел Клещ. – Я из милиции, это очень срочно!

– Раз так, присылайте своих сотрудников, а то знаю я вас!

– Все, охранник, п… тебе!

Воя от бессильной ярости, куратор выключил трубку, на один миг задумался, затем выскочил из палатки, бегом направляясь к шеренге боевых машин. Если бы охранник видел сейчас его лицо, то ему стало бы очень нехорошо.

Экипаж, спокойно выслушав странный приказ, ничуть не удивился: они видали и не такое. Не зря Орден славился своими чудаками. Взревели двигатели, Клещ остался позади, чихая от вонючего выхлопа. Проводив взглядом быстро удаляющуюся машину, он поспешил в палатку, к радиостанции, дожидаться информации от своих бойцов. Как бы ему ни хотелось быть сейчас с ними, поддаваться этому желанию нельзя, его присутствие очень необходимо здесь, возле штаба, где сосредоточены главные нити управления операцией.

Вася был бичом, в этих северных краях так называли вконец опустившихся людей; термин «бомж» здесь почему-то не прижился. Его душу терзало беспокойство: дело уверенно шло к ночи, а до двадцати рублей не хватало половины. На десятку ему ни за что не продадут флакон композиции для чистки и ароматизации ванн и унитазов. Едкая жидкость под ласковым названием «Женьшень» почти на девяносто пять процентов состояла из технического спирта и без всяких акцизов продавалась в хозяйственных отделах города. Вася очень сильно сомневался, что существуют в мире люди, покупающие этот нектар для чистки сантехники.

Однако сейчас он думал вовсе не об этом. Все его мысли со скрипом

ворочались в полуразрушенном мозгу, решая немалую проблему – где найти еще десять рублей? Причем сделать это требовалось срочно. Если бы ему сейчас предложили убить за них человека, он бы согласился без раздумий. Вася был настолько глубоко погружен в свой внутренний мир, что даже не удивился, когда с грохотом разлетелась бетонная стена, окружающая взлетное поле, и на дорогу перед ним выскочил огромный танк. Заскрипев гусеницами, он замер на месте, из люка высунулся человек в темном комбинезоне, сорвал с головы шлемофон и громко поинтересовался:

– Эй, обморок ходячий, сотню баксов хочешь срубить?

– А рублями можно? – уточнил бич.

– Да хоть иенами!

Вася не колебался ни секунды:

– Кого надо убить?

– Остынь, все гораздо проще. Знаешь контору «Чарагды»?

– Да кто ж ее не знает!

– Садись на броню, будешь нам показывать дорогу.

Вася не стал медлить: нельзя, чтобы это счастье укатило без него. Едва он вскарабкался наверх, двигатели взревели.

– Куда ехать?! – крикнул танкист. – В какой она стороне?!

– Да прямо, совсем рядом, – ответил Вася. – Только объезжать через универмаг придется, ближе не получится.

– А зачем объезжать?

– Так тут гаражей понаставили в пять рядов, как через них пройдешь?

– Не вопрос, – уверенно заявил танкист, и машина рванула вперед.

– Осторожно! – завопил Вася. – Сейчас джип заденем!

– Херня! – хладнокровно заявил танкист. – Краска старая, нам царапин можно не бояться! Главное, чтобы в зад ничего не стукнуло, у нас там новенькое ведро на фаркопе болтается.

Вася восхищенно охнул, когда сверкающий автомобиль мячиком отлетел в сторону, а их боевая машина при этом даже не вздрогнула. Впереди приближался первый ряд гаражей. Оценивающе посмотрев на эти строения, он понял, что к «Чарагде» они действительно подъедут кратчайшим путем.

Через четыре с половиной минуты трясущийся от ужаса охранник, стыдливо пряча мокрое пятно на штанах, протянул листок бумаги со списком сотрудников человеку в темном комбинезоне, невозмутимо стоящему в проломе стены, проделанном танком. Пробежав пальцем по тексту, командир экипажа произнес в радиостанцию:

– Махров Сергей Викторович, его домашний телефон сорок один, девять, четырнадцать.

Демон возник рядом с Линой совершенно бесшумно.

– Самка, я поставил все растяжки, как ты объяснила.

– Усики разогнул?

– Да, я ничего не забыл.

– Хорошо, теперь остается только ждать.

– Самка, не пугайся, сейчас я буду принимать боевую форму.

– Делай все, что тебе требуется, только смотри, чтобы нас не заметили.

Парочка странных союзников скрывалась под ветками невысокого, но пышного куста кедрового стланика, росшего на вершине узкой гривки. Лина осторожно, буквально по веточке расчищала себе сектор обстрела, стараясь, чтобы ее деятельность не обнаружили ракшасы. Ближайшие враги находились примерно в двухстах метрах. Если бы ветер дул в их строну, они бы уже давно почуяли запах человека, не помогли бы все ухищрения.

Под боком раздавалось тихое потрескивание, будто кто-то давил панцири больших жуков. Демон видоизменялся, наращивая щитки брони и удлиняя боевые когти. В боевом состоянии он станет менее подвижным, но зато гораздо более смертоносным.

– Долго еще до появления артефакта? Уже темнеет.

– Скоро, – ответил демон. – Осталось примерно пятьсот ударов твоего сердца.

Лина не сдержала облегченного вздоха. Последний час она с великим трудом сохраняла способность к разумным действиям. Мозг все чаще старался ее обмануть; особенно сильно сводил с ума иллюзорный звук текущей воды, ей казалось, что вокруг струятся целые ручьи живительной влаги. Самое обидное, что с этой позиции отлично просматривалась речушка, видеть это было просто невыносимо. Девушка в своей великой жажде дошла почти до помешательства: несколько раз пробовала жевать чахлые растения и верхушки стланика, даже не ощущая их смолистой горечи – ссохшийся язык уже не различал вкусов.

Отодвинувшись назад, она осторожно присела, вытащила два шприц-тюбика, по очереди ввела их содержимое в бедро, прямо через штанину грязных брюк.

– Зачем ты впрыскиваешь двойную порцию этого эликсира? – спросил демон.

– Я боюсь, что одна мне уже не поможет.

– А это не опасно?

– Очень опасно, – безразлично ответила Лина. – Скорее всего, я погибну от этого через десять минут или час. Не выдержит сердце, а может, окончательно доконает обезвоживание. Но другого выхода нет, в противном случае ты так и не дождешься от меня помощи. Я уже умираю, так что не стоит особо беспокоиться о здоровье.

Демон помолчал, потрогал свой смертоносный браслет, тихо заявил:

– Самка! Нельма, чей род ты выбрала, должна тобой гордиться. Ты настоящий воин, и я признаю твою силу. Мне приятно будет сражаться рядом с тобой.

– Спасибо, – усмехнулась Лина, чувствуя, как начинает бурлить тело, напичканное химией. – Ты готов к схватке?

– Да.

– Хорошо. Скажешь, когда до появления камня Ирдатуса останется около двухсот ударов моего пульса.

– А ты готова?

– Я всегда готова, – произнесла практикантка и, взяв карабин, потянулась к бойнице, выщипанной в густых зарослях.

Клещ поспешно набрал номер, грязно выругался, повернулся к настоятельнице:

– Опять короткие гудки! Надо немедленно выяснить его адрес!

– Попробуй еще раз.

Молясь всем богам и одновременно их же матеря, куратор нажал кнопку, делая повтор. После первого же гудка послышался спокойный мужской голос:

– Слушаю.

– Сергей Махров?

– Да, это я. А кто спрашивает?

– Генерал-лейтенант Ковыряленко. Слушай, Махров, скажи мне, пожалуйста, к тебе на радиосвязь выходила Алина Ветрова?

– Да. Она просила позвонить, но у меня ничего не вышло. По первому номеру, хабаровскому, какой-то Панарин Игорь Владимирович отказался говорить…

– Зар-р-рою падлу!!!

– Что?!

– Да это я не тебе, ты продолжай, бесценный Сереженька, знал бы ты, как мы тебя все сейчас внимательно слушаем!

– По второму номеру сотовый телефон вообще не отвечает. Там

должна быть какая-то настоятельница.

Клещ вопросительно покосился на Мюллера, та пожала плечами и шепнула:

– Здесь нет сети.

Куратор скрипнул зубами, заговорил нервно, без пауз:

– Ладно! Махров, что хотела передать нам Ветрова? Ты хоть примерно это помнишь?

– Конечно! Ее сообщение лежит сейчас передо мной, я только что пытался дозвониться настоятельнице в очередной раз.

– Серега, диктуй скорее!!! Мы слушаем!

– Хорошо. Только приготовьте ручку и бумагу, тут очень много цифр, их надо записать.

– Да не томи, говори быстрее, мы их влет запомним! Знал бы ты, с кем разговариваешь! Начинай!

– Хорошо, диктую слово в слово. Вы готовы?

– Давай!!!

– «Сообщение от Ветровой Алины Игоревны, практикантки Хабаровского филиала. Шестнадцатое июня, двенадцать пятьдесят пять. Продолжаю преследование. Участок «Аметист» больше не работает, ракшасы. Двигаюсь от него на северо-восток. Рация почти села, изредка включаю на прием, безуспешно; остались две сигнальные ракеты. Маршрут почти строго идет по одной прямой, сообщаю координаты трех характерных точек, по ним легко отстроить направление: первая – пятьдесят восемь, шестнадцать, одиннадцать и три, сто двадцать девять, тридцать шесть, сорок три и восемь. Вторая – пятьдесят восемь, четырнадцать, четыре и две, сто двадцать девять, тридцать три, двадцать одна и шесть. Третья – пятьдесят восемь, десять, семнадцать и три, сто двадцать девять, восемь, сорок одна и две». Записали?

– Да! Продолжай!

– «Прошу при первой возможности выслать за мной вертолет, испытываю некоторые трудности, опасаюсь, что в одиночку долго не продержусь». Все.

– Больше она ничего не говорила?!

– Просила дозвониться как можно быстрее, говорила, что это чрезвычайно важно, но спасателей звать отказалась. Надеюсь, я смог вам помочь?

– Серега, сиди дома и никуда не уходи! Тебе скоро принесут золотой телефон и пластмассовое ведро с деньгами!

– Да нет, спасибо, я ведь ничего особенного не сделал. Четыре дня не

мог дозвониться, как ни старался.

– Махров, это не твоя вина! Все! Сиди дома, никуда не уходи, мы про тебя не забудем! А сейчас извини, я отключаюсь!

Отшвырнув телефон, Клещ посмотрел на настоятельницу совершенно безумными глазами:

– Четыре дня!!! Практикантка вышла на связь еще четыре дня назад!!! П-панарин, с-сука-а! Порву!!! Я жить не буду!!!

– Успокойся! – рявкнула настоятельница. – Надо срочно начинать действовать. У нас теперь есть маршрут первого демона!

– Я сейчас! – воскликнул Клещ. – В штаб! Живо! Сейчас они у меня все тут будут дерьмо ложками грузить!

Зарычав, он одним прыжком выскочил из палатки. Мюллер подняла телефон, положила его на стол, затем направилась следом.

В штабной палатке было необычайно суетливо. Аналитики только что подготовили новый комплект оперативных карт, над ними суетились руководящие сотрудники; в центре за огромным столом восседал Чапай, мрачно глядя на потуги подчиненных, пытавшихся из скудных зерен новой информации извлечь хоть какую-то практическую пользу. При появлении Клеща вся суматоха моментально стихла, штабисты замерли, недоуменно смотря на куратора.

Здесь было чему удивиться. Глаза здоровяка горели маниакальным огнем, конечности нелепо дергались, а голова яростно тряслась. Он хотел сразу начать рассказывать о том, что только что узнал, но не смог. От волнения речевой аппарат здоровяка заклинило намертво. Он понял, что если сию же минуту каким-то образом не разрядится, то так и не сможет сообщить новости и, возможно, попросту упадет замертво, заработав тяжелый инсульт от нервного напряжения. Утробно мыча, Клещ подбежал к одному из штабистов, вырвал из его руки одноразовый стаканчик с кофе, быстро перевернул его в воздухе, с силой приложил его о лысину опешившего очкарика. От мокрого неслабого хлопка тот не удержался на ногах, рухнул на пятую точку, недоуменно вытаращил глаза. Но Клещу этого показалось мало. Подскочив к столу, он схватил системный блок, со всей дури запустил им в дальний угол палатки; вцепился в жидкокристаллический монитор двумя руками, поднял его вверх, от души огрел им себя по голове, радостно улыбнулся и повторил эту процедуру еще несколько раз, пока вокруг не полетели куски пластика. Не обращая внимания на кровавый ручей, стекающий по лбу, бравый рыцарь подскочил к столу, уперся в край ладонями, завис над Чапаем, пристально глядя на него в упор.

Удивить диктатора чудачествами сотрудников было совершенно невозможно. Он и глазом не моргнул в ответ на несколько необычное поведение куратора. Посмотрев на него спокойным деловым взглядом, Чапай стер со своей щеки брызги кофе и скучающим ровным голосом, нехотя поинтересовался:

– Что-то случилось?

Клещ резко ухватил себя за края воротника, рванул руки в стороны, разодрав комбинезон до пояса, и прохрипел:

– Практикантка!!!

Три вынесенные точки легли практически на одну прямую, на ней же выделялись найденные метки и голец Раскидистый, оказавшийся несколько в стороне. Удаление между новыми привязками было большим, ошибка направления мгновенно упала до минимального значения, узкий конус протянулся по карте, на выходе из района множественного пробоя он имел ширину не более четырех километров. Где-то в этом вытянутом клине находилась главная цель демонов и, возможно, пропавшая практикантка, если она все еще жива. Девушке чудовищно не повезло: если бы эта информация поступила в штаб всего сутки назад, она бы уже давно была обнаружена и вывезена из опасного района.

В Ордене не знали, что ее путь уже закончен, практикантку все еще надеялись спасти, причем сделать это хотелось как можно быстрее. Для этого необходимо было как можно сильнее уменьшить зону поисков. Аналитики быстро рассчитали, насколько она могла максимально удалиться за это время, отрезали дальнюю часть конуса. Следом учли два довольно протяженных вектора, полученных по результатам выслеживания троп ракшасов наземными группами. Эти стрелки уткнулись в клин, получились две точки на расстоянии одиннадцати километров друг от друга. На прилегающий район немедленно накинулись все штабисты, лихорадочно прикладывая спешно вырисованные кальки на карты с самой различной информацией.

– Севернее два дня назад была засечена группа из четырех ракшасов…

– Двенадцать километров к юго-западу, сорок часов назад попытка атаки самолета-разведчика с последующей бомбежкой местности…

– Шесть единичных векторов отдельных точек наблюдения низших указывают в этот отрезок.

– Отбросить, на них нельзя положиться…

– Что это за серое пятно?

– Урумский дунитовый массив. Довольно обширная зона затенения.

– Там сильные помехи для астрального наблюдения?

– Да не то слово! Это крупнейший интрузив ультраосновных пород в районе, к тому же он еще и осложнен магнетитовыми скарнами. Тень очень густая.

– Там может быть тот шурф со светлыми отвалами?

– Очень сомнительно. Дуниты довольно темная порода. Надо поднять подробную геологическую информацию…

– Есть! Там отмечены проявления плагиоклазовых пегматитов! У них запросто может быть белый цвет!

– А как насчет горных или разведочных работ? Там есть полезные ископаемые?

– Да. Платиновая россыпь, отрабатывалась старателями в восьмидесятые и начале девяностых годов. Есть небольшие проявления драгоценных и поделочных камней, слюды. Отмечены коренные источники платины. В этой долине шурфы и канавы чуть ли не на каждом шагу, геологи там работали, начиная с сороковых годов.

– А что это за такая странная форма рельефа?

– Дунит разрушался быстрее вмещающих пород, его выносило за пределы массива, в конце концов получилась круглая долина, похожая на кратер вулкана, она хорошо выделяется на всех топографических картах, выглядит как бублик.

– Что у нас летает в том районе?

– Немного. Большая часть техники кружит у центра. Рядом дежурит одинокий штурмовик с боевой загрузкой.

– Немедленно направляйте его в долину Урумского массива.

– Ему скоро уходить, может не хватить топлива на возвращение.

– Ничего, примем в Нимгере, это гораздо ближе. В крайнем случае пусть катапультируется, вертолеты найдут его в течение часа.

– Хорошо.

– И стягивайте туда все, что летает. Полный контроль эфира этой зоны в диапазоне поисковиков. Не исключено, что практикантка все еще жива, в этом случае она может выйти на связь, если ее рация до сих пор функционирует.

Пилот выслушал странный приказ, но ответил на него четко, без всяких комментариев. Он понимал, что может и не успеть дотянуть до своего аэродрома, но, если руководству не жаль терять машину, что ж, придется подчиниться. Кроме того, летчик догадывался, что необычные слова о том, что в указанной зоне необходимо следить за землей в поисках

сигнальных ракет свидетельствуют только об одном – где-то в Урумской долине может находиться знаменитая на весь Орден практикантка.

Ему выпала честь ее найти.

Глава 3

Лина подняла защитные колпачки, припала к окуляру. Было еще относительно светло, хорошая оптика давала вполне приличную картинку. Привыкая к прицелу, девушка повела им чуть влево, на миг остановилась, ее чем-то привлек старый, почти полностью засыпанный шурф. Рядом с ним на небольшом отвале светлой породы лежал длинный ржавый лом. Увеличение было столь большим, что казалось, до него можно дотянуться рукой. Чуть ближе виднелась россыпь толстых труб, оставленная старателями на берегу рукотворного русла, куда золотодобытчики отвели мешающую речку. Передвинув карабин назад, практикантка посмотрела на ракшасов, палец лег на спусковой крючок.

Стрельба из нарезного оружия на длинные дистанции представляет собой смесь хладнокровной ловкости и скучной математики. Оружейники еще не изобрели боеприпасы, способные поражать противника со сверхсветовыми скоростями, хотя следует признать, что они непрерывно движутся в этом перспективном направлении. Но пока что приходится довольствоваться тем, что есть в наличии. На летящую пулю действует множество факторов, влияющих на ее траекторию; если на близкой дистанции ими можно смело пренебречь, то, не учитывая их на большем удалении, наверняка промахнешься.

Главная сила, заставляющая пулю двигаться по снижающейся параболе, – земное притяжение. Оно жадно притягивает ее к себе и в конце концов если ничего не помешает, победит окончательно – остановит полет. Учитывая силу тяжести, приходится делать основную вертикальную поправку, зависящую от типа заряда, характеристик оружия и расстояния. Сильный боковой ветер иногда заставляет делать довольно серьезную горизонтальную поправку. Различные типы боеприпасов по-своему реагируют на явление деривации – качения снаряда, вызываемого закручиванием его в нарезах ствола. Помимо этих факторов, существует и ряд других. Иногда ими можно пренебрегать, но бывает, что они начинают представлять серьезную помеху стрелку.

Специальные патроны обладали огромной мощью, но, к сожалению, это достигалось существенным снижением плотности пуль. Ведь вместо тяжелого свинца их в основном заполняли взрывчатка и мелкодисперсное серебро. Из-за этого баллистические характеристики оставляли желать лучшего. Несмотря на солидный калибр, даже не очень сильный ветер

вынуждал делать серьезные поправки уже на дистанции немногим более сотни метров.

До цели было почти в два раза дальше. Лине доводилось стрелять и на гораздо большие расстояния, но из другого оружия. Ее короткоствольный карабин не слишком подходил для снайперской стрельбы. В голове девушки сейчас работал настоящий артиллерийский компьютер, в последний раз проверяя все необходимые поправки. Она надеялась, что прицел не слишком пострадал за эти дни; Лина обращалась с ним очень осторожно, берегла от ударов и ни разу не меняла положение корректирующих винтов. Неплохо было бы провести пробную пристрелку, но вряд ли ракшасы спокойно отнесутся к близким выстрелам, не уделив им внимания. Приходилось надеяться, что все обойдется и пули попадут в цель.

Стимуляторы подействовали очень хорошо, к Лине действительно вернулись силы. Правда, превышение дозы довольно существенно ослабило ее осязательные ощущения, ей приходилось с большим вниманием контролировать процесс сгибания первой фаланги указательного пальца, чтобы как можно более плавно выбирать свободный ход спускового крючка.

Она не стала целить в голову – рана будет очень тяжелой, но шансы на попадание гораздо меньше. Подсвеченное перекрестье легло на широкую грудь, палец пошел чуть дальше, грохнул выстрел. Лина быстро вернула карабин после отдачи, поймала в прицел нового ракшаса. Тот уже вскочил, быстро крутил своей башкой, определяя положение стрелка. Вбив в него тяжелую пулю, девушка принялась поспешно опустошать обойму, стараясь нанести орде противников как можно больший ущерб, пока они не очнулись окончательно.

Меняя магазин, она услышала за плечом мрачный голос демона:

– Они нас заметили и спешат сюда. Скоро нам придется сражаться по-настоящему.

– Все поняла. Готовь свой тессакор, скоро он нам пригодится.

Припав к прицелу, Лина увидела, что пока все идет согласно ее несложному замыслу. Ракшасы поняли, откуда летят смертоносные пули; подчиняясь своему стадному сознанию, ринулись на невидимого противника, стараясь окружить его с двух сторон. Они мчались понизу, лишь отдельные твари неслись кратчайшим путем по гребню гривки. Девушка начала отстреливать этих отщепенцев одного за другим.

Карабин не подвел, она слилась со своим оружием в одно целое, превратившись в единую машину смерти, – ни одна пуля не пропадала зря.

Сбитые с ног мощными ударами, ракшасы с визгом катились по земле, многие после этого уже не могли подняться, а в самых удачных случаях вообще замирали неподвижно. На землю упала вторая опустошенная обойма; быстро вставив третью, Лина вздрогнула от близкого разрыва гранаты – самые прыткие враги, собираясь обойти их сбоку, нарвались в кустах на первую растяжку.

– Следи за ними! – крикнула девушка демону. – Мне некогда смотреть сейчас по сторонам, как только они будут рядом, активируй тессакор!

– Хорошо. Но помни, у меня всего один залп, браслет сможет перезарядиться примерно через сто ударов твоего пульса.

Лина уже не слушала, она била, уже не пользуясь оптикой: ближайшие ракшасы подобрались очень близко, одного, самого прыткого, она сняла, даже не целясь, навскидку оборвав его длинный прыжок. Добивая последние патроны, услышала сразу два разрыва, краем глаза заметила, что враги приостанавливаются возле склона гривки – их несколько напугали импровизированные мины. Девушка помнила, что эти глупые создания побаиваются взрывов, хотя их голод рано или поздно справляется с любым страхом.

Загнав в карабин четвертую обойму, она услышала грозный рык демона:

– Самка, не шевелись, иначе пострадаешь.

Лина брезгливо содрогнулась, когда к ней тесно прижалось тело страшного союзника, при этом плечо больно пропороло хитиновым шипом. Демон выставил над собой руку, девушка поспешно прикрыла глаза ладонями и не увидела сверкающую концентрическую волну розоватого пламени, разошедшуюся в стороны от тессакора. На десятки метров вокруг ракшасов буквально смело: дико воя, они катались по земле, судорожно заламывая конечности, – их тела терзала страшная боль. Надолго она их не остановит, следует немедленно начинать действовать.

Вскочив, Лина быстро рванулась вперед, вслед за демоном. Тот был уже в десяти шагах от нее; треща толстыми пластинами боевого панциря, он мчался по самому верху гривки, спеша к скале. Девушка выкладывалась полностью, она не хотела от него отстать. В голову ей пришла идея выстрелить ему в спину, но у практикантки не хватило на это духу. К своему недоумению, она почувствовала немалый стыд от такой мысли. Проклятый враг стал для нее настоящим союзником, оставить его умирать от лап низших Лина не могла, а кроме того, они еще не получили артефакт.

Несколько ракшасов, избежавших смерти или увечий от пуль, ошеломленно уставились на огромную фигуру. Они ожидали, что в кустах

находится вкусный, беззащитный человек, встреча с Высшим их просто потрясла. От испуга твари даже не обратили внимания на девушку. Демон, двигаясь, как игрок в американский футбол, играючи сметал их со своего пути. Они куклами разлетались в стороны, воя от ран, причиненных страшными когтями и шипами. Последнюю сотню метров странные союзники пробежали без всяких помех. Все низшие остались позади, часть их еще выла от последствий залпа тессакора, другие были ошеломлены неожиданной прытью жертв, нагло прорвавшихся сквозь центр орды, избежав полного окружения столь неожиданным тактическим ходом.

Девушка подскочила к демону, тот стоял возле скалы, уставившись на огромный плоский валун, призрачно мерцающий голубоватыми огнями.

– Так это и есть камень Истинного Мира? – охнула Лина. – Да в нем же не меньше десяти тонн, как мы его унесем?!

– Самка, это просто постамент, поставленный моим родом. Камень еще не появился.

– Но как же так?! Ведь ты говорил, что время вышло?!

– Я ранен по твоей вине, устал и плохо владею своей силой в этом холодном месте. Камень вот-вот появится, смотри, валун светится все сильнее!

– Нам некогда, сюда уже бегут ракшасы!

– Я никогда не отступлю от долга рода – придется сражаться. Самка, ты еще можешь успеть спастись, беги дальше и прыгай в воду, постарайся удалиться побыстрее; речка мелкая, низшие тебя достанут и там, если станешь медлить. Пока орда будет заниматься мною, успеешь скрыться. Уходи!

– Нет!

– Глупая самка! Это же не твоя битва – меня гонит только долг перед родом, иначе бы я ушел! Неужели ты хочешь умереть вместе со мной, своим врагом?

Лина на миг замерла, принимая самое трудное в своей короткой жизни решение. Необходимо было правильно выбрать, кому оставить камень – этому демону или низшим. Она прекрасно понимала, что если помедлит, то артефакт неминуемо достанется орде, с таким количеством противников не справиться. Надо было срочно выяснить, какой враг для человечества страшнее. К сожалению, времени на размышления не было, принимать решение необходимо быстро, пусть даже оно получится ошибочное. Сомнительно, что у нее будет завтрашний день, для того чтобы пожалеть об этом. Повернувшись к своему ненавистному союзнику, она решительно заявила:

– У меня тоже есть долг перед своим родом! Демон, оставайся здесь; как только появится камень, немедленно уходи. Артефакт ни за что не должен попасть к диким.

– Самка, что ты задумала?

– Я отвлеку всех ракшасов на себя. Они очень глупы и не удержатся, чтобы не ринуться за пищей.

Демон что-то громко выкрикнул странным тоном на неизвестном языке и необычно громким голосом пояснил:

– Самка, я очень завидую твоей Нельме! Любой род почел бы за честь принять тебя в свои ряды!

– Прощай! – крикнула Лина, уже бросаясь в сторону.

– Прощай, самка! Мой род про тебя никогда не забудет! – донеслось ей в спину.

Самые прыткие ракшасы были уже довольно близко, они мчались к скале ловкими скачками, уже выпуская в стороны свои стадные клещи, повинуясь инстинкту окружения жертвы. Девушка, отбежав на пару десятков шагов, на ходу приложила левую ладонь к ране от шипа демона, щедро извозила ее в крови, подняла руку, дико закричала. Ее замысел вполне удался, ни один низший не смог бы остаться равнодушным при виде такого великолепного зрелища. Так случилось и сейчас. Орда прервала свою незавершенную атаку, все твари с вожделением уставились на новую добычу, пахнущую столь соблазнительно.

Лина вскинула карабин, вбила все пули в ближайших демонов, быстро поменяла обойму, выстрелила последние боеприпасы – здесь их было немного. Отбросила ставший бесполезным карабин, почувствовала, как на миг сжалось сердце – она привыкла к своему оружию, весь этот нелегкий путь оно служило ей верой и правдой, не дав ни одной осечки. Невыносимо жаль его здесь оставлять, это все равно что навсегда расставаться с близким другом. Но делать нечего, сейчас он будет ей сильно мешать.

Уже пятясь назад, она выхватила тяжелый пистолет, удобно обхватила его рукоять двумя руками, сумела удержать после страшной отдачи, пулю за пулей выпустила в набегающих ракшасов, бросила его под ноги, развернулась, помчалась вперед, в сторону старательской отработки. Кроме почти бесполезной «беретты» оружия у нее больше не осталось, но оно уже и не потребуется. В этой битве победит тот, у кого самые длинные ноги, не стоит обременять себя тяжелым железом.

Она не думала о том, что за ней следом мчится вся разъяренная орда. Лина лихорадочно пыталась зажечь в себе то ощущение, что возникло у нее перед прыжком через монастырскую Пропасть. В тот раз ей удалось

совершить невозможное, но сейчас на карте нечто большее, чем просто жизнь или дальнейшее обучение. Если ракшасы прикончат ее слишком быстро, то могут успеть вернуться к скале до появления камня Истинного Мира, убьют высшего демона и завладеют ценным артефактом. Необходимо было прожить хотя бы несколько минут.

За спиной потрясенно выли ракшасы, они впервые видели, чтобы человек мог мчаться с подобной скоростью, не уступая им ни метра. Низшие демоны, разумеется, не догадывались, что Лина не сможет пробежать в таком сумасшедшем темпе и минуты, сил у девушки не было, ее телом двигало только упрямство и убийственная химия стимуляторов. Мимо прошелестел оранжевый шар, разорвался в десятке шагов с сухим хлопком. Но практикантка на это даже не поморщилась. Ее сенситивная мощь была невелика, но изуверская монастырская методика обучения наделяла воспитанниц отличным ментальным щитом, на них почти не действовало большинство разновидностей необычного оружия демонов.

Ракшасы при виде оранжевой вспышки замедлили бег, они не сомневались, что прыткая жертва сейчас рухнет, готовились впитать уходящую жизненную силу. Увидев, что она продолжает бежать, как ни в чем не бывало, враги дружно взвыли от разочарования, ринулись вслед с удвоенной энергией. Впереди показался широкий провал, понизу его ревела вода. Лина понимала, что по реке ей теперь не уйти. Орда очень близко, твари взбесились от запаха крови и близости пищи, их скудный ум не позволяет понять, что на всех ее не хватит, они ринутся за ней в реку и по берегу, там от них не уйти, все кончится за одну минуту.

К счастью, сумеречного света еще хватало, она четко выскочила в присмотренное еще из кустов место. Раньше Лина собиралась использовать его против демона, уйти по нему, попробовав забрать камень с собой, оставив неповоротливого противника с носом. Боевой панцирь не позволил бы ему проделать подобный трюк. На берегу искусственного русла здесь лежала россыпь толстых стальных труб, оставленных старателями, одна из них зависла над провалом, оканчиваясь на середине искусственного русла.

Не снижая скорости, Лина немного подкорректировала свой курс. Ботинки загремели по гулкому железу, труба угрожающе зашаталась, стала заваливаться вниз, не выдержав изменения центра тяжести. Но девушка успела оттолкнуться, сумасшедшим прыжком достала до противоположного берега, зацепила самый его край, упала на землю, вскрикнула, когда ржавый электрод, торчащий из глины, насквозь пронзил ей бедро. Не обращая внимания на тонкую железку, торчащую в ноге, она развернулась, с радостью увидела, что орда яростно беснуется в полутора

десятках метрах. Ни один ракшас не мог перепрыгнуть такую широкую преграду, а труба упала в воду. В этот момент практикантка услышала нарастающий рев реактивных двигателей.

Даже не глядя в небеса, Лина рванула карман разгрузочного жилета. Сейчас нельзя было терять ни секунды; если удастся подать сигнал авиации, то самолеты могут успеть уничтожить орду и высшего демона, камень Ирдатуса не уйдет в нижние миры. Она уже не думала о том, чтобы бежать дальше, пытаясь укрыться в тайге от ракшасов. При появлении штурмовика все ее планы мгновенно изменились.

Окровавленная левая ладонь крепко обхватила пластиковый цилиндр, другая рука резко рванула петлю шнура – в небо ушла сигнальная ракета.

Штурмовик по короткой дуге за несколько секунд пересек край долины, принялся разворачиваться на крыле, собираясь идти на второй заход. Пилот покосился на индикатор топлива, понял, что еще немного – и до аэродрома он уже не дотянет. Но приказ есть приказ, необходимо пересечь долину в нескольких местах. Жаль, что уже стемнело, внизу, в этой глухой котловине сейчас царил мрак, разглядеть там что-либо было невозможно.

И тут он совершенно отчетливо увидел ярко-красный дрожащий огонек, вздымающийся вверх из середины долины. Почувствовав, как гулко забилось сердце в груди, пилот, не прекращая крутого маневра, дрогнувшим голосом произнес:

– Говорит «Гроза-7», наблюдаю сигнальную ракету, запущенную из центра долины.

– Вы уверены? Может, это проделали дикие?

– Нет, это явно сигнальная ракета, иду на второй заход, попробую пройти над самым местом пуска.

– «Скаут-2», вы на месте?

– Так точно!

– Что слышно?

– Сигналов нет, продолжаем прослушивание диапазона.

– Включайте автоматическую ретрансляцию на штаб, связь может появиться в любую секунду. Если, конечно, у нее все еще работает радиостанция.

– Заминок нет?

– Вся техника сейчас идет в Урумскую долину. Некоторые единицы

могут не дотянуть до аэродромов, кроме того, увеличивается риск столкновений.

– Хрен с ними, нам сейчас понадобится там все, что летает, придется смириться с риском.

– Мы начинаем поднимать авиацию с земли, но этот процесс неспешный, первые самолеты появятся там не ранее, чем через полчаса, до этого момента работать сможет только та техника, что сейчас находится в воздухе.

– Что по вертолетам?

– Первая пара прибудет не ранее, чем через те же полчаса, место больно удаленное.

– Твою м-мать!..

Лина с горечью проследила, как боевая машина исчезает за гребнем долины. Обернувшись на яркую вспышку, она едва успела отскочить в сторону, увернувшись от очередного оранжевого шара, затем вообще пришлось упасть на землю, пропуская над собой сразу два. Прямое попадание такого заряда может причинить немалый ущерб даже неуязвимой воспитаннице Монастыря. Перекатившись по земле, она едва не лишилась сознания от вспышки дикой боли – ржавый электрод, торчащий из бедра, зацепился за камень. Вытаскивать его было рискованно: кровь хлынет потоком, – так что, несмотря на сильное неудобство, трогать железку нельзя.

Из шокового состояния ее вывел дикий рев авиационных двигателей, огромный самолет пролетел над ней так низко, что казалось, еще немного и он обязательно заденет макушки редких деревьев. Лина едва не закричала от досады, ведь первая ракета уже догорела, пилот ее не увидит, но тут же поняла: машина вернулась не зря – первый сигнал заметили.

Ракшасы прекратили обстрел, они перепуганно подвывали, вглядываясь в небеса. Низшие уже сталкивались с авиацией и прекрасно знали, на что способны боевые самолеты. Практикантка болезненно поморщилась, когда по нервам ударил дружный ментальный импульс орды. Монастырский щит спас ее от неминуемой гибели или паралича, но ощущения все равно были очень неприятные. Штурмовик чуть дернулся, но немедленно выровнялся, уверенно направился на новый разворот. Девушка поняла, что за штурвалом сидит опытный пилот Ордена. Только тренированный сенс может перенести столь мощную атаку демонов.

Раскрыв карман разгрузочного жилета, она вытащила свою маленькую радиостанцию, включила питание. Из динамика немедленно послышался

спокойный, уверенный голос:

– …ответьте! «Скаут-2» вызывает Ветрову Алину. Если вы нас слышите – ответьте! «Скаут-2» вызывает Ветрову Алину. Если…

Горло девушки перехватил судорожный спазм, глаза заблестели от невольных слез. Борясь с неудержимым желанием зарыдать в голос, она поднесла рацию к губам, нажала кнопку передачи, взяв в крепкую узду свои эмоции, начала отвечать четким, спокойным голосом.

Орден нашел свою практикантку.

– Я «Гроза-7», только что прошел над местом запуска ракеты. На земле идет бой, замечено несколько сильных вспышек. Был атакован мощным ментальным ударом, сохранил управление машиной, иду на третий заход.

Клещ нервно крикнул в микрофон:

– Еще ракеты были?

– Нет.

В этот момент тревожно вспыхнул индикатор пульта связи, настроенного на самолет электронной разведки. Динамик затрещал, послышался спокойный девичий голос:

– «Скаут-2», говорит Ветрова Алина, я вас слышу. Доложите, у вас есть связь со штурмовиком, что кружит над этой долиной?

– Говорит «Гнездо», штаб операции. Это можно устроить, – решительно пообещал куратор.

Чапай зловеще погрозил кулаком техникам, те засуетились над своими пультами, а Клещ, сжав микрофон до треска, прохрипел:

– Практикантка, через секунду тебя будет слышать не только «Гроза-7», но и почти весь Орден! Говори!

– «Гроза-7», вы меня слышите?

– Практикантка, вас слышу.

– Если я не ошибаюсь, под вашими крыльями виднеются выливные баки. Надеюсь, они заряжены?

– Так точно! У меня всего восемь стокилограммовых бомб, все остальное напалм.

– Отлично. Сейчас я выпущу свою последнюю ракету под сильным углом к горизонту. Перпендикулярно ее трассе выливайте студень полосой в длину около ста метров, опустошайте все свои запасы.

– Удаление?

– Как можно ближе, только постарайтесь меня не задеть.

– Подождите несколько секунд, я заканчиваю разворот.

– Хорошо. Поторопитесь, моя рация может сесть в любой момент.

Лина посмотрела в сторону ракшасов. Те вели себя несколько странновато – их раздирали противоречивые желания. Во-первых, очень хотелось убить свою добычу, спрятавшуюся за ненавистной проточной водой. Некоторые низшие не выдержали соблазна, переборoли отвращение, прыгнули вниз, теперь пытались вскарабкаться на обрывистый берег. Во-вторых, орда норовила сбить штурмовик любым способом: в небо уходили десятки оранжевых шаров, то и дело по телу пробегала нервная дрожь от коллективных ментальных атак. В-третьих, демоны страшно боялись боевого самолета, они совершенно не разбирались в типах техники, но сверхмощные авиабомбы им не нравились. А в-четвертых, у них оставалась невыполненной цель пути. Увлекшись погоней за человеком, они оставили скалу за спиной, теперь некому будет забрать камень Истинного Мира.

Столь великое количество противоречивых побуждений здорово перегрузило их и без того не слишком гениальные мозги, орда растерялась. Штурмовик ловко крутанулся, резко заваливаясь на крыло:

– «Гроза-7» – практикантке! Давай!

Ракета перелетела через провал искусственного речного русла, по широкой дуге ушла на пару десятков метров вверх, плавно снижаясь, упала перед самой скалой, брызнув россыпью искр. В следующий миг на тайгу обрушился напалмовый ад.

Лина прыгнула в узкую промоину, закрывая голову руками. По спине прошлась волна жара, ощущение было такое, будто где-то рядом открыли заслонку металлургической печи. От дикого воя сгорающих ракшасов едва не заложило уши. Демоны любили тепло, но это было слишком даже для них. Редкие создания нижнего мира могли бы выстоять в пламени от сгущенного бензина, да еще и щедро приправленного мелкодисперсным серебром, препятствующим регенерации тканей.

Не высовывая носа, Лина нажала на переключатель передачи:

– «Гроза-7», вы видите одиночную скалу возле пожара?

– Да, она сейчас хорошо освещена.

– У вас осталось восемь специальных бомб, швыряйте их все туда.

– Практикантка, вы можете пострадать, это рядом.

– Ничего, я кое-как укрылась, начинайте.

Куратор наклонился к микрофону:

– Говорит «Гнездо», штаб операции. Практикантка, ты меня слышишь?

– Так точно!

– Доложи обстановку!

– Не менее трех сотен ракшасов находятся в центре долины. Имеется один высший демон. Мои боевые возможности сильно ограничены – нет боеприпасов, физическое состояние неудовлетворительное, ракет тоже нет, питание радиостанции на нуле, она может отключиться в любой момент. Укрываюсь от осколков и напалма в небольшой промоине по правому берегу искусственного русла.

– Практикантка, ты не могла бы выглянуть из укрытия и, пока работает рация, поточнее дать наводку на ракшасов. К долине подходят другие машины, им надо работать аккуратно, чтобы не задеть тебя.

– Хорошо, подождите.

Лина выбралась из промоины, стряхивая с себя песок и комья земли. Ее едва не засыпало от довольно близкого разрыва авиабомбы, а уши здорово заложило. Тряхнув напоследок головой, она медленно огляделась вокруг, губы девушки расплылись в невеселой улыбке. Она поняла, что жизнь подходит к последней черте, все самолеты Ордена больше не в силах ей помочь.

Один стокилограммовый фугас разорвался слишком далеко от скалы. Он угодил в кучу рыхлого грунта, наваленную старателями при горных работах, вся эта масса сползла в искусственное русло, запрудив его доверху. По этой дамбе мчались разъяренные ракшасы, спеша к человеческой самке. Они убьют ее очень быстро, после того как привычно окружат со всех сторон.

Практикантка, не колеблясь ни мгновения, поднесла к губам радиостанцию:

– Ветрова Алина, вызываю «Гнездо»!

– На связи!

– Вы можете точно засечь положение моего передатчика?

– Мы уже это сделали.

– У вас есть хоть одна машина, готовая атаковать немедленно?

– Стратегический бомбардировщик. Но у него на борту нет высокоточного оружия.

– Сейчас это не требуется, – с безжизненным спокойствием произнесла Лина. – Пусть сбрасывает весь свой груз на меня, постаравшись поразить как можно большую площадь. Когда подойдут остальные машины – безжалостно выжгите всю долину. Как поняли?!

– Практикантка… Это же…

– Рация садится, я больше не могу говорить! Вы все поняли?

Немедленно выполняйте, я требую! Так надо! Моя жизнь все равно закончена! Прощайте! Конец связи!

Клещ с неописуемым ужасом уставился в замолчавший динамик, еще сильнее сжал микрофон и хриплым голосом заявил:

– «Ураган-2», вы все слышали?

– Так точно!

– Выполняйте ее приказ!

– Слушаюсь!

Куратор отшвырнул микрофон, повернулся к Чапаю, мертвым голосом произнес:

– Все, я спекся! Дальше координируй сам.

– Хорошо. – Диктатор щелкнул главным тумблером на своем пульте.

Клещ поднял голову, невидяще посмотрел сквозь настоятельницу и отчетливо, на всю штабную палатку, произнес:

– Мы ее убили!

Штурман-оператор больше не спал на откидной койке. Пришло его время. Миссия была проста: в этом полете стратегический бомбардировщик не имел крылатых ракет или высокоточного оружия. Его бомбы принципиально ничем не отличались от изделий полувековой давности, громивших Дрезден и Лондон. Экипаж не относился к членам Ордена, события последних дней были для них сплошной загадкой, но голос неизвестной девушки, добровольно идущей на смерть, потряс их всех. Дрожащая рука с трудом нажала на необходимые кнопки.

Фюзеляжные отсеки открылись, к земле понеслась смертоносная лавина из сорока тонн свободнопадающих бомб. Такого количества взрывчатки вполне хватит, чтобы превратить Урумскую долину в маленький филиал ада. После разрывов фугасов там надолго воцарится лунный ландшафт. Учитывая, что большая часть груза рухнет именно на центральную часть котловины, сомнительно, что от практикантки останется хоть что-нибудь для организации нормальных похорон.

Лина убрала палец с кнопки передачи. Она посмотрела на тревожно мигающий индикатор питания, покачала головой, удивляясь живучести рации. Высохшие губы практикантки дрогнули, растягиваясь в бледной улыбке, девушке стало почти весело от мысли, что в последние мгновения жизни ее мозг занят нелепыми размышлениями о капризах электроники. Медленно подняв голову, она посмотрела в небо, но, разумеется, ничего

там не увидела. Девушка не удивилась – стратегические бомбардировщики летают на очень больших высотах, бомбам в лучшем случае понадобятся десятки секунд на то, чтобы достигнуть земли.

Отбросив в сторону рацию, она потянулась к наплечной кобуре, но ладонь встретила пустоту. Многозарядная «беретта», выданная Буренкой когда-то очень давно, еще в другой жизни, исчезла бесследно. Пистолет выпал в одной из сегодняшних передряг, скорее всего, он валяется где-то рядом, но найти его Лина уже не успеет. Да и ни к чему все это – обычные пули не причинят низшим особого ущерба. Девушке просто хотелось умереть с оружием в руках, сражаясь до самого конца, хоть в этом и не было смысла: ни один из тех ракшасов, что надвигаются сейчас на нее со всех сторон, не уцелеет при бомбежке. Она все еще чувствовала присутствие высшего демона, тот сумел выжить при последней атаке штурмовика. Но сейчас пришло и его время, отсюда не уйдет никто. Она победила, пусть даже цена оказалась столь высока.

Лина гордо выпрямилась, зажмурилась, ей не хотелось смотреть на мерзких тварей, портя последние мгновения своей жизни. Враги медлили: хоть добыча была перед самым носом, они ощущали странную уверенность человеческой самки в своей неминуемой победе. Их органы чувств подавали тревожные сигналы, но не могли точно указать на источник опасности – бомбы были еще довольно далеко. Самый нетерпеливый ракшас шагнул вперед, замахиваясь когтистой лапой. В этот момент из угасающего напалмового пламени вынеслась огромная фигура, сверкающая желтым единственным глазом. Демон одним движением смел прыткого противника со своего пути, вскинул руку, украшенную тусклым браслетом.

Девушка закричала от нестерпимой боли, даже сквозь прикрытые веки ей едва не выжгло глаза. Если бы не ментальный щит, залп перезарядившегося тессакора убил бы ее на месте. В следующее мгновение ее талию обхватила мощная лапа, потащила за собой, куда-то грубо швырнула. Лина вновь вскрикнула, проваливаясь необычно глубоко; ее глаза сейчас не видели, и она не поняла, что попала в старый шурф.

Практикантка немедленно попыталась приподняться, но тут ей под грудь просунули какой-то угловатый предмет, на спину обрушилась страшная тяжесть, возле головы послышался торжествующий голос демона:

– Самка, я же дал клятву, что мой род тебя не забудет!

– Отпусти! – с надрывом закричала девушка, чувствуя, как трещат ребра, упирающиеся в неудобный предмет, просунутый под грудную

клетку. – Мне больно!

– Самка, тебе придется терпеть эту боль! Это камень Ирдатуса, я все-таки забрал его! Нам надо быть к нему как можно ближе, он обязательно защитит наши жизни!

– Отпусти!!!

– Нет! Не шевелись и ничего не опасайся! Самка, ты настоящий воин – я преклоняюсь перед тобой! Ты смогла победить, не пожалев при этом себя! Сейчас сюда обрушится ваше страшное оружие. Терпи эту боль, иначе тебе не спастись. Мой род – твой должник! Я помогу тебе выжить и потом уйду, ведь мне еще надо отнести камень Ирдатуса домой.

Лина заскулила, поняв, что зря рассчитывала на полную победу. Демон все-таки выживет и унесет с собой сильный артефакт. Она лишилась всего оружия, даже гранат не осталось, помешать врагу нечем. И тут девушка вспомнила о посеребренном стилете. Причинить им серьезный ущерб практически невозможно, но она обязана сражаться до конца, ведь это ее долг.

Правая рука была прижата, Лина завела левую к затылку – под ним были укреплены узкие ножны. Обхватив тонкую рукоятку, она протянула жало клинка вверх, надеясь угодить врагу в глазницу. Ее ладонь немедленно сжали стальные тиски, отчетливо хрустнули сокрушаемые кости. Вскрикнув от нестерпимой боли, девушка разжала пальцы, лишившись своего слабого оружия.

– Самка, я действительно преклоняюсь перед тобой! Ты даже сейчас продолжаешь сражаться! Перестань дергаться, в твое тело сейчас впиваются шипы моей брони, не надо себя калечить, в тебе и так осталось слишком мало жизни.

Зарыдав от боли и бессильной ярости, Лина крикнула:

– Тебе все равно не выжить! Ты даже не представляешь, что сейчас начнется!

В это мгновение мир закачался, вздыбливаемый крупнокалиберными фугасами. Со всех сторон Лину зажало грудами земли и породы, тело демона навалилось еще сильнее. Девушка оглохла и ослепла в один миг, она даже не слышала собственного крика, терзающего горло. Артефакт вдавило в грудь еще сильнее, лопнуло очередное ребро. Вспышка боли на миг вернула разум, практикантка почувствовала голос демона прямо в голове:

– Самка, не сопротивляйся этому! Мы обязательно выживем! Сейчас наверху гибнет орда низших, камень Ирдатуса собирает всю их силу и передает нам. Только самый великий артефакт способен на это. Он

действует не на всех, но таких великих воинов, как мы с тобой, камень Истинного Мира обязательно защитит, наполнит наши тела жизненной силой ракшасов!

– Нет!!! – простонала Лина. – Я не хочу этого!!!

– Не сопротивляйся этому. Самка, ты помогла мне и теперь просто обязана выжить, иначе я не смогу вернуться с честью – мне будет невыносимо стыдно предстать перед родом. Знай, я, Аргон Сатастарус Ассамадей из рода Сетуса, беру тебя под свое покровительство. Ты и твои дети никогда не пострадаете от моего рода, а если возникнет необходимость – просто проведи ритуал вызова, и мы придем тебе на помощь. У нашего рода теперь вечный долг перед тобой. А теперь прекрати так громко кричать; здесь мало воздуха, нас засыпало землей. Не переводи его напрасно, ведь от этого зависит твоя жизнь.

Лина обреченно затихла, чувствуя, как измученное тело охватывает странная слабость. Теплый артефакт пульсировал перед искалеченной грудью, она поняла, что его ритм начинает сливаться с пульсом сердца. Девушка заскулила, понимая, что не сможет сопротивляться мощи камня, он без спроса напитывает ее демонической силой, собираемой с гибнущих ракшасов. Она не услышала, как на долину обрушилась новая порция бомб. Чувствуя, как мысли гаснут, заволакиваемые тьмой, практикантка прокусила губу, стараясь не дать себе забыться. Но тщетно. Всхлипнув в последний раз, девушка окончательно потеряла сознание, впервые за все последние дни отключившись окончательно.

Тяжелые бомбардировщики ушли, оставив простор для деятельности шустрых штурмовиков. Многие пилоты, увидев невероятное зрелище, не могли сдержать потрясенных возгласов: Урумская долина более чем когда-либо стала походить на кратер вулкана, причем действующего. Маневренные машины с трудом находили места, еще не затронутые пожарами или огромными дымящимися воронками. На эти более-менее уцелевшие уголки немедленно опустошались напалмовые баки и сыпались стокилограммовые фугасы. Применение боеприпасов объемного взрыва было затруднено: парогазовое облако вспыхивало раньше времени от многочисленных пожаров, не успевая набрать необходимый объем. Взрывы этих страшных бомб не достигали своей обычной чудовищной мощности.

Со всех доступных полос, аэродромов и площадок подскока взлетали новые боевые машины, спеша доставить свой груз к вожделенной цели. За тысячу километров от долины выруливал на старт второй стратегический бомбардировщик с очередной сорокатонной порцией свободнопадающих

бомб. Ракшасам не хотели оставлять ни одного шанса.

Но был над тайгой самолет, чей один-единственный фугас по смертоносной мощи превосходил груз всех остальных машин в несколько тысяч раз. Он быстро приближался к Урумской долине.

Чапай щелкнул переключателем, выходя на волну, открытую для одного-единственного корреспондента, не обращая внимания на странную тишину, мгновенно воцарившуюся в штабной палатке. Все прекрасно знали, с кем связан этот тревожно-красный пульт и к чему может привести его активизация. Четким и невозмутимым голосом диктатор произнес:

– Говорит «Гнездо». «Невада-1», как обстановка?

– Все в норме.

– Начинайте заходить на цель.

– Принято. Координаты прежние?

– Да. Сколько вам необходимо времени на окончание захода?

– Около шести с половиной минут.

– Приготовьтесь к получению кодов активации детонатора.

Чапай повернулся в сторону миниатюрной клавиатуры, положил на нее ладонь, но ничего сделать не успел. Мощная длань тисками сжала его запястье. Покачав головой, настоятельница произнесла:

– Ты уверен, что хочешь это сделать?

– Да, – четко ответил Чапай.

– Смотри, – угрожающе протянула настоятельница, – врачи вряд ли смогут пришить тебе эту руку обратно.

– Твоя воспитанница уже мертва, термоядерный взрыв ей ничем уже не повредит, – спокойно произнес диктатор.

– Нет. На эту крошечную долину хватит обычных бомб. Наша авиация легко выжжет ее за несколько часов.

– Сама подумай, местный рельеф идеально подходит для применения термоядерного оружия. Большая часть энергии взрыва придется на долину, там и кустика после этого не останется.

– Рыцарь, ты мне кое-что остался должен, не так ли? Пришла пора об этом вспомнить. И я говорю тебе: нет!

– Но почему?! – От крика Чапая содрогнулись все штабисты, они никогда не видели, чтобы его покидала обычная невозмутимость.

Настоятельница на миг задумалась, потом посмотрела в глаза диктатора и ответила:

– Если мы не сделаем хоть что-то для этой девочки, то больше никогда не сможем себя уважать. Пришла пора остановиться.

– Но она мертва, – почти спокойно возразил диктатор.

– Да. Но кто знает, может, мы найдем хоть что-то для организации достойных похорон. Она не заслужила пустой гроб.

Чапай стряхнул с руки ладонь настоятельницы, отодвинулся от клавиатуры, рявкнул:

– Что там за шум на улице?

– Рыцарь Клещ только что пытался вспороть себе живот. Еле остановили. Ему там спецназовцы руки крутят.

– Пусть на хрен открутят, раз с клинком обращаться не умеет! Если бы хотел, вспорол бы! Самурай хренов! Задницу бы ему вспороть, на манер британского флага!

– Говорит «Невада-1». «Гнездо», мы возле цели, можем начать работу в любой момент.

Не глядя на окаменевшую настоятельницу, Чапай произнес в микрофон:

– «Невада-1». Отбой, возвращайтесь к выполнению прежнего полетного задания.

– «Гнездо», выполнение прежнего полетного задания невозможно. Из-за изменения приказа не успели пополнить запасы горючего. Заправщик уже ушел. Если через сорок минут не покинем район, то вряд ли дотянем до аэродрома.

– Хорошо, уходите.

Положив микрофон, Чапай произнес:

– Если орда вырвется, это будет на нашей совести.

– Ничего, это мы как-нибудь переживем, – спокойно заявила настоятельница.

Глава 4

Вертолет завис над землей, медленно пошел на снижение. Видимость была практически нулевой – воздушный поток, бьющий от огромных лопастей, поднял в воздух огромную тучу пепла и пыли. Эта невесомая взвесь нашла для себя какие-то щели, просочилась в салон – со стороны кабины кто-то оглушительно чихнул. До полной остановки винтов никто не рискнул покинуть машину. Лишь когда все успокоилось и легкий ветерок немного рассеял облако, дверь распахнулась.

Настоятельница отошла от вертолета, огляделась, ошеломленно покачала головой. Урумская долина была выжжена дотла. Деревья и кусты исчезли, лишь кое-где торчали почерневшие обломки стволов, да по склонам все еще не угомонились последние пожары. Несмотря на то что погода в последние дни стояла сырая, тайга сгорела практически дотла. Немудрено, ведь сюда было вылито просто немыслимое количество жадного напалма. Сейчас здесь можно смело устраивать полигон для испытания техники, посылаемой на другие планеты. Зарываясь в пыль и пепел по щиколотки, Мюллер подошла к исполинской воронке, оставленной мощной авиабомбой, посмотрела вниз. На дне колыхалась жидкая грязь, стекающая со стенок, в ноздри ударил кислый запах сгоревшей взрывчатки.

Обойдя стороной рукотворный кратер, настоятельница встала возле искореженной десятидюймовой трубы, торчащей из развороченной земли. На металле в изобилии виднелись свежие трещины и вмятины, местами сталь сверкала серыми пятнами, очищенными от толстого слоя ржавчины. Страшно было представить, что здесь творилось всего несколько часов назад, если даже прочное железо изогнуло, как обычный пластилин. Осторожно ступая по запорошенной земле, как по минному полю, подошел Кошкин, щелкнул пальцем по трубе.

– Я тоже сюда первым делом подошел, – произнес он. – Думал, что это ствол дерева уцелел каким-то чудом.

– А что ты вообще здесь делаешь? – равнодушно поинтересовалась настоятельница.

– Меня сюда Граф с собой прихватил, вроде как помогать. Мы одними из первых прибыли, раньше нас только группы зачистки подоспели.

– Этот чудак рискнул высунуть нос в тайгу? – удивилась Мюллер.

– Разве это можно теперь называть тайгой? – возразил Олег. – Он

думал, что сумеет найти место гибели практикантки.

– Ну и как?

– Все без толку, – вздохнул Кошкин. – Бродит со своим ржавым маятником и головой трусит. Говорит, что здесь очень трудно работать, кроме того, массовая гибель ракшасов и таежной флоры сильно возмутила астральное поле.

– А откуда она последний раз выходила в эфир?

Олег кивнул на огромную воронку:

– Как раз из этого места. Ошибка определения не более десяти метров.

Еще раз взглянув на кратер, настоятельница покачала головой:

– Если она так и не покинула это место, то дело плохо. У нее же должно было остаться хоть какое-то оружие. Можно попробовать его поискать. Как ни сильны были взрывы, но отдельные обломки деталей должны уцелеть.

– Забудьте об этом, – отмахнулся Кошкин. – Здесь когда-то неплохо поработали старатели. От них осталась масса разного хлама: трубы, болты, запчасти от бульдозеров, электроды, разная дребедень. А после нас тут все пропитано осколками авиабомб. Вон спецназовцам привезли миноискатель, но толку от него никакого, он пищит на каждом шагу. Так ее не найти.

Настоятельница посмотрела вдаль. Там возле мерзкого грязевого потока, в который превратилась чистейшая речушка, копалось несколько спецназовцев в боевых скафандрах. Рядом с ними с сосредоточенным видом вышагивал Граф. Приглядевшись, Мюллер поняла, что в левой руке он держит белый бюстгальтер, а в правой – покачивающийся маятник.

– Живые ракшасы здесь были? – спросила она.

– Нет, тут просто невозможно выжить. Правда, час назад на краю долины была перестрелка, в клочья разнесли одинокого низшего демона. Он был серьезно ранен, еле передвигался. Судя по всему, в свое время просто не успел сюда добраться и под основную бомбежку не попал. Сейчас в окрестностях собраны десятки боевых групп, усиленных спецназом и боевыми экстрасенсами. Они не пропустят никого. Но, кроме раненого одиночки, встреч с противником больше не было, если не считать того, что вокруг насобирали множество обгорелых фрагментов их тел.

– А почему ты так осторожно ходишь?

– Вы тоже берегитесь, – предупредил Кошкин. – Тут полно всяких ям и рытвин, засыпанных пеплом, один спецназовец уже сломал себе ногу. Ходим как по минному полю.

Над головой послышался рокот вертолетных двигателей, на посадку заходила новая машина. Винты еще продолжали молотить воздух, когда в

пыльном смерче показалась огромная человеческая фигура. Кошкин удивленно воскликнул:

– Господи, да это же Клещ! Я-то думал, что он сидит под стражей после той жутковатой попытки самоубийства.

Действительно, к ним направлялся недорезанный куратор. Он был облачен в боевой скафандр без шлема и перчаток, а в руке держал полулитровую бутылку водки. Встав перед настоятельницей, Клещ сделал щедрый глоток из горла и протянул руку:

– Милая барышня, не желаете ли хлебнуть изысканного напитка под названием «Водка Нимгерская»?

Посмотрев на этикетку, явно нарисованную с помощью набора фломастеров, настоятельница отрицательно покачала головой:

– Воздержусь, да и вам не советую это пить.

– Как хотите, мне больше достанется, – ухмыльнулся Клещ и сделал новый глоток.

– Кто тебя выпустил? – поинтересовался Олег.

– Нет того замка, что удержит бравого рыцаря в сырой темнице, – ухмыльнулся куратор и, обведя рукой окрестный лунный пейзаж, умиленно произнес: – Красота-то какая! Вот он, памятник нашей славной победе и той глупой послушной девочке, что нам принесла ее на блюдечке!

Сделав паузу, он насмешливо посмотрел на собеседников, но, поняв, что никакого ответа не будет, вздохнул:

– Ведь это были простые ракшасы, обычные тупые твари. Нам ничего не стоило бы справиться с ними и без этой жертвы.

– Рыцарь, вы забываетесь, – строго произнесла настоятельница. – Неорганизованные низшие для нас действительно не слишком опасный противник, но для обычных людей это страшный враг. Совокупный ментальный импульс подобной орды за десять секунд может уничтожить половину населения Нимгера, а остальных доведет до полуобморочного состояния.

– Ну разумеется! – ухмыльнулся куратор. – Простой обыватель непременно наделает в штаны, если узнает всю правду. А она довольно проста: в любое мгновение возле его дома может появиться мерзкое создание, способное довести его до комы или даже смерти с расстояния в сотню метров, а то и более, простым усилием воли. Стены не помогут, милиция тем более, на армию тоже надежды нет. Не стоит пугать электорат, ему и так несладко приходится.

– Ветрова до конца выполнила свой долг, – угрожающе заявила настоятельница. – Не пытайтесь преуменьшить ее подвиг. Мы никогда не

забудем эту воспитанницу, фото Алины займет свое место в галерее героев.

– Какая честь! – с грустным ехидством произнес Клещ. – Если бы девочка была жива – расплакалась от радости! Могу я по крайней мере узнать, где примерно погибла практикантка?

– Ориентировочно на месте этой воронки она последний раз вышла в эфир, – ответил Кошкин. – Не исключено, что мы сейчас стоим на ее пепле.

– Зашибись! – воскликнул куратор. – А я-то хотел в этот кратер поссать! Придется отойти в сторону – нельзя осквернять могилу!

Развернувшись, Клещ побрел куда глаза глядят. Кошкин сокрушенно покачал головой:

– Ногу поломает или что-то с собой сделает. Он ведь едва не вскрыл себе живот!

– За него не беспокойся, – уверенно заявила настоятельница, – Чапай прав, если бы он хотел, то сделал бы все до конца. Не обращай внимания, это просто одно из проявлений его чудачества. Неужели не привык к тому, что в нашем Ордене хватает неординарных личностей?

– Мне кажется, что половину сотрудников в любой дурдом без рекомендации возьмут, – согласился Олег. – А вы знаете, что я сейчас вспомнил? Предсказание Графа о ноже, пробивающем броню. Эти видения – вещь очень странная, возможно, он просто предсказал глупую попытку самоубийства куратора. Ведь Клещ один из тех, кто держал в руках пустую обойму, использовавшуюся при том памятном сеансе ясновидения.

Мюллер присела, набрала в ладонь горсть хрустящего пепла, сжала, заставив невесомую пыль струиться сквозь пальцы, задумчиво произнесла:

– Странно. Мне все время казалось, что я чувствую Алину. Меня ни на миг не покидало это ощущение. А сейчас выясняется, что это был простой самообман. Ведь ничего не изменилось, я по-прежнему думаю о ней как о живой.

– А у вас мощный сенситивный уровень?

– Нет.

– Тогда неудивительно. Это действительно обычный самообман. Странно, почему вы вообще так зациклились на этой воспитаннице?

Чуть помолчав, настоятельница нехотя ответила:

– Она была не просто лучшей воспитанницей – она часть моей жизни. В Монастыре мы поступаем просто: давим девочек всмятку и из получившейся глины лепим заново. Тех, кто потверже, обрабатываем стальными резцами. Но на Ветровой сломались все инструменты; внешне она была вполне нормальна и управляема, но ее внутренний мир отражал любое вмешательство, сопротивляясь самой суровой ломке. Эта девочка

была просто уникальна, таких воспитанниц у меня еще не было и вряд ли будут. Подобные самородки встречаются очень редко. По отношению к Алине у меня были очень большие планы, я и в страшном сне не могла представить, что она погибнет на обычной практике. Это просто не укладывается в голове, у меня будто вырезали часть сердца. – После короткой паузы Мюллер совсем тихо добавила: – Я даже ни разу с ней не поговорила по-настоящему, как с обычным человеком.

Разжав руку, она высыпала серый пепел на выжженную землю уничтоженной долины.

– Вставай, иначе умрешь!

Лина попыталась напрячь свой пробуждающийся разум, чтобы понять смысл этой короткой фразы, но тщетно – он ускользал. Красивый, но странно отрешенный голос не унимался, повторил уже в который раз:

– Вставай, воздуха уже почти не осталось. Ты умрешь.

На этот раз Лина все же смогла понять последние два слова, сознание стало понемногу оживать. Она откуда-то четко знала, что ей нельзя умирать, но не понимала смысла этого глупого запрета. Странный голос затих, но свою роль он выполнил – девушка вынырнула из небытия, попыталась по крупицам воссоздать хоть что-то из последних событий. Ей сейчас нестерпимо хотелось полностью расслабиться, отключиться и никогда не приходить в себя, но она понимала, что не все так просто. В этом мире ее все еще что-то крепко держало, не отпуская душу из разбитого тела. Это было неоконченное дело, но какое – вспомнить не получалось. И тут Лина поняла: чего-то не хватает, – а через миг осознала окончательно – она больше не чувствует демона. Он исчез или удалился на большое расстояние.

Воспаленные мысли понеслись вскачь, практикантка вспомнила вполне достаточно для того, чтобы горестно застонать. От этого усилия в груди что-то нехорошо колыхнулось; даже на фоне ужасной боли, переполнившей все тело, ощущение было крайне неприятным. Кроме того, Лина не услышала собственного голоса. Но глухота ее ничуть не смутила – слух ей сейчас не больно-то и нужен. Девушка осознала, что демон больше не придавливает ее своим телом. Это могло означать две вещи: или он ушел в свой мир, или выбрался из ямы и только собирается это сделать. В пользу первого предположения говорило то, что она больше его не чувствует. Однако это могло быть следствием шока или повреждения мозга: доверять своему телу больше нельзя: оно слишком сильно пострадало. Значит, исключено, что враг все еще где-то рядом.

Лина очень надеялась, что бомбардировка не прошла для него бесследно. Глупый демон несколько дальше находился от спасительного артефакта, он старался уберечь уязвимое тело человеческой самки, при этом его спина могла пострадать от тяжелых осколков авиабомб. Вряд ли зона действия камня Истинного Мира настолько велика, иначе бы он не стал так крепко прижимать ее к нему. Если враг все еще здесь, то можно попробовать вступить с ним в последнюю схватку.

Мысли Лины были одна бредовее другой, что неудивительно после всего случившегося – ее мозг умирал. Девушка не знала, что демон ушел сразу после окончания бомбардировки, бережно присыпав свою настырную преследовательницу камнями и землей, надеясь, что в рыхлой породе ей хватит воздуха для дыхания, а пламя туда не доберется. Оставаться с ней дальше он не мог из-за долга перед родом – его не выполнить, если придут солдаты Ордена. Враг действительно серьезно пострадал, с его спины смело несколько пластин брони, даже камень Ирдатуса не смог помочь: артефакт в первую очередь заботился о девушке, поддерживая угасающий огонек ее жизни. Практикантка пролежала без сознания всю ночь и, если бы не странный голос, так бы и не очнулась. Вряд ли бы ее нашли вовремя, ведь она лежала почти в пятидесяти метрах от точки последнего выхода в эфир, под слоем почвы и пепла.

Тело Лины было засыпано породой, но она этого не знала, просто чувствовала – что-то мешает ей подняться. Напрягая все силы, она рванулась вверх, едва не теряя сознания от жуткой боли в груди. Но в следующий миг девушка о ней забыла, по беспамятности опершись на левую руку, сломанную демоном. Рот свело в диком крике, но звуков не было. Она почувствовала, что ссохшийся, саднящий язык не шевелится, стиснутый какой-то монолитной массой. Лина не поняла, что это такое: песок с камнями или сцементированные обломки зубов, – но результат один – говорить она сейчас не сможет.

Но и это ее не озадачило. Вряд ли сейчас во всем мире нашлось хоть что-то, способное отвлечь сумасшедшую практикантку от выполнения своей задачи. Надо поспешить, не дать демону скрыться, думать о своем плачевном состоянии некогда. Новое – немыслимое усилие – затылок пробил слой земли, в ноздри ударил запах гари. Девушка поняла, что хоть один орган чувств у нее все же работает. К сожалению, он вряд ли поможет в предстоящей схватке. Сейчас бы очень пригодилось зрение, но она его лишилась, вокруг царила непроглядная тьма. Лина в первый раз как-то отстраненно смогла удивиться: раньше она панически боялась ослепнуть, но сейчас, когда это все же свершилось, в душе не было ничего, кроме

легкого раздражения. Без глаз довольно трудно сражаться вот и все, что ее в этот момент беспокоило.

Но слепота воспитанницу не остановила; присев на колени, она руками пошарила вокруг, убедилась, что находится в яме с довольно пологими склонами, припорошенными каким-то странным сухим снегом. Лина поняла, что довольно легко сможет выбраться отсюда. Пытаясь выплюнуть изо рта твердую пробку, она поползла вверх.

Клещ оступился, угодив ногой в глубокую рытвину, коварно припорошенную пеплом. Грязно выругавшись, он сделал очередной глоток мерзкой водки, тупо задумавшись, чего же в ней больше – сивушных масел или ацетона. О том, что там присутствует спирт, куратор даже не мечтал – таких чудес в мире не бывает. Оценив на глаз уровень оставшейся жидкости, он твердо решил, что непременно допьет ее до конца и разобьет бутылку о чью-то голову, пусть даже свою собственную. В этот момент Клещ услышал слева от себя какой-то посторонний звук.

Развернувшись, он с удивлением увидел, как из ямы, практически целиком засыпанной пеплом, выбирается странное существо, почти полностью скрытое под слоем влажной глины. Мозг, затуманенный дешевым алкоголем, соизволил подать сигнал тревоги. Куратор с досадой вспомнил, что у него после эпатажной попытки совершить харакири отобрали все оружие, а новым он не обзавелся. Это непонятное создание Клещ принял за изувеченного малорослого ракшаса.

Между тем необычное существо, сжавшись клубком, странно захрипело, крупно дрожа, принялось распрямляться, на миг замерло, потом стало делать странные движения головой. И только тут куратор окончательно поверил в невозможное – перед ним на коленях стояла девушка.

Вид ее был попросту ужасен. Если бы не высовывающиеся из грязи скрученные пряди длинных волос, то невозможно было поверить в человеческую природу этого создания. Трудно даже понять, где лицо, а где затылок – влажная глина, припорошенная пеплом, покрывала всю невысокую фигурку. Кое-где из-под этого слоя проглядывали отдельные детали: нос, ладонь, шнуровка ботинка, карман разгрузочного жилета, стекло наручных часов, сверкающее над неестественно вывернутым запястьем. Клещу вдруг стало трудно дышать. Он потянулся к воротнику, но пальцы уткнулись в псевдохитин. Он попытался что-то крикнуть, но дар речи пропал.

Моргая от невольных слез, куратор шагнул навстречу практикантке.

Лина собиралась с силами для последнего рывка – ей надо было подняться на ноги, ведь передвигаться на коленях не слишком удобно. Она уже приготовилась вставать, напрягаясь в ожидании неминуемой вспышки боли, как вдруг почувствовала, что рядом кто-то есть. Девушка ничего не видела и не слышала звуков, но у нее осталось то, что можно отобрать только вместе с мозгом. Лина была сенсом, пусть не сильным, но отлично тренированным. Монастырское воспитание не подвело, девушка с большой точностью определила положение противника.

Практикантка не догадывалась, что уже рассвело. Лучи солнца еще не заглянули на дно этой замкнутой долины, да и вряд ли она бы их разглядела сквозь слой глины, покрывший почти всю голову. Девушка была уверена, что бомбежка только что закончилась и демон собирается провести несложный ритуал возврата в свой мир. Измученный мозг не осознавал, что перед ней не враг, ведь если сенситивные способности все еще работают, она бы обязательно почувствовала присутствие своего давнего противника.

Левая рука вышла из строя, но сражаться можно и одной. Ладонь потянулась к поясу, отодвинула пласт глины, обхватила рукоять ножа. Лина прекрасно понимала, что ущерб высшему демону этим оружием практически невозможно причинить, но другого у нее попросту не было. Ей необходимо во что бы то ни стало пробить его крепкую броню. Она не сомневалась, что сейчас все вокруг густо пропитано серебром, действующим на существ нижнего мира не хуже сильной кислоты. Достаточно нанести свежую рану, и муки твари будут ужасны: быстро затянуть повреждение невозможно, плоть, лишившись хитиновой защиты, мгновенно задымится. Вряд ли враг при этом погибнет, но, возможно, это задержит его на некоторое время. Подобный исход ее вполне устраивал: кто знает, может, сейчас появится спецназ и добьет противника. Медлить нельзя, вдруг он уже близок к моменту возвращения.

Рукоять уперлась в основание ладони, пальцы обхватили ее по кругу. Хватка была довольно неудобной, но наиболее приспособленной для сильных колющих ударов, ведь рука девушки превратилась сейчас в копье. Клинок тверд, но и броня демона вряд ли ему сильно уступает – при ударе слабая девичья ладонь просто не сможет удержать оружие с должной силой. В этом же случае ножу просто некуда будет деваться, лишь бы он не соскользнул при неловком повороте предплечья.

Лина напряглась, пытаясь хоть на миг превратиться в прежнюю машину смерти. Она вспомнила простую домохозяйку, откинувшую

автомобиль с тела своего ребенка, судорожно сомкнула пальцы на кожаной рукояти, отдала телу последний приказ, призывая его совершить невыполнимое, обещая, что затем можно будет остановиться, больше никогда ни о чем не думать, отдыхать целую вечность.

И ее тренированное тело послушалось, рвануло вперед, в один миг взмыв с колен. Рука метнулась навстречу врагу, клинок встретил преграду; на какую-то неуловимую долю секунды Лина испугалась, ожидая, что сталь скользнет в сторону, но нет. Удар был настолько мощным, что нож погрузился по самую рукоять. Звуков она так и не слышала, но вибрация оружия передавала их через скелет до самого черепа. В голове отчетливо различался хруст сминаемого хитина, сливавшийся с каким-то странным треском. Девушка поначалу даже не поняла, что это не выдержала ее рука: кости лопнули от страшной нагрузки. Просто после попытки рвануть клинок в сторону, расширяя рану, пальцы не удержали оружия.

Тело, израсходовав в отчаянной атаке последние силы, перестало подчиняться хозяйке. Ощущение было такое, будто лопнул стержень, поддерживающий ее на ногах. Лина мешком завалилась на бок, все еще подергивая ногами, привычно старающимися куда-то идти.

Все произошло настолько быстро, что Клещ не увидел начала атакующего движения практикантки. Только что она еще слепо раскачивалась, стоя на коленях, но в следующий миг возникла рядом, вытянутая рука коснулась скафандра. Куратор удивился странной силе прикосновения, он даже покачнулся, еще не понимая, откуда донесся этот странный хрустящий звук. Между тем девушка неловко завалилась на бок, ноги ее судорожно забились по земле, поднимая облака пепла. Он шагнул вперед, попытался над ней нагнуться и вскрикнул от неожиданной боли в подреберье.

Опустив голову, Клещ с изумлением уставился на грязную рукоять ножа, вырастающую из псевдохитиновой броневой пластины. Он понял, что это всего лишь сон, ведь подобного попросту не может быть. Но тут нахлынул новый приступ боли, причем он не собирался прекращаться. Куратор осознал, что все происходит наяву, муки были слишком реальными. Его ноги подогнулись, рыцарь упал на спину, подняв при этом приличное пыльное облако. Глядя в небо, застилаемое дымом пожаров, он хриплым голосом произнес первое слово:

– Практикантка!..

Подбежавшая настоятельница на ходу скользнула по нему безучастным взглядом, упала на колени возле своей воспитанницы,

приподняла ее голову, второй рукой принялась извлекать липкую, пропитанную кровью глину, забившую рот девушки. Разглядев запекшиеся почерневшие губы, она заорала так, что едва сама не оглохла от собственного крика:

– Капельницу!!! Быстрее!!!

Обернувшись на подоспевшего Кошкина, Мюллер лихорадочно спросила:

– У тебя есть вода?

Тот сунул руку в карман, извлек банку пива, быстро раскупорил. Настоятельница попробовала напоить практикантку, но тщетно: ее губы даже не шевельнулись, никак не реагируя на влагу. Нахмурившись, женщина попыталась нащупать пульс на шее, одновременно крикнув Олегу:

– Бегом! Приведи сюда Графа! Без него мы ее не вытащим!

Подняв девушку на руки, она поспешила навстречу экстрасенсу, видя, что он уже торопится сюда, привлеченный необычной суматохой.

Вокруг лежащего Клеща столпилось несколько растерянных спецназовцев. Они хотели оказать ему медицинскую помощь, но не представляли, с чего начинать. Чтобы добраться до раны, надо снять скафандр, но как это сделать, не навредив куратору, было непонятно. Клинок жестоко пришпилил псевдохитин к телу. Вынимать нож было опасно – немедленно хлынет кровь; пока доберутся до раны, ее вытечет очень много, однако без этого, похоже, не обойтись. Но самое ужасное – ни один из этих сильнейших воинов не в состоянии был вынуть стальную занозу, намертво засевшую в крепчайшей броне. Одним рывком не получится, а расшатывать, разумеется, нельзя.

Клещу их растерянность была непонятна, ему сейчас было попросту наплевать на все. Куратор лежал на спине, прижав ладони к брюшным пластинам скафандра. Он смотрел в небо, одновременно плача и смеясь, все время повторяя одно-единственное слово:

– Живая!..

Практикантка уже не ощущала практически ничего, сознание медленно растворялось во тьме, разрывая последние связи с телом. Девушка больше не страдала от боли, она была спокойна, прекрасно осознавая, что ее путь закончен. Лина сражалась до самого конца, действуя как самостоятельная боевая единица, она израсходовала все запасы оружия и боеприпасов, сломала руки и смертельно повредила тело. Продолжать бой невозможно. Теперь можно расслабиться, отдохнуть по-настоящему.

Кто знает, может, ей повезло и ранение демона настолько серьезно, что он лежит где-то рядом, бессильно крича от боли и ярости.

Внезапно Лина стала видеть, более того, она поняла, что стоит на своих ногах посреди красивой поляны, окруженной величавыми кедрами. Невдалеке, у опушки, садился боевой вертолет. Едва он коснулся земли, дверь отъехала в сторону, на траву ступила высокая женщина в черном боевом скафандре. Она уверенно направилась к девушке, покачивая в руке большую запотевшую бутылку самого вкусного в мире напитка – холодного монастырского лимонада. Приглядевшись, Лина отчетливо различила боевое прозвище, краснеющее на левой стороне грудного щита, – «Нельма».

Прославленная выпускница остановилась в трех шагах, подняла левую руку, медленно сняла шлем. Увидев наконец ее лицо, Лина даже не удивилась. Посмотрев в глаза женщине, она попыталась улыбнуться, и это ничтожное усилие окончательно погасило сознание.

Путь практикантки был закончен.

Глава 5

Потолок был ослепительно белым, состоявшим из больших идеальных квадратов. Вдоль тонкой щели между ними деловито передвигалась муха. Сделав короткий рывок, она останавливалась, чуть поворачивалась, вновь стремительно меняла позицию, перемещаясь на манер пехотинца, атакующего противника в условиях частично открытой местности.

Проследив за ее очередным маневром, Лина внезапно поняла, что прекрасно видит, причем двумя глазами. Это было довольно странно – в голове засела навязчивая уверенность в своей полной слепоте. Девушка с интересом втянула носом воздух, поняла, что одна ноздря забита посторонним предметом, но запах все равно узнала. В помещении пахло Монастырем, этот дух она ни с чем не спутает. Голова была зажата между мягкими валиками, но Лина смогла повернуть ее немного вправо – там, на краю зрения, показалось какое-то неясное движение, а до ушей доносился звук шагов. Борясь с подкатывающейся дурнотой, она закрыла глаза, а когда вновь подняла веки, увидела рядом лицо настоятельницы.

Спокойно посмотрев в ее глаза, Лина тихо произнесла:

– Я знаю, кто вы.

Мюллер улыбнулась кончиками губ, согласно кивнула.

– Почему? – спросила девушка.

– Были причины, – ответила настоятельница. – Если сильно любопытно, как-нибудь расскажу. Ты хочешь пить?

Лина внимательно прислушалась к голосу организма, поняла, что мучительная жажда больше ее не терзает, да и рот напитан влагой, язык не был ссохшимся бесформенным комком. Однако пить все же хотелось. Она утвердительно опустила веки, сомневаясь, что сможет кивнуть головой и остаться после этого в сознании.

Мюллер на миг исчезла из поля зрения. Появившись, она подняла изголовье койки, поднесла к губам Лины стакан с желтоватой жидкостью. Почувствовав запах монастырского лимонада, девушка едва удержалась от слез радости – она окончательно поняла, что вернулась. Настоятельница убрала руку, не дав ей сделать и трех маленьких глотков:

– Алина, не спеши. Твой желудок не работал несколько дней, ты на внутривенном питании. Как ощущения?

– Все нормально, – ответила девушка, – вряд ли от лимонада будет вред.

– Три глотка, не больше, – предупредила настоятельница и поднесла стакан.

Лина попыталась схитрить – сделать последний глоток титаническим, но тщетно, с Мюллером подобные шутки не проходили. Отобрав стакан, она строго произнесла:

– Все, с тебя пока хватит.

– Сколько я здесь лежу? – поинтересовалась Лина.

– С того момента, как ты выбралась из старого шурфа, прошло двенадцать дней.

– Ничего не помню! – удивилась девушка. – Я была в коме?

– К счастью, нет, хотя поначалу медики подозревали повреждение мозга. Первый лечащий врач в этом даже не сомневался. Надо сказать, этот мужчина был одним из лучших врачей Ордена, к его мнению прислушивались. Правда, он недолго тобою занимался, вскоре вынужден был отказаться от такой работы по весьма уважительной причине.

– Вы допустили в Монастырь мужчину? – удивилась Лина.

– Пришлось, – вздохнула настоятельница. – Твое состояние было просто ужасным. Если бы на месте событий не оказался сильный экстрасенс, мы бы тебя не спасли. Ты твердо намеревалась умереть, несколько раз останавливалось сердце и дыхание. Даже реанимацию боялись делать – у тебя были сломаны ребра, при этом повреждено легкое. В общем, намучились с тобой изрядно. Этот профессор так и не понял, каким образом ты дошла до такого жалкого состояния. Поначалу он вообще считал, что твое существование на этом свете – медицинский курьез. Он так и норовил поскорее отправить тебя к патологоанатому на детальное изучение, мечтал об этом до того самого момента, как ты воткнула в него иглу от капельницы, вытащив ее из своей вены.

– О господи!

– Не переживай! – отмахнулась Мюллер. – Глаз ему смогли спасти, а я клятвенно заверила это светило медицины, что мои воспитанницы не страдают от СПИДа или других заразных болезней. Правда, лечить тебя он больше не в состоянии: у него развилась устойчивая фобия по отношению к воспитанницам Монастыря.

– Почему я это сделала?

– Ты внезапно очнулась настолько, что начала буйствовать, твердо намеревалась куда-то идти и кого-то преследовать.

– Ничего не помню! – клятвенно заверила Лина.

– Не бойся, никто тебя не винит, – заверила ее настоятельница. – Правда, с тех пор тебя крепко привязали и хорошо зафиксировали руки.

Хоть они и сломаны, но все же представляют немалую опасность для окружающих.

– Что со мной? – наконец решилась поинтересоваться девушка.

Настоятельница успокаивающе улыбнулась:

– Не беспокойся, все в порядке. Ты не осталась калекой или уродиной.

– Говорите все, – твердо произнесла Лина. – Я выдержу, не испугаюсь.

– Как хочешь, – согласилась Мюллер. – У тебя пневмония и легкое заражение крови. Переломы трех ребер и обеих рук, закрытое повреждение левого легкого. Бедро пробила очень неприятная ржавая железка. Рана от нее крайне грязная, с ней возятся до сих пор, но особой опасности нет, одноногой ты не останешься. Еще одна нехорошая отметина на голени; ты ее сильно запустила, оттуда пошло заражение, но все уже позади.

– У меня не было медикаментов и времени заниматься этой раной, – пояснила Лина.

– Ясно, – кивнула настоятельница. – Было еще несколько свежих ран на спине и плечах, но особой опасности они не представляли. Умереть ты норовила главным образом из-за потери крови и злоупотребления стимуляторами, вызвавшими сильнейшее обезвоживание и токсическое поражение. Врачи клятвенно заверяли, что с таким диагнозом ты давно должна быть в морге.

Чуть помолчав, Лина осторожно спросила:

– Больше ничего?

– Нет, если не считать царапин и ушибов, то все. Наши врачи – лучшие в мире, через несколько месяцев у тебя даже шрамов не останется. Эксперты попросту отказываются верить, но это неоспоримый факт – ты выжила в настоящем аду. Там землю выжгло на полметра вглубь, а у тебя даже волосы целые остались.

– Правда?

– Честное слово. Врач хотел их срезать, но я не позволила.

– Зачем ему это было нужно?

– Алина, они у тебя в грязную мочалку превратились, слиплись в один комок, смешавшись с глиной. Вымыть их до конца так и не удалось, твои волосы похожи сейчас на длинную щетину.

– Понятно, – улыбнулась девушка, – а я-то думаю, почему так сильно голова чешется. Как там, в тайге?

– Не беспокойся, все нормально. Бомбежка основательно выжгла всю долину; отдельных ракшасов, не успевших до нее добраться, уже наверняка повылавливали с помощью боевых экстрасенсов и астрального разведчика.

– А почему так долго? – горько спросила Лина. – Ведь они без всяких

помех собирались там несколько дней?

– Так получилось. Астрал был сильно возмущен, нашим спецам было нечего там делать. А кроме того, абсолютно все было против нас. Ты даже не представляешь, как настойчиво мы тебя искали. Но без толку, тебе не везло абсолютно во всем.

Лина нерешительно произнесла:

– А врачи ничего не нашли во мне странного, необычного?

Настоятельница покачала головой:

– Алина, в эти дни ты довольно часто бредила. В эти моменты я старалась не подпускать к тебе врачей, чтобы не трепали языками. Мне частично понятны твои опасения, но не переживай, сила умирающих ракшасов ничем тебе не навредила, скорее наоборот – без нее ты бы не выжила.

Чуть помедлив, Мюллер добавила:

– Твои глаза поменяли цвет. Теперь они не карие, а серые. Но такое может произойти от шока или стресса. Других странностей нет.

– Вы много слышали?

– Вполне достаточно, – заверила настоятельница.

– Тот демон, которого я преследовала, – что с ним?

– Исчез. Скорее всего, он вернулся в свой мир, иначе мы бы нашли камень Истинного Мира.

– Мне смутно вспоминается, что я была слепа, но смогла его ранить ножом.

Настоятельница отрицательно покачала головой:

– Нет. У тебя просто была покрыта глиной вся голова и основательно забит рот. Если бы не открытый нос, ты бы неизбежно задохнулась. А ранен был не демон, а наш рыцарь. Ты лихо пробила ему боевой костюм, все эксперты теперь ломают головы, размышляя, как подобное могло произойти, ведь не всякая пуля на такое способна.

– Я же не знала, думала, что это враг.

– Ничего, – успокоила ее настоятельница. – Он не умрет, хотя вначале ему пришлось тяжело. Чтобы снять с него хитин, пришлось воспользоваться дисковой пилой. Зато теперь о нас пошли новые легенды: весь Орден говорит только о том, что наши воспитанницы с переломанными руками могут разорвать в клочья любого спецназовца.

– Правую руку я сломала при этом ударе – кость не выдержала нагрузки, – призналась Лина. – По крайней мере мне так кажется.

– Это уже не принципиально, – отмахнулась настоятельница.

– Мне, наверное, надо написать отчет?

– Не стоит с этим торопиться. Время есть, постарайся хорошо продумать, что говорить, а о чем умалчивать.

– Вы призываете меня к искажению информации? – удивилась Лина.

– Именно так, – кивнула настоятельница. – Более того, я тебе это приказываю. Сведения о сотрудничестве Ордена с демонами и то, что ты подверглась воздействию неизвестного артефакта, надо скрыть в любом случае.

– А Орден действительно сот…

– Да, – быстро перебила настоятельница.

– Но как же так?! – вскрикнула Лина и не сдержала стона: тело отреагировало на усилие предупреждающей болью.

– Успокойся, тебе нельзя сейчас волноваться. У нас еще будет время для разговоров.

– Значит, демон мне не лгал, – горько констатировала Лина.

– Малышка, даже если это и так, он наверняка говорил тебе не всю правду.

– Не знаю, но он спас меня от смерти.

– Об этом тоже не стоит упоминать в своем отчете, – предупредила настоятельница.

– Вы думаете, в Ордене поверят, что я в неглубоком шурфе уцелела при ковровой бомбардировке, не заработав при этом даже разрыва барабанных перепонок?

– Они сейчас просто вынуждены будут поверить во что угодно, – уверенно заявила Мюллер. – Ты поставила на уши всю организацию. Магистры единодушно согласны, что твой подвиг достоин рыцарского звания, но грызутся из-за разногласий по поводу алмазного меча. Награждать высшей наградой Ордена одновременно с получением рыцарства – таких прецедентов еще не было. Так что, я думаю, твою историю они проглотят, даже не поморщившись. Не стоит лишний раз их озадачивать, ты сейчас героиня с высоким статусом и соответствующими привилегиями.

– Хорошо, – согласилась Лина, – я попробую. Но выйдет не слишком правдоподобно.

– Сойдет и так, – отмахнулась настоятельница и усмехнулась: – Алина, с такими наградами за тебя теперь передерутся все боевые группы. Они будут счастливы видеть тебя в своих рядах. Рада?

Девушка помолчала, потом с ноткой удивления произнесла:

– Даже не знаю! Странно, еще недавно я бы умерла от радости при этих словах, а сейчас все попросту безразлично. В этой тайге я лишилась

части себя и не могу быть прежней.

– Вот и хорошо, что твое детство закончилось. Нам с тобой надо начинать работать по-настоящему.

– Что это значит? – не поняла девушка.

– Алина, отдавать тебя в простую боевую группу – это все равно что посылать танк на войну между муравейниками. Такого издевательства я не потерплю. По отношению к тебе у меня давно зреют вполне определенные планы.

– Какие?

– Мы еще об этом поговорим. Грядут времена перемен, наша борьба выходит на новый виток. Люди, которых невозможно сломить, очень необходимы Ордену.

В кармане настоятельницы запиликал телефон. Недовольно поморщившись, она вынула трубку:

– Слушаю! Хорошо, пусть подождет в кабинете. Что? Хорошо, я сама выйду.

Посмотрев на Лину, Мюллер произнесла:

– Отдыхай. Тебе надо набираться сил.

– А вы придете еще? – с надеждой спросила девушка.

– Ну конечно же, – усмехнулась настоятельница и чуть не вскрикнула: – Совсем забыла! Алина, у тебя нашелся отец!

– Странно! Мне говорили, что я полная сирота.

– Я тоже так считала. Но вышло иначе. Он довольно настойчиво ищет встречи с тобой. Если хочешь, я это организую.

– Не знаю, – с сомнением произнесла Лина. – Может быть, позже? Я в любом случае не хочу, чтобы он меня увидел в окружении всех этих трубок.

– Хорошо, – кивнула настоятельница. – Выздоравливай побыстрее. Я постараюсь устроить тебе небольшой отпуск, ведь ты так и не увидела большой мир.

– Почему? Я была в нем почти два дня, пока не попала в тайгу.

– Просто колоссальный срок! – насмешливо произнесла настоятельница. – И что ты за это время запомнила?

Девушка сокрушенно замолчала, она даже не представляла, что сказать. Уставившись в потолок, Лина устало прошептала:

– Там было очень плохое мороженое. В Монастыре намного лучше.

– Понятно, – произнесла настоятельница и встала со стула. – Спи, мне надо идти. Мы и так говорили слишком долго, тебе нельзя сейчас напрягаться.

– Скажите только одно, почему нет фотографии на стене? – сонным голосом, уже закрывая глаза, спросила Лина.

Покачав головой, настоятельница улыбнулась:

– Легенда должна оставаться легендой.

Последнее слово девушка уже не услышала, она уснула крепким здоровым сном.

Настоятельница прошла в калитку, предупредительно распахнутую мрачным Матвеем. За воротами стоял огромный темный джип. Прислонившись к его капоту, Чапай читал толстую, явно несерьезную газету. Поперек титульного листа тянулась сногсшибательная фраза: «Мой муж энергетический вампир!» Остальные заголовки были ничем не лучше.

– Ты почему в кабинет отказался пройти? – поинтересовалась Мюллер.

– Боюсь, – признался диктатор. – Ходят жутковатые слухи, что мужчину в вашей богадельне могут изнасиловать прямо на плацу. Я в принципе не против, но всему есть свой предел – тут же целая орда воспитанниц.

– Понятно. Странную ты выбрал газету, – усмехнулась настоятельница. – Раньше ты предпочитал более интеллектуальную литературу.

– Да это я у водителя конфисковал. Кстати, довольно неплохая газетенка. Представляешь, здесь открытым текстом пишут, что ангелы покарали сатанистов. На Пресне одна из их церквей официально открыла свой храм, не обращая внимания на возмущение православной общественности. И что ты думаешь? Месяца не прошло, как она взорвалась. Природный газ скопился в карстовой полости под фундаментом, а затем воспламенился от короткого замыкания в кабеле правительственной связи. От здания не осталось почти ничего, при этом окружающие дома не пострадали. Н-да, без ангелов там точно не обошлось, лопни моя задница.

Недоверчиво хмыкнув, настоятельница уверенно заявила:

– Что-то мне подсказывает – эти ангелы работают в нашей боевой группе.

– Мир погубят скептики, – констатировал Чапай и, пошелестев газетой, добавил: – Вот, послушай свежие новости из космоса. В Южной Якутии потерпел аварию инопланетный космический корабль, прилетевший со звезды Бернадара. Военные пытаются скрыть этот инцидент, они не остановились перед варварским уничтожением нескольких деревень, стараясь избавиться от свидетелей. Официальная

позиция властей – падение метеорита. На место событий намеревается выехать группа уфологов – люди должны знать истину.

– Метеорит завезли? – поинтересовалась настоятельница.

– Только этого мне еще не хватало, – заявил Чапай. – Я не нанялся всяким шарлатанам булыжники таскать, таким темпом сам не заметишь, как начнешь задницу подставлять. Ничего, уверен, до сентября к месту событий они так и не доберутся, им наверняка ангелы помешают, а там и снег ляжет. В следующем году, после паводка, следов будет немного, к тому времени, может, и метеорит подвезут.

– Ты чего ко мне приперся? – спросила настоятельница.

– Хотел тебя поблагодарить.

– Да? Ну начинай.

Посмотрев в глаза женщине, Чапай серьезно произнес:

– Спасибо, что вовремя остановила меня. В этом случае девочка ни за что бы не выжила. Ты, как всегда, оказалась права. Я так и не понял, как ей вообще удалось уцелеть?

– Простое чудо.

– Бывает. Как она?

– Только что первый раз пришла в себя. Хотела ей пломбир принести, но врачи говорят, что нельзя. Кожа и кости остались, но она девочка очень упрямая, быстро встанет на ноги. С ней все будет хорошо. Как там Клещ?

– А что с этим клоуном станется? Уже пытается волочиться за медсестрами. Всем охотно рассказывает, что Граф предсказал ему триппер, причем случиться эта неприятность должна в течение месяца. Времени осталось не так много, приходится торопиться.

– А ты как?

– Пока не знаю. Сейчас решают, стоит ли мне досиживать срок, или можно помиловать. Скорее всего, вернусь в кутузку.

– Уверен?

– Почти наверняка. За время своей диктатуры я принял несколько непопулярных решений. Но ни о чем не жалею, так было надо.

– Понятно. Ладно, прощай. Мне надо на новую группу воспитанниц посмотреть, их только что привезли. Из-за Алины и тебя встречу пропустила.

Опустив глаза, Чапай произнес:

– Нельма, будь уверена, я по-прежнему твой должник.

Понимающе кивнув, настоятельница развернулась и направилась к приоткрытой калитке.

Восемь девочек стояли шеренгой, испуганно глядя на Кобру. Инструктор, заложив руки за спину, ходила из конца в конец перед их неровным строем, при этом она не умолкала ни на мгновение:

– Вы думаете, что вам будут помогать старшие воспитанницы? Сразу забудьте об этой чепухе. Все их помыслы направлены только на то, чтобы лишний раз вас вздрючить. Вы для них даже не люди, вы просто младшие, или зародыши. Если вы думаете, что я очень злая, то могу заверить – это мнение глубоко ошибочно. Не верите? Ничего, это вы быстро здесь поймете. Спешу обрадовать – вам крупно повезло! В ближайшее время Ветрова не сможет лично заниматься вашим воспитанием. Молитесь богу, чтобы она о вас окончательно позабыла. Эта хладнокровная стерва только что вернулась из Якутии, в одиночку прикончив там целую орду демонов. Прибыв сюда, она на радостях приступила к воспитанию подрастающего поколения и несколько переусердствовала – била младших так, что сломала о них обе руки. Сейчас валяется в госпитале, рвет и мечет. Лечащему врачу от злости глаз вырвала. Не верите? Что молчите? Неужели оглохли?

– Никак нет! – нестройно ответили дети.

– Если вы так настоятельнице будете отвечать, то лучше сразу вешайтесь. Веревки вам Матвей выдаст, они у него хорошие, не раз испытанные в деле. Вы даже не представляете себе, куда попали, так что не думайте, я вас вовсе не запугиваю. Наоборот, ласковее меня здесь никого не найти. Не верите?

Кобра покосилась в окно, зловеще усмехнулась:

– Сейчас поверите. Сюда как раз направляется наша настоятельница. Можете уссыкаться сразу, чтобы потом не отвлекаться. И не стесняйтесь, при виде ее даже львы в зоопарке не стыдясь делают лужу. Смир-рна!!!

Настоятельница раскрыла дверь, подошла к трясущимся девочкам, медленно обвела их своим знаменитым взглядом голодной анаконды и рявкнула:

– Да кто посмел прислать сюда таких костлявых уродин?! Дураку ясно – столько законченных кретинок очень нелегко собрать в одном месте! Такого позора эти стены еще не видели! Что, инфузории, не обмочились?! Готовьтесь, у вас еще все впереди!..

---

notes

Примечания

1

Курумники – каменные осыпи, преимущественно из крупных глыб, северная форма рельефа.

2

ПНВ – прибор ночного видения.

3

GPS-приемник – навигационное устройство, ориентируется по сигналам специальных спутников.

4

Таймень– северная хищная рыба семейства лососевых.

5

ЗАС – засекреченная аппаратура связи.

6

Мэйдэй – международный сигнал бедствия, речевой аналог телеграфного SOS.

7

ВАП – выливной авиационный прибор.

8

Лабаз – маленький склад, размещаемый на дереве, специально предохраняемый от зверей с помощью различных хитростей.

9

Интрузив ультраосновных пород – геологический термин, обозначающий магматические горные породы.